

Романчик А.В.

Автор иллюстрации

Дмитрий Кабицкий (Lancelot201)

В тени леса 2. Цена жизни

Annotation

Из-за нелепой случайности Катя оказывается в мире, откуда сбежала ее тётя. Девушке предстоит самой повторить путь Ульяны и попытаться выбраться из ловушки.

Марис не успела спрятать дочерей, когда ночью за ними пришли. Женщину ударили кулаком в лицо, а детей грубо вытащили на улицу, где собралась жаждущая крови толпа.

В голове у Марис шумело от боли, но царапая ногтями обледеневшую землю, она поползла следом за кричащими от страха дочерьми.

— Пощадите! Прошу! — взмолилась Марис, хватаясь за одежды палачей. — Они ни в чём не виноваты! Судите меня! — она кинулась в ноги седому и худощавому мужчине, возглавлявшему толпу. — Судите меня! Прошу! Накажите меня!

— Пошла прочь, потаскуха! И до тебя очередь дойдёт! — оттолкнул несчастную фанатик и взял за голубые волосы старшую девочку. — Посмотрите, люди, на это отродье! Посмотрите на цвет её волос! На её спину! Взгляните, в кого невинное дитя превратилось! — он порвал серое платье и показал всем зачатки ветвистых крыльев. — Этот ублюдок рождён от злого духа! Чтобы искупить вину перед богами, мы должны избавиться от этой мерзости!

— Сжечь их!!! — закричали вокруг.

— Мамочка! — устремилась к матери младшая дочь, но её подхватили поперёк талии и понесли в сторону разложенного перед домом костра.

— Сжечь отродье! Сжечь! — визжала толпа.

— Нет! Пожалуйста! Люди! Судите меня! — подбегала то к одному соседу, то к другому Марис, но они встречали её равнодушием и презрением. Друзья, знакомые, все отвернулись от неё. Никто не желал им помочь.

— Сегодня свершится правосудие! — фанатик продемонстрировал людям факел. — Мы изгоним зло из нашего города с помощью очищающего огня!

— Нет! — мать бросилась на палача с кулаками, но напоролась животом на пику загородившего ей дорогу стражника.

— Поделом, — сплюнул на землю служитель закона без капли сострадания.

— Мамочка!!! — заплакала младшая девочка, но мертвая мать уже не слышала криков дочери.

Через толпу с помощью клюки и локтя протолкнулась старая ведунья, облаченная в белое холщовое платье. Старуха осмотрела сборище ошарашенным взглядом и громко заорала:

— Не смейте их трогать! Духи отомстят за гибель этих детей! Они не принадлежат вам! Отдайте их лесу!

— Ты сама признала, что они порожденье злых духов! — торжествующе воскликнул фанатик, размахивая факелом. — Так избавимся же от скверны!

— Лесные духи отомстят... отомстят... что вы творите?! — ведунья упала на землю, выронив клюку. — Вы всех нас погубите, глупцы!

— Поджигай!

Вскоре обеих девочек поглотило пламя и заглушило их крики. Люди отворачивались и зажимали уши, но не вмешивались.

— Духи отомстят, — повторяла старая ведунья, не поднимаясь с земли и неотрывно глядя на пожираемых огнём детей. — Отомстят... глупцы...

Сразу после её слов из леса раздался громогласный рёв, заставивший горожан

испуганно повернуться к темнеющим вдали деревьям. В каждом присутствующем он поселил страх перед сверхъестественными силами.

После того как из леса раздался пугающий скрип деревьев, взгляды людей обратились к фанатику, ответственному за показательную казнь. Он же с посеревшим лицом вглядывался в темноту. Его смелость и вера в безнаказанность объяснялись просто: зимой все духи спали. И считалось, что ничто не могло их разбудить...

— Не бойтесь, люди, злые силы не тронут вас! — фанатично закричал палач. — Скверна уничтожена! Боги защитят нас! Ни один дух не пройдет в город!

Снова заскрипели ветки, а среди листвы засветилось множество разноцветных светлячков, жужжащих подобно разозлённому улью ядовитых насекомых.

Из чёрных светляков сформировалась крылатая мужская фигура. Не обращая внимания на перепуганных людей, дух направился прямоком к костру. Люди в ужасе наблюдали за тем, как рушились магические щиты на его пути.

— Сгинь, нечисть!!! — завизжал фанатик в попытке остановить лесного духа.

То были его последние слова, прежде чем он упал на землю переломанной куклой, а дух приблизился и рухнул на колени перед пепелищем. Не боясь обжечь руки, он вытащил из костра обгоревшие и скрюченные детские тела.

— Что теперь будет? — спросила старую ведунью ближайшая к ней горожанка.

— Теперь мы все умрём...

Лицо духа исказилось от боли и ненависти. Обнимая мёртвых детей, он поднялся, и в тот же миг над городом взвился до небес огонь...

Триста лет спустя

Деревню Резцы с момента основания называли проклятой, что, впрочем, не мешало ей быть самой густонаселённой в Эфере. Не обращая внимания на жуткую славу, селяне работали, строили дома, сеяли поля, растили детей и не собирались никуда переезжать.

Шестьдесят лет назад на месте деревни догнивали развалины некогда прекрасного города. Но всё изменилось, когда ночью в заброшенную местность пришёл колдун. Он привёл за собой множество людей из разорённых войной деревень, приказал снести развалины и построить на их месте жилые дома.

Суеверные люди настолько сильно боялись могущественного колдуна, что позабыли о страхе перед духами. Народ верил, что он пришёл из потустороннего мира. Только у него во всей округе были голубые глаза, считавшиеся меткой нечисти. Подкреплялась вера ещё и тем, что он ни капли не постарел за шестьдесят лет. Сменялись старосты и поколения, а колдун оставался прежним, словно время над ним не властно.

Сразу после строительства деревни колдун заключил договор с лесом, из-за которого Резцы и прозвали проклятой деревней.

С появлением договора селян от любой беды и невзгоды защищали невидимые и страшные силы леса — хранители. Но у всего имелась своя цена...

Ночную тишину разорвал испуганный женский крик:

— Разбойники!

Живший на окраине деревни возле дороги колдун Пётр Иванович со вздохом сожаления закрыл большую книгу. Громкие крики раздражали и мешали ему сосредоточиться, но он не покинул тёплое убежище навстречу глупцам, решившим, что у них со смертью уговор.

Хотя это было первое за девять спокойных лет нападение, Пётр Иванович считал, что лучше дождаться действий хранителя. Он подошёл к печи погреть страдающую от долгого сидения и ноющей боли спину, а заодно посмотрел в окно на мерцающие огни факелов и отблески оружия стремительно приближавшихся к деревне бандитов.

— Уходите, пока целы! — закричал третий по счёту староста деревни Екимир, бесстрашно преградивший дорогу разбойникам. — Здесь вас ждёт только смерть!

Но ответом ему были глумливый смех и оскорбления.

Пётр Иванович покачал головой. Кого Екимир пытался образумить? Глупцов и лентяев, обделённых умом и живущих за счёт разбоя. Когда они поймут, что угроза старосты не просто слова, будет слишком поздно. Но наивный селянин ещё несколько раз попытался предотвратить беду. Однако его убеждения не имели никакого результата — разбойники считали посмевшегося выступить против них деревенщину безумцем.

На улице раздался первый истошный крик, оборвавшийся булькающим хрипом. Пётр Иванович закрыл глаза и зажал уши. За долгие годы жизни к смерти он так и не привык.

Пётр Иванович мысленно перебирал имена самых кровавых хранителей, которые могли сменить прошлым вечером доброго синего Жахо. Вывод напрашивался неутешительный.

«Только бы не он. Только не он» — повторял про себя Пётр Иванович, боясь даже в мыслях назвать жестокого духа по имени.

Когда последний крик оборвался, в дом колдуна без приглашения и стука вошёл поникший Екимир, принося с собой запах дыма и крови. Пятидесятилетний староста, казалось, за одно мгновение постарел на несколько десятилетий.

— У тебя ещё остался сбитень, Пётр? — прошептал Екимир, присаживаясь напротив колдуна и проводя рукой по светлой бороде.

Без единого слова Пётр Иванович отыскал припрятанную в покосившемся от времени буфете бутылку и поставил на стол, затем разлил по глиняным кружкам тёмный травяной напиток. Староста пил долго и много, но колдун его не торопил — он видел, как тряслись у односельчанина руки и какой чудовищный ужас застыл в карих глазах.

— Тридцать душ! — наконец воскликнул Екимир и вытер с дряблой щеки слёзы. — Тридцать! И среди них... совсем юнцы... дети!

— Либо мы, либо они, — с едва заметным русским акцентом отозвался Пётр Иванович, прихлебывая сбитня.

— Как ты можешь быть настолько равнодушным?!

Пётр Иванович тяжело вздохнул. Напившись сбитня Екимир, словно забывал о том, что говорили они на эту тему не впервые. С грустью вспоминался предшественник Екимира — его дед Дамир — хороший был мужик, толковый и умный. Говорил он мало, проблемы решал быстро и не ныл подобно внуку. И к огорчению Петра Ивановича Дамир слишком рано помер.

— Чего я должен жалеть мерзавцев?! — снова заговорил колдун, заметив, что Екимир ждал от него ответа. — Не я к ним в дом ворвался, а они пришли на мою землю! Мне неважна судьба какого-то отребья! Они получили по заслугам!

— Как я матерям в глаза буду смотреть, когда приду за их детьми?! — отчаянно произнёс селянин.

— Как всегда смотрел, так и сейчас посмотришь, да и кто будет жалеть дурных, да больных? — буркнул Пётр Иванович, считавший, что кровавый обмен шёл жителям на пользу. Не надо было содержать неприспособленных к жизни нахлебников.

Староста приуныл и повесил голову.

— Я устал от смерти... надо разорвать договор...

— Молчи, старый дурень! — стукнул по столу колдун, едва не опрокинув кружку со сбитнем. — Нас всех не поубивали только благодаря договору! Нас охраняют, а наши поля дают урожай даже в лютый мороз, пока мы платим! Думаешь, лесные хранители по доброте душевной нам помогают? Как только мы разорвём договор, весь урожай погибнет! И что ты скажешь односельчанам, когда им нечем будет кормить семью?! А если снова нападут, кто нам поможет?! Кто защитит?!

— Нам могут помочь из города...

— Ты что, дурная твоя башка, мелешь?! Люди из города пальцем не пошевелят ради нас! Они сами мечтают всех нас сгноить!

— Я не могу-у-у так! — залился пьяными слезами староста. — Не могу-у-у детей на убой отдавать! Что ж ты мне душу-у-у рвёшь, нелюдь?!

— Ах ж ты, старый трусливый пень! Тьфу!

Колдун оставил Екимира добивать сбитень, а сам отправился на разведку. На пороге колдуна ждали пятеро светловолосых крепких мужчин — помощники старосты. Без лишних слов они последовали за Петром Ивановичем на место событий, отдав ему один из горящих факелов.

Колдун прикрыл лицо краем воротника и поднял повыше факел, чтобы рассмотреть поляну и то, что осталось от разбойников. Казалось, что людей пропустили через огромную мясорубку. Несколько помощников вытошнило от жуткого зрелища и удушливого запаха крови. Будь Пётр Иванович моложе лет на сорок, то его бы постигла та же участь, что и односельчан, но он равнодушно осматривал побоище.

— Чёрный Эфо, — мрачно прошептал колдун, узнавая кровавый почерк. Самые худшие предчувствия сбылись. — Плохо, очень плохо.

Каждый год у деревни менялся хранитель. Пётр Иванович бы предпочёл кого угодно, даже стерпел бы вредного Дахота, но только не злобного Эфо. С ним ещё ни разу не удалось договориться. Миротлюбивые хранители обычно не убивали, а пугали разбойников, пока те не разбежались в разные стороны, но Эфо всегда жестоко и кроваво расправлялся с людьми.

— Сожгите их останки, — приказал Пётр Иванович помощникам. — Уцелевшее добро очистите от крови и продайте. И предупредите всех в деревне, что в этот год нашим хранителем стал чёрный Эфо.

— Чёрный Эфо? — с ужасом переглянулись односельчане.

— Готовить подношение? — шёпотом спросил ближайший селянин.

— Готовьте, откупиться от Эфо не получится.

Когда деревенские ушли исполнять указания, землю под ногами Петра Ивановича покрыл чёрный туман, расплзаясь по округе, словно щупальца гигантского спрута.

— У нас есть три дня, чтобы подготовиться, — напомнил колдун хранителю, когда без видимой причины потух факел.

Из центра тумана раздался тихий смех.

Едва в небе появились первые солнечные лучи, в деревне не осталось человека, не знавшего о ночном нападении. Постепенно к дому Екимира стеклись люди со всех уголков деревни.

Селяне стояли непривычно мрачные и молчаливые. Бабы выли и плакали. Мужчины угрюмо хмурились. Все взгляды обращены на колдуна, стоявшего рядом с мучившимся похмельем старостой.

— Что с подношением? — подозвал к себе помощника Пётр Иванович.

— Девочек дурных да больных столько, сколько пальцев на руке, — вышел вперёд селянин.

— Значит, ещё двух не хватает, — нахохлился Пётр Иванович. Всё складывалось хуже, чем он думал. И почему разбойники не напали, хотя бы неделю назад, когда деревню охранял Жахо?

— Тогда надо договориться с соседними деревнями, пускай своих дурных отдадут, — вмешался вмиг отрезвевший староста.

— Ещё ночью сходили, спросили... — проямлил помощник.

— Да кто ж детей-то на съедение духам отдаст?... — жалобно простонал женский голос в толпе.

Селяне напряжённо смотрели на Петра Ивановича, как на единственный шанс к спасению. Они прекрасно понимали, что означало нехватка двух девушек. Тянуть жребий никому не хотелось, а поэтому все ждали решения самого мудрого и страшного человека в деревне — колдуна.

— У нас есть три дня, — громко сказал Екимир, не дождавшись ответа от

задумавшегося Петра Ивановича. — Отведите избранных в храм и подготовьте их к жертвоприношению.

Деревенские жители разошлись, с опаской перешёптываясь, а староста отвёл колдуна в свою хату и только там осмелился спросить:

— Что нам делать? Ладно, дурных и больных в лес отводили, народ сильно не роптал, но если и здоровых отдавать, то...

— Я найду выход, — перебил его Пётр Ивановича.

— Может, откупимся? — дёрнул себя за бороду Екимир. — Белокрылая Лафо была к нам милосердна — она забрала только одного хлопца... Да и Жахо вместо крови с радостью принимал в дар цветные ткани...

— Разве тебе не сказали, что в этот год наш хранитель — чёрный Эфо?

— Богиня милосердия, защити! — схватился за голову староста, побледнев от ужаса. — Это нам наказание богов за сделку с духами...

— Поздно богов поминаешь, старый пень! — шикнул на него Пётр. — Где твои боги были, когда у прадеда твоего половину семьи перебили?

— И что нам делать?!

— С Эфо я сам разберусь. Если потребуется, соберемся всей деревней, чтобы рабыню на рынке купить.

— Да где ж нам столько богатства взять? — выпучил глаза Екимир. — Мы не сможем и на одну кривую девку собрать...

— Замолчи, старое чучело! — махнул рукой на ноющего старосту Пётр. — Займись лучше делом!

К вечеру нашли девушку, ослепшую от неизвестной болезни. Незавидную участь она приняла стойко и не сопротивлялась, когда её отвели в храм. Мать девушки так громко кричала и плакала, что её слышали в соседней деревне...

Оставалась ещё одна.

Колдуну и самому не хотелось брать грех на душу, обрывать полную силы и здоровья жизнь. Но надо было как-то избежать жеребьёвки и недовольства селян. Необходимо искать чужачку, на гибель которой люди закроют глаза и отвернутся, пойдя на сговор с совестью.

Утром второго дня Пётр Иванович отправился в небольшой город под названием Захне, взяв у старосты тяглого ящера и телегу. Стражники, дежурившие возле ворот крепостной стены, сразу шарахнулись от колдуна, словно с чудищем повстречались.

— Мне нужен работороговец Вотор, — громко произнёс Пётр Иванович, обращаясь к трясущемуся стражнику, которого вытолкнули вперёд его же товарищи.

Запинаясь и глотая окончания, стражник рассказал, где найти работороговца. Не обращая внимания на злые разговоры за спиной, Пётр Иванович кивнул и приказал ящера двигаться.

Проезжая мимо грушевидных домов, колдун поморщился от запаха. Пётр Иванович не любил пахнувший человеческой жизнедеятельностью и нечистотами Захне, называя его «каменным страшилищем» и «каменным уродцем».

Словно нечто почувствовавший, толстый и большой работороговец вышел встречать деревенского колдуна на пороге своего магазина.

— Я старею, а ты смотри, всё молодеешь и молодеешь! — добродушно воскликнул Вотор, поправив широкополую шляпу на лысой голове.

— Я за долгом, Вотор, — спрыгнул на землю Пётр, чтобы привязать ящера.

— О, проходи-проходи, мой старый друг. Тебе как? Деньгами возвращать? Или может,

желаешь по хозяйству чего подобрать? Есть поварихи, прачки...

Они вошли в большой магазин, где вдоль стены стояли клетки с невольниками. Вотор расплывался в любезностях, расспрашивал, как поживают деревенские жители, какой предвидится урожай. Пётр Иванович сдержанно отвечал, дожидаясь, когда Вотор прекратит играть вежливого хозяина и перейдёт к делу.

— Скажи мне, Вотор, — перебил работорговца Пётр Иванович, когда через полчаса болтологии у него кончилось терпение, — разве Захне в военном положении? Откуда на нашей земле взялись саласцы?

— Да это залетные оборванцы! — довольно улыбнулся работорговец. — Я рад, что их духи порвали. Поделом.

Пётр Иванович не разделял веселость Вотор и проклинал односельчан за чрезмерную болтливость. Раз Вотор знал о том, что случилось с разбойниками, значит, знал весь Захне.

— И кто же такой умный к нам их послал?

— Мой господин, — охотно поделился торговец, ненавидящий всеми фибрами души своего начальника, — он нарочно пустил слух, что вы сидите на несметных богатствах и прикрываетесь проклятием, которого на самом деле не существует.

Пётр Иванович грубо выругался на родном языке, обещая господину Вотора устроить «тёплую» встречу с хранителем Эфо.

— Вы говорите по-русски?! Помогите мне, пожалуйста! — внезапно взмолилась одна из подготовленных на продажу девушек. — Позвоните моей маме! Пожалуйста! Моя семья богата! Вам заплатят!

У колдуна едва глаза из орбит не выскочили. Ему показалось, что он ослышался, но девушка повторила мольбу на его родном языке. Она назвалась Катей. Да и выглядела она для здешних мест непривычно: рыжая, зеленоглазая и бледная...

— Не хочешь взять её? — оживился работорговец, услышав мольбу пленницы.

— Иностранка? — стараясь скрыть интерес, спросил Пётр Иванович.

— Дикарка, — ответил Вотор и едва заметно поморщился, когда вздорная девчонка попыталась лягнуть его через прутья.

Пётр Иванович усмехнулся, заметив на лице работорговца свежие царапины, которые последний произвольно почесал. В Захне непокорные женщины не в почете — их мало кто хотел покупать. Будь девушка местной, то её купили бы по низкой цене в бардель. Но рыжую не взял бы даже самый смелый сутенер, если он не хотел потерять клиентов. Любые внешние отличия от кареглазых, загорелых и светловолосых жителей в Захне считали проклятием или болезнью.

— Берёшь её? — напомнил о себе Вотор.

— Что-то много синяков, вы над ней не надругались?

— Обижает, Пётр, парой синяков товар не испортишь, а вот насилием мы не грешим. Да бери её, не думай. Других отдам только с доплатой.

«Жадная скотина, знает, что мне платить нечем», — подумал Пётр Иванович, с болью осознавая, что землячка умрет из-за глупого невезения. Эфо не будет ждать, пока Пётр Иванович найдет ей замену.

— Уговорил, беру, — после небольшой паузы ответил колдун.

— Чтоб ваш лес ею подавился! — пожелал Вотор с ухмылкой.

Деревянную клетку вместе с Катей погрузили на телегу Петра Ивановича, крепко привязывая, чтобы при тряске не свалилась. Во время путешествия в деревню рабыня

удивлённо смотрела по сторонам, словно не могла понять, где оказалась.

— Что это за страна? Где мы находимся? — громко спросила пленница. — Ответьте мне, пожалуйста! Я же слышала, как вы говорили на русском! Куда вы меня везёте?!

Пётр молчал. Он не хотел общаться с пленницей, особенно зная, что её принесут в жертву. Нельзя привязываться. Нельзя тешиться надеждой...

Примерно в получасе от деревни, Пётр заметил, как за телегой весело клубился синий туман.

— Жахо? — спросил колдун, обращаясь к туману.

На козлах рядом с человеком материализовался улыбающийся хранитель. От людского племени его отличало наличие огромных крыльев, похожих на торчащие острые ветви, полностью сапфировые глаза с белым зрачком, синие губы и волосы.

— Тепло сегодня, хорошо, цветами пахнет, — произнёс Жахо и, подставляя солнечным лучам бледное красивое лицо, задорно насплетничал: — Эфо в ярости. Он тебя проклиняет, друг леса.

— За что? — едва не выронил прут колдун. Меньше всего, ему хотелось разгневать мстительного Эфо.

— Не знаю, — продолжал веселиться Жахо.

— Что за маскарад вы устроили?! — воскликнула Катя. — Объясните мне, наконец, что здесь происходит?! Куда вы меня везёте?! — она стукнула кулаком по прутьям клетки, отломав пару щепок.

Жахо повернулся на голос и улыбнулся ещё шире:

— Красивая. Необычная. Эфо зря лютует.

— Чем она ему не нравится?! — возмутился колдун.

— Её волосы похожи на пламя, — тихо ответил Жахо и снова превратился в туман, скрываясь в высокой траве.

Пётр Иванович изумленно обернулся на пленницу. Он как-то и подумать не мог, что Эфо разозлится из-за цвета её волос. По каким-то причинам дух ненавидел огонь и всё, что его напоминало.

Обычно чёрный Эфо — нелюдимый хранитель — он следил за полями, отгонял вредителей и хищников от деревни, оберегал от нападений. Подобно другим хранителям по окончании года принимал в дар часть урожая или домашних животных. Но безвредным он был в мирное время.

Впервые обнажил жестокую суть Эфо сорок шесть лет назад, когда группа горожан из Захне решила поджечь лес. Люди хотели с помощью огня и катапульты избавиться от тёмных сил, не позволяющих безнаказанно браконьерствовать. Поджигателям не повезло — они разъярили Эфо. Он подвесил их над катапультой и поджарил живьём, а затем оставил людей мучительно умирать от страшных ожогов. Несчастных из милосердия добил другой хранитель. После ужасной демонстрации силы, больше никто не пытался воевать с лесом, а об Эфо заговорили со страхом.

— Колдун вернулся! Колдун вернулся с дурной! — отвлёт от раздумий Петра Ивановича крик подростка.

Вскоре телегу окружили деревенские жители во главе со старостой. Люди рассматривали Катю как чудо невиданное.

— Девку в храм к остальным! — распорядился довольный Екимир.

Глядя на пленницу, никто не усомнился, что она подходит. Селяне искренне верили,

что рыжих волос у здорового человека не бывало.

Пётр Иванович грустно провожал взглядом уводимую под конвоем Катю. Но ничего не предпринял, чтобы помочь ей, даже когда обнаружил на дне клетки накарябанный номер телефона и мольбу о помощи. В другой мир не позвонишь... одна надежда на то, что смерть девушки будет быстрой и безболезненной...

По дороге домой Пётр Иванович наткнулся на белокрылую Лафо — она возилась с целебными травами в его саду. Длинные белые волосы и платье без помощи ветра вились в воздухе, словно не имели веса.

— Я поражаюсь твоей жестокости, колдун, — произнесла хранительница, кончиками пальцев оживляя засохшие бутоны и листья. — Неужели ты готов принести в жертву Эфо своё дитя?

— Что вы сказали? — напрягся Пётр Иванович, ощущая, как немеют ноги.

— Так ты не знал? — повернула к нему красивое мраморное лицо Лафо. — Девушка с огненными волосами — твой потомок.

— Вы лжёте...

— Пришел твой черед лить кровавые слезы, колдун, — жестко произнесла хранительница, исчезая белой дымкой.

Пётр Иванович без сил опустился на скамейку возле своего дома. С момента как он оказался в ловушке чужого мира, прошло семьдесят лет. За это время колдун ожесточился. Он похоронил душу и человечность в то мгновение, когда понял, что никогда не вернется домой и не сможет умереть. Его сердце осталось на родине вместе с семьей: женой, двоими сыновьями и... рыженькой дочерью.

Пётру Ивановичу вспомнилось давно испытанное счастье и радость. Много лет он тешил себя надеждой, что у жены и детей жизнь сложилась хорошо, но прошлое нагнало его беспощадной ядовитой стрелой.

Будучи проклятым бессмертием, Пётр Иванович не завел новой семьи и ни к кому не привязывался, не хотел хоронить друзей и любимых... И появление потомка показалось ему наказанием за принесенных в жертву лесу детей. И своё дитя Пётр Иванович отдать на съедение лесу оказался не готов. Уж лучше самому лечь на жертвенный алтарь...

Недолго думая, Пётр Иванович направился в деревенский храм, чтобы поговорить с рабыней и проверить слова Лафо.

Храм селяне построили одним из первых неподалёку от широкой тропинки, ведущей в лес. Это было самое большое здание в деревне и служило одновременно и тюрьмой, и храмом.

Пётр Иванович слабо интересовался местной религией и никогда не присутствовал на службах, подтверждая славу безбожника. С приходившим из города старым служителем веры колдун обменивался презрительными плевками вместо приветствия.

В храме было тяжело дышать из-за резкого запаха священного цветка. Лично у Петра Ивановича от едкого аромата чесался нос и слезились глаза. Узнай об этом служитель веры, он бы незамедлительно заявил, что священная сила цветка изгоняла из храма нечестивца. А слово «аллергия» однозначно относилось к тёмной магии.

Одна из пленниц залепетала нечто бессмысленное и непонятное. Колдун не прислушивался к речи безумной и запалил один из светильников, освещая желтизной просторное помещение с кривыми идолами в стенных нишах.

Катя поморщилась и прикрылась рукой от света. Неумело она постаралась скрыть

попытку побега: шпильки в замке.

Пётр Иванович сел неподалеку от притаившейся пленницы и со вздохом заговорил:

— В тысяча девятьсот сорок первом году меня призвали на войну с фашистами.

Слова давались Пётру Ивановичу с большим трудом, приходилось заново вспоминать родную речь. Он говорил медленно и с большими паузами.

— Я хорошо помню, как попал сюда. Как меня, словно котенка, за шкурку вытянули из одного ада в другой. Я был напуган. Я верил, что нахожусь в концлагере, что не доживу до конца войны и что никогда не увижу лица родных. Я помню, как уничтожили мою темницу. Я помню, когда впервые увидел лесного духа. Я думал, что фашисты свели меня с ума и что я вижу демона. Он сказал мне ужасную вещь, что я никогда не умру... и вот уже прошло семьдесят лет, а я все еще живой.

Пётр Иванович повернулся к рыжей пленнице, смотревшей на него так, словно он сошел с ума.

— Меня звали Пётр Иванович Жук. До войны я жил в небольшой деревне под Минском и работал школьным учителем. Был женат на Лизавете Степановне Жук, с которой у меня было трое детей.

Было заметно, как Катя побледнела после его последних слов. У неё бегал взгляд от одного предмета к другому, словно она продумывала план к побегу.

— Хорошо... эм... — осторожно заговорила Катя, видя, что собеседник не собирается продолжать исповедь и ждёт какой-то реакции от неё, — конечно, неожиданно, что вы... воскресли из мертвых...

— Так ты знаешь, кто я? — поднял бровь Пётр Иванович.

— Эм... д-да-а... вы это... мой прадед... которого мы считали мертвым...

— Детей моих как зовут?

На лбу Кати появилась испарина, слегка посинели губы. Она явно боялась ошибиться и отчаянно не хотела отвечать на поставленный вопрос.

— Ну? Как их зовут? Назови всех троих, — потребовал Пётр Иванович.

— Ва... Варвара, — сказала Катя, внимательно следя за поведением колдуна, — Па... Павел и... Станислав...

Пётр Иванович закрыл глаза. Все сомнения сразу отсеялись. Лафо не могла подсказать пленнице имена его детей.

— Вы же выпустите меня, правда? — напомнила о себе Катя.

Пётр Иванович отрицательно покачал головой.

— Бесплезно. На тебе клеймо, которое мне не снять. От духов лесных не сбежать. Попытки побега были и раньше. Даже если я тебя выпущу, то духи настигнут тебя и убьют. Так или иначе, сегодня ты умрешь.

К Кате не сразу вернулась способность говорить после того, как она услышала, что её собираются убить.

— Знаете, моя тетья... эм... могущественная ведьма, — залепетала Катя, почесав затылок. — Вы позвоните ей... и она всех ваших духов разгонит. Знаете, какая она сильная? Вы только сделайте ей звонок, и всё. Она вызовет омовцев и вертолеты. Я вам гарантирую, что вы таких страшных демонов никогда в жизни не видели!

— Я понимаю тебя, ты не веришь и хочешь запутать меня...

Пётр Иванович поднялся, намереваясь выйти из храма.

— Стойте! — закричала пленница. — Я вам правду говорю! Клянусь! Моя тётя — очень

влиятельная женщина! Просто позвоните ей! Господи, пожалуйста! Не оставляйте меня здесь!

Когда Пётр Иванович вышел из помещения, у него так закружилась голова, что пришлось прислониться к стене храма.

Ему не оставили иного выбора...

С наступлением темноты, колдун подготовил единственный на деревню магический фонарь. Топливо для подпитки света стоило дорого, поэтому фонарём пользовались в крайних случаях. Колдун не без оснований считал, что волшебный лес не место для увеселительных прогулок.

В деревне давно погасли огни, когда Пётр Иванович покинул дом и направился к деревьям-гигантам. Было так темно, что пропади свет, Петру Ивановичу пришлось бы продвигаться на ощупь.

Едва колдун переступил границу леса, как его окутала неестественная тишина.

Кто-то дышал в затылок, но Пётр Иванович шёл только вперёд и не оборачивался. Заставляли напряженно прислушиваться то шлепок по воде, то хруст ветки, то треск костей...

Пётр Иванович сжал в свободной руке защитный талисман. Болотные твари, затягивающие путников в трясины, обычно далеко не заходили, если не были голодны...

Зубастая пасть мелькнула всего на мгновение, но защитный талисман отразил атаку. Существо завывало от боли, откатившись назад. Колдун осветил чудовище фонарём. Болотная тварь, похожая на паука с пастью рыбы-удильщика, трещала сочленениями и готовилась напасть вновь.

Не задумываясь, Пётр Иванович выпустил вперёд руку и остановил сердце монстра в момент прыжка. Огромная туша упала неподалёку от фигуры колдуна и распалась фиолетовыми светляками.

— Я не к тебе пришёл, Дахот! — заорал Пётр Иванович, когда перед ним материализовался фиолетовый дух.

В ответ Пётр Иванович услышал шипение. Дахот приблизился к нему, обнажая в улыбке острые зубы. При свете магического фонаря фиолетовые глаза духа сверкали как огни. Дахот оскалился и щёлкнул челюстью в миллиметре от лица колдуна и снова превратился в тысячи светлячков.

Пётр Иванович выругался и упал на спину, отмахиваясь от насекомых.

— Ты знаешь, колдун, что Эфо ослеплен болью и жаждой мести? — ласково заговорил Дахот, и пара светлячков не больно ударила Пётра Ивановича в лоб. — Он глух к мольбам и слезам людей. За триста лет к нему много раз приходили ревущие от горя родители и молили его о милосердии. Но он всегда без всякой жалости убивал их детей. Он не пощадит твою девчонку и с радостью вырвет её сердце.

— Я всё равно попытаюсь, — упрямо поднялся с земли колдун. — Пусть возьмет мою жизнь!

— Не ходи к Эфо, колдун, а лучше заключи сделку со мной. Я могу помочь тебе обмануть его, — дорогу осветили сотни фиолетовых светлячков, — но ты должен сделать то, что я тебе скажу.

— И какую цену ты назначишь за свою помощь? — нерешительно остановился возле освещенной дороги Пётр Иванович.

— Не спрашивай меня о цене, если ты не хочешь спасти девчонку. Решайся. Или иди

домой и жди, когда тебе принесут её мертвой. Кроме меня ни один хранитель тебе не поможет. Только я могу потягаться с Эфо.

Пётр Иванович обернулся назад, услышав барабанную дробь... Терять было нечего.

— Говори, что я должен делать...

Прежде чем начать приготовления, девушек напоили дурманом. И даже Катя не сопротивлялась, когда деревенские её переодевали в платье и причёсывали, вплетая в волосы живые цветы.

«Мне всё снится» — думала Катя, когда пленниц как телят на верёвке повели в сторону мрачного леса.

Сами селяне вздрагивали от каждого шороха, всматривались в темноту и со страхом оглядывались на клубившийся следом туман. Чем глубже они входили в лес, тем явственнее становился шёпот, а деревья всё больше походили на кривых чудовищ из страшных сказок.

Перепуганные люди привязали пленниц к стволам и оставили их одних. Катя не знала, сколько времени прошло, прежде чем путы сами по себе ослабли. Другие пленницы за исключением слепой постепенно разбредались кто куда.

Слепая с выражением лица смирившегося с судьбой человека села на землю и прислонилась спиной к стволу. Она не дрогнула даже тогда, когда раздался душераздирающий крик первой жертвы.

Катя едва не завывала, у неё подогнулись колени и задрожали руки. Царапая ногтями кору, она полезла на дерево в надежде спрятаться от неизвестного хищника среди ветвей.

На щёку капнуло нечто тёплое и потекло вниз к подбородку. Катя невольно подняла взгляд и... сорвалась вниз. По бокам пришли в движение ветки и корни деревьев, приковывая девушку к стволу дерева и не давая ей пошевелиться.

Вниз спустилось крылатое существо, держащее в когтистой руке ещё бьющееся кровоточащее сердце. Постепенно сердце исчезло, словно его всосало в руку чудовища. У существа были определённно мужская фигура и человеческое лицо, разукрашенное в полоску чёрно-белыми красками. У Кати язык не поворачивался назвать его человеком. Люди не вызывали столь всепоглощающий ужас.

Поигрывая окровавленными когтями, словно перебирало невидимые чётки, существо приблизилось к пленнице.

— Нет, — прошептала Катя, не в силах унять дрожь.

Когти вонзились прямо в её сердце, и последнее, что успело заметить затухающее сознание это стоящую за спиной чудовища перепуганную...

— Мама...

Когда Пётр Иванович по дороге из фиолетовых светляков пришел к месту жертвоприношения, Катя была уже мертва. Обнимая её мертвое тело, надрывалась от крика перепачканная в крови блондинка. Вокруг метались две тени — они так быстро двигались, что их невозможно было рассмотреть. От вспышек магии слепило глаза.

— Видишь, на земле лежит сердце? — шепнул Дахот, указывая когтистым пальцем в нужном направлении. — Когда я скажу, быстро подними его и вложи в грудную клетку девчонки.

— Что будешь делать ты?

— Увидишь... Давай!

Пётр Иванович рванулся к сердцу, пока две тени обменивались вспышками магии и ломали деревья.

— Кто вы такой?! — успела выговорить заплаканная блондинка, когда колдун оттолкнул её подальше и с усилием вложил сердце в разорванную грудную клетку мертвой.

В тот же момент появился Дахот. В его руке судорожно трепыхалась чёрная ветка. Дух воткнул ветку острым концом прямо в сердце Кати. К ужасу Петра Ивановича и перепуганной блондинки, в грудную клетку девушки втягивало одну из теней. Она сопротивлялась, когтями и крыльям вспарывала землю, но в конечном итоге ее всю всосало в тело Кати.

Через мгновение девушка судорожно вздохнула и открыла... абсолютно чёрные глаза.

— Катенька... доченька... — заплакала еще сильнее блондинка, подползая к очнувшейся дочке.

Из спины Кати в сторону блондинки устремилось чёрное щупальце. И оно бы пронзило ее, если бы несчастную мать не заслонила собой вторая тень. Ею оказалась черноволосая женщина. Щупальце разворотило ей плечо и шею, но смертельное ранение не помешало ей послать мощный заряд электричества в сторону противника. Катя не своим голосом взревела от боли и потеряла сознание.

— Уля-я-я!

— Назад! — силой подняла блондинку с земли брюнетка, зажимая страшную рану.

Обе женщины исчезли, но в последний момент Пётр Иванович сумел заметить то, кем являлась брюнетка и по коже у него прошли мурашки...

На первом этаже деревянного дома Петра Ивановича состоялся разговор духа и колдуна, пока раненная Катя мирно спала на втором этаже в окружении аромата целебных трав и зелий.

— Теперь ты скажешь, чем я должен заплатить за сделку с тобой? — глухо спросил Пётр Иванович, после того как опустела вторая бутылка со сбитнем.

— Начну с того, что мы не убиваем всех людей, приносимых в жертву, — отвечал слегка захмелевший дух, поднося глиняную кружку к огню свечи. — Здоровых мы используем для иных целей, а потом отпускаем. Но твоя девчонка... У Эфо был приказ её убить.

— За что?!..

Дахот встряхнул фиолетовые волосы и опустошил кружку.

— За то, какую силу могла обрести после обряда.

— Разве это преступление?!

— Пойми, ненависть к людям среди хранителей достигла такого накала, что мало осталось тех, кто слышит волю леса.

Дахот налил себе еще одну кружку и потушил свечку. В темноте остались светиться его глаза и крылья.

— Помоги девчонке исцелить Эфо — такова цена за мою помощь.

— Это невозможно...

— Я не говорил, что будет просто. Пока у девчонки очень сильная тяга к жизни, она будет его постепенно исцелять, но... Эфо старше, опытнее и злее — он может легко её отравить своей ненавистью.

— Как же защититься от него?! — потер виски Пётр Иванович. — Как ты предлагаешь мне бороться с древним обозленным духом?! Разве он будет спокойно сидеть и ничего не

делать?!

— Сейчас он спит, и пробудится только в том случае, если девчонке будет угрожать опасность. Поэтому мы с тобой должны оберегать её, пока она будет вытягивать из Эфо скверну. Ни в коем случае не разрывай сделку со мной, иначе она умрет, а Эфо окажется на свободе раньше времени.

— Можно готовить гроб...

— Не будь пессимистом. На нашей стороне Лафо — она сумеет сдержать агрессивно настроенных хранителей и не допустить их к нам.

Перед тем как дух исчез, Пётр Иванович остановил его вопросом:

— Дахот, а кем была та женщина, которая сражалась с Эфо? Она та, о ком я думаю?

— Да... это она...

Некоторое время спустя...

Катя потянулась в постели и открыла глаза. На пуховой подушке среди локонов рыжих волос сидело пушистое желтое насекомое с четырьмя тонкими крылышками и голубыми глазками-пуговками.

— Какая очаровашка! — с умилением отреагировала на маленького гостя девушка.

Насекомое с тихим жужжанием взлетело. И пока Катя с восторгом следила за его медленным полетом, в комнату вошел Пётр Иванович. Следом раздался беспощадный хлопок.

— Паразиты кусачие, — брезгливо стряхнул с ладони «очаровашку» Пётр Иванович и повернулся к Кате: — Чего ты? Заболела?

Катя недовольно смотрела на тридцатилетнего жилистого мужчину в чёрном балахоне и никак не могла принять тот факт, что этот невеселый человек её родственник. Катя считала Петра Ивановича циничным сектантом с расстройством личности. Да и сомнительна адекватность человека, утверждающего, что ему почти сто лет и что он колдун. И это не самое странное. Пётр Иванович искреннее верил, что Катя его правнучка...

— Встала не с той ноги, — поднялась Катя с кровати, беря с кривой тумбочки самодельный костяной гребень.

— Я собираюсь ехать в город и хочу, чтобы ты поехала со мной, иначе мне придется спрятать тебя в подвале.

— Чего сразу в подвале? — опешила Катя, едва не сломав застрявший в волосах гребень.

— Чтобы мои односельчане тебе ничего плохого не сделали, — пояснил Пётр Иванович. — Они люди тёмные, глупые. Подвала моего опасаются.

— Что, снова в жертву лесу хотят меня принести? Или задобрить кровью чокнутое божество?

— Нет, побьют как ведьму.

— Вы можете сказать им, что я не ведьма! — возмутилась Катя.

Взгляд мужчины красноречиво говорил, что он солидарен с односельчанами.

— Это потому что я рыжая?!

— Сова не родит сокола, а такого ж чорта, как сама, — буркнул Пётр Иванович, выходя из комнаты и хлопая дверью так сильно, что у кривой тумбочки надломилась ножка и она медленно, словно раздумывая, упала на пол.

— Су-у-упер! — скрестила на груди руки Катя.

Всё вокруг было таким старым, что любое прикосновение могло послужить причиной поломки. Двери падали, тумбочки падали, столы падали, стулья падали, буфеты падали и даже окна падали. Пол проваливался и периодически пищал. Крыша да стены держались из последних сил. На почерневшем от времени потолке скопилось столько паутины, что Кате потребовалось полдня, чтобы смести её дедовским веником из хвороста. Потом оказалось, что Пётр Иванович разводил какую-то волшебную разновидность пауков и продавал шелковую нить. Пришлось соскрести паутину с веника.

Катя выглянула в мутное окно, где по двору вместо курочек бегали жирные двулапые коричневые ящерицы. На некотором отдалении виднелись добротные грушевидные домики,

слепленные из мелкого щебня и клейкого вещества, добываемого из слюны жирных ящериц.

Во всей деревне Петр Иванович был единственным человеком, который жил в деревянном доме и пользовался деревянными вещами. Односельчане использовали любой другой материал, кроме дерева. На Катин вопрос: «Почему?» Пётр Иванович глубокомысленно посмотрел в сторону леса, соседствовавшего с деревней, и ответил:

— Лесных духов боятся.

Шутил он или серьезно говорил, Катя до конца не разобрала, но окончательно уверилась, что в деревне жили сектанты, считавшие лес божеством.

Катя спустилась вниз и села за стол на кухне, где с потолка свисали пучки трав, а у стены на столе томилась грязная посуда. Некогда белая печка местами почернела, пожелтела и заплесневела.

«Убраться бы», — посмотрела на столбики грязной посуды Катя, подперев кулачком подбородок. Пётр Иванович на любое предложение о помощи в уборке говорил: «Не лезь, я сам». В итоге по «я сам» дом продолжал обрастать грязью.

Катя взяла несвежую тряпочку, поплевала на неё и потерла древнее пятно чая на поверхности стола.

Тем временем Петр Иванович проверял всё ли взял в дорогу — он бегал с первого этажа на второй и обратно, длинным балахоном собирал годовую пыль со столов, подоконников и полок.

— Может, помочь? — лениво спросила Катя, откладывая безуспешные попытки оттереть пятно и убирая рыжие волосы назад.

Пётр Иванович резко остановился и посмотрел на правнучку, словно впервые её увидел. Колкий взгляд его голубых глаз едва заметно потеплел.

— Не надо, я сам.

Катя вздохнула. Пётр Иванович настолько сильно привык жить один, что даже обычная перестановка книг могла его дезориентировать.

— Варенька, — после многочисленных проверок содержимого сумок заговорил Пётр Иванович.

— Катя я...

— Катенька, — не смутился Пётр Иванович тем, что правнучку именем дочери назвал. В моменты волнения он часто путался, — пожалуйста, запомни, ни в коем случае от меня не отходи.

— Я же не маленькая... мне двадцать...

— Не перебивай меня. Платок не снимай. В глаза никому не смотри. Не смейся. Не показывай ни жестом, ни словом, что ты понимаешь их язык. Поняла?

— Да, — сконфужено ответила Катя, почесав макушку.

Знание местного языка пришло к ней сразу после дня жертвоприношения, словно пережитый ужас пробудил резервные силы её мозга. Но говорить пока не получалось, нелепо и непонятно звучали чужие слова.

— Ты не дома. Тут ты — говорящий веник, — продолжал Пётр Иванович.

— Такое трудно забыть, — проворчала правнучка.

— Ты точно уверена, что хочешь со мной в город? — ходил из стороны в сторону Пётр Иванович.

— Вы сами сказали, что для ваших односельчан я — ведьма и что они могут меня побить.

— Проклятое наследие... — он остановился возле окна и оперся на подоконник с трупиками «очаровашек». — Может, ты все-таки пересидишь в подвале?

Катя обиженно скривилась. Никаких колдовских сил в себе она не ощущала и не до конца верила, что ими владел Пётр Иванович — он никогда не колдовал при ней.

— Нет! Я иду с вами! — топнула ногой Катя, пряча рыжие волосы под платок. — И вообще, почему, когда меня принесли в жертву лесу, мне не помогла моя, типа, сила? Я даже из деревянной клетки не смогла выбраться!

— Учиться владеть силой надо, — сказал Пётр Иванович, — раз не хочешь в подвале сидеть, тогда поторопись, нам надо управиться до заката солнца.

— Что будет, если не успеем?

— Придется отбиваться от хищников.

Катя поежилась, вспоминая тех страхолюдин, что водились в округе. Пока она видела их силуэты через окно, но и этого хватило, чтобы отбить желание с ними встречаться ночью.

— Идем, — поторопил Пётр Иванович, беря ветхую сумку и закидывая ее за спину.

Он вышел из дома, забил дверь самодельным молотком, запер хлипкую калитку и пошел по песчаной дороге, слегка наклонившись вперед и заложив руки за спину. Подражая ему, Катя скрестила руки за спиной и засеменила следом.

При виде Петра Ивановича и его правнучки деревенские жители пугливо ускоряли шаг.

— Вы будете меня учить владеть силой? — спросила Катя, наблюдая, как сельчане выглядывали в щелочки окон.

— Что сам знаю, тому научу, — ответил Пётр Иванович, глядя только вперед.

— Круто! Может, вы знаете, как заряжать электрические приборы? Например, телефоны?

Пётр Иванович едва не споткнулся. Только через пару минут он смог вспомнить, что именно Катя называла «телефоном»:

— Ты про тот красный кирпич с ушами?

— Это мобильный телефон, а не кирпич с ушами!

— Толк тебе от него какой?

— В нём игры есть.

Петр Иванович снова споткнулся, недоумевая какие игры могут быть с телефоном. Как мячик его подбрасывать?

— У вас тут скука смертная! — пожаловалась Катя, не дождавшись ответа. — Никто со мной, кроме вас не разговаривает! Даже телевизора нет!

— Читай книги.

— Я только и делаю, что читаю и в грядках ваших колупаюсь. Меня скоро все фиолетовые помидоры будут знать в лицо.

— Мне в твои годы не было скучно...

— Так вы ж старый как мамонт! Вы революцию помните!.. Ой, простите. Но выглядите прикольно для своего возраста.

— Ты на русском разговариваешь или на китайском? — беззлобно проворчал Пётр Иванович.

— Это потому что вы много лет не были на родине! У нас там всё поменялось! А здесь... деревня! И город ваш... большая деревня! — Катя пнула камушек и сразу ойкнула от боли: лапоть порвался.

— Надо тебе новые платье и лапти купить, — перевел разговор на животрепещущую

тему Пётр Иванович, со вздохом глянув на безразмерный мешок, в который была облачена правнучка.

— Вы так печально это сказали, словно у вас денег нет, — подозрительно произнесла Катя.

— Вот лесные травы продам, будут деньги, — неуверенно ответил Пётр Иванович.

— И много? — допытывалась правнучка.

— На платье, лапти и книги должно хватить.

Некоторое время они шли молча. Катя вертела головой. Дальше сотни метров от деревни она еще ни разу не отходила. Засеянные поля сменились цветущими лугами. Вместо маков, васильков и ромашек на поле росли цветы похожие на бархатно-чёрные орхидеи, одиноко тянулся к свету красный подсолнух. Впечатленная Катя хотела потрогать пышную «орхидею», но Пётр остановил её криком:

— Ничего не трогай без моего разрешения! Откуда ты знаешь, что это за цветок?! Он ядовитый! Без рук захотела остаться?!

— Теперь знаю, — нахмурилась Катя. — Не надо кричать.

— Ты же не маленький ребёнок! Должна соображать!

— Этого не делай, этого не трогай, — передразнила его ворчливый тон Катя, — хоть что-то можно делать? Или только нельзя?

— Научись спрашивать и тогда делай!

— Вот найду перчатки и сплету венки из ядовитых цветов. И на порог подложу тем дуракам, что меня в лес отвели и под деревом оставили!

Пётр Иванович остановился и погладил девушку по плечу узловатой рукой.

— Нельзя обижаться на невежество людей — они тёмные и дикие — они боятся.

— Из-за этих людей, мне хищник едва сердце не выдрал! Они даже не здороваются... козлы...

Пётр Иванович укоризненно покачал головой и снова зашагал вперед, слегка наклонившись вперед.

Ближе к городу с высокими каменными стенами, Катя едва плелась и обмахивалась похожим на лопух растением, сорванным для неё Петром Ивановичем.

— У вас тут еще не изобрели велосипед или ролики? Хотя бы мороженное или зонтик?

— Варенька, мы близко, — настороженно прошептал Пётр Иванович и, игнорируя её нытье, повторил наставление: — Никому не показывай, что ты понимаешь их язык...

При виде Петра Ивановича, стражника спрятались в будке и больше оттуда не показывались. Горожане тоже не отличались смелостью: делали непонятные жесты, шептали защитные молитвы и старались не смотреть на Петра Ивановича.

— С их фанатичностью, — тихо заговорила Катя, — странно, что они не сожгли вас на костре.

— Не беспокойся, не сожгут, — отвечал Пётр Иванович, настороженно следя за людьми.

— Из-за страха перед вами?

— Они боятся жестокой мести леса, а не меня.

— То есть человеческими жертвоприношениями вы купили себя крутого телохранителя?

— Я тебя не понимаю, хотя вроде бы на одном языке разговариваем, — вздохнул Пётр Иванович, подталкивая правнучку к городским воротам.

— Я хотела сказать, что лес защищает деревню за то, что вы приносите в жертву людей?

— Людей приносят в жертву только тогда, когда на деревню нападают.

— А кто может напасть, кроме хищников?

— Да любой увалень с оружием.

— Тяжко вам тут... все сожрать хотят...

Пётр Иванович едва ступил на каменную дорожку города, как угодил во что-то зеленое с мухами.

— Каменный уродец! — брезгливо поморщился Пётр Иванович, стирая с ботинка кремовую субстанцию.

— Это вы про город или про какое-то животное? — уточнила Катя, рассматривая кривые трех и четырехэтажные домики с узкими улочками, где висели белье, флажки и вывески.

— И про то, и про другое, — спрятал лицо за воротником Пётр Иванович. — Платок не снимай и почаще наверх смотри, особенно следи за открытыми окнами.

— Фу-у-у! О канализации они не слышали?

Пётр Иванович подтолкнул правнучку в спину. Ему явно хотелось поскорее вернуться в родной деревянный домик к фиолетовым помидорам и паукам.

С точки зрения Кати горожане при их виде вели себя потешно: прятались, убегали, кто-то даже на стену залез и через крышу сбежал. Один ящерицей прикрылся и сохнувшим бельем.

— Что ж за чудище этот ваш лес?

— Тебе лучше не знать, — ответил Пётр Иванович, останавливаясь возле двери с вывеской, где красовался криво нарисованный пучок трав.

— Я рисую лучше.

— Помнишь, что я говорил?

Катя с трудом подчинилась и старательно изобразила кроткую овечку. Войдя в помещение, она тайком рассматривала внутреннее убранство магазина. Бесконечные полки, травы, кости, крылышки, лапки, баночки и замаринованные помидоры с «очаровашками». Вместо люстры висел красный кристалл с перьями. Пол был выстлан мозаикой из защитных знаков и посыпан чем-то белым хрустящим.

За каменным прилавком стоял высокий пожилой мужчина с аккуратно подстриженной светлой бородой и выбритой головой. Облачен он был в балахон, как у Петра Ивановича, только красных оттенков и без пыли.

«Целитель» — догадалась Катя по нашивкам на балахоне.

Обмен происходил под кряхтение, злобное сопение и скрежет зубов. Пётр Иванович выложил товар, целитель пересмотрел травы, спрятал их под прилавком и отсчитал положенную сумму. Выходя из магазина вслед за прадедушкой, Катя мельком глянула на цены и едва сдержалась, чтобы не закричать от возмущения.

— Это грабительство! Вы должны потребовать больше денег за травы!

— Больше их никто не купит...

Катя заметила, настолько худым, уставшим и старым выглядел Пётр Иванович, продав с трудом добытые травы. Он выживал в чужом для него мире на грани бедноты и голода. Его все презирали и боялись. Называли жестоким колдуном, безбожником и приспешником злых духов.

— Дедушка, — положила подбородок ему на плечо Катя. — Давайте устроим целителю

тёмную. Попросим лесных духов, чтобы они этого скрягу хорошенько припугнули, и он вам денег отсыпал!

В уголках глаз Петра Ивановича появились морщинки. Он с теплотой посмотрел на правнучку и погладил её по голове:

— Не надо духов. Злые они.

— О, кого я вижу! — раздался приторно сладкий голос на местном хекающим наречии. — Мой старый добрый друг!

Катя сразу его узнала и спряталась за спиной Петра Ивановича.

— Приветствую, Вотор, — посуровел Пётр Иванович, дополнительно прикрывая правнучку рукой.

К ним подошел здоровый лысый толстяк в широкополой шляпе в безразмерных грубых одеждах коричневого цвета.

— Ого, ты приручил эту ржавую ящерицу? Настоящий колдун! — с восторгом произнес толстяк, попытавшись хлопнуть Катю по щеке, но та щелкнула зубами в миллиметре от его толстых пальцев. — А вот кусаться не отучил...

— Чего ты хочешь, Вотор?

— Какой же ты подозрительный, может, я хочу поболтать...

— Не с чёрным колдуном перед домом целителя, — жестко отрезал Пётр Иванович.

Вотор почесал заросшую щеку и алчно посмотрел на Катю.

— Город полон слухами, что лес ржавую ящерицу назад живой вернул, так как колдунью в ней признал.

— И что с того?

— Ты не подумай дурного, я честную сделку тебе предлагаю: продать девчонку за границу, а деньги поделить. За границей баб с даром дорого берут. Нам обоим хватит на много лет вперёд.

— Мести леса не боишься?

— Лесу до нас не добраться, когда мы будем в пустыне и при деньгах. Неужели тебя самого не тошнит от этого места?

— Плохо ты знаешь лес: он тебя пустынной травой задушит.

— Не надо делать из леса бога. В его всемогущество верят только язычники. Ты когда-нибудь видел духов в городе? Я — нет. Мы под защитой богов и целителей.

— Девку не продам.

— Если думаешь, замену себе вырастить, так духов лесных ей не подчинить. И себя погубит и деревеньку вашу, как языческий городок, на костях которого она построена. Помнишь, что с ним случилось? Как духи лесные его сожгли?

Пётр Иванович плотно сжал губы и не ответил.

— Бывай, колдун, мы еще встретимся, — перед уходом поправил широкополоую шляпу Вотор

— Катя, от меня не отходи, — повторил Пётр Иванович, после того как Вотор скрылся из виду.

— Вы думаете, он что-то замышляет?

— Жадность делает людей наглыми и глупыми...

Каким бы осторожным ни был Пётр Иванович, засады он не избежал. Их подкараулили на выходе из города. Пётру Ивановичу не хватило ловкости уклониться от метившей в живот палки. Катя взвизгнула, когда её обхватили за шею и потащили в сторону запряженной

тягловым ящером закрытой телеги.

— Я хотел по-хорошему, но ты меня не послушал, — появился Вотор в компании бандитского вида помощников.

— Не трогай её! — сквозь боль прошипел Пётр Иванович.

Катя впервые увидела, как прадедушка использовал магию: он на расстоянии переломал одному из помощников Вотора руки как кукле. И продолжил бы ломать конечности остальным, если бы толстяк не врезал ему в скулу и не повалил на землю.

— Против меня твое колдунство не поможет, недоучка! — за воротник поднял Петра Ивановича Вотор и ударил его на этот раз в челюсть. — Не думал же, что я не подготовился для встречи с тобой?!

— Ты пожалеешь!

— Огородное пугало! — еще один удар. — Ты просто глупый старик в молодом теле!

— Ты не понимаешь! — прохрипел Пётр Иванович, сплевывая кровь. — Она не принадлежит себе! Лес отомстит!

— Ну, и где твой лес? Где то чудовище, которым ты людей запугиваешь?! Где духи лесные?!

Вотор поздно заметил ужас в голубых глазах Петра Ивановича.

— Чудовище? — раздался спокойный мужской голос.

Горло толстяка обхватил чёрный корень и потянул по земле прямо к ногам Кати. Её зеленые глаза почернели, а зрачок выделала огненная окружность радужки. Потемнели губы, заострились зубы, из спины торчали большие ветвистые острые крылья, на которые был насажан подобно цыпленку человек.

— Пощади! — взмолился Вотор. — Всё отдам! Любого раба приведу! Какую захочешь девку! Только пощади!

Чёрные губы изогнулись, а в следующее мгновение шея толстяка хрустнула. Помощники Вотора бросились врассыпную, но далеко им не дали убежать вытянувшиеся как резина острые крылья.

Опираясь на стену ближайшего дома, Пётр Иванович поднялся на ноги и старался не слушать доносившиеся до него крики, всхлипы и бульканья. И почему он не уговорил Катю пересидеть в подвале... ничего бы не произошло...

— Давно не виделась, колдун, — стряхнул мёртвые тела с крыльев хранитель.

Он взлетел и приземлился возле Петра Ивановича.

— Ну, и как тебе последствия твоих молитв? Нравятся?

Колдун молчал, не в силах смотреть на искаженное чудовищной магией лицо Кати.

— Я помню, ты не любишь смерть. Теперь возле тебя будет мно-о-ого смерти.

В ответ снова молчание.

— Ты можешь передумать. Одно твое слово, и я покину её тело.

Пётру Ивановичу не надо было напоминать о страшной цене, заплаченной им за жизнь правнучки.

— Отпусти меня! — нетерпеливо напомнил хранитель. — И ты больше никогда не увидишь смерть! Тебе никогда больше не потребуется приносить человеческие жертвы лесу!

Пётр Иванович представил, что не услышит ни одного наивного детского вопроса. Некому будет портить грядки, срывать фиолетовые помидоры, переставлять книги и сметать волшебную паутину. Никто не заговорит с ним на родной речи, не назовет его «старым мамонтом», не скажет странные слова: «прикольно», «су-у-упер» и «круто»...

— Она. Будет. Жить.

Чёрные губы искривились, обнажая острые зубы:

— Однажды я утоплю тебя в людской крови, колдун!

Хранитель закрыл глаза, а все вызванные им изменения пропали, возвращая Кате прежний облик. Девушка без сознания упала прямо на Петра Ивановича. Он подхватил её и перенес на телегу, где осторожно уложил на солому.

Тихо зашелестел дождь. Где-то вдали грянул гром, предвещая грозу.

Одежда моментально вымокла, прилипнув к худому жилистому телу Петра Ивановича. Он дрожал и не мог сдвинуться с места.

— Господи... прости меня...

Катя проснулась вечером на скамейке возле растопленной печки. Она осмотрелась и, нахмурившись, протерла веки.

Каждый уголок дома был вымыт до блеска. Пётр Иванович сидел на кухне и надраивал песком посуду под оглушительный гром снаружи. Заметив, что правнучка проснулась, мужчина так встрепнулся, что едва не разбил тарелку.

— Как ты себе чувствуешь? Ничего не болит?

— Вроде нет... — ответила девушка, проведя рукой по лицу. — Что случилось после того, как я потеряла сознание?

— Пришли стражники и спасли нас, — отвечал Пётр Иванович, а сам не знал, куда руки деть и взгляд отводил.

— У вас... лицо распухло.

— Заживет. Первый ли раз морду-то бьют? — засмеялся прадедушка. — Я тут платице, лапки, кисточки и красочки тебе прикупил. Ты же любишь рисовать? Будешь ядовитые цветочки рисовать...

— А книги?

— Э... в это раз без книг... в следующий раз куплю...

— Дедушка...

— Да, Катенька?

— Как вы думаете, мы вернемся когда-нибудь домой?

Пётр Иванович едва заметно вздохнул, присел рядом с правнучкой на стул и погладил её по плечу:

— Да, внученька, вернемся.

Катя отвернулась к стене печки и тихо всхлипнула:

— Спасибо. Вы очень добрый.

Пётр Иванович растерялся. Добрым его назвали впервые за много лет, когда он и сам забыл, что такое доброта.

— Знаешь, Катенька, мы найдем способ припугнуть того целителя, чтобы он больше платил за травы, — слишком весело произнес Пётр Иванович. — Устроим ему...

— Тёмную?

— Да, тёмную. Только... давай без участия духов.

— А как?

— Венок ему ядовитый сплетем и на порог положим.

— И вы не скажите, что этого делать нельзя?

— Не скажу.

Повернувшись, Катя обняла Петра Ивановича, а он неловко ответил:

— Вот увидишь, все будет хорошо...

Сквозь ветви деревьев проникал солнечный свет и отражался на капельках росы. Мир просыпался ото сна. Со всех сторон раздавалась таинственная мелодия леса.

Постель из листьев и мха соблазняла теплотой и уютom. В лесу привыкаешь спать, где и когда угодно. И мох — королевское ложе по сравнению со скалами, где со всех стороны продувало, а от холода немели конечности.

В лесную гармонию ворвался громкий детский смех. Испуганно вспорхнули птицы и дали стрекоча насекомые, спасаясь от голых пяток малышки.

— Я вижу тебя, крылатик!

«Рада» — тепло подумал он, не покидая нагретого убежища и наблюдая, как к нему бежала маленькая девочка. Рада по-детски смешно пыхтела и карабкалась по веткам, стряхивая утреннюю росу себе на светлую голову и на пригревшегося крылатого товарища. Приходилось помогать ей, чтобы она не упала.

— Я хочу как у тебя большие крылья! — девочка дернула за кончик крыла.

— Рада, ты должна оставаться человеком, — страшная когтистая рука коснулась детского лица.

— Я не хочу! Я хочу быть как ты!

— Рада, у тебя есть выбор, которого не было у других. Если станешь такой как я, ты больше никогда не сможешь вернуться к людям.

— Быть человеком скучно, — нахмурила белесые бровки Рада.

— Не скучно, Рада. Ты не будешь привязана к одному месту, как я.

— Лес красивый.

— Лес красивый, — согласился он. — Но знаешь, сколько лесов в нашем мире существует? Сколько красоты ты можешь увидеть? Не смотри на мои крылья. Нет в смерти красоты.

— Я тебя люблю, — улыбнулась девочка. — И крылья твои люблю! Не злой ты! Лгут люди!

— Ты помнишь, что для людей я — секрет? Твоя самая большая тайна, о которой никому-никому нельзя рассказывать.

— Помню!

— Тогда беги к маме.

— А можно я останусь с тобой?

— Нельзя, Рада, — он поцеловал её в макушку. — Тайна должна остаться тайной.

Девочка слезла с дерева и устремилась к зовущей её матери.

Катино пробуждение было трудно назвать приятным. Вместо петухов на улице завывали дурной сиреной коричневые ящерицы вперемешку со скрипом по стеклу, от которого зубы сводило.

— Всех зажарю, — мстительно произнесла Катя и закрыла голову подушкой.

— Катюша, иди кушать! — позвал снизу Пётр Иванович.

Катя спустилась и после сытного завтрака попросила у прадедушки карту.

— Карту? Какую карту?

— У вас же есть карта местности, где мы находимся и в какой стране, — пояснила

Катя. — Или вы не интересовались этим вопросом?

Пётр Иванович нахмурился и покопался в своих вещах, пока не нашел выцветший и потрепанный рулон.

— Тебе не понравится то, что ты увидишь, — сказал прадедушка, раскладывая карту на столе и зажимая её уголки книгами.

— Вы, наверное... шутите? — опешила Катя, едва взглянула на содержание рулона. — Что это?

— Карта мира, — присел за стол Пётр Иванович, положив на сложенные в замок руки подбородок. — Мы находимся в Эфере возле города под названием Захне.

— Вы хотите сказать, что... мы не на Земле? И это не страна в стране как в Гарри Поттере?

— Кто такой Гарри Поттер?

— Ладно, проехали...

Пётр Иванович разглядывал изученную за долгие годы вдоль и поперек карту, как давно смирившийся со своей судьбой человек.

— Допустим, — снова заговорила Катя, чьи батарейки энтузиазма еще работали, — что мы в другом мире. Ну, а порталы? Может, есть какие-то ворота в наш мир?

— Если и есть, то я о них не знаю.

— Почему?! Если я правильно понимаю, то в этом мире есть магия, а значит должны быть порталы!

— В Эфере многие виды магии под запретом по религиозным причинам.

— А в других странах?

— Я не могу покинуть Эфер, Катя.

— Почему? — допытывалась правнучка.

— Меня не выпустит стена, — Пётр Иванович указал на Эфер и костлявым пальцем провел вдоль границы. — Обычные люди её не видят и проходят сквозь неё, но я её не могу преодолеть.

— Вот здесь вы стену не отметили, — заметила девушка небольшой участок.

— Потому что там находится сердце волшебного леса, и я никогда там не был. И помнишь, я говорил тебе, что нам с тобой нельзя соваться в лес?

Катя медленно опустилась на стул.

— Может стена пропала? — не хотела сдаваться правнучка. — И мы сможем через неё пройти? Давайте завтра пойдем на разведку! Как вы на это смотрите?

— У тебя как с математикой? — задал встречный вопрос Пётр Иванович, переводя взгляд с карты на Катю.

— Ну, вроде бы... неплохо.

— А с географией?

— И сколько дней идти до ближайшей границы? — поняла Катя, наконец, к чему вел Пётр Иванович.

— Два месяца.

— Бли-и-ин! А сократить путь? Никак? Поезда? Самолеты? Драконы?

— Нет.

— С духами договориться?

— Не помогут.

Катя уронила голову на стол.

— Вы все перепробовали? Да?

— Я сорок лет пытался отсюда выбраться.

— Но как-то же мы сюда попали, значит есть путь назад.

Пётр Иванович не ответил, скрутил карту и спрятал её обратно.

— Я в огород, — сообщил он, выходя из дома.

Катя некоторое время сидела за столом, следя за порхающими «очаровашками», которые уже не казались ей милыми после парочки болезненных укусов. Сдаваться раньше времени не в её характере, но идеи не торопились фонтанировать и подсказывать, как выбраться из мышеловки.

Прихлопнув настырную «очаровашку», Катя вышла на улицу и сощурилась от яркого солнца.

— Какой чудесный солнечный и... скучный день! — широко улыбнулась Катя и проследила взглядом за проходящими мимо толстыми наглыми и тупыми ящерицами. — М-м-м, — задумчиво протянула она и задорно крикнула: — Дедушка, а можно я побегаю?!

— Можно, только в яму не свались, — разрешил Пётр Иванович из огорода, не подозревая, на что дает разрешение.

— Ну всё-о-о, жирные твари, держитесь! Это вам за испорченное утро! — мстительно потерла ладони Катя и пнула ближайшую ящерицу, словно она была футбольным мячиком.

Ящерица смешно хрюкнула и побежала с товарками... на Катю, щелкая внушительными челюстями.

— А-а-а! Мамочка! — кричала Катя, удирая от настырных ящериц и наматывая круги по деревне.

Дети вслед ей смеялись и кричали:

— Глупая колдунья! Глупая колдунья, кхтулухов испугалась!

Спасаясь от ящериц, Катя запрыгнула на высокий забор, но свалилась на спину тягловому ящеру и напугала его так, что он проломал ворота башкой и понес визжащую девушку в неведомые дали.

— Остановись, тупая скотина!!! — орала Катя.

На крики выбежала половина деревни вместе с Петром Иванович.

— Видать, девка твоя совсем дурненькая, — посочувствовал Екимир Петру Ивановичу.

— За своими дурнями следи, старый пень, — прорычал колдун, размышляя над тем, как неразумную правнучку из беды выручить, чтобы она шею ненароком не сломала.

Все разрешилось само собой: Катю скинули в колючий кустарник неподалеку от почерневших развалин.

— Надо было всё-таки их зажарить, — с кряхтением вылезла из кустов Катя, вытаскивая из мягкого места колючки.

Избавившихся от седока ящер мычал и бил лапой возле границы потрескавшейся земли, на которой стояли развалины. Не прошло и минуты, как испуганное животное побежало назад в деревню.

Продолжая избавляться от колючек, Катя тоже приблизилась к границе, но переступить не рискнула. Она поежилась от наступавшего со всех сторон холода, словно нечто вытягивало из пространства тепло. В этот же момент её настигло видение...

— Катя! — окликнул догнавший правнучку Пётр Иванович.

Она не отозвалась, невидящим взглядом уставившись вперед. Пётр Иванович развернул её к себе и пару раз встряхнул.

— Катя!

— А? Что случилось? — очнулась правнучка.

— Ты не отзывалась!

— Я... видела пожар... Это нормально? У вас тоже бывают видения?

— У тебя не такой дар, как у меня, — сдержанно отвечал Пётр Иванович, мягко направив Катю в сторону деревни. — Пожалуйста, не ходи сюда. Это плохое место.

— Что здесь случилось? — обернулась назад правнучка.

— Говорят, что здесь злой дух совершил свою месть, поэтому на земле ничего не растёт, а животные обходят её стороной.

— За что он мстил?

— Я не знаю всех подробностей этой истории. Знаю только то, что злой дух сжег город вместе со всеми его жителям.

На подходе к деревне, колдуна и его правнучку встречали недовольные селяне. Они страшно ругались и требовали наказания для «дурной девки».

— Хотите наказания для неё? — сурово спросил Пётр Иванович. — Идите в лес и молитесь Эфо!

Стало так тихо, что можно было услышать, как скрипел песок под ногами тревожно переглядывающийся людей. Больше не прозвучало ни одной жалобы. Потупив взгляды, селяне разозлившись восстанавливать разрушения.

— Дедушка...

Опустив голову, Катя стояла и не знала, что сказать. Не находилось достойного оправдания охватившему её ребячеству.

— Я тебе рогатку сделаю, — неожиданно заговорщицким тоном прошептал Пётр Иванович. — Будут орать под окном, стреляй в них из рогатки. Шестьдесят лет мечтаю всех этих орущих тварей в супе сварить.

Катя не удержалась от хихиканья.

За спиной громыхнуло так, словно от взрыва. Землю затрясло как при землетрясении. Небо затянуло тучами неестественного красного цвета.

— Что происходит? — обернулась Катя, когда порывом ветра по лицу хлестнула ветка. — Я никогда не видела такой странной грозы!

Красная молния ударила в... невидимый купол, обозначившийся небольшим всплеском голубой энергии.

— Это и есть та стена, о которой вы говорили?! — воскликнула Катя.

— Уходим! Надо прятаться! — потянул правнучку к дому Пётр Иванович.

В подвале колдун организовал некое подобие бомбоубежища. Пётр Иванович зажег свечу и поставил её на пол, сам уселся на мешки, посадив рядом с собой Катю. От грохота и тряски с потолка посыпался песок.

— Кто атаковал Эфер? — прошептала Катя.

— Наши соседи уже много лет ведут борьбу с очень могущественной лесной ведьмой.

— И кто побеждает?

— Ведьма...

— И что будет, если она победит?

Пётр Иванович промолчал и только крепче обнял правнучку за плечи.

— У неё не получится пробить барьер Эфера. Никому не под силу разрушить барьер, созданный отцом морского леса. Мы в безопасности.

Кате показалось, что в голосе дедушки прозвучало сомнение. И непонятно было, кого он пытался убедить себя или внучку?

Крылатые существа лежали на ветвях над глубоким лесным озером и грелись на солнце, когда к краю обрыва подошла молодая женщина в белоснежных одеждах и с цветами в золотистых волосах.

— О, смотри! Самоубийца! — весело прозвучал в тишине голос старого друга и учителя Захима.

— С чего ты взял, что она самоубийца? — лениво разглядывал девушку ученик.

— Ты на взгляд обрати внимание. Она умирать пришла.

— Глупо.

— Как и любые поступки людей. Их жизнь коротка, а они еще и оборвать её пытаются. Но как же хороша девка! Ты только глянь, как складно она сложена! Её бы на мох завалить, да губки её пухлые распробовать! М-м-м!

Тем временем молодая женщина обвязывала шею веревкой, привязывая тяжелый камень на другой конец. Сомнений не осталось в намерениях несчастной покончить с жизнью. Она заплакала и посмотрела на пробившиеся сквозь ветви деревьев лучи солнца. Решимость её не покинула и, взяв в руки камень, женщина прыгнула в воду.

— Мир твоей душе, дитя, — вздохнул Захим и равнодушно перевернулся на другой бок. Старый товарищ никогда не жалел людей, особенно если с его точки зрения они поступали глупо.

Но ученику... не хотелось наблюдать за бессмысленной смертью. И в следующий миг молодой хранитель прыгнул в воду. Он нашел утопленницу почти на дне озера и, помогая себя мощными взмахами крыльев, устремился вместе с ней на поверхность. Спасенная самоубийца закашлялась на берегу, сплевывая воду.

— Зачем?! — зло закричала она. — Я не просила меня спасти! Нужно мое сердце?! Так забирай, чудище лесное!

— Не передумаешь? — с сарказмом спросил хранитель. — Я ведь могу не пожелать его возвращать назад.

— Не передумаю!

Он с силой подтянул её к себе и крепко поцеловал в губы. Карие глаза не состоявшейся утопленницы испуганно расширились.

— Теперь твоё сердце моё, — игриво усмехнулся хранитель.

Она оттолкнула его и, спотыкаясь, умчалась прочь.

— Ну, и зачем? — подплыл по воздуху Захим.

— Губы распробовал, — облизнулся ученик. — Сладкие. Ягодные... да и в озере слишком хорошая вода, чтобы портить её трупным ядом.

— Ты не подумал о том, что она вернется?

— Ко мне? К злему духу? — расхохотался хранитель.

— Её муж — уродлив и стар, а ты — молод и красив.

— Что ж, посмотрим.

— Для тебя это игра и забава, но для неё всё будет всерьёз, а влюбленная женщина беду принесет, будь осторожен, — предупредил старый хранитель, отплывая назад к веткам и солнечной ванне.

Захим оказался прав. Она вернулась к озеру...

«Рада...»

Катя проснулась вся в слезах. Внутри крутило и сжималось. Она никогда в жизни не испытывала настолько сильной и чудовищной боли. Душу пожирала всепоглощающая слепая ненависть.

«Люди убили её...»

Приступ прошел так же внезапно, как и начался. Наличие голоса в голове Катю здорово напугало. И целебного чая тёти Ульяны под рукой нет, чтобы заглушить голоса.

В её комнату без стука вошел Пётр Иванович. Он нёс поднос полный еды. У Кати сразу заурчало в желудке, едва она ощутила аппетитный запах мяса.

— Мясо? Не помидоры? — прослезилась голодная. — Откуда ж такое счастье свалилось?

— Односельчане поделились кто, чем смог.

— Я не поняла, что-то в лесе сдохло?

— Задабривают колдунью, — без эмоций ответил Пётр Иванович, ставя поднос на кровать. — Просили больше не кататься на ящерах, а то бедная скотина после твоей забавы сдохла.

Катя виновато замерла и пролепетала:

— Ладно, побегать за ящерицами была явно плохая и не очень умная идея.

— Рад, что ты это осознаешь. С тобой Екимир посидит — он неплохо знает наш язык, а я в город схожу... на разведку. Только прошу тебя, не раскурочь мне хату.

В этот раз Катя не переубеждала прадедушку, что она не маленький ребёнок и что ей не нужна нянька. Особенно после того, как доказала обратное.

Хотя нянька из Екимира, мягко говоря, оказалась бестолковая. Несмотря на строгий наказ Петра Ивановича «не пить, а то почки отобью», староста сразу после его ухода едва не поймал белочку.

— Колдунья, заклинать духов! — важно говорил Екимир, обращаясь почему-то к печке, хотя Катя сидела напротив него, поставив подбородок на кулак. — Будешь ты баба-Пётр деревню беречь! Уважать тебя! Бояться! Вот! Чего молчать, колдунья?

— Я тут, — помахала рукой Катя, не имевшая большого опыта общения с пьяными людьми.

Нахмурившись и сощурившись, Екимир повернулся к ней.

— Хотеть духов заклинать?

Катя не ответила, наблюдая как староста, шатаясь, поднимается из-за стола и направляется к выходу.

— Благословенная Лафо, покажись колдунье! — кубарем вывалился из хаты Екимир, да так и остался лежать лицом в траве.

— Мда, а я еще меня дурной считают, — вздохнула Катя. — Да тут целая деревня идиотов.

Откуда-то сверху раздался смех. Катя встрепенулась и задрала голову, но на потолке обнаружили два ярких светлячка: белый и синий. Поверить в то, что смеялись насекомые, Катя оказалась не готова, поэтому списала на разыгравшееся воображение.

С еще одним вздохом Катя вышла из хаты, за ноги с трудом втянула пьяного старосту в дом и взвалила его на скамейку возле печи.

— Проспись, алкаш, — недовольно буркнула она, брезгливо поморщившись от перегара,

доносимого из распахнутого рта Екимира.

— Слабый он человек.

Катя повернулась на голос. За столом сидела незнакомая женщина в белом холщовом платье. Густые светлые волосы незнакомки волнами спускались по спине и покатым плечам. На босой стройной ноге сидел синий светлячок, но женщина, казалось, не замечала насекомого или делала вид, что ей всё равно.

— Только не говорите, что вы и есть Лафо, — скрестила руки на груди Катя. Имя ей казалось смутно знакомым, но она не помнила, где его раньше слышала.

— Почему бы мне не быть ею? — лукаво улыбнулась незнакомка. — Он же просил показаться тебе.

— Он был пьян.

— Нам всё равно, в каком состоянии люди зовут нас. Ответственность за принятые решения и последствия всегда лежат на позвавшем нас человеке.

— Я не верю, что вы дух. Вы его дочка или внучка?

— Ни то и ни другое.

— Постойте... вы говорите на моем языке лучше, чем Пётр Иванович, — уставилась на женщину Катя, озарённая нехорошей догадкой.

— Я не одно из твоих видений, дитя, — еще шире улыбнулась Лафо. — Скоро ты в этом убедишься.

Не успела Катя и слова сказать в ответ, как незнакомка растаяла дымкой.

В этот момент хлопнула входная дверь. На пороге стоял Пётр Иванович и смотрел на спящего Екимира с явным намерением поколотить старосту, как только тот проспится.

— Хата цела и даже ничего не сломалось, — поспешно объявила Катя.

— Я вижу...

— Что слышно в городе?

— Всё по-прежнему, — сказал Пётр Иванович и направился наверх по лестнице.

— Что слышно про войну с ведьмой? — не унималась правнучка, последовав за родственником.

— Война нас не касается.

— Но последний раз нас очень сильно потрянуло. Разве это не значит, что боевые действия проходят... где-то очень близко?

Пётр Иванович замер.

— Дедушка? — уткнулась носом в его спину Катя, не успевшая затормозить.

— Деревня под защитой духов, нам нечего бояться, — через некоторое время ответил Пётр Иванович. И было что-то в его голосе такое, отчего у Кати пробежали мурашки по коже.

Пётр Иванович залез на чердак, закрылся от правнучки и чем-то загремел.

Раздумывая над странным поведением прадедушки, Катя направилась на улицу. Пётр Иванович явно умалчивал о том, что узнал в городе. Видимо, война действительно подобралась очень близко к Эферу...

Катя вышла к высокому и толстому как дуб дереву, растущему неподалеку от забора. Могучие ветви касались крыши дома и закрывали тенью часть дороги. В жаркие дни, Катя любила сидеть на толстой ветке, наслаждаясь прохладой тени от листвы, но сегодня с деревом было что-то не так...

Вверх по стволу текли веселые ручейки света, растекаясь по веткам и игольчатым

листьям. Осторожно приблизившись к дереву, Катя коснулась кончиками пальцев коры. От ствола по её руке потекли ручейки света, даря тепло, энергию и радость. Дерево как будто приветствовало новорожденного в мире красоты и света, но затем Катю накрыло видение...

Толпа людей с новорожденными детьми собралась на поляне, где проводили обряд посвящения божествам солнца и земли. За обрядом следили любопытные хранители, рассевшись на ветвях деревьев.

Захим и его юный друг тоже наблюдали. Но только с одного младенца юный хранитель не сводил тревожного взгляда. Ребёнок надрывался от крика и боли, а он едва подавлял желание броситься в толпу людей и всех разорвать...

— Никогда не понимал людских обрядов, — стоял на ветке рядом с товарищем Захим. — Ну, вот зачем мучить дитя и резать его? Потом некрасивые шрамы останутся. Варвары. А вдруг заразу занесут?..

С каждым новым словом старый хранитель порождал в друге тревогу и беспокойство.

— Что, совсем плохо? — тихо уточнил Захим.

— Почему я не могу забрать её в лес? — спросил юный хранитель. — Это я должен давать ей имя, а не он...

— Ты не заключал сделки с её матерью, поэтому сам виноват в том, что ребёнок имеет право выбора. Надо было следить за тем, что ты делаешь! В любовь решил поиграть с человеком?! Теперь пожинай плоды своего легкомыслия!

— И я должен просто смотреть, как она другого будет называть отцом?

— Именно, — жестко ответил Захим. — Если она выберет людей, то ей ни к чему знать, чья она дочь. И тебе лучше забыть сюда дорогу.

— А если она выберет лес?

— Тогда заберем и откроем правду.

— Но она не будет меня знать!

Захим закатил глаза к небу.

— Будешь отцом, которого ненавидят его дети, подобно мне. Такова участь злых духов. Смирись.

Но юный хранитель не смирился...

«Рада...»

Кому принадлежало это короткое имя? Почему каждое его упоминание приносило боль и муку? Откуда в руках появлялся нестерпимый жар, а в ушах звучал невыносимый крик?

«Я не сумел...»

Когда чья-то невидимая рука коснулась Катиных волос, по всему телу разлилось тепло и облегчение, какое бывает после того, как начинало действовать обезболивающее. Настрадавшись от боли, Катя не смутилась того, что стояла и обнимала дерево, а оно словно обнимало её в ответ ветвями и листьями.

И пока Катя находилась во власти видения, вокруг выросло множество маленьких ростков. Неподалеку стоял Пётр Иванович и, облокотившись на забор, укоризненно качал головой.

— Я что-то сделала не так? — спросила Катя у него.

— Иди, глянь, — только и ответил прадедушка, махнув рукой.

Катя бросилась в огород, ожидая увидеть разорение, но её встретили непроходимые

заросли. Даже самые чахлые растения, на которых уже не оставалось никакой надежды оклемались и вошли в силу.

— Это всё я? — указала на себя Катя.

— Ну, не я же, — усмехнулся Пётр Иванович.

Катя недоверчиво посмотрела на свои ладони. Не разыгрывал ли её прадедушка? Разобраться бы, как управлять магией. Может, она сумеет разгадать загадку, как им вернуться домой...

Каждый день юный хранитель превращался в насекомое и пролезал в дом, где делала первые шаги его маленькое сокровище. Ему говорили, чтобы не вмешивался, но его тянуло к ней. Хотелось часами смотреть на то, как она смешно передвигала пухленькими ножками, как смеялась и как плакала. И тем больше замечать безразличие её приемного отца — городского судьи...

— Мне нужен наследник, — часто говорил судья во время пьянки с приятелями: двумя толстыми богатеями похожими друг на друга, словно родные братья. — А девку продам, кто больше заплатит.

— Что-то девка на тебя совсем не похожа, — замечал один из богатеев. — Ни носом, ни бровями, ни подбородком...

— В мать пошла, — скривился судья и гордо сказал: — Жена у меня красивая.

— Ты следи за ней хорошенько, а то... вдруг чего... да девка и не твоя вовсе.

— Такого быть не может! Я воспитываю жену кулаком! — судья продемонстрировал приятелям тощий кулак. — Чтобы знала, что мужа надо уважать!

«Кхтулух» — презрительно подумал юный хранитель, покидая общества пьяных мужчин и залезая в комнату, где спало маленькое сокровище. Во сне она смешно сжимала кулачок. Не выдержав, он принял истинную форму, извлек девочку из люльки и вместе с ребёнком вылез в окно.

На подходе к лесу его подждал Захим.

— Ну, и что ты делаешь? — спросил товарищ. — Верни девочку назад.

— Она там никому не нужна... но она нужна мне.

— У неё есть мать! — жестко произнес Захим. — Девочка проснется, и будет плакать! А ты понятия не имеешь, что с ней делать! Это тебе не сорняк, который полил, на солнышко поставил, и он сам по себе растёт! За ней нужен уход!

— Я справлюсь!

— Отлично, справляйся! — кивнул Захим и разбудил девочку резким звуком.

Ребёнок заревел так громко, что юный хранитель сразу растерял самоуверенность и беспомощно успокаивал девочку. Захим насмешливо наблюдал за его попытками взять ситуацию под контроль.

— Хорошо! Я верну её назад! — закричал юный хранитель, сдавшись. — Доволен?!

Захим одним прикосновением усыпил малышку и без жалости произнес:

— Будет лучше для неё и для тебя, если она выберет людей.

— Чем же это лучше?!

— Ты не понимаешь?! Стоит людям узнать, чья она дочь и пощады не будет!

— Я сумею её защитить...

«Рада...»

Катя проснулась от сильного землетрясения. Снаружи кричали люди и визжали перепуганные ящерицы. Подбежав к окну, Катя ахнула. Красные молнии с бешеной силой били в купол, в котором уже появилась трещина...

Вскоре атака прекратилась, однако трещина никуда не пропала — она чётко виднелась среди облаков, словно магический пролом в пространстве.

Катя спустилась на улицу и застала Пётра Ивановича смотрящим в небо.

— Ведьма собирается напасть на Эфер? — не услышав ответа, Катя внимательней присмотрелась к трещине. — Дедушка... я, конечно, не параноик, но мне кажется трещина прямо над деревней...

— Жди меня дома, я в город, скоро вернусь, — наконец, заговорил Пётр Иванович и побежал в подвал.

Уходя из дома в город, Пётр Иванович забыл о том, что Кате требовалась нянька...

Еще пару дней назад казалось, что больше не будет штурма лесной ведьмы. В это безмятежное время Пётр Иванович учил Катю разбираться в травах, контролировать магию и правильно стрелять из рогатки.

Никто не подозревал, что лесная ведьма копила силы для новой атаки. Непонятно только какие цели она преследовала и чего хотела от закрытого от всего остального мира Эфера? Что рассчитывала найти на его землях?

С этими мыслями Катя приблизилась к ставшему любимым дереву. Растение отвечало ей взаимностью и сразу потянулось к ней ветвями, словно встречающее хозяина домашнее животное.

Кто-то громко зевнул над головой. Катя со смутным подозрением задрала подбородок, с опаской всматриваясь в крону. Она не сразу заметила среди ветвей крылатое существо с преобладающей фиолетовой расцветкой. Оно дремало, подставив бледное костлявое лицо солнцу и свесив вниз большие ветвистые крылья. Существо перевернулось и приняло более удобную позу.

«Они его не видят?» — обратила внимание Катя, что люди никак не реагируют на присутствие существа. А пару раз несколько человек прошли сквозь его крылья.

Катя вскрикнула, когда оно резко открыло фиолетовые глаза и уставилось на неё.

«Оно меня увидело!» — запаниковала Катя, упав на заднюю точку. А существо что-то подсчитало на пальцах, взлетело и зависло верх-ногами перед Катей. Не зная, что ожидать от монстра, Катя спиной отползала в сторону дома, надеясь, что оно не погонится за ней.

— Бу.

Когда перед её лицом возникло оскаленная морда существа, Катя испуганно заорала и побежала прочь из деревни. Люди шарахнулись от неё, как от пугала.

«Я найду дорогу домой! Найду! Ноги моей больше не будет в это треклятой деревне с кучкой сумасшедших фанатиков!» — решительно направилась вдоль дороги Катя. Но чем сильнее она отдалялась от деревни, тем больше таяла её уверенность в успехе. Куда идти?

Катя застыла, как вкопанная на холмике, и рассматривала бескрайние просторы совершенно незнакомой ей страны с цветущими полями красных закрученных в спирали цветов. Мимо пролетело птица больше похожая на птеродактиля, пискляво чирикнула и была съедена желтым цветком, который еще и громко рыгнул, распахивая жабий рот.

— Это какой-то бред! — потеряла веки Катя. — Чья-то шутка! Просто чья-то дурацкая шутка!

— Хм, я думал, что период отрицания прошёл.

На этот раз фиолетовое существо висело в горизонтальном положении, словно воздух сделан из камня. Оно подставило кулак под подбородок и прищурилось.

— Что надо от меня?!.. — Катя едва не назвала его «уродом», но побоялась обзывать, подозревая о смертоносности его крыльев. — Зачем вы меня преследуете?!

— Присматриваю за одной идиоткой, чтобы её на вилы не подняли, когда она совершит

очередную глупость.

Нечто в его ответе кольнуло память. Катя внимательно присмотрелась к существу. Костлявое телосложение. Острый подбородок и скулы. Фиолетовые волосы торчали во все стороны. Насмешливый снисходительный взгляд. Полные ехидства замечания.

— Дахот? — спросила Катя, узнавая крылатого критикана из книги и своих сновидений.

— Хм, да, — приподнял фиолетовые брови дух.

— Этого не может быть! Этого просто не может быть! Он не настоящий! У меня глюки!

— Я настоящий, — напомнил о себе Дахот.

— Нет! Нет! Я знаю, что вы не существуете! Вы — плод моего воображения!

— Ну, если тебе так удобно, можешь дальше самообманываться. Это даже забавно. Интересно, насколько тебя хватит? Хотя следуя элементарной логике, ты могла прийти к более правильному выводу, чем сваливать всё на галлюцинации.

— Да, точно, у меня шизофрения...

— То, что моё существование не помещается в твоей убогой черепной коробке, еще не значит, что меня нет.

«Как с ним нормально общаться? У него же в каждой фразе издевка!» — обиженно подумала Катя. Оказалось, встретиться с ехидным мужчиной в реальности не так приятно, как читать про него в книгах.

— Не пора ли тебе вернуться назад в деревню?

— Если не вернусь?! — с вызовом спросила Катя из чистого упрямства.

— К вечеру похороним под кустиком твой растерзанный труп. Это достаточно веский аргумент, чтобы ты вернулась в деревню до наступления темноты?

— Мне пора завязывать разговаривать с галлюцинациями, — глубоко вздохнула Катя.

— И запущенный случай истерии заодно подлечить, — не остался в долгу Дахот.

— Вы все такие «милые» и «приветливые»?

— Только с людьми, — оскалился Дахот.

— Точно! Привет, галлюцинации! Вы же разговариваете со мной на русском языке!

— Чучело, ты третий известный нам носитель языка, — отозвался Дахот, повисая в воздухе верх ногами. — А я по натуре полиглот.

— Вам так удобно?

— Помогает думать и разговаривать с идиотами.

«Я при нем больше рта не раскрою!» — сама себе пообещала Катя, скрестив руки на груди.

Во время обратной дороги до деревни, Дахот расслабленно парил рядом, словно плыл по воздуху, как по воде. Мимо девушки проехала повозка. Но едва извозчик увидел Катино лицо, как стеганул ящера так сильно, что животное взвыло от боли и понесло вперёд.

— Сейчас опрокинется, — ехидно заметил Дахот. — Там коряга впереди.

И действительно повозка опрокинулась, отлетели два колеса, что-то с треском и грохотом сломалось. Чудом не пострадавший хозяин поминал «вонючего кхтулуха» и «распутную девку». С криками и проклятиями мужчина ловил перепуганного ящера.

— Детишек твоим именем точно не назовут! — засмеялся Дахот.

— Почему вы его не предупредили о коряге? — нахмурилась Катя.

— Мои услуги не бесплатны, деточка, — снова перевернулся верх-тормашками дух. — Хотя для тебя могу сделать исключение. У тебя есть одно бесплатное желание.

— Сделайте так, чтобы мой телефон заряжался от солнца, — хмыкнула Катя — Слабо?

— Как скучно.

В его руках появился Катин мобильный телефон. Прямо в воздухе мобильник разобрался на запчасти и сложился обратно. Загорелся экран и заработал будильник.

— Готово.

— Бли-и-и-н, я только что упустила возможность вернуться домой! — провела рукой по лицу ошарашенная Катя.

— Ничего страшного, в следующий раз будешь умнее, — «утешил» её Дахот.

Фиолетовый проводник довел Катю до дома и, сладко зевнув, снова расположился на дереве, чтобы продолжить принимать солнечную ванную.

— Что нужно сделать, чтобы вы помогли мне вернуться домой? — осторожно приблизилась к дереву Катя.

Дахот глаза не открыл, но лениво ответил:

— Ничего.

— То есть? Вы починили мой телефон без каких-либо усилий! Неужели вернуть меня и Петра Ивановича домой для вас невозможно?!

— Давай начнем с того, что я и сам не могу покинуть этот мир. Магия перемещения между мирами — это высшая магия, а она подвластна не каждому. Такой ответ тебя устроит?

— Нет. Если не сами, то вы наверняка знаете того, кто может нам помочь.

Дахот открыл глаза и перевел взгляд вверх. Катя тоже машинально посмотрела вверх... на трещину...

— Ведьма...

— Она может, — подтвердил Дахот догадку девушки. — Но не поможет.

— Почему? Разве с ней нельзя договориться?

— Хм... как ты собираешься договариваться с тем, кто объявил людям войну? Она убьет тебя до того, как ты рот откроешь.

— Почему?

— Потому что ты — человек... пока...

— Что значит, пока? — снова нахмурилась Катя.

— Думай, ищи, разгадывай, — усмехнулся Дахот, потянувшись коту подобно. — Или ты думала, я тебе возьму и всё расскажу?

— Ну, вообще-то я на это рассчитывала...

— Хочешь знать больше, плати.

— Эй! Это нечестно!

— Почему? Я уже говорил, что мои услуги не бесплатны. Я — существо корыстное.

— Тогда спрошу у Захима...

— Удачи в поисках, этот старый пенёк последний раз в Эфер заглядывал сотню лет назад.

— Тогда спрошу у его друга... крылатика...

Дахот едва с дерева не свалился.

— У кого?

— Крылатика... друга Захима... его так маленькая девочка по имени Рада называла, — не совсем уверенно произнесла Катя.

— Какая смелая деточка! — развеселился Дахот. — Если хочешь совершить самоубийство, можешь прямо сейчас отправиться в лес и помолиться милашке Эфо. Он

обрадуется свежему человеческому сердцу.

— Крылатик — это Эфо? — нахмурилась Катя. — Но вся деревня... его до обморока боится...

— И не зря боится, — кивнул Дахот. — Он один из самых жестоких и беспощадных хранителей. И он очень не любит вопросы, особенно глупые.

— Ладно... чем надо заплатить вам, чтобы вы ответили на мои «глупые» вопросы?

— Нам платят жертвоприношениями.

— Вы хотите, чтобы я человека для вас убила?! — Катя едва на села на землю.

— Ну, зачем сразу так? Достаточно сердцем животного расплатиться.

Катя пальцем указала на пробежавшую мимо ящерицу.

— Лови сама её, но помни, что одна ящерица — один вопрос, — повернулся к девушке спиной Дахот.

— А помидоры принимаете?

— Не расплатишься, — отозвался хранитель, снова зевая.

Катя не торопилась идти ловить ящериц. Для начала она хотела дождаться прадедушку и расспросить его о фиолетовом визитере.

Пётр Иванович вернулся под вечер в одном из самых мрачных своих настроений.

— Что слышно в городе? — спросила Катя, постукивая пальцами по столу.

— Все хорошо, — ответил Пётр Иванович и растянул губы, да только взгляд бегал от одного предмета к другому.

— А у меня сегодня день приключений! — объявила Катя, поднимаясь и пряча руки за спиной. — За мной увязался фиолетовый мужик с крыльями! Он меня тролит!.. То есть, издевался надо мной.

— Дахот что ли? — ни капли не удивился Пётр Иванович. — Не слушай его. Он злословит из вредности.

— То есть... вы с ним знакомы? — медленно села обратно за стол Катя. — И он не плод моего воображения?

— А ты думала, что спятивший старик вроде меня историю про духов выдумал? — беззлобно уточнил Пётр Иванович.

— Ну-у-у... как бы да, — призналась Катя.

Прадедушка усмехнулся, принялся перевязывать и развешивать на кухне пучки трав.

— Ну, согласитесь, истории про духов звучали очень странно даже для этого мира, — продолжала оправдываться Катя.

— Я ни в чём тебя не виню. Я сам долгое время не мог в них поверить.

— Они... могут принимать человеческий облик?

— Не только человеческий, но и насекомых и животных. Они — мастера иллюзий.

— Почему я их вижу, а другие — нет?

— У тебя есть дар, потому ты их видишь...

— Вы что-то не договариваете... — подозрительно прищурилась Катя.

— Катюша, я не могу ответить на все твои вопросы, потому что не знаю на них ответа, — терпеливо, как бестолковому ребёнку, пояснял прадедушка. — Я не знаю, почему ты видишь духов.

Его ответ несколько не удовлетворил Катю любопытство. Он явно что-то не хотел рассказывать об её способностях. И пока очень умело обходил острые углы и уклонялся от ответа.

— Так что вы слышали в городе? — повторила другой свой вопрос Катя. — Я же вижу, что дела идут плохо. Ведьма объявила войну Эферу? Да?

— Нет.

— Тогда почему она атакует стену?! Вы же что-то знаете!

Пётр Иванович случайно порвал нитку и рассыпал травы по полу.

— Катюш, отстань, пожалуйста... Я очень устал и хочу отдохнуть.

Катя обиженно скрестила руки на груди и вышла во двор. Взгляд зацепил спящего на дереве хранителя...

Завтра ему наловит столько ящериц, что он ими подавится!

Ночью Катю посетил очередной кошмар. Она наблюдала, как под барабанную дробь люди привязывали девушек к деревьям. Хотелось развязать несчастных, предупредить и спасти, но она не имела власти над чужим телом и разумом. Та, в чьем теле оказалась Катя опасности не чувствовала и за всем наблюдала, словно находилась в театре и смотрела спектакль.

Когда люди ушли, появилась чёрная тень. Та самая, которая вырывала людям сердца. И Катя с содроганием ожидала начало кровавой бойни. Под чёрной тенью скрывался уже знакомый ей Эфо, но та другая смотрела на него, затаив дыхание.

«Она в него влюблена?» — уловила чужие эмоции как свои Катя.

Да, любила, безнадежно и безответно. И то, что Катя считала ужасным, той другой казалось прекрасным. Каждое движение хранителя заставляло её сердце замирать от томящей боли и страха перед запретными чувствами к лесному чудовищу.

«Неужели я в матери Рады?» — наблюдала Катя, стараясь не обращать внимания на бушевавшие чувства несчастной влюбленной.

И удивительно, что хранитель не устроил кровавой бойни, а подходил к каждой девушке и запускал руку в их грудные клетки, словно те сделаны из воздуха.

— У тебя есть выбор, — зловеще говорил Эфо, — умереть или дать жизнь. Что ты выбираешь?

— Дать... жизнь... — всхлипывала жертва, прежде чем лишиться чувств от пережитого ужаса.

В момент, когда упала последняя девушка, хранитель направился к затаившейся за деревом зрительнице, наивно надевавшейся, что её присутствие не обнаружат.

— Подсматриваем? — и лукавая улыбка, которая злила и радовала одновременно.

— Я уже испугалась, что вы их убьете, — услышала Катя... свой собственный голос.

— Идем, — он едва не коснулся её плеча, но убрал когтистую руку за спину.

Влюбленная девушка разочаровано поджала губы. Именно прикосновений ей хотелось, а еще сильнее, чтобы хранитель обнял её и прижал к себе.

Они вышли к ручью, где Эфо сполоснул холодной водой лицо и шею.

— Это была иллюзия? — не удержалась от вопроса зрительница. — Ну... когда вы руку...

— Нет, мы обладаем способностью принимать незримую бестелесную форму и вселяться в живых существ, потому нас и называют духами.

— Зачем вам человеческие жертвы? — она присела неподалеку от хранителя. — В чём смысл? Почему не отпустить этих несчастных? Зачем поощрять людей на человеческие жертвоприношения?

— Для нас это вопрос выживания, — положил руку на согнутое колено Эфо. — Нас мало, Катя, а люди пополняют наши ряды молодыми хранителями.

Услышав своё имя, Катя вскрикнула, но её крика никто не услышал. Она по-прежнему оставалась невидимым наблюдателем.

— Завтра состоится выбор хранителей, которые станут отцами, — продолжал Эфо.

Влюбленную подтачивала ревность. Выбор мог пасть на любого. В том числе и на самого Эфо.

— Вам когда-нибудь... говорили, что выбирают... смерть?

Эфо очень быстро оказался возле неё и запустил руку в грудную клетку. От холодного прикосновения его незримых пальцев сердце забилося как пойманная птичка в когтях кота.

— Когда вот так держишь человека за его сердце и смотришь в глаза, — зловеще прошептал Эфо, ловя её взгляд. — И он понимает, что еще мгновение и жизнь оборвется...

О нет, не о смерти думала влюбленная, а о том, чтобы поцеловать склонившегося к ней Эфо. Видимо, он заметил нечто в её глазах, убрал руку и вернулся на прежнее место возле ручья. На его лице отразилось сочувствие и сожаление, но не этого всем существом желала увидеть влюбленная.

— Я... — голос не повиновался ей, и она промычала.

«Я, наверное, кажусь ему глупой и нелепой», — пронеслась паническая мысль.

— А сердца зачем? — всё-таки спросила влюбленная, ощущая, как пылали щеки.

Эфо отвернулся и сделал вид, что ничего не заметил.

— Часто к нам приходят люди с безнадежно больными детьми... сердца нужны, чтобы помочь им излечиться. Жизнь за жизнь. Или ты думала, что мы едим сердца?

— Вообще-то... была такая мысль.

Эфо заразительно рассмеялся.

— Если вы не убиваете, то... откуда берутся сердца?

— Иной раз люди сами нам их приносят. И знаешь, не все хранители поступают так, как я. Если и те, кто убивает всех жертв, охотясь на них как... хищники.

— Это уже какие-то... психи и маньяки...

— Так поступают либо древние хранители, такие как Иро, у которых другие представления о морали, либо хранители-мстители, детей которых убили люди. Убили маленькими. Наша связь с детьми крепче, чем людская. Нам передаются их чувства, иной раз мы слышим их сердцебиение. Особенно страшно, когда убивают первенца, потому что хранитель еще не научился отпускать своё дитя во взрослую жизнь.

— И что происходит, если убивают первенца? — невольно подвинулась к Эфо ближе влюбленная, подавливая желание погладить его по сильной руке.

— Тебя ослепляет ненависть, и злоба мир теряет краски, существует только ты и твоя боль...

— Вы так говорите, как будто сами это пережили...

— Почти пережил. Мать Рады и Деги убили, когда наша старшая дочь начала превращаться. Девочек хотели сжечь на костре. Я до сих пор думаю о том, что мог не успеть вытащить их из огня. В тот момент я хотел сжечь людской городишко дотла. И остановило меня только то, что мой ребёнок плакал от боли...

Кто-то с хохотом упал на Эфо сверху, и ему пришлось прерваться, чтобы поймать нарушителя спокойствия.

— Не люблю, когда он эту историю рассказывает! — услышала Катя тонкий девичий голосок.

— Знакомься, это неутомное, вечно веселое и жизнерадостное существо — Рада — моя старшая дочь, — представил тонкую как тростинка девушку с синими волосами, с синими веснушками и огромными синими глазами на бледном лице. — А это Дега — моя средняя дочь, — указал он на вторую девушку, похожую на человеческое воплощение солнца.

— Она мне нравится! — сразу заявила Рада, беспардонно разглядывая Катю.

— Она так мило покраснела! — поддержала Дега сестру дружным хихиканьем.

Эфо с улыбкой закрыл глаза и беззлобно обозвал дочерей:

— Болтушки...

«Ложь!!!» — голова Кати казалось еще мгновение и взорвется от чужого яростного крика. Она свалилась с кровати, где её вырвало чем-то чёрным и тягучим, похожим на смолу.

«Ложь!!!» — новый приступ боли согнул Катю пополам. Из глаз брызнули слёзы, горло стянула удавка.

— Помогите! — прохрипела Катя, царапая шею и пытаясь разжать железный захват.

Помощь пришла с неожиданной стороны.

— Не двигайся! — приказала материализовавшаяся Лафо.

Хранительница осторожно размотала похожее на змею чёрное щупальце. Освобожденная Катя судорожно вздохнула и отползла подальше от Лафо, крепко держащей извивающегося монстра в руках.

— Что это... за тварь?! — всхлипнула Катя, спиной уткнувшись в деревянную стену.

— То, что вы, люди, называете проявлением злых духов, — хмуро ответила Лафо, заставляя щупальце испариться. — Зачем ты его позвала?

— Что?! — обиженно воскликнула жертва. — Я спала! Я никого не вызывала! Оно напало на меня во сне! Или у вас принято убивать за сновидения?!

Лафо нахмурилась, не комментируя произошедшее.

— Что ему надо от меня?! — не сдавалась Катя.

— Иногда между жертвой и её палачом устанавливается незримая связь.

Не дожидаясь новых вопросов, хранительница растворилась в воздухе дымкой.

Катя с омерзением вспомнила влюбленность, которую испытывала к Эфо во сне:

— Не хватало мне еще превратиться во вторую тётю Олю со стокгольмским синдромом.

Влюбляться в палача по-настоящему в её планы не входило, поэтому значимости глупому сновидению она не придала. Разминая шею и наматывая шарфик, чтобы скрыть от Петра Ивановича отметины, оставленные щупальцем, Катя подошла к окну и посмотрела вниз, где завывали ящерицы. Сетку и веревки она приготовила еще вечером, оставалось только отправиться на охоту и получить ответы на вопросы.

Вся поцарапанная и покусанная, но крайне довольная собой, Катя притащила связанных ящериц к дереву. Дахот лениво свесился и пересчитал трепыхающиеся тушки.

— У тебя девять вопросов, — произнес хранитель, подпирая спиной древесный ствол. — Можешь начинать.

— Кроме ведьмы, кто еще обладает силой перемещения между мирами? — зачитала с бумажки вопрос Катя.

— Пётр Иванович, ты, Эфо и Лафо. Остальные находятся за стеной Эфера — их перечислять я не вижу смысла.

— Почему ведьма атакует стену Эфера?

— Хочет достать одного глупого колдуна и поглотить его силу.

— Петра Ивановича что ли? Ой...

— Да, — беспардонно воспользовался ошибкой Кати Дахот, с удовольствием наблюдая, как она бьет себя по голове кулачком и безмолвно ругается.

Прежде чем задать следующий вопрос, Катя зачеркнула вопрос на бумажке и написала **НОВЫЙ**.

— Лафо поможет нам вернуться домой, если ей заплатить?

— Нет.

— Эфо поможет нам вернуться домой, если ему заплатить?

— Возможно.

— Как преодолеть магическую стену мне и Петру Ивановичу?

— Через сердце леса, — ответил Дахот.

Катя снова задумчиво перечеркнула старый вопрос в угоду новому. Она ходила из стороны в сторону, тщательно размышляя, что хочет узнать у хранителя.

— Как пройти через сердце леса?

— Самому стать духом, — засмеялся Дахот.

— Как стать духом? — дернула себя за прядь Катя.

Дахот еще больше развесился:

— О, тебе «понравится». Надо выбрать духа, который тебе подходит по силе и типу энергии. Вместе с ним вы идете в лес и там проводите специальный обряд, где он вселяется в тебя и изнутри меняет твоё тело... безвозвратно. Потом у вас появляются детки, и вы живите долго и счастливо вместе. У людей это, кажется, браком называется.

Катя скомкала бумажку и положила её в карман.

— У тебя остался последний вопрос, — напомнил Дахот.

— Как защитить Петра Ивановича от ведьмы?

— Попросить о защите Эфо, — пожал плечами хранитель. — И мои ответы подорожали с сегодняшнего дня. Три ящерицы — один глупый вопрос.

— Да вы... — Катя едва сдержалась, чтобы не обозвать его нехорошим словом.

— Бесхозные ящерицы не бесконечны, а диких животных я не принимаю. Удачи в охоте.

Бесполезно Катя ходила по деревне в поисках гуляющих ящериц. Узнав о разговоре колдуньи с духом лесным и, разумеется, перепугавшись, деревенские жители сами переловили животных и закрыли их в погребках и сараях.

— Какую сделку ты заключила с Дахотом? — строго спросил правнучку Пётр Иванович, которому односельчане доложили о Катиной охоте на ящериц.

— Я просто его спрашивала, — буркнула недовольная Катя, садясь за стол. — Кто ж виноват, что его ответы стоят дорого!

— О чем ты его спрашивала?!

— Обо всем! Вы же отвечать мне не хотите!

— И что он тебе сказал?!

— Что ведьма атакует стену из-за вас и что защитить вас может Эфо. Теперь осталось узнать, как по дешевке договорится с Эфо, чтобы он сделался вашим телохранителем... и мне не хватило одной ящерицы, чтобы об этом узнать, а ответы Дахота подорожали до трех ящериц! — пожаловалась Катя с обидой в голосе.

Пётр Иванович сел мимо стула, да так и остался сидеть на полу.

— Что?! — не поняла его реакции Катя.

— Катюша, не трогай Эфо, пожалуйста. С этим духом... нельзя договориться.

— Но ведьма...

— Я сам во всем разберусь, только не тревожь Эфо, не зли его. Он... может... Обещай

мне, что не будешь трогать Эфо! Обещай! — потребовал Пётр Иванович.

— Хорошо... обещаю... — ответила Катя, а сама пальцы за спиной скрестила.

Успокоенный её ответом, Петр Иванович направился греметь хламяем на чердак и не заметил, как Катя сорвала засушенные пучки трав на кухне.

Солнце, пыльная дорога и трели страшных птиц...

— Ну, и куда ты идешь, храбрая девочка? — выплыл из тумана Дахот рядом с Катиным плечом.

— В город, травы продавать, — поправила лямку дорожной сумки Катя.

— Одна, без сопровождения и с непокрытой головой?

— Почему без сопровождения? Вы же со мной.

— С чего ты решила, что я буду тебя защищать? — немного опередил девушку Дахот.

— Вы думаете, я поверила в историю Петра Ивановича, что нас якобы стражники от бандитов спасли? Пф. Они бы еще и сами помогли нас ногами добить. Вы нас защитили! Вот почему никто на селян не нападает! Вы с Лафо их охраняете! Они же вам в жертву людей за что-то приносят!

— Допустим. Но что мешает мне, взять тебя в охапку и вернуть в деревню?

— Ваша корыстность.

Дахот перевернулся в воздухе и захохотал. Он не мешал ей входить в город и даже подсказал, где искать торговца травами, конкурирующего с целителем.

Катя бесстрашно вошла в небольшой скромный магазин, где за новым прилавком стоял плотный мужичок в зеленом переднике.

— Плати столько, — протянул бумажку Катя продавцу, и нагло заявила на хекающем наречии: — иначе духов натравлю.

Продавец уставился на неё, как на полоумную и не торопился исполнять её указаний.

— Дахот, сколько надо заплатить, чтобы вы показались ему? — повернулась к висящему в воздухе хранителю Катя.

— Учитывая то, что я очень сильно хочу оторвать тебе язык, дорого, — проворчал Дахот.

Но само упоминание имени духа произвело на продавца большое впечатление — он незамедлительно отсчитал указанную в бумажке сумму и спрятался под прилавок.

— И что ты будешь делать с этими деньгами? — спросил Дахот, как только довольная девушка покинула магазин.

— Куплю ящериц!

— Тебе очень не понравится ответ, — прищурился хранителю. — Может, не стоит?

— То, что Эфо опасен, я и без вас знаю!

— Так и быть, сообщу как постоянному клиенту. У Эфо приказ тебя убить. С тебя три ящерицы.

Катя встала как вкопанная. Вся веселость с её лица испарилась, словно влага в засуху.

— Почему Эфо меня до сих пор не убил, если у него был такой приказ?

— Пётр Иванович, чтобы спасти тебе жизнь, усыпил его. С тебя шесть ящериц. Ты все еще хочешь узнать, как встретиться с Эфо и пробудить его?

— Нет, — совсем грустно ответила Катя, снова поправив лямку сумки. — А вы друг или враг нам?

— Друг, иначе ты была бы уже мертва. С тебя девять ящериц. Но не переживай, за

небольшую плату я могу утешить тебя рассказами про людей, живущими за границей Эфера.

— Не интересуется.

Они почти вышли из города, когда Катя бросилась к витрине, сквозь которую увидела рюкзак, выставленный на продажу.

— Мои вещи! — уткнулась в стекло Катя, едва не расплющив нос. — Дахот...

— Да?

— Сколько надо заплатить, чтобы вы достали вещи, которые перенесли вместе со мной?

Дахот хитро прищурился.

— Заплатишь вещью, которая существует только в твоём мире.

— Тетрис принимается?..

Дахот битый час увлеченно резался в тетрис, пока Катя разбирала вещи, которые утатило в портал вместе с ней.

— Что за колдовская штука?! — воскликнул дух, не в состоянии оторваться.

— Одно хламье! — бурчала Катя, не обращая внимание на новоиспеченного игромана. — Из полезного только мамина зажигалка, да перочинный нож со сковородкой! — она взвесила чугунную сковороду в руке и взмахнула ею как оружием.

— Кому ты собралась мозги этой штукой выбивать? — догадался об её намереньях Дахот.

— Что? Мало желающих отведать целебной силы чугуна?

Катя отложила сковороду и разобрала книги. Наткнувшись на знакомую обложку с пышногрудой красоткой, она воскликнула:

— Бабушка её сожгла! — и немного полистала книгу. — Нет... это другая. В той были комментарии Маргариты...

Дахот лениво перевернулся, когда Катя вскрикнула:

— Как я не догадалась раньше?! Героиня этой книги здесь была, а значит, в книге есть ответ, как она вернулась домой! Точно!

Дахот поднял брови и не мешал Кате лихорадочно листать страницы в поисках ответа.

— Ну? — не выдержал хранитель длительного и напряженного молчания.

— Озабоченная идиотка!!! — закричала Катя, едва не плача. — Идиотка!!! Идиотка!!! Она лишила меня возможности вернуться домой!!! — и бросила книгу в поле красных цветов, где её с легкостью перехватил Дахот. — Да, чтобы тебя гоблины, орки и огры три недели кувалдами насиловали!!!

— «Расчехлив пламенеющий меч... — хранитель нахмурился, словно имел сложности с переводом, — из штанов, он ринулся в бой. Таня застонала и закусилась руку, пока стораемый от страсти Дахот быстро двигался внутри неё...»

Дахот пару секунд переваривал прочитанное, но не сумел:

— Я ничего не понял... причем тут мой меч? Я выпотрошил героиню в конце?

— Вы прочитали постельную сцену, — пояснила Катя с раздражением.

— Я не помню никого по имени Таня. Вряд ли я был настолько пьян, чтобы забыть об описанной здесь... свадьбе с моим участием, — полистал он книгу еще немного.

Катя хотела сказать, как на самом деле звали героиню, но передумала. Она не была уверена, что это будет разумным поступком.

Дахот хмыкнул и вернул книгу.

— Героиня случайно не путешественница во времени? — спросил он. — События в книге мне незнакомы. Может, со мной еще этого не произошло и среди моих любовниц появится некая Таня.

«Еще бы они тебе были знакомы, Оля свои эротические фантазии излила на бумагу», — зло подумала Катя, принимая книгу обратно. И тут она вспоминала про видения...

— Тебя снова озарило? — заметил её реакцию Дахот.

— Нет, — солгала Катя, а сама лихорадочно думала над тем, повторятся ли видения вновь, если она начнет читать книгу заново.

— Ты же хотела её выкинуть.

— Я её не дочитала. Вдруг что-то полезное смогу из неё извлечь? Не вся же книга состоит из постельных сцен с участием пламенеющего меча.

— Скоро стемнеет, собирай вещи, идём обратно.

На подходе к деревне правнучку встретил беспокоящийся Пётр Иванович:

— Ты где была?!

— В городе, — хмуро ответила Катя, продолжая идти в сторону дома.

— Что ты там делала?! — шел за ней следом прадедушка.

— Травы ваши продавала не по грабительским ценам, — она остановилась и вручила ему увесистый мешочек с деньгами, — и ящериц покупала...

— Ты же обещала мне не трогать Эфо!

— Почему вы не сказали, что Эфо хочет меня убить? — резко спросила Катя. — Если бы вы сразу мне об этом сказали, я бы не поперлась в город...

— Катя...

— Дедушка, Эфо единственный, кто может нам помочь вернуться домой и сбежать от ведьмы. Просто надо найти способ как с ним договориться и что ему предложить.

— Оставь эту затею, пожалуйста. Эфо очень опасен. Он никогда никому не помогает и никого не щадит.

Но Катя сдаваться не хотела.

Пожелав спокойной ночи Петру Ивановичу, Катя закрылась в комнате. Она зажгла свечу, села на кровати, подперев спину подушкой.

— Надеюсь, сработает, — сделала глубокий вздох Катя, раскрыв книгу и не заметив фиолетового жучка с удобством устроившегося на изголовье её кровати...

После каждой прочитанной главы её посещали реалистичные и пугающие видения, которые уже когда-то посещали тётю. Катя дошла до главы, на которой когда-то остановила чтение книги тётя Оля:

«...Прошло семь лет, прежде чем Тане удалось усовершенствовать заряд. После её вмешательства энергия пополнялась каждый десять секунд и не требовала перезарядки.

Помимо мушкета, тренер создал по просьбе Тани удобный маленький пистолет с двумя выстрелами. На большой скорости им было намного сподручнее стрелять, чем из мушкета.

И последние тринадцать лет Таня училась скрываться, мобильно удирает от преследования и стрелять на огромной скорости.

Приходилось осваивать и другое оружие. В основном, Таня старалась изучить именно дальнобойное, хотя тренер настаивал и на оружии ближнего боя.

На выходе из ускорителя, Таню ожидали двое человеческих волшебников. Они скривились при приближении и брезгливо разглядывали её внешний облик.

— Прощу к порталу, Алексей, — произнес один из волшебников, резанув слух.

— Меня там не похитят? — не удержалась Таня от колкости.

— Это военный портал, а не гражданский! — оскорбился более молодой волшебник.

Таня не развивала тему и направилась к порталу, стараясь сдержать нервную дрожь. Сколько ни готовилась, а от страха так и не избавилась. Ей по-прежнему было страшно.

Она перенеслась в помещение с сотней других новобранцев. Из портала её сразу вытолкнули, вручили в руки тяжелую сумку. Подталкивая грубо в спину, её отвели в местные казармы, где познакомили с группой молодых волшебников.

— Ваша команда.

Таня обвела взглядом группу и подвела грустный итог: «Смертники». Магические способности у них имелись, но такие слабые, что она едва их ощущала. Все четверо являлись талисманчиками, но с гонором не меньше, чем у аристократичных тэй хала.

Тане выслушала от них немало расистских шуточек. И только безграничное терпение помогло ей не раскатать их по полу, как эта сделала матушка-расэж бывшего одноклассника.

Она не успела вещи разложить, как их отправили на место событий, где шёл ожесточенный бой. Поначалу Таня лечила окружающих, но союзников убивали так быстро и жестоко, что она не успевала ничего предпринять. Раненых не было. Любая рана, нанесенная злыми камнями, была летальной. Противник умел убивать.

«Неужели с нашей помощью просто тянут время?» — с ужасом подумала Таня, глядя на творящийся вокруг ад.

Парень, находящийся в защите из её группы, обмочил штаны, едва на его глазах неизвестному солдату магией срубили голову.

— Я не хочу умирать, — прошептал второй, цепляясь за одежду Тани, словно волшебник поддержки обладал воскрешающей способностью.

После осознания смертности гонор куда-то пропал у всех, хотя и осталось их всего трое.

Атакующие погибли в первые минуты боя — они не успели даже закричать.

— Прячемся, — приказала Таня.

— Но...

— Хочешь жить, выполняй! Нашу группу разбили!

Они не побежали вслед за кричащими боевые кличи солдатами, а полезли в трещины.

— Они управляют камнем, они нас расплющат...

— Заткнись! — Таня так и не поняла, кому это сказала. — Что вы умеете?

Парни, запинаясь, пересказали, а Таня про себя чертыхнулась, понимая что ситуация хуже некуда. Ей достались бывшие школьники из неблагополучных семей, а не выпускники университета, как она думала первоначально.

— Нас как дезертиров...

— Заткнись! — громче прошипела Таня, прицеливаясь иглой в первую цель.

«Что ж не лечить, Таня, так убивать, — мрачно подумала она о себе в третьем лице. — Ты уже убивала, убьешь снова. У тебя уже есть собственное кладбище и тебе просто надо пополнить его новыми трупами».

Прошло минут пять, прежде чем она решилась остановить сердце первого врага. Таня старалась убивать в толпе союзников, чтобы противникам было не столь заметно, что кто-то убивает солдат из укрытия, но её обстрел не мог вечно оставаться незамеченным.

— Волшебник атакует! Под щиты! — донесся до неё рёв чужого командира.

Противник моментально перегруппировался.

— И что теперь? — шепотом спросили её.

Таня не знала, что ответить. Страх сжимал сердце, едва она видела, как к ним приближалась смерть в виде закованных в броню солдат. Если она попробует перенестись с помощью дара, то её сразу заметят и ликвидируют. Продолжать обстреливать противника тоже смертельно опасно.

— Щиты не снимать! Волшебник еще жив!

«А что если?..» — Таня сделала иглу как можно тоньше и в отдалении от своего укрытия поместила экспериментальную приманку для энергии. Взрыв был такой силы, что начался камнепад, погребший под собой группу противника, пробив их щиты. Вход в укрытие завалило камнем. Осталось только маленькое отверстие, откуда пробивался свет.

— Ищите этого пхала!!!

Попавшие в западню люди боялись шелохнуться, когда вокруг опасно трещал камень. Сделав глубокий вдох, Таня выглянула в отверстие. На их скалу пока никто не обращал внимание. Если она расположит приманку на противоположной стороне, то противник сразу поймет, где они прячутся.

Таня задрала голову и перекрестилась. Представив вместо камня человеческое тело, она пробилась наверх с помощью иглы.

— Заорете, мы покойники, — шепнула Таня перепуганным людям, которые поспешно зажали рты руками.

На самой верхушке она установила еще одну приманку. На этот раз на людей посыпались камушки и несколько камней крупнее. Тане рассекло бровь острым осколком. Надо было как-то отвлечь внимание противника от их укрытия. Насколько позволял радиус действия, она пробралась в ряды противника под землей и установила сразу две приманки в разных местах.

Далее последовала такая какофония звуков, что пришлось на время замереть и

довериться магическому чутью, хотя мешало прислушаться громко бьющееся от страха сердце. Потом прозвучали взрывы. Противник стрелял во все стороны и людей спас только закрывавший проход камень, в который угодило нечто обжигающее. Сразу стало жарко и перестало хватать воздуха.

— Он сдох?!

Послышались шаги и скрежет камня.

— Я его не чувствую.

Таня понимала, что если она себя выдаст — это будет её роковой ошибкой. Благо она поставила заранее защиту на внутренние органы группы, так как их вполне могли вычислить по сердцебиению.

— Среди мертвых я его не вижу!

«И как ты это понял, зараза?!» — со злостью подумала Таня, затем сообразила, что противник получил в своё распоряжение слепок её энергии. Они проверяли трупы на соответствие магического следа, не желая оставлять за спиной опасного волшебника. Пришлось снова выбираться из укрытия, находить труп под одним из завалов, чтобы проникнуть в организм и надеяться, чтоб обман пройдет. И противник клюнул:

— Нашёл!

Таня лишь почувствовала, как тело неизвестного мертвеца расплющило от мощной атаки. Видимо, кто-то изливал на него ярость и продолжал наносить один удар за другим, пока от тела ничего не осталось.

Люди ждали и молились, чтобы их не обнаружили.

— Что они делают? — осмелился прошептать кто-то из группы, спустя примерно минут тридцать.

— Ругаются, заметили, что харурцы ущелье перекрыли, пока мы их отвлекали, — ответила Таня, с большой осторожностью пользуясь иглой для слежки.

— Они нас оставили здесь подышать... — всхлип.

— Тихо!

Вскоре противник отступил, оставляя и своих и чужих мертвых падальщикам. Только после их ухода, общими усилиями группе людей удалось выбраться наружу.

Таня закрыла глаза не в силах смотреть на побоище, а напарников и вовсе вывернуло наизнанку. Ей пришлось взять себя в руки, вспомнить, что она волшебник поддержки, и осмотреть трупы на предмет живых.

— Кто-нибудь? Хоть кто-нибудь? — понимали напарники, что она делала.

Таня с трудом отрицательно покачала головой и села прямо на землю, вдоволь покрытую кровью.

— Ты же не будешь здесь сидеть? Нас же за дезертирство убьют свои, если мы не вернемся!

Как же ей хотелось их послать, но взглянув на трясущихся от животного ужаса парней, она не смогла этого сделать.

— Кто-нибудь знает, куда идти? — спросила Таня, проводя руками по грязным волосам.

— А ты...

— Я не местный! — вспыхнула Таня. — Я не знаю этой территории!

— Единственный вход туда, — парень показал в ту сторону, куда ушел противник.

— Да вы издеваетесь?!

Таня уже находилась на грани того, чтобы призвать на помощь Дахота, но сомневалась,

что обращение к хранителю леса — разумная идея.

— Люди следят за вами из центра связи, — донесся шепот всеведущего фиолетового хранителя прямо в ухо. — Призовешь, только если совсем не будет шансов на спасение.

Таня поднялась на ноги и посмотрела в ту сторону, куда ушла армия, затем оценила высоту скал. В скалолазании она никогда не отличалась успехами: падала с пятиметровой высоты. Сорвется без страховки со скалы, мозгов не соберет точно.

— Есть другой вход? — спросила она.

— Далеко.

— Обогнать?

— Без ящеров... без шансов.

— У нас есть какие-нибудь союзники, к которым мы можем присоединиться? — совсем отчаялась Таня.

Парни переглянулись и одновременно сказали: «Нет».

— Ну что ж, надеюсь, вас учили диверсии...

Окровавленные, полностью разбитые, но живые и отчасти здоровые они всё-таки попали обратно в армию людей. Таню сразу отделили от группы, увели и посадили перед усатым мужчиной, листающим какую-то папку.

Чем больше мужчина читал, тем изумленнее становилось его лицо. Мужчина неверующе поднимал любопытный взгляд на Таню и снова углублялся в чтение. Примерно через десять минут он закрыл папку и прислонился к спинке стула.

— Доктор смерть, — прозвучал его басовитый с легкой хрипотцой голос.

— Не понял, — не смотрела на него Таня и нервно перебирала в руках обрывки одежды.

— Вас так назвали в центре связи, где, стоит отметить, с напряжением следили за действиями вашей группы.

— Я пытался выжить.

— Да, и заодно решили побольше народа на тот свет отправить...

— Что вы хотите от меня?! — вспыхнула Таня. — Вы бросили нас подыхать на вражеской территории! Я прекрасно помню, что я и как делал!

— Тихо-тихо. Никто вас не собирается судить и в чём-то обвинять. Мы просто пытаемся понять.

— Что?!

— Вы точно волшебник поддержки?

— Да! И всех кого я мог вылечить перебили, как скот на бойне! Я еще никогда не чувствовал себя настолько беспомощным! Я применил знания биомага, которыми обладаю!..

— Успокойтесь, я вас прекрасно слышу.

Таня обняла себя руками, пытаясь сдержать нервную дрожь.

— Вот водичка с травами, выпейте, — подвинул ей стакан мужчина.

Несмотря на тошноту, Таня выпила горький настой.

— Успокоились?

В ответ Таня кивнула.

— Группу вам не по силам подобрали, — заговорил мужчина, наклоняясь вперед. — Я вообще не понимаю, какой идиот мог забросить к талисманщикам третьего по силе тэй хала хасэж в стране. Да еще и без какой-либо военной подготовки. Какой-то абсурд. Вы должны

были месяц минимум проходить муштру.

Таня прекрасно понимала, кому «обязана» положением. От всей души она пожелала ему сдохнуть. Но вслух Таня не поделилась соображениями.

— А у вас насыщенная биография, — мужчина хлопнул по папке.

— Зачем я здесь? Что вы хотите от меня? Зачем вы мне всё это говорите?

— Ничего особенного, не нервничайте вы так, я просто утоляю своё любопытство, — он протянул листок. — Мы вас переводим в другую группу.

Таня непроизвольно оскалилась и даже не взглянула на листок.

— Я могу идти? Я хочу хотя бы умыться.

— Разумеется, идите, Алексей.

Её проводили до купален. Нисколько не обращая ни на кого внимания, Таня погрузилась в мысли, стараясь не вспоминать весь тот ужас, который пережила. Она стояла под струями воды и никак не могла унять дрожь.

Память упрямо возвращала назад. У неё началась истерика и, если бы не ждавщие выхода Алексея волшебники, она бы точно наложила на себя руки.

Её силой напоили горьким снадобьем, увели из душевых, одели, привели в столовую и усадили отдельно ото всех за стол, где поставили перед ней паек.

— Вам надо поесть, — напомнил волшебник. — Не заставляйте нас кормить вас силой.

— Ребят, можете идти, мы тут сами справимся, — прозвучал до боли знакомый голос Ингварра.

— У нас приказ...

— Я его отменяю. Отдыхайте.

На плечо легла рука норвежца.

— Ты как? Еще способен бодаться?

— Не знаю... пока мне хочется повеситься.

— Ничего, сейчас Арно придет с наливкой и тебе сразу захочется жить.

Француз не заставил себе долго ждать и пришел в сопровождении якута по имени Эргис, который обрадовал женщину тем, что хорошо знал русский.

— Они меня за китайца приняли, — поделился Эргис на русском со смехом. — Я им уже десять лет пытаюсь доказать, что я не китаец. Не верят.

Таня поддержала его скупой улыбкой.

— Говорите, чтобы понимали все, месье! — возмутился Арно.

— Мы как будто тебя всегда понимаем, когда ты квакаешь, — хохотнул Ингварр, поедая с тарелки мясо.

У Арно усы оскорблено зашевелились. Его выражение лица так и говорило, что он думает про варвара, назвавшего прекраснейший французский язык кваканьем.

— Еле тебя отвоевали, Лёха, — продолжил Ингварр, не обращая внимания на гримасы француза. — Тварь, конечно, Жабос. Знает, что у нас волшебников поддержки не хватает и группы не укомплектованы. Нет, чтоб тебя нам отдать. Разве эти скоты прорвались бы, будь у нас больше волшебников защиты и поддержки? Талисманчиков сколько положили... у нас второй ра погиб...

— Нас вызвали в центр связи, — дополнил Эргис с заметным акцентом, — говорят, трое выжили, прячутся в ущелье. И твою морду на весь экран. Магистр сразу кричать: «Дезертир!» Начали разбираться и следить за вами, а там **такое** началось...

— Ты чудом выжил, — кивнул чему-то Ингварр. — Мы уже тебя похоронили, когда они

на след твоей магии напали. Ты засветился знатно и разозлил их. Они ж практически без потерь шли, пока ты их пачками не начал отстреливать, а затем еще их волшебников подорвал.

— le Docteur les a riégés [Доктор обманул их], — с сарказмом произнес Арно.

— Магистр всех пытался убедить, что ты удрать хочешь, — махнул рукой на француза Эргис, — не передать словами, какое мы испытали удовлетворение, когда ты совершил диверсию.

— Выражение лица магистра, — француз поцеловал пальцы. Товарищи его поддержали согласными кивками.

— И меня назвали «Доктор смерть»? — поинтересовалась Таня.

— Это самое мягкое название, которое прозвучало в центре связи. Ты просто псих, — добавил Арно. — Нет, чтобы тихо следовать за армией...

— И дать магистру повод меня уничтожить за дезертирство?!

— Да не дали бы тебя свои убить, ты ж волшебник поддержки, — пояснил Ингварр. — Трое против целой армии. Двое защитников-талисманчиков и один биомаг. Шутишь что ли? Твоё счастье, что ты магию не применял против них и прятался. Если бы вычислили твоё местоположение, не поскупились бы на магию и мокрого место от вашей троицы не оставили. Любишь ты себе врагов наживать. Сначала делаешь, а потом думаешь.

— Я не знал, что мне еще делать, мне было страшно...

Все трое поперхнулись.

— Я к тебе лечиться не пойду, — нервно произнес Арно. — Вдруг тебе снова страшно станет, и ты поубиваешь пациентов?

Ингварр пихнул его в бок и налил Тане в кружку наливки.

— С этого дня ты в нашей группе, а убивать врагов — наша задача.

— Доктор должен лечить, а не калечить, — поддержал Эргис.

— Доктор смерть...

Таня развернулась на голос. Толпа испуганно отшатнулась и разбежалась, как тараканы, тихо перешептываясь.

— Когда волшебник поддержки убивает — это страшно, — невесело сказал Ингварр.

— Что ж я такого жуткого сделал?

— Тебе не сказали?

— Не сказали что?

— Чем закончилась твоя последняя диверсия, когда ты натравил на них насекомых.

— Обычные болотные жальщики. Их яд даже не смертен.

— А ты в курсе, что эти насекомые были переносчиками заразы? Солдаты не успели до нас дойти, как все передохли от болезни.

Таня закрыла руками лицо, наконец, осознав реальные последствия своих действий.

— Народ камней территорию под карантин взял, — Ингварр подлил ей еще наливки. — Проводят исследования, что за болезнь ты с болот поднял. Зараза-то сквозь магические щиты прошла, а это угроза и для нас.

— Боже. Как же я попал...

— Расслабься, твоя голова не будет дороже, чем голова Ингварра, — успокаивающе похлопал её по спине Арно.

Таня удивленно подняла взгляд.

— Это правда, — кивнул норвежец. — Я давно им порчу кровь.

— А веселая компания у нас собралась! — провел по усам пальцами Арно. — Громила, Стрелок, Смерть и...

— Клоун, — засмеялся Эргис.

— Фарсёр! — важно поправил Арно якута.

Таня натянуто улыбнулась и допила наливку. Сейчас ей надо было как можно скорее обо всем забыть и двигаться дальше. И ничего страшного, что ей дали прозвище серийного маньяка...».

Катя очень обрадовалась, когда после последнего прочитанного отрывка её посетило видение.

«В облике Лёши в военной форме волшебника поддержки Ульяна стояла посреди ядовитых паров болота и поглаживала пальцем крылья уродливого насекомого. Её глаза алели подобно углям, а в лице еще больше читалось безумия, чем прежде.

— Заражайте... убивайте... — шептала она.

Вокруг неё в воздух поднялись тысячи насекомых. Когда они улетели, возле Ульяны материализовался Дахот.

— Махарат...

— Может быть, — не отрицала, но и не соглашалась Ульяна. — Разве ты не должен радоваться?

— Ты хоть понимаешь, что ты натворила?

— Разумеется, — холодно отозвалась она, а её волосы зашипели, словно змеи. — Я защитила сына.

— И усеяла землю вокруг его леса трупами!

— Подумаешь, маленькая эпидемия. Их никто не звал в пустошь. Они заплатили за то, что хотели уничтожить самый прекрасный на свете лес.

— Я обновлю метки!

— Я больше не нуждаюсь в этом, — отвергла его помощь Ульяна. — Не мешай мне, — и она пропела: — «Чума и Смерть сошлись в кровавом танце, нет никому пощады от Чумы, и Смерть собирает урожай из мертвых...»

— Ульяна! — попытался остановить её Дахот.

— Отошёл! — оттолкнула его магией Ульяна. — Я подружусь со своим безумием и защищу своего сына, даже если мне придется переступить через тебя!..»

Из видения Катю вывела холодная вода, вылитая на голову.

— Что за?!..

Перед ней сидел очень злой Дахот с книгой в одной руке, а в другой он держал опустошенную кружку.

— Мне следовало догадаться об этом раньше, — прорычал хранитель, спрыгивая с кровати.

— Эй! Это моя книга! — бросила за ним Катя.

Она догнала его только, когда он вырывал из книги страницы и бросал их растопленную печку. Катя хотела вытащить страницы из огня, но Дахот оттолкнул ее.

— Я так и знала, что вы просто не хотите, чтобы я вернулась домой! — заорала в отчаянии Катя, со слезами наблюдая, как сгорали в огне страницы.

— Идиотка, в этой книге заключено безумие, которое бы свело тебя с ума!

— Вы лжете! Я вам не верю!

Он развернул её к себе.

— Мне плевать, что ты мне не веришь! Твои видения... они слишком опасны! Ты увидела достаточно! Хватит копать!

— Вы... это вы помешали мне увидеть остальное!

— Ты увидела достаточно!

— Ненавижу вас всех! Я всё равно найду ответ! Не с вашей помощью! Так найду того, кто мне ответит! Я выберусь отсюда! Я вернусь домой!

Как раз на шум спустился Пётр Иванович.

— Катюша? — прадедушка сел возле правнучки и обнял её.

— Он сжег наш шанс вернуться домой! — пожаловалась Катя, размазывая по горящим щекам злые слезы.

— Я сжёл твою смерть! — рявкнул в ответ Дахот.

— Неправда! Вы боитесь, что я узнаю дурацкие тайны леса!

— Идиотка, — последнее, что сказал Дахот, распадаясь светлячками.

Катя еще долго плакала на плече молчаливого Петра Ивановича. От беспомощности хотелось выть. Гнев распалялся в ней жгучее желание узнать, что скрывал хранитель. Рано или поздно она докопается до истины.

Глава 8

Кате вновь снился очень странный сон. И снова она ощущала себя незримым наблюдателем в теле, которым управлял кто-то другой.

Волшебный лес, в котором Катя никогда не была, где росли гигантские грибы и цветы, а по веткам деревьев ходили, как по трассе. Её окружало множество хранителей, мирно переговаривающихся между собой. При виде Кати некоторые из них отводили взгляды и хихикали.

— Солнечного дня, Катя, — поздоровался с ней улыбочивый высокий и рыжий хранитель в красной хитиновой одежде.

— Солнечного дня, Бахо, — отозвалась Катя. — Сегодня будут занятия?

— Нет, сегодня отдыхай.

— Я вроде не устала...

— Я думаю, что тебе надо сделать перерыв в обучении. Всё время забываю, что ты еще не до конца превратилась, а у человека ограниченная сила. Поверь, у тебя будет немало времени, чтобы освоить дар, подчинить видения и научиться путешествовать во времени.

— Как вы с этим живёте?! — проворчала Катя, запустив пальцы в растрепанные волосы. — Неужели можно научиться контролировать этот хаос?! Я уже боюсь к кому-то прикасаться! Я сразу вижу его прошлое!

— Годы тренировок, — отсмеялся Бахо и задиристо коснулся Катиного плеча. — Видишь? Никаких видений. Ни у тебя, ни у меня. Мастерство приходит с опытом.

— Еще я боюсь застрять в прошлом, — призналась она, — и что Эфо не вернет меня назад.

— В Эфо тебе не стоит сомневаться, — покачал головой Бахо. — Он достаточно опытен, чтобы помогать тебе в обучении.

— Зачем вообще этому учиться?

— Затем, что от этого зависит наше выживание, Катя, — серьезно ответил Бахо. — Наша с тобой способность очень редка и важна для нашего народа.

— В чём же её польза?!

— Представим такую ситуацию, что ты знаешь о гибели знакомого тебе хранителя. Или стала свидетелем его гибели. Ты возвращаешься в прошлое, забираешь его жизненную силу и возвращаешься вместе с ней в своё время.

— И зачем мне его жизненная сила?

— Таким образом, ты обманываешь время. По факту он погибнет, прошлое не изменится, но с помощью жизненной силы мы можем восстановить его тело.

— Звучит как фантастика...

— Магия, — снова рассмеялся хранитель.

— Как же правило жизнь за жизнь? — обняла себя Катя. — Вы используете человеческие сердца, чтобы восстановить тело погибшего хранителя?

— Нет, сердца нам для восстановления не требуются. Мы используем специальные воскрешающие деревья. По сути, они выращивают для нас новые тела. Мы ведь не люди, для нас важна внутренняя составляющая.

— Выращивают? — скривилась Катя, с трудом представляя себе данную картину.

— Как плод.

— Жесть какая...

— Ты какая-то совсем мрачная, ничего не случилось?

— Да сон приснился дурацкий, — поморщилась Катя.

— Ах, молодость... понимаю, — на мраморном лице появилась лукавая улыбка. — Не расстраивайся, скоро этот период закончиться.

Катя не успела спросить, что за период, так как Бахо ушел к группе других хранителей. Он вел себя так, словно знал, какие видения её посещали...

Она продолжила прогулку, помня о необходимости отдохнуть и любуясь красотами леса. Но когда Катя увидела Эфо, разговаривающего с Захимом, то сломала заколку в руке.

— Почему мне снятся ваши бабы?! — словно со стороны услышала свой яростный крик она.

Захим замолчал и закашлялся.

— Я пойду, потом обсудим детали, — сказал он более молодому товарищу, исчезая в чёрном тумане.

— Мне неприятно, видеть, как вы жамкаете селянок в кустах! — продолжала Катя, приближаясь к обидчику. — Когда это кончится?!

— Когда я забуду их, — ответил Эфо, подперев древесный ствол спиной.

— В смысле?! — потеряла часть запала Катя.

— В прямом. Постепенно я забываю, что чувствовал к ним. Если раньше мне было приятно вспоминать, как ты выразилась, моих баб, то сейчас сломанная ветка под ногами оставляет больше впечатлений.

— И почему так происходит?

— Чтобы хранитель не сомневался в правильности выбора, отсекаются лишние привязанности.

— Но мне зачем... показывают?

— Подготовка к объединению. Не переживай, вскоре ты перестанешь ревновать к моему прошлому.

— Я не ревную! — возмутилась Катя.

— Будем считать, что я поверил, — он улыбнулся так, что ей снова захотелось его ударить.

— Как я могу вас ревновать?! — снова закричала Катя, размахивая руками. — Между нами ничего нет общего! Мне нравятся блондины, а вы — брюнет! У нас большая разница в возрасте! У вас была куча баб до меня! У вас глаза и губы чёрные, как у гота! У вас крылья! У вас когти! У вас острые зубы! У вас татуировки по всему телу! Но...

— Но? — еще шире улыбнулся Эфо.

— Мне хочется обниматься... — совсем тихо сказала Катя, словно призналась в алкоголизме. — Мне кажется, что я под действием любовного приворота. То, что со мной происходит противоестественно и ненормально. И да, мне не нравится то, когда я вижу... как вы жамкаете селянок. Блин, это как-то неправильно, словно меня привязывают к вам магией. Должна быть какая-то свобода выбора, а меня насильно её лишают.

— Знаешь, многие из нас рассуждают поначалу, как ты. И нам дают свободу настолько, насколько надо. Но когда смотришь век за веком, как счастливы хранители, лишённые выбора, начинаешь им завидовать.

— И вы завидуете?! — не поверила Катя.

— Да, — Эфо взял прядь Катиных волос и с видимым наслаждением вдохнул их

запах. — Я — немолодой хранитель, мне есть с чем сравнивать.

Катя поспешно отстранилась. Пугал его взгляд, прикосновение и присутствие. И дело не только в том, что от него шла древняя хищная сила, а нечто иное... новое. Куда более опасное и пленительное.

— И не возникает мысли, что вас искусственно привязывают друг к другу? — спряталась за деревом от его взгляда Катя.

— Ради интереса, понаблюдай как-нибудь за объединенными хранителями.

— А если бы мы друг друга ненавидели? — осторожно выглянула она.

— Нам было бы проще сдерживаться. После превращения мы бы разбежались в разные стороны.

— А если бы все-таки объединились при обоюдной ненависти?

— Со временем грани бы стерлись, — он приблизился так близко, что Катя могла ощутить тепло его тела. — Ненависть и страх прошли бы.

Его голос убаюкивал, притягивал и успокаивал. Катя зачем-то обняла его и положила ему голову на плечо, уткнувшись носом в шею. Как кошка потерлась о белую кожу и с наслаждением вдохнула её запах. Он так вкусно пах травами и дождем, сразу вспоминалась солнечная поляна с луговыми цветами.

— Катя, я не железный, прекрати.

— Скажите, чем я для вас пахну? — не смогла отстраниться Катя.

— Мясом...

— Фу! Совсем неромантично! Вы обо мне как о еде думаете!

— Проветрись, неугомонная, иначе я тебя покусую.

— Мне кажется странным, что я хочу, чтобы вы меня покусали...

Эфо хрипло рассмеялся, развернул её за плечи к себе спиной и толкнул в позвоночник.

— Проветрись, — повторил он весело.

— Почему мне сносит крышу от чувств, а вы такой весь спокойный? — и передразнила его: — «Проветрись».

— Может, потому что я намного старше тебя и понимаю, что с нами происходит? Но мне тоже не мешает проветриться...

Катя проводила его взглядом, едва сдерживая порыв броситься ему в спину и обнять...

Утро началось с «душевного» завывания ящериц. В окне деревянного дома показалось рыжее недовольное жизнью пугало, вооруженное рогаткой.

— Время мести! — Катя прицелилась и выстрелила.

Едва первый снаряд попал в ближайшую ящерицу, как глупые рептилии с рычанием набросились на проходящих мимо селян. К дурному завыванию добавились дикие маты и крики людей, а так же хохот Петра Ивановича. У Кати закрались подозрения, что прадедушка прекрасно знал, чем закончится её стрельба из рогатки.

Прошла неделя после того, как Дахот сжёг книгу. А Катя день за днём разбиралась, что из написанного правда, а что ложь. Она садилась за стол с исписанными страницами, где по памяти писала заметки.

Всю неделю Катя надеялась, что заметки помогут ей вызвать видения, но складывалось впечатление, что Дахот оборвал её связь с книгой. Видения так и не пришли и не подсказали ей ответов.

— Катюша, иди кушать! — позвал Пётр Ивановича с первого этажа.

— Надеюсь, это будут не фиолетовые помидоры, — тихо проворчала Катя, спускаясь вниз.

В отличие от других овощей, фиолетовые помидоры росли и созревали как сорняки, да и плодоносили круглогодично. После городского изобилия Катя нелегко привыкала к ограничению в продуктах и к гонке на выживание в деревне. Мясо по праздникам. Хлеб по выходным, да и пах он плесенью. Ни кофе, ни сахара, ни молока. Соль и специи использовались только для засолки, поэтому блюда в основном получались пресными и безвкусными.

— Помидоры, — констатировала Катя, уставившись в тарелку с похлебкой, в которой плавали кусочки овощей. — Дедушка, а может, я буду готовить...

— Нет, — отрезал Пётр Иванович, не объясняя причин, хотя правнучка и так знала, что он считал её неэкономной.

— Вроде селяне давали нам еду...

— Я спрятал до зимы, — невозмутимо ответил он. — Здешние зимы длятся четыре месяца. Если не запастись продуктами, можем и ноги протянуть.

— А ягоды и грибы, которые мы с вами собирали?

— Сушатся на зиму.

— Может... зимовать будет негде, если ведьма барьер пробьёт, — поковырялась деревянной ложкой в похлебке правнучка.

— Пока это случится, может пройти не один год, Катя, — вяло жевал помидоры Пётр Иванович. — Зима и голод ближе, чем война.

— А если война придет на эти земли, что мы будем делать?

— Соберемся всей деревней и уйдем.

— Думаете, духи не защитят деревню от ведьмы?

— Ведьма — мать леса, духи не вмешаются, если она решит, что мы ей мешаем.

Катя грустно вздохнула. Она забывала, что реальность далека от радужных фантазий. И они не герои на пути к спасению мира, а массовка — беженцы, которым суждено бежать и спастись от смерти и войны.

— Не думай об этом сейчас, Катя, — произнес успокаивающе Пётр Иванович, заметив её настроение. — Барьер пока не пробит. И в этой ситуации мы ничего не можем сделать. Только ждать. Не переживай, всё будет хорошо.

— Вы так часто это повторяете, что я уже сомневаюсь.

На улицу Катя вышла в самом мрачном настроении и машинально посмотрела наверх. На небе появилось еще несколько трещин.

Пару минут посверлив злым взглядом тощую спину Дахота, Катя отправилась бесцельно гулять по деревне. При виде рыжей «ведьмы» неласковые жители отворачивались, переходили на другую сторону улицы или прятались в домах. Никто с ней здоровался, словно её не существовало.

Катя сама не заметила, как вышла к почерневшему участку травы и остановилась на границе. Растения росли чёрные с колючками, шевелились как змеи и производили отталкивающее впечатление.

— Аномальная зона, — прокомментировала она, осматриваясь и замечая, что чёрные растения растут неподалеку от развалин с потрескавшейся землей и где вообще ничего никогда не росло.

— Какое интересное слово, — внезапно раздался голос над ухом.

Катя, вскрикнула, подпрыгнула и оказалась прямым в гуще копошащихся растений.

— Видишь? Они совсем не страшные, — улыбнулся красный хранитель. — Не стоит их бояться, они не причинят тебе вреда.

— Вы меня напугали! — Катя брезгливо поморщилась, когда ощутила нечто липкое на лодыжке.

— Забываю, что люди не чувствуют нашего присутствия. Мне зовут Дахир — я родной брат Дахота, — представился он. — Но удивительно то, что ты... не убежала от меня.

— А должна была? — удивилась Катя его заявлению.

— Обычно, люди убегают от злых духов.

— Ой...

Дахир рассмеялся.

— Сразу видно гостя из другого мира. Вы — непуганые. В большинстве не обладаете той глупой суеверностью, от которой страдают местные жители. Хотя страх людей перед нами объясним. Люди заказывают у нас убийство других людей.

Катя икнула и сделала шаг назад.

— Что ж, я сумел тебя немного напугать, — продолжал веселиться хранитель. — Можешь не переживать. Тебя пытались заказать, но мы отказались. Друзей леса мы не убиваем.

— И кто меня заказал? — снова икнула Катя, ошеломленная от новости.

— Многие, — уклонился от прямого ответа хранитель. — Твое возвращение из леса обозлило людей. Каждый родитель надеется, что именно его ребёнок вернется домой, — пояснил он, а затем сменил тему: — Что тебя привело сюда?

— Эм... я просто гуляла.

— Подозревая, что тебя тянет сюда, — таинственно произнес Дахир и прошел мимо.

— Мне сказали, чтобы я держалась подальше от этого места, так как здесь злой дух совершил свою месть.

— Считают, что земля проклята? — насмешливо уточнил хранитель.

— Ну... выглядит как проклятие.

— Мы с тобой находимся на кладбище, а все эти колючки существуют, чтобы никто не тревожил покой мертвых. Для тебя они не опасны. Ты же не собираешься осквернять могилы?

— Нет. А вы?..

— Я присматриваю за могилами, — ответил он, прежде чем был озвучен вопрос. — Можешь мне помочь, если хочешь.

— Предложение с подвохом? — подозрительно уточнила Катя.

— Длительное общение с Дахотом не идет тебе на пользу. Так ты идешь?

Катя решила не упускать возможности пообщаться с Дахиром, раз он сам предложил. Он вывел её к огромному чёрному дереву, вокруг которого росло множество белых цветов. Его вид, да и сами белоснежные напоминающие земные лилии цветы вызывали щемящую тоску и боль в груди, происхождение которых Катя не понимала.

— Кто здесь похоронен? — спросила она, осторожно ступая, чтобы не помять благоухающие цветы.

— Здесь покоятся сотни наших детей, сожженные людьми триста лет назад.

— Сотни? — выдохнула Катя в ужасе.

— Да, — грустно вздохнул Дахир, — Мой друг Бахо тоже здесь. Хотя он погиб

взрослым, пытаюсь защитить других, но... он не рассчитал свои силы. Нельзя было спасти всех.

Катя дар речи потеряла, не веря ушам. Она уже подумывала о том, что видела во сне альтернативную вселенную, где Бахо был жив и обучал её. По-другому она никак не могла объяснить то, что знала мертвых хранителей по именам.

— За что их убили? — села рядом с Дахиром Катя.

— За то, что другие. За то, что были детьми злых духов.

— И почему никто из вас не вмешался?!

— Нас застали врасплох, отвлекая, от истинной цели нашего врага. Мы оказались совершенно беспомощны. Война с Люусом унесла множество жизней. И всё, что нам осталось — это память.

— Дахир... что если дети выжили?

«Ложь!» — прорычало нечто в мыслях и её окатило чужой злобой и ненавистью.

— Поверь мне, если бы они выжили, то мы бы об этом знали, — ничего не заметил хранитель.

— Может быть, их кто-то спрятал или...

— Нет, — резко оборвал её Дахир и указал на древесный ствол. — Их останки покоятся здесь, под этим деревом. Прошлое нельзя изменить.

— А если прошлое забрать с собой? — осенило Катю. — Точно! Вы же умеете путешествовать во времени! Отправиться в прошлое, забрать жизненную силу детей и вместе с ними вернуться обратно!

Катю снова окатило чужими эмоциями, нечто пошевелилось рядом с сердцем. Девушка испуганно положила руку на грудную клетку, словно там мог завестись эмбрион чужого.

— Кто... тебе об этом рассказал? — нахмурился Дахир.

— Эм...

— Ах да, тебя же посещают видения, — сам себе ответил хранитель. — Раньше среди нас, тэасов и людей были те, кто обманывал время, но... Люус их всех перебил триста лет назад. Никого не осталось, кроме... тебя.

Катя машинально отодвинулась. У красноглазого хранителя стал пугающий и нехороший взгляд.

— Меня тебе не стоит бояться, друг леса, — правильно прочитал эмоции на её лице Дахир. — Я никогда не трону тебя.

— Почему Эфо приказали убить меня? — вырвалось у Кати. — За что? Раз я — последняя из обманщиков времени, разве меня не надо беречь?

— Кое-кто хотел забрать твою силу себе, чтобы она не досталась людям. Ты — молода и неопытна...

— И не могу вернуть вашего друга из мёртвых, — догадалась Катя.

— И не сможешь, — у хранителя залегли морщины вокруг глаз, а во взгляде отразилась печаль.

— Неужели я настолько бесполезна?! — обиделась Катя.

— Пойми меня правильно, тебя некому учить и некому возвращать назад, а тот другой... он — древний. Он обладает знаниями и силой, которые тебе недоступны.

— Раз этот другой обладает знаниями, почему бы ему не обучить меня?!

Дахир мягко улыбнулся Кате.

— Он не обучит тебя и попытается снова убить, чтобы забрать твою силу себе. К

сожалению, у многих из нас разум помутился после массовой гибели детей и для них ты навсегда останешься ненавистным человеком, который недостоин дара обманщика времени. Они ожесточились и забыли, какими были. Они никогда тебя не примут.

— Я не бесполезна! — упрямо заявила Катя.

— Прости старого дурака... я не должен был тебе всего этого рассказывать. Здесь я становлюсь немного рассеянным, — он бросил взгляд на чёрное дерево.

Катя не успела ничего больше спросить, так как хранитель ускользнул с помощью красного дыма. Но у неё еще осталось множество вопросов без ответа. И неизвестно, сможет ли она снова поймать Дахира и вернется ли он на место захоронения вновь.

Катя вернулась домой и присоединилась к Петру Ивановичу в огороде, где он вырывал сорняки. Помня предыдущие десятки случаев, Катя не предлагала ему помощь и спросила:

— Дедушка, а где спит Эфо?

Пётр Иванович напрягся.

— Ты не подумай ничего плохого, — поспешно заговорила Катя. — Я спрашиваю, чтобы случайно на него не наткнуться.

— Я не хочу об этом говорить, Катя. Забудь об Эфо, пожалуйста. И как бы ты не хитрила, я не скажу тебе, где он находится. Не буди лихо, пока тихо.

— Ну, дедушка!

— И не проси! Лучше, иди... отдохни!

— Я только и делаю, что отдыхаю. Вы бы мне хотя бы какую-то работу поручили, а то я шатаюсь по деревне как неприкаянная. Готовить не даете, в огороде только помидоры собирать разрешаете, убирать в доме нельзя из-за пауков...

— Я подумаю над этим, а пока не мешай мне.

Недовольная его ответом, Катя поднялась к себе в комнату и закрылась. Встала напротив зеркала и пару минут корчила сама себе рожи, пока ей это занятие не надоело.

— Лихо, не хотите поговорить со мной? — насмешливо обратилась к отражению Катя, в общем, не ожидая ответа. — Лихо, вы меня слышите? Я к вам общаюсь! У меня есть к вам деловое предложение! Вы глухой, Лихо?!

Катя не успела заскучать, как глаза у неё в отражении почернели, а губы изогнулись в злой усмешке. Девушка медленно отступила от зеркала, уставившись на то, как её же лицо некрасиво искажалось злобой, а зубы сами по себе заострились. Чем бы ни было существо, оно агрессивно оскалилось и ударило по стеклу. Но зеркало выдержало, лишь едва покрылось трещинами.

— Я... не хотела Вас обидеть! Я просто дурачилась!

Злой дух сверлил девушку взглядом, явно желая дотянуться до её горла и закончить начатое. Катя машинально коснулась шеи, словно её снова могла обвить чёрная удавка.

— Я хочу просто поговорить с Вами!

Существо снова ударило по зеркалу. На пол посыпались осколки. Катя едва удержалась от крика, но споткнулась и упала на кровать. На неё смотрели чёрные глаза из десятков осколков.

С лестницы раздался топот.

— Однажды Лафо не окажется рядом с тобой и тогда... — злой дух провёл противно чёрными когтями по стеклу.

— Катя! — в комнату ворвался Пётр Иванович. — Что случилось?!

— Лихо отозвалось, — тупо продолжала смотреть на осколки Катя. — Я не знала, что оно в зеркале...

В тот же вечер из дома исчезли все зеркала.

Во время дождя лес затихал, не было слышно ни пения птиц, ни стрекотания насекомых. Катя гладила себя по большому животу, наблюдая как по листу, скрывавшему её скромное убежище, стекали ручейки воды.

Обычно хранители не прятались во время дождя, да и зачастую спали на ветвях деревьев, но для бывшего человека сделали небольшое исключение. Катя получила в свое распоряжение небольшую хижину на дереве с гнездом и люлькой, прикрепленной к потолку. Конечно, не дворец, но вполне уютно и чувствуешь себя хоть немного защищенным, когда есть дверь и окна. Да и вещи было куда сложить, хотя Катя и не могла похвастаться каким-либо богатством.

Хранители хоть и разбирались в точных науках, но как таковой экономики у них не было, поэтому и накопительством не занимались. В их личных убежищах, а по совместительству рабочих кабинетах стояло только самое необходимое. По сути лес был домом для очень и очень большой семьи, где у каждого имелись домашние обязанности.

И Кате, как жителю большой цивилизации к обществу хранителей было привыкнуть нелегко. Да и по дому она скучала. Ей уже объяснили про то, что она не только в другой мир загремела, но еще и в другое время. В её мире она даже еще не родилась...

На коже Катиного живота иногда проступал отпечаток маленькой ножки. Катя с улыбкой погладила её указательным пальцем. Ножка сразу спряталась. Жаль, бабушка внука не увидит...

Спящий рядом Эфо перевернулся, уткнулся лицом в Катиню плечо и положил когтистую руку на её живот.

— Эфо.

— М-м-м? — сонно отозвался хранитель.

— Ты меня любишь? — задала один из самых банальных вопросов Катя.

По телу разлилось приятное тепло и умиротворение, уносящее тревогу, сомнение и страх будущей матери.

— Это такое своеобразное «да?» — уточнила она.

— Катя, по человеческим меркам мне почти пятьсот лет, — лениво отвечал хранитель.

— И каждая твоя женщина задавала тебе этот вопрос? — без дальнейших пояснений поняла Катя.

Эфо открыл глаза и осторожно переместил голову на живот супруги, чтобы смотреть на неё во время разговора.

— Каждая, — всё-таки продолжил Эфо. — Они все хотели услышать подтверждение, что они желанны и любимы. И каждой из них я говорил, что безумно их люблю. Но знаешь в чём истина? Когда умерла Марис, а с ней у меня были самые длинные отношения, в душе я обрадовался, что она больше не будет отравлять разум моих дочерей человеческой ересью.

— Лучше бы не спрашивала...

— Все женщины, которым я признавался в любви, давно мертвы. Кто-то умёр от страсти, другие — от болезни, третьи — по глупости. Но я... не испытал ничего кроме облегчения. И знаешь, может, это суеверно, но тебе я никогда не скажу то, что говорил им, — он поцеловал её в живот и щекотно потерся носом о кожу.

— И не боишься, что я отравлю человеческой ересью нашего ребёнка?

— Не-а, — в уголках его глаз появились морщинки, — у тебя милая ересь. Да и сыновей у меня еще не рождалось. Для меня, как и для тебя, это будет первый опыт.

— Откуда ты знаешь, что будет мальчик?!

— Мальчики, — поправил Эфо, со смехом показывая два пальца.

— О, нет! Скажи, что ты пошутил! Я одного не знаю, как родить!

— Не переживай, я буду рядом.

— Будешь смотреть как я корчу страшные рожи и ору на тебя матом? Ты точно этого хочешь?

— На это будет забавно посмотреть...

Проснувшись, Катя вытащила бумажку из-под подушки и смяла её. Заметка не помогла увидеть то, что ей действительно было нужно. Видение ни капли не приблизило её к разгадке перемещения между мирами, а всё больше погружало в стокгольмский синдром. Возникали подозрения, что видения ей навязывали. Да и как можно влюбиться в маньяка и душегуба? Она не верила в роман в стиле тёти Оли, где злодей исправлялся под действием великой силы любви.

Днём Пётр Иванович принес ей материалы и несколько костяных иголок. С добродушным выражением лица он поставил корзинку перед Катей и вручил ей одну из иголок.

— Вот, ты просила работу, — торжественно произнес прадедушка. — Будешь шить куклы, а Екимир будет их продавать.

Катя замаялась, не зная, стоило ли признаваться Петру Ивановичу, что шить совершенно не умела и что у неё чёрный пояс только по вязанию спицами.

— Я попробую, — не решилась расстраивать прадедушку Катя, ковыряясь в корзинке с тканями и похожим на вату материалом.

— Вот и ладненько, вот и хорошо, — крайне довольный собой Пётр Иванович хотел уйти.

— Можно нескромный вопрос? — оставила рукоделие Катя.

— Задавай.

— А кроме торговли травами, чем вы зарабатываете на жизнь?

— Земля и лес кормит.

— И это все?! За то время, что я у вас живу, к вам... никто не обратился за помощью. Вы же колдун!

— Варенька, люди придут ко мне за помощью, только если будут умирать и им не сможет помочь никто другой.

— И что, мало желающих сдохнуть? — фыркнула Катя, крутя в руке иголку. — Да у вас тут рассадник болезней! Они же моются раз в полгода!

Поперхнувшись, Петр Иванович постучал себе по груди:

— Катя, в городе есть целители. Зачем обращаться к безбожному колдуну, если можно пойти к благословенному богами целителю?

— Я думала, раз у вас есть магия...

— То это сразу обогатит меня?

— Ну, да...

— Какая же ты наивная.

— Как тогда вы меня смогли купить?!

— Ну, Вотор мне задолжал много денег до того, как стал работорговцем.

— Хотите сказать, что он и был тем случаем подыхающего клиента, у которого не было денег на хорошего целителя?

— Да.

— Су-у-упер!

— Я пойду, займусь своими делами, а ты шей. Заодно от скуки избавишься.

Катя исколола все пальцы, пока ей удалось сшить первую очень страшную куклу с глазами пуговицами и кривоватой улыбкой.

— Больше похоже на куклу-вуду, чем на детскую игрушку, — вслух прокомментировала она, придирчиво разглядывая работу.

— А мне нравится, — материализовался красный дух.

Он взял со стола куклу и погладил большую пуговицу.

— У меня была такая же игрушка в детстве, — тепло улыбнулся хранитель. — Для меня её мама сделала.

— Ваша мама тоже шить не умела? — не удержалась от скептического вопроса Катя.

— Ни шить не умела, ни петь, — продолжал Дахир, не поднимая взгляда с игрушки. — Когда она рассказывала нам с братом сказку перед сном, звери разбегались в ужасе, а папа затыкал уши. Он маму нежно любил, но всегда говорил, что голос у неё отвратный. Странно прозвучит, но я долгое время не засыпал без её отвратного голоса. И сейчас... мне хочется её услышать.

Катя нахмурилась, недоумевая над словами хранителя.

— Что? — отклонился назад Дахир. — Дахот уже накормил тебя сказкой о прекрасной Дахите, у которой съели сердце?

— Нет... я об этом читала в книге, которую он сжёг. Значит, историю про Дахиту он выдумал?

— Да, а еще сотню других похожих, про маму он не любит говорить — слишком личное, — он повернул игрушку к Кате. — Моя сгорела в огне, я могу забрать твою?

— Конечно! — ответила Катя, едва не ляпнув, что игрушку всё равно никто не купит.

— Что хочешь взамен?

Катя печально вздохнула:

— Вернуть же домой вы меня не можете?

Дух отрицательно покачал головой.

— Тогда ответьте на мои глупые вопросы без жертвоприношений.

— Задавай.

— Где спит Эфо? Его спрятали, случайно, не во мне? Почему я слышу его голос, вижу сновидения с его участием? У меня провалы в памяти. Я никак не могу их объяснить, кроме того, что кто-то берет над моим телом контроль и задвигает моё сознание куда подальше.

— Что ты помнишь о дне, когда тебя принесли в жертву? — Дахир спрятал игрушку за пазуху.

— Как Эфо засунул в меня руку... ну, то есть...

— Я понял, — перебил её хранитель, — а дальше?

— Было больно и мне показалось, что я видела свою маму...

— Тебе вырвали сердце, — продолжил Дахир. — Как ты думаешь, раз тебе вырвали сердце, а значит, переломали кости, разорвали ткани и сосуды, повредили легкие...

— Я не должна была выжить, — закончила за него Катя. — Меня как-то исцелили?

— Сломать легко, но вот починить то, что сломано очень трудно, даже для нас.

Он провел рукой по её грудной клетке, словно снимая невидимую ткань. Катя увидела на груди чёрную кляксу, заполняющую дыру и соединяющуюся с покрасневшей на краях кожей.

— Ты права, Эфо спит в тебе. Заменяет сосуды, повышает иммунитет, восстанавливает кости. И если сейчас пробудить Эфо, до того как он закончит лечить поврежденные ткани...

— То мне конец, — закончила Катя, теряя оптимизм.

— Верно.

— Как так получилось? Чем заплатил Пётр Иванович, чтобы в меня подселили Эфо?

— Не только Эфо лечит тебя, но и ты Эфо. Только ты лечишь душу Эфо, а он — твоё тело. Такова цена.

— Да неужели? Что-то слишком просто. Есть ещё какая-то причина. Дело в моем даре? Дахир кивнул.

— В тебе находится очень могущественный хранитель, который усиливает твой дар обманщика времени. Ты можешь прыгнуть не на десять лет и не пятьдесят лет в прошлое...

— Например, на триста лет в прошлое.

Довольный её ответом Дахир сложил руки на столе с самым невинным видом.

— И вы хотите, чтобы я прыгнула?

— Я хочу. Все остальные против. Потому что очень велик риск, что Эфо застрянет в прошлом вместе с тобой и не добьется успеха.

— Наверняка, у обманщиков времени была какая-то хитрость, которая помогала им возвращаться.

— Ты же понимаешь, что я не могу тебе рассказать об этой хитрости из-за правил леса? Пока ты человек и живешь среди людей, важные тайны леса я тебе не имею права раскрывать, иначе меня накажут, а тебя убьют.

— Ваша мать была обманщиком времени, значит, вы знаете, как мой дар работает, — задумчиво проговорила Катя, постучав себе пальцем по подбородку.

— Его надо немножечко подстегнуть, — подмигнул Дахир. — Если я удовлетворил твоё любопытство, то мне пора работать. Деревня сама себя не защитит, а фруктовые деревья надо бы подлечить от паразитов.

— Если я сошью для вас ещё одну игрушку, вы мне ответите ещё на пару вопросов?

— Я подумаю, — хранитель исчез в красном тумане.

Катя с энтузиазмом взяла иголку и материал, чтобы продолжить шить...

Маленькая ладошка сжала Катин палец. Сыновья спали в обнимку со страшными, похожими на куклы-вуду игрушками. Эфо долго смеялся, когда впервые увидел Катин рукодельный «шедевр», но выкинуть не позволил. С его легкой руки страхолюдины заняли почетное место рядом с младенцами в ветвистой кровати.

Пока мальчики копировали человеческий облик матери: рыжие волосы и зеленые глаза. От отца они взяли черты лица и цвет кожи. Но пройдет время, и они обретут крылья, изменяться, как менялись все хранители. И Катя могла только гадать, какими они будут.

К семейству тихо приблизился Эфо вместе с напарником... Иро. Катя хотела поздороваться с коллегой мужа, но мрачный хранитель со страшной маской на лице проигнорировал её приветственный жест и прошел мимо.

— У него постоянно такой вид, будто его ужалили в задницу и теперь он в обиде на весь белый свет, — проворчала Катя, провожая недовольным взглядом удаляющегося Иро.

— Не трогай его, — осторожно прилег на шелковистый лист рядом с супругой Эфо.

— Разве он не твой напарник и отчим?..

— Но не друг, — перебил её муж.

— Вы что-то не поделили? У вас какие-то разногласия? Почему он ведет себя так, как будто делает тебе одолжение? Или ему просто корона жмет? — тараторила Катя, нервно жестикулируя.

— Иро из древних, — с улыбкой пояснил Эфо. — Он... не способен дружить. Хотя ты ничего не заподозришь, когда он притворяется. Он будет смеяться, любезничать и даже шутить. Но...

— Но что? — не дождалась ответа она.

— Если бы ему было выгодно, он бы меня зарезал, не меняя любезного выражения лица. Катя в защитном жесте укрыла детей и выдавила:

— Как подло...

— Подлость здесь не причём. Им руководят инстинкты. Он даже боли и удовольствия не чувствует.

— Мне казалось, что у твоей мамы с ним... не совсем платонические отношения.

На мгновение перед глазами возник образ воздушной розовой хранительницы.

— Он пьет травы, — отвечал Эфо. — По этой причине он и детей зачать не может, да и не хочет.

— Я думала, у него есть дети...

— Могли бы быть. Но его магия настолько токсична, что я не знаю, какой силы должна быть женщина, чтобы выносить его ребёнка. Все попытки Иро обзавестись потомством, заканчивались плохо: женщина травилась и умирала.

— Но это ненормально!

— Для древнего — в порядке вещей.

— Почему?

— Иро был рожден бесполом существом до изменений, которые принесла иномирянка Цахира. То есть, после опыления отпочковался и укоренился рядом с родителем, получив в наследство генетическую память и базовые инстинкты, необходимые для выживания в то время. И когда пришли перемены, то большинство превратилось в женщин и лишь единицы

— в мужчин. Позже выяснилось, что наши мужчины обладали очень сильной и токсичной магией, делавшей их неспособными к размножению без объединения. Но объединиться смогли только Тарис и Цахира, другие не принимали и не понимали новую сущность и порядок вещей.

— И вы вливали чужую кровь.

— Не сразу. Мать Иро поймали люди. Они не знали, с кем столкнулись и прежде чем их всех поубивали, кто-то из них дал жизнь Жахо.

— Жахо — брат Иро?! — искренне удивилась Катя. — Они вообще разные! Никогда бы не подумала, что они братья! Жахо такой милый и добрый!

— Он был первым ребёнком, рожденным в лесу и первым после Тариса, кто чувствовал, и чья магия не отравляла. Его на воспитание взяла Цахира с Тарисом, потому что родная мать оставила его на земле... по привычке.

— Она его не любила...

— У неё был мощный инстинкт его защищать, но я бы не назвал это любовью в привычном для тебя понимании.

— А что было дальше?

— Родились другие дети от людей и тэасов.

— И Цахира их всех забирала?

— Да. Бесчувственные родительницы не могли воспитывать своих же детей. Они не знали и не понимали, как это делается. Пока не окрепло второе поколение, всех детей воспитывала Цахира. Со временем древние исчезали. Они спокойно жертвовали собой ради леса, для них жизнь не имела той же ценности, что и для нас. Остались только самые сильные — Иро и Махарат — отец и мать леса.

— Иро — отец леса?! Да ладно!

— Он преемник Тариса. Об этом мало кто знает, но это так.

— Значит, Дега...

— Преемница Иро.

— Не сладко ей с ним...

— Всё не так плохо как тебе кажется. Иро знает как надо себя вести с ней, чтобы не отпугнуть и подготовить.

— Значит, он только с тобой ведет себя как мудака, — скрестила руки на груди Катя.

Эфо тихо засмеялся.

— Я не понимаю одного, — продолжала Катя, — зачем Цахира поменяла вас? Неужели она так сильно полюбила Тариса? Он же выглядел как цветок! Я видела Махарат, и... я бы не назвала её облик привлекательным.

— Женщины... любовь вам подавай, — подпер кулаком щеку Эфо. — С точки зрения сородичей Тарис был неправильным, потому что обладал эмоциями. И Тарис был первым, кого Цахира повстречала из нашей расы. Встреть она того же Иро и всё закончилось бы для неё и для него намного печальнее. Тарис поделился с ней, что всегда мечтал быть похожим на тэаса или человека. И именно Тарису принадлежала безумная идея об изменениях, правда, он никому об этом не рассказал. Втайне от сородичей, он привел Цахиру к сердцу леса и... толкнул её. По крайней мере, так Тарис нам рассказывал.

— То есть она не сама захотела этого?! — встрепелась Катя.

— Да, он некрасиво поступил, не спорю. Ему чужды были понятия морали, всё-таки он был цветком. И вот после его безумного поступка наступили перемены. Сама Цахира

изменилась, и хранители поменялись по её подобию. Тогда же выяснилось, что мы можем объединяться.

— И что с ними произошло после объединения? — не удержалась от вопроса Катя. — Она простила его?

— Поняла и простила, а ему открылся мир чувств, которого он не знал. Его магия больше не отравляла. И я помню, когда был маленьким, Тарис любил трогать и нюхать цветы. Он вообще всё любил трогать. Он наслаждался каждым мгновением, каждым прожитым днём...

Эфо неосторожно пошевелился и поморщился.

— Ты снова ранен, — с укоризной сказала Катя, запоздало заметив перевязку. — У тебя бывают выходные? Хоть бы раз пришел без перелома!

— Я — солдат леса, сражения — часть моей работы, — терпеливо сказал Эфо и прикрыл глаза.

— Ты вроде говорил, что мы ни с кем не воюем...

— Дега — солнечная хранительница. Очень редкий вид среди хранителей.

— Я понимаю, что он высоко ценится, но зачем из-за него рисковать жизнью? Люди ж мрут пачками, только успевай закапывать. Один Иро выкашивает легионы.

— Люди идут на риск ради обогащения — они ни перед чем не остановятся, чтобы добыть солнечный кристалл Деги, а у меня всегда будет полно работы. Кровавой, неприятной, но лес сам себя не защитит. Они сами себя не защитят, — он мягко коснулся детской головки. — Как они? Не сильно тебя мучат?

— Данька спит в кровати, а этот прожорливый троглодит только на руках засыпает, и пока ему сказку не расскажешь, не уснет, — пожаловалась на маленького сына Катя, — а еще крикун.

Эфо поцеловал её в висок.

— Я сегодня видел будущую пару Дани, — сказал он тепло. — Хорошенькая девочка.

— Что?! — возмутилась Катя. — Уже?!

— Такое иногда бывает, и это хорошо. Она родилась позже на неделю и практически не имеет магического дара.

Катя нахмурилась.

— Тебе не нравится? — догадался Эфо.

— Как любящая любящая мать я хочу для своего ребёнка всё самое лучшее... — несколько капризно ответила она.

— Катя, раз у неё слабый магический дар, значит, у нашего сына будет какая-то мирная работа. Потому что у таких, как я, пара всегда с очень сильным даром.

— Вот ты сейчас всю романтику убил!

— Ну, Юра может унаследовать от меня расцветку и работу, ходить как я с кучей ран и шрамов.

Катя еще сильнее нахмурилась:

— А у Юры не родилось, случайно, пары со слабым даром?

Эфо засмеялся.

— Нет, только у Дани.

— А я могу посмотреть на неё?

— Посмотреть можно, а вот знакомиться и трогать нельзя.

— Почему?

— Чтобы не вызвать у детей бунта. Они сами должны встретиться, решить, стоит ли им объединяться. Никакого принуждения и насилия, поэтому семьями мы не общаемся, — Эфо показал кивком головы вдаль.

Катя посмотрела в указанную им сторону. Оказывалось, их издали рассматривали хранители синей и зеленой расцветки. Они тревожно перешептывались. Одна из женщин покачивала на руках кулек.

— Они чем-то недовольны? — ревниво спросила Катя. — Дело во мне?

— Нет, они волнуются. У них из поколения в поколение рождались дети без сильного дара. А вливание нашей крови внесет изменения в их родословную.

— Никогда не думала, что магический дар может быть нежеланным.

— У сильных хранителей редко бывает спокойная жизнь, даже если у них мирная работа, — он провел по ручке спящего Дани. От его прикосновения зажглись письма.

Как раз в это мгновение проснулся Юра и разорался, требуя к себе внимания.

— И вправду крикун, — прокомментировал Эфо с усмешкой. — И в кого у него такой неприятный голос-то?

— Кто-то в лоб захотел получить...

Катя проснулась от прикосновения. Над ней нависла тень. Лунный свет едва освещал лицо искаженное злобой и ненавистью.

— Эфо... — опознала Катя, боясь пошевелиться.

Его когтистые руки лежали на её шее, в любой момент готовые сомкнуться. После всех сновидений было непривычно видеть его озлобленным, больше похожим на Иро, чем на самого себя. Не говоря ни слова, он повернул голову.

Катя проследила взглядом за его движением. На тумбочке стояла кукла-вуду, такая же как в сновидении. Эфо взял игрушку, и какое-то время её разглядывал.

— Дега мертва, — услышала она его охрипший голос.

Он сжал игрушку и уткнулся в неё лицом.

— И Рада мертва. И твои дети никогда не родятся.

Катя встретилась с ним взглядом. В чёрных глазах читался океан боли. Эфо впервые говорил с ней, не пытаясь убить в начале беседы, и она решила воспользоваться возникшей возможностью:

— Я могу отправиться в прошлое и спасти их...

— Не можешь! — закричал он, вспоров когтями подушку рядом с её головой. — Тебя некому вытягивать из прошлого! Некому! Рассчитываешь, что тебя вытянет твой драгоценный прадедушка?! Он любит свою дочь, а не тебя! В этом мире нет ни одного существа, способного тебя вытащить! Ты застрянешь в прошлом и сдохнешь там!

Его рука снова легла на её шею.

— Убьете меня, дочерей уже никогда не вернете, — с отчаянной смелостью произнесла Катя. — Дайте мне увидеть, как возвращаться из прошлого.

— Я знаю твои мысли. Ты просто хочешь сбежать.

— Вы же любите сделки? — металась Катя, стараясь, чтобы от страха у неё не дрожал голос. — Почему бы нам не заключить сделку? А? Я ведь не смогу её нарушить? Вы наверняка знаете способы, как заставить человека заплатить по счетам.

Его лоб коснулся её, а призрачная рука погрузилась в грудную клетку, как и тогда во сне. Катя с ужасом ощущала его дыхание на своей коже и прикосновение пальцев к

трепещущему сердцу. От ужаса сковало тело и перехватило дыхание.

— Никаких сделок я с тобой заключать не буду, а попробуешь сбежать, я закончу то, что начал. И рука у меня дрогнет из-за пары глупых и наивных сновидений. Поняла?

— Да, — просипела Катя.

Рядом с её головой легла игрушка, а Эфо превратился в дым, который всосался в чёрную кляксу. Катя повернулась на бок и обняла страшную игрушку, стараясь заглушить боль. Еще никогда так сильно ей не хотелось поменяться местами с той... другой...

Утром Катю навестил Дахот. И от неё не укрылось, с каким суеверным ужасом он уставился на куклу-вуду, и как его рука непроизвольно потянулась к ней. Он отдернул себя, отвернувшись от наваждения.

— Могу отдать за небольшую плату, — коварно предложила Катя, сидя за столом и подперев руками щеки.

— У моего брата слишком длинный язык, — огрызнулся дух.

— Так я могу её другому продать или сжечь, как вы сожгли мою книгу.

Дахот посмотрел на неё с обиженным выражением лица. Он быстро забрал игрушку и спрятал себе за пазуху.

— Что ты хочешь, вымогательница? — пробурчал дух. — У тебя три глупых вопроса.

Катя удержалась от вопроса: «Почему так мало?», помня о коварстве Дахота.

— Как можно усилить мои способности?

— Ты всё-таки глупая... — закатил он глаза к потолку. — Разве сама не могла догадаться, что твои способности усиливают растения? То же дерево, с которым ты постоянно обнимаешься.

— Я вообще-то пришла из мира, где в магию даже не верят, — скривилась Катя.

— По тебе заметно, — Дахот явно был недоволен, что позволил себе слабость в её присутствии.

— Дахир вспоминал о маме с теплом, поэтому я не понимаю, почему вы так не любите вспоминать о ней.

— Этот вопрос не входит в перечень моих услуг, поэтому отвечать я не обязан.

— Хоть бы раз поговорили по-человечески, а не скалились как волк.

Он ухмыльнулся:

— Я не человек, поэтому человеческого разговора у нас не получится. Еще вопросы будут?

— Нет, я поберегу их для другого раза.

Дух собирался уйти, когда его в спину нагнал на миг дрогнувший голос Кати:

— Дахот, а как звали вашу маму на самом деле?

Он повернулся к ней, и она с трудом выдержала его взгляд.

— Я забыл её имя, — ответил дух, показав в усмешке острые зубы.

Ему никто не поверил.

Закрывшись в своей комнате, Катя уселась на кровать и взяла росток дерева в горшке, коснувшись нежных лепестков пальцами. Последние эксперименты с магией доказали ей правоту Дахота: при участии растений, видения вызывались проще.

И видение не заставило себя ждать.

«— Мне страшно!

— Обещаю, Катя, ты не застрянешь в прошлом, как бы далеко не прыгнула, — убеждал её Бахо.

— Откуда такая уверенность? Я не умею прыгать как вы и возвращаться самостоятельно!

— Смотри и учись. Создаем временной канат. Берем локон твоих волос, — он чиркнул ножом, и Катя лишилась длинной рыжей пряди. — Завязываем узлом вот так, — продемонстрировал самый обычный узел. — Затем берем алиан, только без перчаток его не трогай — он ядовитый, — Катя опознала чёрную ядовитую орхидею. — Заматываем в лепестки локон. То, что получилось, плотно обматываем тканью с капелькой твоей крови и... — хранитель положил мешочек на раскрытую ладонь Эфо, — отдаем тому, кому ты небезразлична.

Катя ощутила, как у неё запылали щеки.

— Кроме Эфо может быть практически любой из близких родственников: родители, братья или сестры. Лучше всего подходит мама — она тебя вытянет при любых обстоятельствах. Как вариант, могут быть друзья, но здесь легко ошибиться. Ни в коем случае не выбирай тех, кто тебя ненавидит, иначе ты застрянешь. А еще никогда не используй своих детей.

— Почему?

— Они могут случайно забросить тебя в будущее. Не знаю, почему так происходит, но пару раз со мной такое случалось, пока я не понял закономерность. Время — наука еще плохо изученная. Вернуться в свое время у меня получилось, но пришлось учиться возвращаться без временного каната. И уверяю, в Эфо ты можешь не сомневаться, — подмигнул хранитель.

— А дальше что? — решила сменить тему Катя.

— Дальше ты путешествуешь в прошлое и как только выполняешь миссию, возвращаешься назад с помощью каната. Тебе достаточно просто позвать того, в чьих руках находится канат. Ты вернешься к нему.

— Канат многоцветный?

— Да, пока ткань не развернут. Если развернут, то канат силу утратит и надо создавать новый. А теперь, я покажу тебе, как путешествовать в прошлое...»

Катю пробудил треск. Росток решил вырасти и разломал глиняный горшок, рассыпав землю на кровать. Но Катя спешила и не обратила на небольшой беспорядок внимания. Она без жалости отрезала локон волос, завязала его узлом и отправилась на поиски ядовитой орхидеи. Благо она знала, где растет цветок, да и сезон цветения еще не закончился.

Но едва Катя вышла на улицу, как на неё набросилась страшного вида старуха.

— Моя дочь должна была выйти из леса! Не ты! Кхтулухова ведьма!

Односельчане пытались её утихомирить, но она никак не успокаивалась и сыпала

проклятия на голову Кати. Женщина утихла только, когда на шум вышел Пётр Иванович.

— Будь ты проклят, колдун! Пусть боги покарают тебя! — напоследок кинула она, шатаясь, пока её под руки уводили односельчанки.

— Я не понимаю, — прошептала Катя, глядя вслед ревущей сельчанке.

— Её дочь принесли вместе с тобой в жертву Эфо, — пояснил Пётр Иванович...

— Мне очень жаль...

— Не переживай, ты ни в чём не виновата, — погладил её по плечу Пётр Иванович, возвращаясь в огород.

Кто-то хихикнул.

Катя подозрительно проследила за порхающими огоньками синего и белого цвета. Они игрались в воздухе, ныряли в воду, хихикали, а затем устремились в лесную чащу.

«Завлекают что ли? — нахмурилась Катя и отвернулась. — Не, ребята, я за вами не пойду. Да ну вас нафиг».

— Какая ты трусишка, — послышался знакомый голос.

Катя повернулась на звук и внимательно посмотрела на Лафо, сидящую возле пруда. Она отжимала мокрые после купания длинные светлые волосы. На босых ногах блестели капли воды. Тонкое, почти прозрачное платье прилипло к стройному телу женщины.

— Все ужасики начинаются с того, что героя сгубило его любопытство, — ответила Катя. — И знаете, что-то у меня нет настроения общаться... с галлюцинацией...

Лафо закинула назад влажные волосы и перебила её вопросом:

— И ты не хочешь узнать, что случилось с той слепой девушкой?

— Разве она жива? — замерла Катя.

— Ты никогда не задумывалась над тем, зачем мы заключаем сделки с людьми? — ушла от ответа хранительница. — Какую выгоду мы с этого имеем?

— Сердца... Там откуда я родом, существует много легенд о демонах, пожирающих человеческие сердца.

— А еще? — прищурилась Лафо.

— Вы разбавляете кровь... — вспомнила подробности из видений Катя. — Люди... рожают вам детей.

— О-о-о, а ты знаешь больше, чем большинство жителей Эфера, — восхитилась Лафо. — Люди пожелали забыть истинный смысл жертвоприношения. Умирать необязательно. Жизнь за жизнь.

— И та девушка...

— Готовиться стать матерью хранителя леса. Как только она родит, вернется в деревню живой и невредимой. И скажу больше, мы вернем ей зрение в благодарность за дитя.

— Но я... вроде жива и не беременна...

Лафо загадочно улыбнулась и, растворяясь дымкой, вновь повторила:

— Жизнь за жизнь.

— Еще одна любительница загадок, — недовольно фыркнула Катя, надевая плотные перчатки на руки, чтобы нарвать орхидей.

Создать временной канат оказалось простым занятием. Катя даже сделала несколько про запас, пользуясь сезоном цветения. Оставалось только найти, кому отдать талисман.

Розовое, везде, куда не бросишь взгляд розовое: цветы, мебель и одежда. И сама хозяйка дома Михог тоже была нежного розового цвета с переливами персикового в волосах и одежде. Воздушная с мурлыкающим голосом зрелая красивая женщина.

От её пения расцветали цветы и деревья, успокаивались дети и животные. Эфо говорил, что его мама принадлежала одной из самых любимых людьми разновидностей лесных: хранителем домашнего очага. Именно от матери он унаследовал звонкий красивый голос.

Слушая мелодию, напеваемую Михог, Катя вспомнила, как от её пения разлетелись в ужасе вороны, а люди решили, что ведьма злых духов призывала...

— Иди ко мне, мой сладкий, — забрала у Кати подросткового Юру Михог.

— Он постоянно кричит, — молодая мама села и потеряла шишку на лбу. — А еще игрушками бросается. Тиран какой-то растёт.

— Весь в отца, — тепло улыбнулась Михог, покачивая малыша, увлеченно кусающего кругляш беззубым ртом. — Бахо рос тихим и спокойным мальчиком, как твой Даня, и у меня никогда не было с ним никаких проблем. А вот Эфо устраивал мне ужасные концерты, иной раз я думала, что он родился мне в наказание. После Эфо я уже не рискнула никого больше рожать. Тем более от ктулухов.

Катя едва не поперхнулась. Ктулух считалось довольно неприличным выражением. И обозначало очень тупое, вонючее и похотливое животное.

— Что ж поделаешь, я привлекаю не тех мужчин, — печально призналась Михог, присаживаясь рядом с невесткой. — Что отец Бахо, что отец Эфо были не самые лучшие представители своих рас. Бесспорно красивы и сильны, но... — она скривилась, словно съела нечто тухлое, — хорошо, что они мертвы.

— Вы никогда не хотели ни с кем объединиться?

— Хотела... да вот только мой суженный был человеком. Женщине принять объединение проще, а он едва услышал, что всю жизнь должен будет провести с одной мной, так его в тот же миг ветром сдуло. В старости, однако, он одумался и приполз ко мне...

— И что случилось? — не дождалась окончания истории Катя. — Вы отказали ему?

— Нет, я не гордая, приняла бы, — безразлично пожала красивыми плечами Михог. — Однако он помер от сердечного приступа раньше, чем я сумела в него вселиться и начать изменения. Оживить эту рухлядь уже не получилось даже с помощью обманщиков времени. Он был слишком стар в момент гибели.

— Печально...

— Сам виноват, — фыркнула Михог. — Надо было раньше думать. Поэтому я очень счастлива, что моим сыновьям в жизни повезло. Бахо так сразу объединился, едва оперился. Эфо, конечно, помотало, но ему, в конце концов, тоже повезло, — она погладила невестку по плечу.

— Спасибо...

— Ты принесла то, о чём я просила? — сменила тему Михог, заметив неловкость невестки.

— Да, — Катя протянула мешочек. — Хотя я так и не поняла, зачем вам нужен временной канат. По словам Бахо меня вытянуть может только Эфо.

— Если можно обмануть время, то можно обмануть и мать, — со смешком сказала

Михог. — Вдруг вы вдвоем окажется в прошлом? Мало ли ты ошибешься, и утащишь Эфо за собой? Поэтому это, — она подняла мешочек на уровень глаз, — чтобы я могла вытащить вас обоих.

— Не знала, что так можно.

— Теперь знаешь.

Женщин отвлек визит Бахо. Он выглядел мрачнее обычного, но при матери выдавил усталую улыбку.

— Мама, я могу у тебя забрать Катю? — спросил он.

— Конечно, я присмотрю за маленьким тираном, — ответила Михог и в тот же миг получила в глаз игрушкой.

Катя ничего не успела спросить, когда Бахо увел её в туман, чтобы материализоваться возле большого чёрного дерева. Он коснулся ствола кончиками когтей и надолго замолчал.

Ученица не прерывала его раздумий — с ним часто бывали провалы, словно он исчезал для реального мира и погружался в мир фантазий.

Бахо являлся самым загадочным и сильным из всех известных Кате хранителей. По словам Эфо его брат никогда раньше не брал учеников. Равных ему еще не рождалось. Даже древний Иро мерк по сравнению с могуществом Бахо. И Катя неоднократно задавалась вопросом, почему огненный хранитель решился взять её в ученицы, несмотря на колоссальную разницу в силах? Что такого видел он, чего не видели другие? На вопросы он отшучивался и печально улыбался.

— Запомни, пожалуйста, это место, — сказал он тихо, прерывая лесную тишину. — Здесь ты найдешь мой дневник.

— Почему ты показываешь тайник мне? — нахмурилась Катя.

— Потому что кроме меня, только ты сможешь его прочитать. А еще... я показываю это место для тех, что смотрят сейчас твоими глазами.

Катя в ужасе отстранилась.

— Просто послушай меня, не перебивая, я понимаю то, что я скажу сейчас, покажется тебе нелепым бредом, но они... поймут. Мои слова — послание им, — он взял её за плечи и заглянул в глаза. — Брат, я знаю, что ты никогда мне не верил. Но сейчас у тебя есть перед глазами доказательства. Ты всегда подозревал и чувствовал, но не верил собственным ощущениям. Ты не ошибался, и она докопается до истины. Помоги ей, защити. Она. Должна. Жить. Послушай хоть раз меня! Видения не плод её фантазии! В бездну приказ! В бездну лесную ведьму с её обещаниями! Она не выполнит то, что обещает! Сама сгинет и всех вас погубит!

Катя ошеломленно смотрела на обычно спокойного Бахо, который едва сдерживался от переполнявших его эмоций.

— У меня так мало времени, чтобы тебе всё объяснить, — продолжал он. — Хоть раз поверь мне. Сделай так, как я прошу. Когда вернется Дега, а вернется она хранительницей, для вас обоих начнется ад. Ты не сможешь защитить дочь, как и тогда в прошлом, но... она сможет. Ты поймешь как. Верь мне.

Он облизнул губы и продолжил:

— Катя, сделай всё, что от тебя зависит, чтобы убедить Михог помочь. Надо, расскажи ей о снах, солги ей, скажи, что ты боишься спонтанного прыжка. Но не говори ей, что ты способна прыгнуть в прошлое настолько далеко, что можешь спасти девочек. Она не должна знать, что ты видишь истоки: такой способностью обладал только я. Она не рискнет

последним сыном ради призрачной возможности вернуть внучек.

— Бахо... я не ничего не понимаю... — обрела дар речи Катя. — Ты ко мне обращаешься?

— К тебе... но другой... Найди мой дневник и там ты узнаешь остальное...

Катя проснулась в холодном поту. Сердце едва не выпрыгивало из грудной клетки. Неужели... он обращался к ней?

Канат она создала еще вчера, но помня слова Эфо, так и не отдала его Петру Ивановичу, не подозревавшему об её экспериментах с магией. Прадедущка спокойно готовился к наступающей зиме.

Катя встала напротив умывальной чаши с водой и положила мешочек перед собой.

— Я знаю, что вы меня слышите, — заговорила она, опустив взгляд. — Знаю, что видели, что видела я. Слышали, что слышала я. Пускай из желания спастись самой, но я хочу помочь. Вы знаете, где найти дневник Бахо. Скажите мне, где он. Дайте хотя бы попытаться что-то сделать.

В отражении у Кати почернели глаза и губы, а затем она полностью утратила контроль над телом. Видела со стороны, как спускается по лестнице, как шарахнулся от неё в угол перепуганный Екимир и взмолился богине милосердия о защите.

Эфо прошел мимо Петра Ивановича, но проигнорировал его, когда он позвал правнучку по имени.

— Катя, вернись! Не ходи в лес! — в отчаянии крикнул прадедущка, спотыкаясь и последовав за ней.

— Она сама вернется, — обернулся к человеку Эфо. — Не мешай.

— Что она пообещала?!

— Я сказал, не мешай, — рыкнул хранитель, продолжив путь.

Катя только слышала, как нечто упало. Она очень надеялась, что прадедущка не упал в обморок.

По непонятной причине Эфо избегал встречи со своими сородичами во время всего пути до чёрного дерева. И только встав на колени перед деревом, он передал контроль обратно Кате со словами:

— Ищи.

С неба хлынул ливень. Катя моментально вымокла до нитки, однако не собиралась сдаваться. Она провела руками по земле, надеясь хоть что-то почувствовать. Обошла дерево кругом, испачкалась в грязи. Затем коснулась коры и снова повторила круг, пока не уткнулась в то место, до которого дотрагивался во сне Бахо. Пальцы кольнуло.

— Как же ты его туда запихнул? — проворчала Катя.

Она облома ногти, пытаясь нащупать тайник в коре.

— Что ты делаешь здесь, человеческое отродье?! — её резко и больно к себе развернула... Михог.

Другая Михог, менее веселая и воздушная. Не в розовой, а чёрной одежде. С мечом на поясе. Она чем-то напомнила Кате старуху, потерявшую слепую дочь. Та же ярость и ненависть в глазах, такое же искаженное горем лицо.

— Эфо показал мне это место, — медленно на чужом языке ответила Катя, убирая мокрую прядь с лица.

Мощная пощечина едва не оглушила Катю. Хорошо зубы не вылетели. С разбитой губы

потекла кровь.

— Он ненавидит людей! — зарычала Михог. — А ты мало того, что человек, так еще и держишь его в плену! Уж поверь, я буду первой, кто пережжет тебе глотку, как только мой сын освободится!

— Здесь дневник Бахо, — указала на дерево Катя, старательно выговаривая слова.

— Что ты сказала? — опешила Михог, теряя часть запала.

— Дневник! Бахо! — повторила громко Катя. — Я — обманщик времени! Бахо связался со мной и показал это место! Показал свой дневник!

— Этого... не может быть.

— Проверьте! — закричала Катя, хлопая по дереву. — Извлеките его и повторите, что я солгала!

С явным сомнением на лице Михог приблизилась к дереву и коснулась его обеими руками. Тайник, который не раскрылся перед Катей, раскрылся перед хранительницей. Михог хлопнулась на колени, не отрывая взгляд от книги.

— Это... почерк моего сына, — прошептала хранительница, закрыв рукой нижнюю часть лица. — Но как?...

— Я видела его во сне, — продолжала Катя, облизнув саднящую губу. — Он сказал, что вы поможете мне. Поможете с этим, — Катя быстро вложила мешочек в руки хранительницы.

Михог приняла его, но не торопилась раскрывать и с подозрением разглядывала.

— Что это? — спросила она, нахмурившись.

— Временной канат.

— Я не помогу тебе с этим, человечка, — резко ответила Михог, собираясь вернуть вещь Кате.

— Если можно обмануть время, то можно обмануть и мать, — быстро сказала Катя.

Розовые глаза расширились, а рука дрогнула. Видя, как красивое лицо Михог исказилось от ужаса, Катя добавила:

— Он сказал мне эти слова.

Михог неожиданно заплакала и так же неожиданно крепко обняла Катю руками и крыльями, уткнувшись в её плечо лицом. Женщина долго рыдала, а Катя не говорила ей слов утешения и лишь ждала, когда у хранительницы пройдет приступ истерики.

Закончился дождь, а Михог погладила Катю по плечам и коснулась лица, заживляя раны с помощью магии.

— Я благословляю твой выбор, — произнесла она непонятную для Кати вещь. — Я помогу освоить дар. Научу путешествовать во времени и возвращаться назад.

— Я могу?.. — Катя потянулась в сторону дневника.

— Конечно, только он для тебя бесполезен, — предупредила Михог, вытирая слёзы. — Ни один из обманщиков времени не мог читать его дневники. Он зашифровывал их для себя. Только он мог их читать. Весь дневник исписан, как он выражался крючками, а это просто набор бессмысленных слов и фраз.

«Ей нельзя знать, что ты можешь его читать», — предупредил в сознании голос Эфо.

— Я же последняя? — взяла книгу Катя, прижимая к груди. — Вдруг... кто-то еще сможет прочесть... в будущем...

Михог почему-то снова разрыдалась и обняла Катю.

— Конечно, бери, моя родная! Я уверена, у вас будет прекрасное будущее!

Только после этих слов до Кати дошло, чем ей удалось убедить Михог помочь. И почувствовала она себя в этот момент гадко.

К неудовольствию Петра Ивановича в его доме поселился розовый порядок. «Не надо, я сам» на Михог не действовал, поэтому вскоре заблестели чистотой полы, стены и мебель. На окнах появились занавески, с подоконников исчезли трупики очаровашек, а вместо них на солнышке отныне нежились цветочки. Непонятно откуда взялись соль и сахар, а кухню наполнили вкусные ароматы специй и тушеного мяса.

Катя чувствовала за собой вину из-за обмана ровно до того момента, как попробовала результат кулинарии Михог. Даже в лучшее времена в родном мире Катя не ела ничего вкуснее.

Но неприятного объяснения ей не удалось избежать. И как ни странно начала его обычно доброжелательная Лафо.

— Я никогда не поверю, что Эфо решил объединиться с человеком! — закричала белокрылая, ворвавшись к Кате в истинном облике.

Вслед за ней в комнату вошли Пётр Иванович и Михог.

— Что ты ему пообещала?! — продолжала кричать Лафо.

«Молчи» — приказал в мыслях Эфо.

— Разбавить кровь?! Родить ему обманщика времени?! Так?!

«Молчи» — вновь напомнил Эфо.

— Ты так страстно желаешь вернуться домой, что готова оставить здесь своего ребёнка?! — кричала в не себя Лафо. — Он заберет его от тебя! Но знай! Однажды твой ребёнок узнает о тебе из отцовских воспоминаний и придет в твой мир, невзирая на риск! Тоже плюнешь ему в лицо и отвернешься, как от монстра?!

Катя хотела ответить, но губы не размыкались. Эфо частично перехватил над ней контроль и не позволил говорить.

— Я презираю тебя! Я жалею, что не позволила тебе умереть! Ты ничем не лучше тех, кто принес тебя в жертву! — Лафо сплюнула на пол и исчезла в дымке.

Катя перевела ошеломленный взгляд на Михог и Петра Ивановича. В позе и выражении лица прадедушки читалось разочарование и осуждение. Он угрюмо покачал головой и вышел из комнаты, так ничего и не сказав. А вот хранительница расстроенной не выглядела, наоборот, она была счастлива.

Захотелось спрятаться, уткнуться в подушку и долго-долго плакать. Катя вновь перепутала одну вселенную с другой. Михог рыдала в лесу не от радости, а от горя. И только сейчас Катя осознала, что хранительница притворялась любящей и заботливой. Она ничего не имела общего с той другой в розовом платье, с приветливым радушным лицом, воздушной как облако...

Прыжок произошел сам по себе.

Катя с криком плюхнулась в сугроб лицом. Где раньше был дом Петра Ивановича, возвышались обгоревшие развалины. От холода застучали зубы, а кожу обожгло, как кипятком.

— А... возвращаться-то назад как? — вслух произнесла Катя, обняв себя руками. — Какое-то кодовое слово произнести? Что нужно сделать?!

«Не торопись, осмотришься», — подсказал не то, что нужно Эфо.

— Холодно.

«Не смертельно, осмотришь», — повторил более властно хранитель.

— Не вам тут мерзнуть и страдать от обморожения! — проворчала Катя, но послушно подчинилась и мелкими шажками обошла пространство.

Её голова повернулась сама собой в сторону кровавого следа. От ужаса она едва не завизжала.

К стене прикололи как бабочку подростка. Оборванные крылья обломками торчали из спины. Всё пространство вокруг юноши залило кровью...

Катю вырвало. Видеть мертвеца наяву оказалось не то же самое, что смотреть на него по телику.

«Ясно» — спокойно отреагировал Эфо на гибель более юного сородича.

— Что вам ясно?! — дрожащим голосом воскликнула Катя.

«Барьер был создан семьдесят лет назад, — проявил небывалую разговорчивость и миролюбивость Эфо. — Хранитель убит тэй хала из Такиры, значит, ты прыгнула до того, как создали барьер. Подойди к нему».

— Там всё в крови! — всхлипнула Катя, зажмуриваясь и дрожа от холода.

«Ты хочешь ему помочь или тебе всё равно?»

Подавливая очередной рвотный позыв и шагая по окровавленному снегу, Катя приблизилась к мертвецу и встала напротив него. С близости зрелище оказалось еще хуже, чем издали. У хранителя вырезали все внутренние органы, в том числе глаза и зубы с языком, вскрыли черепную коробку...

— Что за зверь... такое сделал?

«Имя ему человек, — безжалостно ответил Эфо. — Положи руки на его грудь».

Катю снова едва не стошнило, когда она коснулась кровавого месива. За мгновение перед глазами пронеслась ужасная и нелегкая смерть юноши. В ушах зазвенел его призыв о помощи, оставшийся без ответа. Он только превратился в уютном маленьком гнезде, когда его настигли и без всякой жалости убили.

Руки и тело Кати обожгло жаром, да таким, что вокруг растаял снег.

— Почему они не отозвались? Не спасли его... он ждал их...

«Мертвые не отвечают, — холодно ответил Эфо. — Зови Михог. И не говори ей, что сделала».

И Катя позвала, чтобы в тот же миг оказаться в объятиях обеспокоенной хранительницы.

— Почему ты не вернулась сразу?! — с гневом воскликнула она.

— Я не знала как... — простуженным голосом ответила Катя.

— Ах да, тебе же никто не объяснял... Тебе достаточно позвать меня по имени и ты вернешься ко... — он осеклась заметив кровь на руках и платье Кати. — Что произошло?

Катя скривилась и солгала:

— Я не помню... я надеюсь, никого не убила? — и дополнила жалобной ноткой.

— Оу, в нашем времени точно никто не умер, дорогая, — сдержано улыбнулась Михог. — Отдыхай, а я займусь твоей одеждой... нельзя, чтобы ты ходила в крови.

От жуткого воспоминания Катю вытошнило прямо на платье Михог.

— Простите!

Лицо хранительницы к удивлению Кати осветилось счастьем.

— Всё хорошо, это пройдет! — она исчезла в розовой дымке.

Катя плюхнулась на кровать и застонала, осознав, что только убедила Михог в

правильности сделанного Лафо вывода.

В прошлое и назад, смерть, уроды, бедный желудок. В прошлое и назад, снова уроды, злой Эфо, очень плохо. И так день за днём, пока не наступила зима, а Пётр Иванович потихоньку вытаскивал из погреба засушенные грибы и ягоды, маринады. Однако он соблюдал строгую экономию. Пережить зиму и весну, а там природа одарит за все лишения, так он считал.

Михог впала в спячку, Дахир с Дахотом не появлялись и должны были перебраться к сердцу леса, о чём Катя узнала от Эфо. Слабые хранители растрчивали слишком много сил в теплый период и зимой вынуждено засыпали. В этой уязвимый для большинства лесных хранителей период их защищали самые сильные.

И тогда же Катя поняла, почему мертвецов она находила чаще всего зимой. Даже сильные хранители рисковали, высываясь в мороз из леса. Зимой на них охотились. Из-за органов, из-за кристаллов, из-за крыльев и костей.

— Я думала, вы сильные и неуязвимые, — произнесла Катя, сидя на дереве и наблюдая, как набухает маленькая почка. — А вы едва цепляетесь за жизнь. Даже детей своих защитить не можете.

«Так было не всегда», — слабо отозвался Эфо, пребывая в полусонном состоянии. С путешествиями из-за его ослабленного состояния пришлось завязать.

— Сколько раз я была в прошлом... и всё время встречала мертвых едва оперившихся подростков, которых вы должны были защищать! А всё что вы делаете, просто прячетесь и надеетесь, что зимой вас не найдут! Управляете толпой с помощью страха! Запугиваете летом, чтобы зимой побоялись идти!

Эфо не ответил.

— Уснул, — констатировала Катя, скрестив руки на груди.

Хранитель не любил «наездов» на его расу, поэтому непременно сказал бы что-нибудь колкое по отношению к людям.

За последнее время сосуществования с Эфо Катя узнала, что на хранителей часто нападали зимой. Даже сильные лесные жители могли впасть в спячку на пару дней. Опасных дней, иной раз критичных для тех, кого они берегли. Именно в конце зимы убили Дегу и Раду, когда Эфо уснул и проснулся слишком поздно.

Обманщики времени являлись надежной защитой от печальных зимних столкновений с охотниками, если бы их самих не перебили. После их гибели количество хранителей стремительно сокращалось. Сильные держали оборону, но их усилий оказывалось недостаточно, чтобы сдержать натиск алчных охотников. И каждую зиму число хранителей продолжало падать.

Катя осторожно отогнула лист, укрывающий спящего юношу. Того самого, которого они нашли во время первого путешествия в прошлое и в начале зимы перенесли в почку на древе жизни. Из почки сформировался цветок. Он рос, пока внутри него не проявились очертания тела...

— Спит как младенец, — Катя укрыла юношу и обвела взглядом пространство.

Деревья вокруг неё украшали гирлянды из цветов со спящими хранителями. Детьми и подростками, реже взрослыми. Всех их когда-то убили. Бесчеловечно и страшно.

Попутешествовав в прошлое, Катя больше не удивлялась той ненависти, что питали

хранители к людям и тэасам. И с каждым погибшим юным хранителем ненависть только крепла.

В душе росла тоска. Видения казались прекрасной и доброй сказкой, а циничная реальность удручала, как загаженная отдыхающими поляна. И непонятно в какой момент, лесные жители из мудрых и добрых хранителей превратились в озлобленных чудовищ. Либо же они возвращались в то первобытное состояние, из которого их вывела Цахира?

Катя сняла вязаную перчатку и коснулась еще одной почки, передавая ей жизненную энергию совсем уж маленькой девочки. О том, что она дитя хранителя понял только Эфо. Её убила в кровати собственная мать...

Возвращалась в деревню Катя не в самом бодром расположении духа, да и веру в человечество подорвали еще больше деревенские жители. Они закидывали комьями грязи и камнями девушку по имени Мирта, пришедшую к колодцу набрать воды для больной матери. Из уст мужчин и женщин доносились самые грязные оскорбления.

— Кто бросит в неё еще один камень, у того отсохнут руки! — рявкнула Катя на местном языке. — А скажите еще одно пахабное слово, так и ноги отсохнут!

Испуганные селяне разбежались как тараканы по домам и заперлись от разъяренной ведьмы. Осталась лишь плачущая Мирта. Катя подошла к ней, подняла с земли ведра и сама набрала для неё воды.

— Не помогай мне, колдунья! — взмолилась селянка. — Я испорчена духом лесным...

— Бери и иди домой, если не хочешь меня разозлить! — силой вручила ей ведра Катя.

Мирта подчинилась и, утирая слёзы, убежала прочь.

— Ох, нехорошо. Тебе после Петра деревню от гнева духов хранить, а ты... — послышался голос старосты за спиной.

— Рот закрыл, алкаш, — Катя с яростью обернулась к нему, и Екимир тотчас умолк.

Казалось бы, селяне должны быть счастливы, что одна из жертв вернулась домой живой и невредимой. Однако никто не обрадовалась. Даже мать слегла с болезнью после возвращения дочери. Мирту заклеямили испорченной и оскверненной духами.

Катю ситуация несказанно злила, но она оказалась бессильна что-либо изменить. Воевать с тёмным мировоззрением деревенских жителей — непростая задача. А как объявился в деревне служитель веры Зумко, на проповедях еще больше распалывший людей против опозоренной девушки, так и вовсе хотелось кого-нибудь придушить.

Самоуверенный Зумко колдуна не боялся, а уж его правнучки и подавно, даже когда по её милости едва не свернул себе шею. Катя тогда впервые получила выговор от Петра Иванович, но ядовитый венчик на порог храма всё равно положила и от души плюнула на дверь.

— Изыди исчадие бездны!

— Помяни черта, — вздохнула Катя, закатывая глаза к небу.

— Как смеешь ты, потаскуха ржавая, — приближался голос вместе с разъяренным немолодым, но еще крепким служителем веры Зумко, — честных людей пугать бесчестными проклятиями?! Да чтобы тебя боги прямо здесь на этом месте и покарали за твой чёрный язык!

Но у Кати имелся против него козырь, который она приберегла как раз для такого случая:

— А ваши боги знают, что вы к тетке Ларе ходите за лаской на её сеновал?! А еще к тётке Ёре и к тётке Тере приходите на чердак, когда их мужья работают в поле!

Противник едва не задохнулся, а из окон высунулось пара любопытных лиц.

— Кто этим летом в озере с девами лесными купался?! А?! — наступала на Зумко Катя, а он совершенно ошеломленный отступал от неё, вытаращив глаза. — Не вы ли бегали нагишом за злыми духами, ослепленный их прелестями?!

— Наглая ложь! — пискнул обвиняемый.

Катя подобрала юбки и яростно прошипела:

— Лучше не зли меня, пень старый, а то всем расскажу, как ты деньги прихожан на девок гулящих растрачиваешь и почему до сих пор нового идола не заказал!

Служитель веры так и сел в сугроб с раскрытым ртом.

— Страшная баба, — прокомментировал Екимир, сняв шапку и прижав к груди.

Катя гордо задрала подбородок и направилась к дому прадедушки, показательно хлопнув калиткой и дверью. Пётр Иванович сидел за столом и плёл моток ниток из волшебной паутины. Он улыбался, что явно говорило: уличная стычка не осталось им незамеченной.

— Я смотрю, ты неплохо осваиваешься, — сказал прадедушка, продолжая плести нитки.

— Главное знать, где и что можно подслушать, — фыркнула Катя. — Я к себе наверх.

— И когда созреют плоды?

Катя остановилась с занесенной ногой над ступенькой. Развернулась и села напротив прадедушки.

— Как давно знаете?

— Как хранитель Дахир отказался от платы, так сразу и понял, что ты что-то им большее пообещала, чем собственное дитё отдать. А вчера два трупа сожгли — их прибили у твоей рощи, — и взгляд поднял.

— Я ничего плохого не сделала! — насупилась Катя. — Я просто перенесла в наше время жизненную силу хранителей! И я не убивала людей! У меня не было провалов в памяти!

— Катюша, да я ж не ругаю, всем хорошо, если хранители перестанут с нас кровавую жатву собирать, но ты зачем все яйца в одну корзину собрала?

До Кати не сразу дошел смысл его слов, пока она не осознала ошибки:

— Охотники хорошо знают, где искать спящих хранителей... вот же... для них там золотая жила!

— До нас они доберутся в конце зимы, — отложил нитки Пётр Иванович. — Когда Эфо заснет. Его они бояться больше остальных хранителей. Эфо отправил на тот свет немало дураков, наживающихся за счет крови лесных. Те, что придут сейчас умнее. Они охотятся много лет, берут двух-трех подлеток и уходят раньше, чем их настигнет месть леса.

У Кати в душе всё закипало от гнева и понимания, что трусы убивали только неопытных подростков, боясь соваться к взрослым.

— Отец у сердца леса — он никогда не спит, туда даже самые смелые охотники не сунутся, — продолжал Пётр Иванович. — В деревню не зайдут, так как Лафо аккурат у моего дома затаилась. Спит она чутко. Она проснется в тот же миг, едва почувет опасность для людей. Твою рощу разве что Дахот защищает. Подозреваю, что он не ушел вместе с братом к сердцу леса. Ночью рощу сторожит: я издали его огни видел. Но к концу зимы Дахот уснет, не сможет уберечь всех.

— Откуда вы всё это знаете?

— Живу не первый год, дураков насмотрелся немало.

Катя почесала макушку:

— А если перенести Лафо в рощу? Она же проснется!

— И как ты собираешься её перенести? Вместе с деревом? — саркастично заметил Пётр Иванович. — Взрослые спят не снаружи, они спят внутри дерева.

— Вот блин... Но почему двоих не поставить, один спит, а другой бодрствует?

— Катюша, к концу зимы уснут все хранители, кроме отца леса. А Лафо разбудит только нападение на деревню.

— Я поставлю ловушки! — решительно заявила Катя.

— А материалы? Деньги, где возьмешь?

— Ям накопаю, кольями утыкаю!

— Мерзлую землю копать собираешься? — хмыкнул Пётр Иванович. — Да она же тверже камня. А кол хоть один за жизнь ты наточила?

— Мне поможет Дахот!

— Охотники — люди с даром, им твои ловушки не страшны.

Катя уронила голову на стол.

— Катюша, ты ничего не сможешь сделать против банды душегубов. Только себя погубишь.

— Я спасала детей не для того, чтобы их снова убили, — проворчала она, не поднимая головы.

— Всех не убьют, возьмут тех, что дороже стоят, — вздохнул Пётр Иванович, возвращаясь к прерванному занятию. — Ты и так сделала, что смогла, внученька. Выше головы не прыгнешь.

Но именно выше головы Катя и хотела прыгнуть. Пора было обратиться к дневнику Бахо. К тому же Михог спала и не могла подсмотреть, чем занимается её подопечная.

Вторая зима в облике хранителя. Больше всего Катя боялась не за себя, а за маленьких детей — они еще не умели прятаться в деревьях, поэтому уснут в колыбелях жизни, где и проспят всю зиму до наступления весны.

— Не переживай, с ними всё будет хорошо, — укладывал спящих малышкой в цветок Эфо.

— Как не переживать?! — ходила из стороны в сторону Катя. — Я впаду в спячку, ты уснешь в конце зимы, а они останутся совершенно беззащитными! Их могут похитить, убить или чего похуже...

— Катя, — остановил её за плечи Эфо. — Мы не беззащитны. Бахо следовало тебя не пугать, а сразу рассказать об этом.

Он взял её за руку и подвел к маленькому непримечательному кустику, совсем незаметному среди других зарослей.

— Сорняк какой-то, — отреагировала Катя, не впечатленная видом кустика.

— Это не сорняк! — рассмеялся Эфо. — Приблизятся со злым умыслом к одному такому и разбудят всех взрослых хранителей.

— И они будут злы, как медведи, — кивнула Катя, обводя взглядом пространство и замечая сотни плотно посаженных кустиков, — а что если их обойдут? Сверху спустятся?

Эфо указал ей подвижные хищные лианы на ветках.

— Гадость, никогда их не любила, — брезгливо поморщилась Катя. — Но мне всё равно кажется, что этого недостаточно.

— У нас есть хранители-часовые, которые никогда не спят. Они не сильные, но они способны пробудить всех хранителей, если потребуется. Вон видишь? Усаживается на пост.

Катя проследила за рукой мужа и встретилась взглядом с улыбочивым серым хранителем. Он помахал ей рукой, а затем исчез в листве.

— Они невидимы даже для нас. Их магия реагирует на посторонних, как и магия растения, которое ты сорняком обозвала. К тому же они создают барьер, который формирует сердце леса. И чем больше у сердца леса сильных хранителей, таких как я, тем сильнее и больше барьер. Теперь ты спокойна?

— Отчасти.

Эфо со смешком поцеловал её в висок.

Катя убрала с колен книгу и уставилась в одну точку. Всё оказалось хуже, чем она думала. Всех серых хранителей перебили вместе с обманщиками времени, а оповещающие растения выгравили. Кто-то очень хорошо постарался, чтобы зимой хранители лишились всех слоев обороны.

Но что если среди спасенных имелись серые? Следовало перепроверить. Быстро одевшись, Катя побежала в лес по вытоптанной людьми тропинке, чтобы проверить рошу. Она подошла к первому цветку и отогнула лист, чтобы посмотреть расцветку спящего хранителя.

— Не ищи, — сидел на ветке непривычно серьезный и сосредоточенный Дахот. — Нужного ты не найдешь.

— Почему?! — возмутилась Катя. — Разве у вас за триста лет не рождалось серых?!

— Не только серые, но и обманщики времени рождались, — хмыкнул Дахот, спустился с ветки и подошел к одному из цветков. — Но что может сделать не окрепший ребёнок?

Катя смотрела в лицо спящего юноши не старше шестнадцати лет и не находила ответа.

— Он слабенький, лет на десять сможет путешествовать, — погладил парня по голове Дахот. — Но и этого иной раз достаточно, чтобы спасти чью-то жизнь. Его берег лично Эфо, но как понимаешь, не смог уберечь. Уж слишком дорогой товар, — Дахот коснулся огненного кристалла на груди спящего хранителя, — дороже только солнечный и лазурный. Люди даже приборы изобрели, чтобы огненный кристалл вычислять.

— Что-то типа металлоискателя?

— Можно и так сказать. И я не сомневаюсь, что они целенаправленно придут сюда за нашим обманщиком времени. И придет не десяток, придет сотня.

— Почему не разместись здесь чуткого хранителя вроде Лафо?

— Лафо не чуткая, — усмехнулся Дахот, — её разбудит договор с людьми, скрепленный кровавой жертвой.

— Почему не разместить их в сердце леса, где не спит отец леса? Он же защитит их! — заметив выражение лица духа, она сама себе ответила: — Только сильные могут там находиться?

— Да, поэтому раньше, такие как я, уходили к сердцу леса, чтобы серые могли создать барьер.

Катя задумалась и обвела взглядом спящих хранителей.

— Дахот, а что если здесь буду я? Это разбудит Эфо?

— Это разбудит не только Эфо, но и меня, — признался Дахот, — потому что твой прадед заключил сделку со мной.

— Но как мне успеть вовремя? Я же не могу здесь дежурить круглосуточно как вы. Мне нужен сон, еда и отдых...

— Катя, это не самая страшная проблема, — вздохнул он. — Их придет сотня. Сотня с даром. Даже Эфо может из схватки не выйти живым, потому что он будет ослаблен зимней спячкой и твоим лечением.

— Но вы же могущественные хранители с такой сильной магией, которой людям и не снилось!

— Не все может решить магия... нас и осталась-то горсть.

— Но ведьма... Пётр Иванович говорил, что она побеждает.

— Она силами леса не воюет, она использует более коварные и жестокие методы против вашего племени. Чума и яд — её оружие.

— Я найду своё оружие! — повернулась в сторону деревни. — Я сидеть на попе ровно не собираюсь, как вы!

Катя упрямо обняла себя руками и едва не споткнулась, направляясь к деревне. У неё был дневник Бахо. Там она собиралась найти ответ.

Катя несколько недель билась над одним заклинанием, но оно у неё никак не получалось. И сколько раз она не возвращалась в видения, где Бахо объяснял ученице плетение, ничего не выходило. Только пальцы обожгла, да старую тумбочку заставила вспомнить вторую молодость и зацвести.

Задачу решила случайность. Когда Катя в очередной раз плела заклятие, сидя за столом и гипнотизируя горшок с цветком, её занятием заинтересовался прадедушка.

— Надо не так, а вот так, — поправил её плетение, проходивший мимо Пётр Иванович.

Цветок приобрел огненную расцветку, а порядком уставшая и издерганная Катя в полном шоке уставилась на прадедушку.

— Говорил тебе, читай больше, тогда бы знала какие линии за что отвечают, а не повторяла бы их бездумно, — проворчал он и направился греметь на чердак.

Катя уронила голову на стол и выругала себя не самым лестным словом. В тот же день в её комнате появились книги из личной библиотеки Петра Ивановича. Тогда же она узнала, что прадедушка самоучка и в плетениях разобрался без посторонней помощи. Всё, что он узнал о магии, он узнал из книг. На каждой странице имелись его пометки.

Первая же страница испугала Катю сложностью знаков и плетений, как ядерная физика первоклассника. Да еще и язык был не тот, на котором разговаривали в Эфере... Катя его знала, однако всё равно у неё ломались мозги от зубодробительного произношения и манеры чтения по кругу от центра. Круглые книги... к такому жизнь её не готовила.

Литература перекочевала на кухню, где Пётр Иванович наматывал клубки на продажу.

— Мне нужна помощь... научите, — жалобно сказала Катя и подвинула книгу с раскрытой страницей.

— Зачем же ты с таких сложных плетений начала? — хмыкнул он и, словно подготовился заранее, положил перед ней книжку с детскими иллюстрациями. — Вот с неё начни.

— Но она же детская...

— Ты о колдовстве знаешь меньше, чем харурский ребёнок. Если что-то будет непонятно, спрашивай.

— А можно ли как-то загрузить знания в мои мозги, как произошло со знанием языка? — уточнила Катя, пальчиком ткнув книжку.

— То, что ты знаешь местный язык — явление временное, — вздохнул прадедушка, берясь за новый моток.

— Чего?! — опешила правнучка. — Как так?!

— Язык знаешь не ты, а хранитель, подселившийся в тебя, — терпеливо пояснил Пётр Иванович. — Как только он выйдет, ты перестанешь понимать эферский язык. Кое-что останется, но тебе придется его учить практически заново.

— Вот же задница...

— Не ругайся и бери книжку. Заодно язык подучишь.

Разочарованная Катя отправилась обратно наверх читать детскую литературу по магии. Надо же с чего-то начинать.

Заклятие поддалось ближе к спячке последних хранителей. Одно из тысячи других, но

даже маленький успех Катю несказанно обрадовал. Начало положено. Оставалось уговорить хранителей помочь.

Дахот выслушал её план с каменным выражением лица. Он долго ей не отвечал и разглядывал огненный цветок в горшке.

— Ты предлагаешь спрятать всех хранителей в подвале Петра, — наконец заговорил хранитель, — а здесь оставить приманку, чтобы охотники потратили драгоценное время на поиски?

— Да!

— Есть одна маленькая проблема...

— Какая?! — воскликнула Катя с отчаянием.

— Лафо не боевой хранитель. Несмотря на всю свою силу, она может быть... не готова к встрече с бандой головорезов.

— Серьезно?! — потеряла терпение Катя. — Зачем её тогда деревню оставили охранять, если она за себя постоять не может?

— Здесь иные обстоятельства. Охотники — люди с даром. Понимаешь? Не просто толпа увальней с дубинками, а подготовленные наёмники, которые охотятся на нас не первый год. Даже Эфо с ними было непросто справиться, если доходило до схватки.

— Тогда вас рядом с ней спрятать! Сделайте хоть что-нибудь! У меня ощущение, что я единственная, кто здесь хочет, чтобы не погибли молодые хранители, а вам всем плевать! Почему вы находите сотни отговорок, чтобы ничего не делать?!

Дахот молчал, вместо него ответил появившийся из красного тумана Дахир:

— Мы сделаем то, о чём ты просишь.

— Но!.. — хотел возразить Дахот.

— Мы сделаем, — перебил его Дахир. — Так хочет лес.

— Мне плевать, что он хочет! Когда-то я уже подчинился ему...

— И остался в живых! Смирись! Наше прошлое никак не изменить!

Катя недоуменно переводила взгляд с одного брата на второго. Смысл их диалога ускользал от неё и хранители как-то не торопились ей ничего разъяснить и подсказывать.

— Чтобы не произошло, это будет на твоей совести, а я умываю руки, — произнес на русском Дахот и испарился в фиолетовом тумане.

— Что не так?! Я не понимаю! — повернулась к Дахиру Катя.

— Не бери в голову, это наши семейные разногласия, — коснулся её плеча красный хранитель. — Иди домой, а мы сами перенесем юных хранителей. Но запомни то, что я скажу. Скорее всего Лафо не почувствует приближения охотников. Они будут рассчитывать, что деревню охраняет сам Эфо, соответственно придут подготовленным для встречи с ним. Лафо окажется совершенно беззащитна перед ними. Ей нужно время, чтобы пробудиться, которого у неё не будет. Поэтому надо предугадать их появление. Выставить часовых или еще как-то отследить их...

— С помощью моего дара я смогу узнать, когда они появятся! — воскликнула Катя.

Хранитель не разделил её энтузиазма, лишь сильнее сжал плечо, едва не проткнув одежду когтями.

— Они, скорее всего, придут ночью, когда никто не будет готов, — продолжил он. — А возможно даже в такую погоду, в которую их не увидят. У Лафо должно быть время, чтобы принять меры.

— Я поняла, — кивнула Катя.

— Катя... я не исключаю, что тебя посетит видение... оно может быть...

— Неприятным? — лёгкомысленно уточнила она.

— Да. Поэтому запомни, что Лафо может пробудить только твой прадедушка. У него с лесом договор, он может призывать хранителя, оберегающего деревню.

— Я запомню.

— Будь осторожна.

— Спасибо, Дахир!

Осчастливленная Катя убежала в деревню, уверенная, что отныне всё будет хорошо. Хранители смогут их всех защитить...

Сидя на бочке, Катя смотрела, как Дахот с осторожностью размещает горшочки с уменьшенными спящими хранителями.

Они находились в одном из потайных ходов, о которых не знал Пётр Иванович. И все потому, что новый проход хранитель создал всего за пару мгновений.

— Может, всё-таки стоит сказать дедушке? — спросила Катя.

— Если я против этой затеи, то он и подавно не обрадуется. Пётр Иванович никогда не любил идти на риск. Ты же затеяла самоубийство, а мой брат тебя поддерживает. Ладно он... тебя поддержал отец леса. Я не могу ему не подчиниться.

— Меня поддержал Иро? Круто!

Дахот вздрогнул и очень странно посмотрел на Катю.

— Никто не знает о том, что он — отец леса, — произнес хранитель с тревогой.

— Ну, дар у меня такой: видеть тайное. Что поделать?

— Катя, ты с огнём играешь, — выпрямился хранитель. — Иро может посчитать, что мёртвая ты полезнее. Сегодня он к тебе благосклонен, а завтра с улыбкой перережет тебе глотку...

— У него нет и не может быть друзей... я знаю.

— Раз знаешь, то помалкивай о том, какие тайны леса тебе раскрывают видения! — он приблизился к ней вплотную. — Это там ты — хранитель, здесь ты — человек, у которого в груди живет смерть! — Дахот ткнул когтем в кляксу. — Разозлишь Иро и тебе точно конец! Не забывай об этом!

— А разве не Иро приказал Эфо убить меня? — недоумевала Катя.

— Не он... Иро не единственный отец леса, которому мы подчиняемся. Сейчас он заинтересован в тебе, и это единственное, что тебя сейчас защищает.

— Но видения мне просто подсказывают. Разве это не хорошо? Я нашла решение!

Дахот глубоко вздохнул, явно желая обозвать Катю не самым лестным образом.

— Моя мама, — впервые заговорил о матери хранитель, — ненавидела свой дар из-за видений. Из-за них она неоднократно просыпалась с криком ужаса. Большую часть времени их блокировали, потому что мама видела не только подсказки.

— Я всегда могу проснуться...

— Однажды ты поймешь, что я прав и что с видениями нужно быть осторожным. Ты не Бахо. Он контролировал свой дар и мог прерваться.

— Но я могу научиться!

— Научишься... — без привычной ехидцы мягко произнес Дахот, — но для этого нужны десятки, а возможно и сотни лет, а не пара месяцев.

— Почему я должна бояться своего дара? Не понимаю.

Дахот усмехнулся.

— Ты уже сейчас хочешь остаться во сне. Не так ли? Особенно, когда чувствуешь, как тот другой безумно счастлив.

— Откуда...

— У тебя свои тайны, а у меня свои, — прежде чем вернуться к своему занятию, он погладил запястья, где на краткое мгновение отобразились множество татуировок.

Замысловатые узоры кольнули память. Нечто похожее тётя Ульяна сделала Кате... однако они почему-то пропали. Если бы только тётя рассказала о путешествия в другие миры раньше прыжка, Катя бы ни за что не пропускала бы приём лекарственного чая, а тело покрыла бы вдоль и поперек татуировками. Может, прямо сейчас Ульяна разрабатывала план по спасению племянницы? Хотелось в это верить.

— Дахот... вы должны мне два ответа на два вопроса, — решила Катя.

Если судить по коварному выражению лица, к хранителю снова вернулась ехидность. Катя засомневалась в здравости решения, но все-таки спросила:

— Ответьте, как вернулась домой Ульяна?

Ехидная ухмылка слетела с Дахота в то же мгновение. По белоснежной коже пошла рябь, обнажая еще большее количество татуировок на теле и на лице.

— Что ты спросила? Повтори, — попросил он севшим голосом.

— Как... как вернулась домой Ульяна? — с сомнением повторила Катя. — Вы же знаете. Она — моя тётя, она была здесь, вы ей помогали. И я видела её с моей мамой в ночь жертвоприношения. Она... пыталась спасти меня. Мне же не привиделось! Как она вернулась домой? Ответьте!

— На этот вопрос нет ответа, — сглотнул Дахот. — Ульяна всё еще здесь.

— Не верю... — Катя сползла по стенке спиной и плюхнулась на пол.

— Значит, тебе надо вернуться не только домой, но и в своё время. Потому что сейчас ты в прошлом, — сел рядом с ней Дахот и нервно рассмеялся. — Мне самому интересно... как Ульяна сумела, так как сейчас она не в силах покинуть наш мир.

— Я не знаю... она никогда не рассказывала... может быть я вообще из другой реальности пришла? — потерянно произнесла Катя.

— Исключено.

— Почему?

— Такой способностью не обладает никто. Огненные могут только заглядывать.

— Дахот... второй вопрос... вы знаете, какой сейчас год в моем мире?

— Тысяча девятьсот девяносто первый, — без раздумий ответил хранитель.

— Вот же мать его зараза! — сделала неутешительный математический подсчет Катя. — Как меня всё это достало... ну зачем все эти сложности?... Хочу настоящий кофе, хочу самую большую шаурму, а не это всё! — она обвела рукой пространство. — Надеюсь, на этом шокирующие новости закончились.

Дахот громко заливисто расхохотался.

— Мне не нравится ваш смех...

— Забей, — на русском сказал хранитель и исчез в фиолетовой дымке.

Катя стукнулась затылком о стену. Количество вопросов только увеличилось. Неужели у неё имелась возможность самой поучаствовать в событиях прошлого? Возможно, вернуться вместе с Ульяной домой... кто его знает...

Щека горела от удара, а волосы еще немного и оторвут вместе со скальпом. Разум отказывался верить. Кошмар не мог ожить. Не мог. Катя смотрела на последствия своего поступка, на маленькое желание защитить юных хранителей. Пришедшие звери в человеческом обличье не щадили никого. Они жгли дома и убивали людей вместе со спящими хранителями.

— Вот так улов! — кричали со всех сторон довольные голоса. — Поймали самую белокрылую!

Безуспешно дергала цепи хранительница под хохот охотников. Она силилась разорвать путы, но лишь сломала одно из крыльев, вскрикнув от боли.

— Как тебе такирская цепь, милашка? — кричал кто-то из толпы. — Даже тебе её сломать не под силу! За твою голову нам каждому хорошо заплатят!

— За меня отомстят! — прорычала Лафо.

— Эти сказки рассказывай деревенским, нам твои угрозы не страшны, — хохотнул вожак. — Общайте деревню и найдите огненного ублюдка. Без него я отсюда не уйду.

Он же взмахнул мечом и срубил хранительнице голову под крик пойманной Кати.

Дома пылали, люди убегали и кричали, пока их догоняли и убивали. Снег давно окрасился в красные и чёрные цвета, смешиваясь с грязью.

Реальность оказалась... другой. Не такой, как себе представляла Катя, не такой как показывали в фильмах. Грязная, некрасивая реальность ворвалась, сметая всё живое на своём пути. И только тогда Катя осознала, что абсолютно беспомощна перед опасностью и что подставила не только себя, но и всю деревню и оберегавшего жителей хранителя.

Её за волосы удерживали мужланы, далекие от брутального идеала тёти Оли. От них несло потом и нечистым телом. Из рта пахло дерьмом и брагой. От одного их прикосновения к горлу подкатывала тошнота.

Нескольких деревенских девушек повалили на землю ради одной понятной цели. Их крики резали слух и поселяли в душе леденящий ужас неотвратимости.

Надо проснуться. Проснуться. Сон. Нет никаких криков, нет жара огня. Проснуться до того, как ближайший ржущий подонок снимет штаны...

Ей задрали юбку и разорвали одежду на груди. Одной такирской цепи хватало, чтобы сдерживать её любую попытку к сопротивлению...

Проснуться. Проснуться. Кошмар должен закончиться.

— Она испорчена лесной мерзостью, — схаркнули рядом с Катей. — Оседлаешь её, так она тебе х...р оторвет.

— Так зачем она нам вся?

Длинный кривой нож вытаскивали из ножен, как немой смертный приговор. С ней собирались разделаться, как разделались с Лафо... Эфо не проснется... его сдерживала цепь...

Реальность смердела. Реальность въедалась в кожу. Реальность оставляла рубцы на памяти. Реальность оглушала и приносила боль. И четкое осознание, что смерть близка и что Катя оказалась не тем героем, который выживал в конце. Один раз её уже убивали. И вот смерть снова стучалась в двери. Беспощадно и свирепо вгрызалась, напоминая о близости. Катя сама её пригласила. Играла и не принимала всерьёз. Ей казалось, что с ней ничего

страшного никогда не произойдет, что она особенная и беда пройдет её стороной... не прошла...

— Я хочу жить, — заплакала Катя, не в силах оторвать взгляд от блестящего лезвия.

Раздался смех, а затем нож вонзился в грудь. Вспышка боли ослепила. Каждая частичка тела отчаянно цеплялась за жизнь, но она утекала вместе с теплой кровью и судорожным дыханием. Охотники хохотали, пока она умирала на грязном снегу.

Сон не кончался, даже когда нож вонзился в её тело повторно.

— Вот же живучая сука!

— Хранителя бей. Она не сдохнет, пока он живой.

— Так даже веселее!

— Хватить забавляться! Поторопись и убей её!

Удар, еще удар. Крик Петра Ивановича. Обезумевшее от боли сознание лишь мельком уловило, как прадедушку повалили на снег и проткнули как коллекционную бабочку мечом.

На улицу выволокли спящего рыжего хранителя.

— Олес! — позвала Катя мальчика голосом Эфо.

— Бей суку! Добивай! Руби её!

Перестали чувствоваться руки и ноги, но умирающий хранитель продолжал тянуться к еще живому мальчику.

— Дедушка? — пробудился юный хранитель и сонно потер веко, еще не видя всего ужаса, что творилось вокруг.

— Держи его!

— Нет! — осознав опасность, мальчик попытался сбежать.

Сонное тело подвело молодого хранителя — он повалился лицом в снег под хохот охотников. Подростка растянули цепями за руки и ноги. Первым делом ему оторвали крылья...

«Я не хочу этого видеть...»

Катя проснулась в холодном поту и коснулась груди, куда вонзился нож. Невидимые порезы жгли и болели, неприятно шевелился Эфо. Ему тоже сон не пришелся по вкусу, но одного сна оказалось недостаточно, чтобы пробудить его от спячки. Кошмар или же очередная альтернативная реальность, где ей показали, чем могла закончиться её безумная затея?

Ноги и руки казались ватными. Катя никак не могла избавиться от увиденной реальности. От запаха. Даже когда она находила мертвых хранителей, запах смерти не был настолько силён.

— Что же мне делать?! — произвольно заплакала Катя. — Дай ответ...

Но ответа она не услышала, лишь завывание ветра за окном.

Собравшись с духом, Катя зажгла свечу и спустилась вниз, где на печи спал и грел кости прадедушка. Она с виноватой миной потормошила его. Пётр Иванович резко проснулся и закрылся рукой от света свечи. Увидев с спросонья заплаканное лицо правнучки, он не шутку перепугался.

— Что случилось, Варенька? — с необычайной резвостью спрыгнул прадедушка с печи. — Что произошло? Обидел кто? Болит что?

— Я видела сон, — призналась Катя, утирая слёзы. — Я виновата, прости. Я не знаю, что мне делать и как их остановить. Я думала, что помогаю, но сделала только хуже. Они

идут сюда... они убьют Лафо...

Она ожидала, что он будет её переубеждать и уговаривать забыть, что не стоит верить снам, но Пётр Иванович повел себя не как здравомыслящий человек:

— Ты видела, откуда они придут и когда? — он крепко обхватил правнучку за плечо.

— Нет, — всхлипнула Катя. — Я видела только то, что они сделают... было больно, как на самом деле, — она снова коснулась грудной клетки, ощутив боль от удара ножа.

— Погоду помнишь?

Катя посмотрела в окно.

— Была такая, как сейчас...

— Идём!

Едва накинув на плечи тёплое пальто, а на правнучку шубу, он запалил фонарь и, невзирая на пургу, приблизился к дереву, где спала хранительница.

— Ты уверена в своих словах? — повернулся к ней прадедушка.

— Д-д-да.

— Хорошо, — он коснулся руками ствола и зашептал: — Я к лесу взываю, совета прошу.

Весь ствол засветился, а затем пришёл в движение, обнажая спящую внутри хранительницу. Чтобы полностью пробудиться ей потребовалось больше десяти минут, которые Кате казались часами. За это время их десятки раз могли всех поубивать. И даже после пробуждения необычайно вялая Лафо шевелилась с заторможенностью.

Пётр Иванович терпеливо ждал, когда она разомнет крылья и проснется.

— Я не чувствую угрозы, зачем ты меня пробудил? — с укоризной спросила Лафо.

— Внушеньке приснился сон...

— Ты пробудил меня из-за сна девчонки?! — в голосе хранительницы прозвучал гнев. — Пётр, я до сих пор была к тебе милосердна, но могу требовать ту цену, что вы мне никогда не платили!

— Но я видела... — попыталась вмешаться Катя.

— Мне плевать, что ты видела! — закричала Лафо, перебивая её. — Ты видела то, что показал тебе мой отец! Я не собираюсь выслушивать бредни! Будить меня среди зимы...

Катя не дослушала, так как провалилась в очередное видение.

Эфо шел впереди, спускаясь по старинной каменной лестнице. Шедшая следом Катя поежилась, обнимая себя руками и крыльями, как плащом. Каменные идолы и статуи навевали жуткое впечатление, нос щекотало запахом одного из священных цветков.

— Похоже на склеп, — проговорила она, спустившись вслед за Эфо в подвал с горящими красными кристаллами.

Муж как раз зажигал веточку сушеных листьев и ставил их в поминальную чашу.

— Это и есть семейный склеп, — отозвался он, складывая руки в местном молитвенном жесте: кулак, прислоненный к раскрытой ладони.

— И кто здесь покоиться? — вздрогнула Катя, встав по правую руку от Эфо.

— Лафо — моя младшая дочь, — ответил он, продолжая смотреть на тлеющие веточки. — Она выбрала людей, состарилась и умерла в кругу людской семьи. Иногда сюда спускаются её потомки.

— И они знают, что она была твоей дочерью?

— Да, они специально подчеркивают родство со мной. У них на гербе моя колючая лоза. Их род считается одним из самых сильных среди людского племени именно за счёт

моей крови.

— Как так получилось, что Лафо осталась человеком?

— Мы не отбираем детей у человеческой семьи, пока они не достигнут возраста изменений. Лафо росла с бабушкой и дедушкой, так как родная мать, что ртула гулящая по свету моталась, пока её не зарезал бывший любовник. Иногда такое случается, что душа наших детей слишком привязана к роду людскому и тогда превращения не происходит. Лафо здесь любили, поэтому в лес уходить она не пожелала.

— И каково это... пережить собственную дочь?

— Грустно, — вздохнул Эфо, убирая руки за спину. — Я не вмешивался в её людскую жизнь и наблюдал издали за тем, как она росла, вышла замуж, обзавелась детьми. Я пришёл к ней... попрощаться, когда она уходила. Я пришёл в людском облике и хотел затеряться среди множество родственников и друзей, но она меня узнала и попросила подойти, принять истинную форму.

— Зачем? Она что-то сказала тебе?

— Она сказала мне, что всегда чувствовала мое незримое присутствие и благодарна мне за то, что все эти годы я хранил её семью от беды, а ей позволил прожить обычную человеческую жизнь и не забрал её в лес. Сказала, что такого отца желала бы любая дочь, а затем умерла с улыбкой на устах. Такой её и сожгли, с улыбкой. Она на всех картинах улыбается. Она так любила людей и жизнь среди них, что я даже не представлял её хранителем.

Катя погладила его по спине, ощущая ту боль, что он испытывал. Безусловно Эфо хотел, чтобы Лафо превратилась в хранителя и прожила долго, но он предоставил ей выбор. И она его сделала.

Ни Лафо, ни Пётр Иванович ничего не заметили и продолжали спорить. Перед Катей стояла задача убедить хранительницу поверить. Неважно как, иначе произойдет то, что она видела во сне. У них слишком мало времени для споров.

— Ты ненавидишь отца за то, что он не дал тебе выбора, — услышал Катя свой голос, словно чужой. — Ты хотела быть человеком, а не хранителем.

— Замолчи, — сразу отреагировала Лафо.

— Он не уберег твоего ребёнка! Олеса убили, когда Эфо уснул!

Лафо замахнулась для пощёчины, но Катя лишь подняла выше подбородок:

— Они придут в деревню за Олесом, остальных убьют за компанию, — отважно продолжала Катя. — Вместе с ними убьют и тебя. Отрубят голову, связав такирскими цепями. Они тебя не боятся. Они думают, что в деревне Эфо, поэтому придут на сражение с ним.

— Ты лжешь!

— Они и твоего отца убьют, — наступала Катя на изумленную Лафо, — отрубят руки и ноги, пока он из последних сил будет тянуться к умирающему Олесу, потому что ты слишком упряма, чтобы поверить мне!

— Поверь ей! У неё есть дар! — вторил Пётр Иванович. — Она действительно видит!

Лафо замерла, словно её током ударило. Она безошибочно взглянула в сторону подвала, куда перепрятали спящих хранителей.

— Папа...это он тебе показал, куда прыгать... он хочет прыгнуть за Радой, вот она цена вашего возвращения домой.

Катя промолчала, а Пётр Ивановичи обнял правнучку за плечи.

— Теперь я чувствую, они... очень близко. Их много, — глухо сказала Лафо, закрыв глаза.

Она недолго думала, погрузила обе призрачные руки себе в грудную клетку, извлекла жизненную энергию хранителя и вложила её в обледеневшие руки Кати.

— Мой зов заставит прийти отца леса.

Люди слишком поздно поняли намерения хранительницы и не смогли ей помешать. Лафо с криком проткнула себя своими же крыльями. На снег брызнула кровь. Однако от действия хранительницы отозвался не только отец леса...

Спину обожгло болью. Обычно Катя не помнила пробуждения хранителя, но не в этот раз. Эфо подхватил дочь до того, как она упала на землю.

— Лафо! — вырвался из глотки его звериный крик.

— Девочка слишком много знает... папа, — горько произнесла Лафо, безвольно повиснув на его руках. — Даже в мою душу заглянула...

— Зачем? Ты могла сбежать! Мы спасём их позже, когда вернем Бахо!

— Теперь я понимаю тебя... — она коснулась его лица дрожащей рукой, — твою злость... твою ненависть... мне не нужно позже... папа, я не хочу потерять его снова...

Жизнь в её глазах померкла, а рука упала на белые одежды. Она приобрела человечески облик, который всегда любила. Светлые волосы рассыпались по белоснежному снегу и погасли, а крылья рассыпались белым пеплом.

Со стороны лесной чащи раздался чудовищный рёв, а в небо взмыли тысячи разноцветных светлячков.

— Увидимся следующей зимой, дочка... — закрыл её глаза Эфо.

Рядом с мёртвой хранительницей возник Жахо. Он обнял её обмякшее тело и с болью поцеловал в макушку.

— Почему я не погиб вместе с ней? — задался вопросом Жахо.

— Она не умерла, потому что свою жизненную силу отдала девчонке, — ответил Эфо. — Защищай деревню... она бы этого хотела.

Синие глаза хранителя ярко засветились. Жахо исчез вместе с Лафо в синем тумане.

— Я могу чем-то помочь? — тихо спросил сзади Пётр Иванович.

— Не путайся под ногами, колдун, — жестко посоветовал Эфо. — Сюда идет отец леса.

Метель идеально скрывала людей от взора леса. Погода оказалась благосклонна к охотникам. Они ехали верхом на ящерах, невзирая на холод и неприветливый колкий снег. Первый огненный хранитель за пару сотен лет сулил им несметные богатства. Его появление заставило объединиться даже самых непримиримых врагов, а лишних в любой момент можно убрать, списав на героический конец...

Охотников вел матерый воин по имени Орклав, на его счету было множество побед над хранителями, в том числе и сильными. Его команда целенаправленно шла за головой Эфо, стоившей не меньше, чем кристалл. Да и добыча с него почетней, чем с несмышленного подростка.

Когда весть об огненном распространилась по Эферу, никто не усомнился, что его охранял чёрный Эфо и что в этот раз хранитель не позволит взять себя врасплох. И обманка в лесу только убедила охотников, что Эфо намеренно увел след в деревню. Именно поэтому в дело подключили феодалов, заручившись их поддержкой и деньгами, а уж они привлекли к делу самых опытных и самых матерых охотников.

Пора было кончать зловредную чёрную тварь.

От Эфо мечтали избавиться давно. Без него лес потерял бы внешнюю защиту, а там можно и до сердца добраться и прибить последнего древнего — Иро. Столько сколько он человечеству не вредил ни один хранитель.

Сквозь пелену метели охотники разглядели одинокую фигуру селянки в шубе, безразмерных валенках, шерстяной юбке и платком на голове. Девушка взглянула на головорезов пустым и отрешенным взглядом сияющих зеленых глаз, а затем сняла платок. По ветру разметалась копна длинных рыжих волос.

— Огненная? — с сомнением остановил ящера Орклав, никогда раньше не видевший рыжего человека.

Сбросив шубу и подобрав длинную юбку, девчонка легко выпрыгнула из валенок и побежала босиком по снегу в сторону деревни. Как стая псов за лисицей некоторые охотники бросились вслед за рыжей беглянкой.

— Стоять, ктулухи, это ловушка! — рявкнул Орклав.

Однако самые нетерпеливые всё равно исчезли в метели, за которой скрылась девчонка. За плотной снежной пеленой раздались предсмертные крики, а в толпу людей бросили отрубленные головы неудачников.

— Вселился в бабу, что и следовало ожидать от зловредной твари леса, — проворчал Орклав. — Ну что ж, мразь, я тебе в прятки играть не позволю. Я твои повадки знаю.

Хранители опасны в незримой бестелесной форме. Поэтому у охотников имелись артефакты, делающих тварей видимыми и осязаемыми. Только в материальной форме хранителя можно убить. Зимой они не так сильны, как в тёплое время, но неприятностей доставить могли.

Орклав активировал артефакт и крепче сжал узды, когда неподалеку от толпы людей материализовался Иро... При виде его, охотники попятились, как от пугала.

— Испугать нас обманом Дахота решил?! — захохотал Орклав. — Так мы и дружка твоего кончим!

Он активировал второй артефакт, но иллюзия не развеялась. Фигура в чёрной одежде и

страшной маске осталась стоять, что значило одно: Иро настоящий.

— Кто приходит в лес с войной, не покинет чашу никогда, — медленно заговорил Иро, играя когтистыми пальцами.

— Ты же сказал, что его здесь не будет, что он сердце охраняет! — взвизгнули из толпы охотников.

— Время мести, Орклав свирепый, непобедимый и неуловимый, — насмешливо продолжал Иро. — Ты долго избегал мести леса. Пришел час расплаты.

— Не думай, лесная тварь, что я тебя испугался! — заорал Орклав в ответ. — Сегодня ты падешь! А нас запомнят, как героев, победивших чёрного Иро!

— Что ж, попробуйте, — Иро снял маску.

Из тумана материализовались другие хранители. Самые сильные. Самые свирепые. И среди них была та, что страшнее всех.

— Красная чума... — зашептались за спиной с благоговейным ужасом.

При виде лесной ведьмы даже у Орклава руки дрогнули. Он вглядывался в страшную маску, скрывавшую нижнюю часть её лица, обрамленного длинными алыми локонами. В красных глазах горел лазурный зрачок. Без оружия в алом платье с перьевым воротником и глубоким вырезом на груди, открывающим ценнейший жизненный кристалл — лазурный... такой же дорогой, как солнечный.

Насмехаясь, ведьма, погладила кристалл, вплетенный в её кожу лазурными жилами. Она словно манила к себе, чтобы подошли и забрали драгоценность, сулившую желанное обогащение. Но Орклав слышал, как она убивала. Тварь заражала всех вокруг себя смертоносными спорами, а тех, кого не брали споры, добивала крыльями или ядом. Те, кому удавалось ускользнуть из её когтей, приносили в города болезнь...

— Какая честь, сама Красная чума почтила нас вниманием, — у Орклава нервно дёрнулся уголок губ.

— Пришло время травить паразитов, погубивших наши ростки, — ласково проворковала мать леса.

Орклав оглянулся, заметив рыжую девку с почерневшими глазами и отросшими чёрными крыльями.

Мстительный Эфо не даст никому сбежать. Перебьют всех. Даже один Иро — опасен, но в компании Красной чумы... у них нет шансов уйти...

— Убьём всех лесных гадов! — рявкнул Орклав, в отчаянном желании отдать жизнь подороже. — Убьём Красную чуму и сотни поколений наших потомков будут обеспечены на всю жизнь! Лазурный кристалл будет наш!

Толпа взревела и пошла в атаку на лесных. Хранители избежали лобового столкновения, разметавшись по сторонам.

Иро перевоплотился в чудовище больной фантазии. И это чудовище сметало всё живое. Его слабо брала магия, ему не вредило оружие. Люди оказались совершенно не готовы к встрече с ним. Были и те, кто струсил при его виде, но сбежать им не позволил Эфо, перебив как трусливых ктулухов.

Эфо пронёсился смертоносным ветром в тылу, унося то одну, то вторую жизнь. Нырнул в толпу, как в косяк рыб, чтобы выхватить жертву и пронзить её крыльями.

— Забудьте об Эфо! Чуму гасите! — орал Орклав, знавший, кого не следовало оставлять за спиной.

Но именно к Красной чуме хранители не позволяли приблизиться, а если кому-то

удавалось прорваться через их строй, его ждали смерть от спор, выдыхаемых коварной тварью.

В битву подключились обычные хранители с не меньшей свирепостью, чем отцы и матери леса. Они мстили. Шли за Иро и добивали, кого он не добил. Сражались как звери. Вырывали сердца...

Битва продолжалась недолго. Охотники упустили драгоценное время: Красную чуму не зря боялись и ненавидели — она положила всех разом с помощью спор и метель только сыграла ей на руку. В живых остался один Орклав. Его она оставила на закуску.

— Следовало догадаться, что вы подготовили западню, — сплюнул кровь на снег человек.

— Вы о ней знали, но всё равно пришли, — прошипела Красная чума. — Ваша жадность — ваша гибель! Никто вас сюда не звал!

Из-под мёрзлой земли показались красные корни и утащили закричавшего Орклава, похоронив его заживо.

Несколько чёрных хранителей подвели к Красной чуме слабо сопротивляющегося Петра Ивановича.

— Наконец-то, твоя сила будет моей, — проворковала хранительница, приближаясь к колдуну.

— Дедушка, нет! — Катя подбежала и заслонила Петра Ивановича собой, обняла его за шею. — Не трогайте его! Вы же обещали не брать кровавую плату!

— Стой! Она права! — вмешался второй явно морской хранитель. — Ты не имеешь права забирать его жизнь! Она не твоя!

— Правила леса мне не закон, если мне что-то нужно, я прихожу и забираю это! — яростно ответила красноглазая.

— Пока цел мой барьер, ты никого здесь не убьешь! — прорычал морской хранитель.

— И почему девка до сих пор жива?! — красноглазая больно взяла Катю за волосы. — Она должна стать хранителем либо же сдохнуть!

— Она добыча Эфо, ему и решать, что с ней делать, — отвечал морской хранитель.

— Люди лживы, им верить нельзя, — поддался вперед еще один хранитель синей расцветки. — Они нарушают договоры, которые для нас до сих пор были нерушимы. Может и нам пора вспомнить о том, что и мы можем не соблюдать договор, если на кону стоит наше выживание. Из-за этого человека, — он указал на Петра Ивановича, — погибла гордость леса — белокрылая Лафо!

— Мы не должны им уподобляться! Лафо сама сделала выбор! — закричал морской. — Я не позволю, чтобы пролилась кровь друзей! Даже если вы все пойдете против меня, я встану на их защиту!

— Иро, это твоя территория, почему ею распоряжается Сохо? — засмеялась красноглазая. — Отдай этих людей мне! Я использую их силу, чтобы защитить солнечного хранителя! Он важнее для нас любого договора! Твои хранители просят о защите от людей меня! Твой лес в упадке! Посмотри на них! — она указала на стоящих за спиной Иро духов. — Из них только несколько безумцев хотят защищать этих людей! И то... Лафо сегодня погибла! Сильнейшая защитница отдала жизнь за кучку отребья!

Все взгляды обратились к молчавшему отцу леса.

— Девчонка за жизнь Петра и деревенских заплатила, — холодно ответил Иро и поднял руку. — И кто сказал, что Лафо погибла?

От его действия затряслась земля. Один за другим материализовались все спасенные Катей хранители. Они продолжали спать, но некоторые уже шевелились, пробуждаясь от зимней спячки.

Бодрствующие хранители вначале оцепенели, затем их ослепленные ненавистью и гневом лица посветлели. Они бросались к спящим детям, плакали, звали по именам.

«Они не знали...» — смотрела на разыгравшуюся сцену Катя.

Другие хранители подходили к ней, падали на колени, склоняли голову и молчаливо клали перед ней кто игрушку, кто погремушку, кто аккуратно сложенную одежду, а кто обрывок ткани. Катя в ужасе смотрела, как росла гора предметов, ведь за каждым из них скрывалась маленькая жизнь.

— Заглуши их мольбу, если сможешь, — вновь заговорил Иро. — Даже отними ты у девочки силу, ты не станешь вторым обманщиком времени.

— Я могу менять реальность...

— Им не нужен меняющий реальность. Им нужен обманщик времени, способный вернуть их детей из прошлого.

— Это не она! Это Эфо их спас! — упрямо крикнула ведьма.

— Без её дара и согласия, Эфо был бы бессилён. Поэтому на моей территории жизнь этих людей неприкосновенна.

— Скоро твой лес станет моим, и тогда либо они присоединятся к нам либо сдохнут.

— Пока я здесь хозяйин... дорогая.

— Да, любовь моя, ты хозяйин, — вновь засмеялась красноглазая. — А ты, Сохо, еще заплатишься за свою доброту. Не думай, что если твой лес находится в море, то люди или тэасы до него никогда не доберутся.

— Пока они до него доберутся, ты осквернишь его раньше, — мрачно отвечал Сохо.

Заметив боковым зрением движением, Катя повернулась, чтобы встретиться взглядом с абсолютно чёрными глазами Иро. Когтистая рука коснулась её лба и мягко провела по волосам к уху. Она вздрогнула от его прикосновения и побоялась пошевелиться.

— Ты будешь жить, пока полезна.

Он убрал руку и исчез в чёрной дымке.

Следом за ним подошел Сохо. Он наклонился, шепнул ей пару ободряющих слов и вручил ракушку.

Не обделила вниманием и ведьма...

— Что ж, сегодня вам повезло, но скоро я пробью барьер. Вам двоим не уйти от меня. Не присоединитесь к лесу, я вас обоих убью. Паразитам в нашем мире не место.

Пётр Иванович в защитном жесте обнял дрожащую правнучку, а Катя никак не могла избавиться от чувства, что голос ведьмы ей очень знаком. Только у одного человека она слышала этот воркующий, словно у голубки голос, который резко мог перейти в ястребиный крик.

«Не верю», — смотрела в лазурные зрачки Катя, не в силах оторваться от лица матери леса.

— До встречи, букашки, — улыбнулась одними глазами ведьма, пропадая.

Хранители в масках постепенно уходили, оставались только обычные хранители из леса Иро. К Кате приблизилась Михог.

— Простудишься, — сказала она, накидывая на плечи девушки шубу и передавая ей скинутые во время сражения валенки.

Одевшись, Катя с отвращением взглянула на свои руки. На них запеклась не только кровь Лафо, но и людей, которых убивал Эфо. Это она рвала и убивала, это она догоняла и пронзала, отбивалась от магии и слала в ответ шипы. Воспоминания услужливо подсказывали ей каждую деталь и каждое движение. И чем чётче приходило осознание, тем сильнее Кате хотелось домой. Да, её мир неидеален, там тоже происходило плохое, но дома не существовало чудовищ...

— Идем домой, — прошептал Пётр Иванович, поднимаясь. — Всё кончено.

— Дедушка...

— Мы живы, и это главное.

— Игрушки... — обернулась Катя к оставленным хранителями вещам.

— Я принесу, иди, — сказала Михог, мягко подталкивая её в спину.

На краю деревни их встречали толпа селян. Собралась вся деревня. На лице каждого был написан лишь один вопрос.

— Кровавой платы не будет! — громко сказал Пётр Иванович. — Расходитесь по домам!

— Ты уверен? — робко спросил Екимир.

— Да, уверен, — ответил колдун, проходя мимо жителей.

Селяне тревожно зашептались, заметив подтеки крови на руках, лице и одежде Кати. Тёмные люди, не зная истины, разумеется, додумают того, чего не было. Кате сразу захотелось умыться и стереть воспоминания, заглушить незримые крики, а еще очень сильно, невыносимо клонило в сон.

Маленький шатер, задымленный настолько, что трудно рассмотреть присутствующих. Курили все участвовавшие в допросе, а руководил процессом Ингварр, тот самый норвежец, которого Катя помнила из видений. Он задавал вопросы, а она упрямо молчала. Любой из её ответов, мог навести человека на то, что в её теле находился хранитель.

— Деточка, не заставляй меня применять силу, — с ехидцей произнес Ингварр, набивая трубку, — тебе очень не понравится, если я начну копать в твоих мозгах. Мы нашли здесь большое количество закопанных обугленных костей и все деревенские, как один говорят, что это твоих рук дело.

— Ингварр, она тебе ничего не скажет, я заберу её и сам допрошу, — донесся усталый голос.

Катя испуганно вздрогнула, повернув голову и замечая очень худого и измученного дядю Игоря, которого здесь знали, как Алексея. Неужели... Ульяна скрывалась под личиной, или кто-то из не слишком доброжелательных хранителей? На мгновение глаза «Алексея» приобрели красный цвет, когда он разглядывал стоящую на коленях Катю.

— Лёха, — повернулся к нему Ингварр. — Она — расэж, убьешь её в ходе допроса, выговором не отделаешься. На неё покупателя нашли. Деньги огромные.

— Серьезно? — вспыхнул «Алексей» и разорвал на груди Кати одежду.

Люди шарахнулись в испуге, один Ингварр невозмутимо продолжал курить, разглядывая чёрную отметину.

— Я передам, делай с ней, что посчитаешь нужным.

— Спасибо, Ингварр, — «Алексей» сжал Катю за плечо и поднял её с колен. — Не советую убегать в прошлое, я тебя быстрее и могу сделать тебе очень больно, — предупредил он пленницу.

Чем ближе «Алексей» приближался к своей временной обители в городе, тем сильнее в Кате крепились подозрения. Ульяна ли? Зачем им говорить наедине?

Приведя Катю в пропахший чесноком гостиничный номер, «Алексей» закрыл за ними двери и сразу же преобразился в Ульяну. Она не торопилась говорить и обошла Катю по кругу, словно ожидала некого подвоха.

— Вот мы снова и встретились. Может, наконец, ответишь мне, кто ты на самом деле и откуда пришла? — спросила Ульяна, больно взяв племянницу за подбородок.

— В смысле?.. — не поняла Катя, а затем до неё дошло. Она родилась в девяноста седьмом году, а Ульяна исчезла в девяноста шестом до её рождения, поэтому знать не знала ни о какой племяннице. — Я — Катя — твоя племянница и дочка твоей сестры Светки.

— Эту легенду я знаю.

— А вот я не в курсе...

— Из отката в откат ты мне мешаешь, — продолжала тётя. — Лезешь и отвлекаешь. Ты думаешь, что достаточно сильна, чтобы освободить её? Тебе не надоело эта бессмысленная игра в героя? Неужели пытки не помогли тебе просветлеть и понять, что против меня бороться бесполезно.

— Эм... ты меня извини, но я не поняла и десятой части того, что ты сказала, — призналась Катя.

— Хм, забавно, в очередной раз строишь из себя невинность.

— Ничего я не строю! Ты меня ни с кем не перепутала?!

— Мы обе знаем, что ты лжешь и тебе меня не обмануть. Или тянешь время? Он где-то здесь? — она повертела головой, словно хотела кого-то найти. — Ждешь, что он тебя спасёт? Увидела его в своих видениях?

— Кто здесь?! Я реально не понимаю, о чём ты?!

На стол перед Катей легла знакомая книга с пышногрудой барышней на обложке.

— Вот что за ловушку ты для меня подготовила? — усмехнулась Ульяна, делая шаг назад. — Хочешь превратить меня в бесполезную домохозяйку? В человека? Стереть меня захотела, маленькая ридла.

— Это твой дневник, переделанный твоей сестрой Олей под любовный роман! Ты сама его написала, я тут причем?! — не выдержала Катя. Казалось, что Ульяна как и Бахо разговаривал не с ней, а с кем-то другим...

— Ты не находишь, что это нелогично... в моем положении, — её глаза приобрели красный цвет, а зрачок зажегся лазурным светом.

Катя, наконец, поняла, с кем имела дело на самом деле и медленно отступала к окну, в надежде вывалиться в какой-нибудь стог сена.

— Стоять! — рявкнула Ульяна.

Девушка закричала, когда её обвинили красные корни.

— Ты ведь умная девочка, понимаешь, что в этот раз ты проиграла, и спаситель не придет? Бессмысленно тянуть время! Я перекрыла все подходы сюда!

Катя сжала губы не в силах поверить в происходящее.

— Ох, давай без слёз. Плакать и я умею. Твое дурацкое будущее для меня не наступило и никогда не наступит. Твоя борьба за него просто глупа и нелепа. Ты пытаешься предотвратить неизбежное. Я всегда выигрываю, лапочка, сколько бы ты не откатывалась вместе со своим дружком.

— Каким, мать его, дружком?! Моим единственным другом здесь был Пётр Иванович! Твой дедушка, которого ты убила! — обвинительно закричала Катя.

— И что с того? — ухмыльнулась Ульяна. — Да хоть мать. Я сотру любого, кто встанет на моем пути и помешает моим планам. Прежняя жизнь моего тела больше не имеет значения.

У Кати расширились глаза. С тётей ли она говорила? Что за чудовище приняло её облик? Ульяна ли перед ней стояла?

— Эфо, проснись и покинь её тело, — приказала ведьма.

Катя почувствовала, как сердце пронзила боль, а затем нечто недоброе зашевелилось внутри. Через несколько мгновений из её грудной клетки просочился чёрный туман, сложившийся в мужскую фигуру. То же имя, тот же запах, но... искаженное яростью и ненавистью лицо.

— Благодарю за свободу, — сдержанно поклонился хранитель Ульяне.

— Ты же не против, если она умрёт?

Эфо наградил Катю таким испепеляющим взглядом, что сомнений в его намерениях не оставалось.

— Я передаю её тебе во благо всех нас.

Из носа и уголка губ Кати потекла кровь. Сердце билось как в агонии. В глазах темнело.

— О нет, ты умирать не спеши, ты мне пока нужна живая, — прикоснулась к её грудной клетке Ульяна, заставляя сердце Кати забиться медленнее. — Для ритуала мертвая ты

бесполезна.

— Как же так...почему? Тебя ждут дома...

— Подумай сама, глупышка, — заворковала Ульяна. — Здесь я сильнее любого создателя леса: они все подчиняются мне. Я скоро вычищу этот мир от грязи. От вас.

— Ты называешь грязью людей...

— Разве это не так?

— Это неправильно!

— Закон природы: сильные поедают слабых.

— Но не все хранители согласны с тобой!

— Они боятся перемен, а я несу перемены. Наши потомки не вспомнят, сколько крови я пролила для того, чтобы достичь для них рая.

— Ты сумасшедшая...

— Мне многие так говорят. В каждой войне есть жертвы, а мне необходима твоя сила. Твоя жизнь послужит благому делу.

— Эфо... — невольно позвала Катя.

— Бесплезно взывать к нему. Он конца вашего существования желает не меньше моего, если не больше.

— Рада... — не сдавалась Катя.

— Рада мертва, — поморщился хранитель, исчезая.

— Ну, вот ты и осталась снова одна, — усмехнулась Ульяна.

— Вам помешают!

— Тебе пора признать, что ты живешь не в сказке, где злодеи проигрывают. Мой младший сын как-то спросил меня, кем бы я хотела быть: злодеем или героем? Так вот, моя дорогая... племянница, злодеем быть выгоднее.

Когда Ульяна её телепортировала в лес, где хранители готовились к ритуалу, Катя никак не могла принять того, что предательство совершил самый близкий человек после матери.

— Возрадуйся, Катюша, ты послужишь новому будущему, где нет места людям.

Хранители поддержали её слова восторженными криками.

— Ты сама человек! — закричала Катя. — Ульяна!

— О нет, деточка, ты снова забываешься, я — главенствующая мать леса, а Ульяна мёртва. Да, дети мои? — обратилась она к хранителям.

И вновь её поддержали криками. В толпе Катя с удивлением заметила лицо Дахота, но он не кричал и не пытался, как-то воспрепятствовать матери леса проводить ритуал. Ульяна заметила направление её взгляда.

— Я понимаю твое предательство, Дахот, — обратилась ведьма к нему, — и твое желание пополнить количество огненных хранителей за счет этой девочки. Но ты не учел одного: желания Эфо. Да, он может превратить её в хранителя и оставить в живых, но не желает объединяться с человеческой падалью.

— Она спасла многих хранителей...

— Но не сумела заплатить за себя. За свою жизнь, она так и не заплатила. Она спасала детей не по собственному желанию, мой милый Дахот.

— Неправда! — закричала Катя.

— Её заставлял Эфо, так как это он хотел спасти наших детей, — проигнорировала выпад Кати Ульяна. — И заплатить за свою жизнь она могла только, если бы спасла дочерей Эфо. Такова цена её жизни. Он бы её сразу освободил. Но как бы она ни была сильна, ей

никогда не прыгнуть на триста лет в прошлое. Так далеко не может прыгнуть ни один человек.

— Ульяна могла...

— Она исключение, — ведьма коснулась его лица. — Чувства затмили твой разум, Дахот. Она не та, кого ты в ней видишь. Люус уничтожил то, что было тебе дорого. Она — призрак из твоего прошлого, который тревожит твою истерзанную душу, но ты должен понимать, что та *другая* мертва, и тебе её не вернуть назад. Пора отплатить людям и тэасам за то зло, которое они причинили нашему народу.

Катя обводила взглядом пространство в безуспешных поисках сочувствующих, но не находила их.

— Это не книга, а реальность, маленькая дурочка, — прошептала ей Ульяна. — И здесь герои... умирают первыми.

В сердце Кати вонзился кинжал. И последнее, что она видела — сожаление на лице Дахота.

Пробуждение нельзя было назвать приятным. Чудовищная боль в груди сбила дыхание. Эфо злобно ворочался, вырывался на свободу. Не впервые Катя почувствовала себя носителем чужого. Она сдерживала в себе врага, который убьет её при первой же возможности...

Катя ударила в кляксу.

— Прекрати, иначе потеряешь последнюю дочь! — прорычала она.

Эфо утихомирился и затаился, но Катя продолжала чувствовать его обжигающий гнев и ненависть.

Дахот оказался прав насчет видений. Сон не принес покоя. Нельзя путать одну реальность с другой. В неё вселился не тот Эфо, которого она видела во снах. Он не добрый и уж тем более не мудрый. Если у неё еще теплилась слабая надежда на милосердие палача, то после видения...

Катя встала и наклонилась к воде в чаше для умывания.

— А теперь послушай меня, кровожадный урод, — заговорила Катя, глядя прямо в глаза отражению. — Раз ты принимаешь только торгово-рыночные отношения и считаешь, что я за свою жизнь так и не заплатила, то вот тебе моя цена. Я возвращаю тебе одну дочь, и ты освобождаешь меня от долга и исцеляешь, а за вторую — защищаешь, пока я не вернусь домой. А вот за третью дочь, ты должен вернуть меня и Петра Ивановича домой и в мое время живыми и невредимыми. Если ты отдашь меня ведьме, то ты никогда не получишь дочерей назад.

Её глаза в отражении почернели.

— Договорились, — произнес Эфо, а ладонь Кати обожгло болью. — Если ты их не вернешь до того, как пробьют барьер, твоё видение станет явью.

Все внутри жгло от обиды и злости, глаза щипало от слёз, хотелось чем-нибудь запустить да потяжелее. Она столько сделала для того, чтобы спасти юных хранителей, а заслужила только нож в спину.

Катя спустилась вниз и направилась на улицу, чтобы подышать свежим воздухом, а там...

— Спасибо, тётя Катя! — хором раздались детские голоса, а затем последовал дружный смех.

Маленькие хранители, хихикая, разлетелись в разные стороны, остались только самые любопытные и маленькие под присмотром Жахо, укрывавшего их крыльями. Синий дух светло и радостно улыбался.

— Светлого дня, Катя! Весна наступила! — поприветствовал он её.

Жахо заметил её настроение и приблизился, взяв самую маленькую малышку на руки.

— Что случилось?

— Я... да видение расстроило, — призналась Катя, не в силах злиться на Жахо, который ей плохого ничего не сделал. Да и во снах он всегда был к ней добр. Его и деревенские жители любили.

Хранитель заметил рану на её ладони и сразу помрачнел.

— С Эфо заключила сделку...

— У меня есть выбор?

— На самом деле да, но ты выбрала самый простой и очевидный, — вздохнул Жахо. — Однако не мне тебя осуждать.

— Если ли хоть маленький шанс вернуть Бахо? Он-то смог бы всё разрулить лучше меня...

— Слишком велик риск вернуть вместе с ним Люуса. Бахо погиб в сражении с ним. От его тела ничего не осталось, а это значит надо вмешаться в момент сражения. Если Люус тебя заметит...

— Но разве это не прошлое?

— Всё не так однозначно с Люусом. Он менял реальность по своему усмотрению. Мы не можем рисковать. Нельзя, чтобы он вернулся. Он едва не уничтожил нашу расу. Ты заметила, сколько хранителей было во время боя с охотниками?

— Да...не густо...

— Это всё, что от нас осталось. Из огромного леса, осталась горсть сильнейших хранителей, кто еще способен дать отпор и спрятаться у сердца леса зимой. Тех, кто был слабее, убили давно.

— Значит, будет еще зима...

— Вернуть можно не только детей, — отвернулся Жахо. — Но взрослых возвращать опаснее. Они погибали в сражениях.

Мимо пробежали хохочущие дети лесных. Жахо грустно проводил их взглядом.

— Мы постараемся обучить их всему, что сами знаем до наступления холодов, чтобы они смогли пережить свою первую зиму.

— Разве они не приобретают память родителей после превращения?

— Знания без практики мало чего стоят, Катя. Думаю, ты и сама это понимаешь. Твои видения не сделали из тебя могущественную колдунью.

— Я поступила ужасно и... я ни о ком и ни о чем не подумала. Я не предусмотрела последствия. Я могла погубить всех...

— Будь у тебя выбор, ты бы поступила иначе?

Катя сжала кулаки.

— Наверное, нет. Я бы всё равно их вытащила.

— Жизнь за жизнь, — произнес Жахо. — Ни один человеческий ребёнок не умрёт в нашем лесу, если перестанут гибнуть наши дети. Идём, вернём Лафо к жизни.

— Жахо...

— Не оправдывайся, Эфо сам виноват в том, что произошло. Вряд ли он забыл наш

последний разговор...

Эфо вновь неприятно пошевелился, что явно говорило о том, что вину за собой он не признавал, однако никаких комментариев от него не поступило. Хотя его гнев и ненависть поутихли, когда в лесу зародилась почка с Лафо, а Катю посетила вспышка воспоминаний. Она увидела маленькую Лафо, спящую на руках у Эфо, поющего колыбельную...

Хранителю не понравилось подобное вмешательство в его прошлое: он перехватил контроль над телом Кати, чтобы треснуть её по лбу.

— Дедушка решил объединиться? — раздался знакомый юношеский голос.

— Нет, Олес, дедушка не собирается ни с кем объединяться, — терпеливо ответил Жахо.

— Но почему?! Она же ему подходит! И она сильная! Я бы объединился!

Жахо развернул его за крыло и толкнул в спину со словами:

— Иди, лучше погуляй с друзьями.

— Но папа! Она явно больше меня умеет и знает! Она бы могла меня обучить! Дедушка! — обратился он к Эфо.

Катя поперхнулась и закашлялась, неудачно поймав раскрытым ртом нерасторопную очаровашку.

— Ты сам говорил, что объединение это лучшее, что со мной может произойти! Почему же сам отказываешься?! Она сильная! Она принесет пользу лесу!

— Не зли дедушку, Олес, — глаза Жахо ярко запылали, когда он взял сына за плечо.

Олесу стоило только взгляд бросить на отца, чтобы замолчать и понуро исчезнуть в огненном тумане. Не стоило забывать, что Жахо, несмотря на всю свою мягкость и доброту, был самым древним хранителем после Иро.

— Извини его, он юн и многое не понимает, — не глядя на Катю, Жахо ласково коснулся почки, из которой должна была возродиться Лафо. — Он не знает, что Эфо был твоим палачом.

— Насколько вы старше Эфо? — ляпнула Катя первую глупость, что в голову пришла, лишь бы избежать неприятной темы.

Жахо снова улыбнулся.

— Я сам не знаю свой возраст, раньше года не считали.

— И Эфо нормально отнесся к тому, что вы объединились с его дочерью? Просто моя бы мама точно была бы не в восторге, если бы зять был старше её на пару сотен лет... — выпалила Катя, а затем неловко скривилась: — Извините... это было бестактно с моей стороны.

— Я работаю с детьми, а они и не такие вопросы задают, — еще шире улыбнулся хранитель. — И отвечая на твой вопрос, я бы не сказал, что Эфо обрадовался, но принял наш союз с облегчением, потому что Лафо болезненно металась между людьми и нами. Я не был тем, кого она любила в юности, но тот другой её предал.

— Что он сделал?

— Возлюбленный Лафо хотел расквитаться и посчитал прекрасной идеей использовать юную дочь Эфо для мести. Всё потому что Эфо обезглавил его отца. То была глупая пьяная смерть, а Эфо всегда был скор на расправу. Лафо заманили в ловушку и избili, чтобы выманить из леса Эфо...

Кате не надо было рассказывать, что Эфо мог сделать с обидчиками единственной оставшейся в живых дочери. Воспоминания о бойне еще продолжали тревожить её разум

кошмарами наяву.

— Лафо еще металась, когда пришла ко мне. И даже когда я ей сказал о возможности нашего объединения, она долго не решалась, так как объединение со мной отрезало бы её от людей навсегда. Но после того, как она встретилась с матерью, то сразу дала мне согласие. Разница в возрасте и недопонимание всё это исчезло с течением времени.

Кате вспомнилась Лафо с альтернативной вселенной, где та прожила человеческую жизнь. Если предоставить теперешней Лафо выбор и вернуться в прошлое... чтобы она выбрала?

Словно ответ на немой вопрос, почка откликнулась на прикосновения Жахо и его лица ласково коснулась призрачная рука. Катя поняла, что не имело смысла сравнивать Лафо-человека и Лафо-хранителя. Они прожили разную жизнь, и каждая сделала свой собственный выбор, о котором не сожалели. Так и ей не следовало оглядываться на видения. Нельзя завидовать счастью Кати-хранительницы, ведь её Эфо был другим, больше похожим на Жахо: добрым, мудрым и заботливым.

После того, как к Эфо вернутся все дочери, Катя с чистой совестью отправится домой. В этом мире её ничего не удерживало.

С появлением неутомных любопытных лесных детей, деревенским жителям прибавилось проблем. Куда бы, они не шли, за ними наблюдали с десятков любопытных разноцветных глаз едва окрылившихся подростков. Люди злились на лесных детей, прятали собственное потомство, чтобы те даже ненароком не встретились с будущими «злыми духами». Но детям страх не ведом, потому вскоре деревенские стайки ребятишек пополнились лесными товарищами. И как не гоняли и тех и других родители, дети не понимали, почему нельзя дружить.

Кате тоже доставалось, так как она лесных видела в незримой форме. Чтобы искупаться спокойно, приходилось веником разогнать всех разноцветных светлячков. И всё равно кто-нибудь да хихикнет, стоило ей раздеться.

— Извини их, они растут, женщинами начинают интересоваться, — оправдывался за подопечных Жахо.

— А кроме меня им не за кем подсматривать? — раздраженно спрашивала Катя, щелчком пальца отправляя в полет запищавшего светлячка.

— Кроме тебя в деревне так часто никто не моется, — признался хранитель с самой невинной из своих улыбок.

— Вот пойду в лес тоже подсматривать за вашими купающимися мужиками! — вспыхнула Катя.

— Не советую, от таких занятий бывают дети, — проплыл мимо Дахот.

Катя запустила во вредину веником, но хранитель избежал столкновения, ловко нырнув в фиолетовый туман.

В раздражении Катя взяла корзинку и направилась в лес. Жахо на неё вопросительно посмотрел, склонив голову на бок.

— Да за травами я! — всплеснула руками Катя, заметив его умиленно-удивленное лицо. На Жахо совершенно невозможно было злиться, в нём каким-то чудесным образом сочеталась древняя мудрость и детская наивность. — Не буду я ни за кем подсматривать!

— А-а-а... — вроде бы поверил Жахо, но в его поведении сохранилась подозрительность. — Дахира навести. Он в роще с огнецветами сидит.

Настала очередь Кати вопросительно на него посмотреть, но Жахо больше ничего не добавил и переключил внимание на давно перемешавшуюся детвору. Его одинаково любили и людские, и лесные дети.

Катя нашла Дахира быстро. Он и не прятался. Сидел в обнимку с зеленоволосой хранительницей на большой ветке и держал на сгибе руки слабо шевелящийся кулек из листьев.

«Это его жена» — взглянула на немного утомленную хранительницу Катя. Она даже вспомнила её имя: Силиса. Катя нечасто её видела, так как хранительница предпочитала держаться на расстоянии и наблюдать издали.

— Залезай, — пригласил Дахир и помог забраться с помощью крыльев. — Смотри, как она радуется первой весне, — он повернул кулек, демонстрируя детское личико.

— Ой... я не помню её среди спасенных, — призналась Катя. — Их так много было...

Оба хранителя засмеялись.

— Она родилась неделю назад, — пояснил Дахир с некоторой неловкостью. — Наш

первенец. По правде сказать, мы долго не решались...

— Хочешь поддержать? — предложила хранительница, перебив супруга.

— Я таких маленьких боюсь, — опешила Катя.

Силиса вновь засмеялась и сама переложила в Катины руки спящую малышку, показывая как правильно её держать.

— Вот, видишь? Ничего страшного.

— Всё равно, кажется, что я держу бомбу, — поделилась впечатлениями Катя. — Странное чувство... я вроде бы и раньше держала детей, но от этого ребёнка ощущения другие...

Проходящие мимо хранители удивленно застывали, замечая Катю с младенцем на руках.

— Я сделала что-то плохое? Чего они на меня так смотрят? — нахмурилась Катя.

— Своих новорожденных мы людям никогда не показываем, — ответил Дахир, погладив малышку по лбу большим пальцем. — Даже если они друзья леса.

Катя удивленно уставилась на случайно открывшейся волосики новорожденной.

— Она рыжая! — воскликнула Катя в шоке.

— Наследие моей матери-иномирянки, — забрал дочь Дахир, укладывая её на стиб руки.

— Я... пожалуй, пойду за травами, — Катя едва не свалилась с дерева, так как у неё онемели конечности, а перед глазами заплясали пятна.

«Прекрати фантазировать!» — отдернул Эфо, знавший о том, какие мысли её посещали.

— Погоди, я хотел тебе отдать одну вещь, — остановил Катю Дахир.

В её руки легка уже знакомая книга с пышногрудой красоткой на обложке. Катя едва сумела скрыть дрожь. Такая же, как в видении с Ульяной...

— Дахот её сжег...

— Не стоит верить тому, что показывает мастер обмана, — подсказал Дахир. — Он заставил тебя поверить, что она сгорела. Вещи, созданные такими существами, как Ульяна, уничтожить не так уж и просто.

— Вы её читали, — заметила странное выражение лица хранителя Катя.

— Мы все её читали, — болезненно скривился он. — Даже Иро с ней познакомился, и он же приказал вернуть её тебе. Какие-то события мне знакомы — они имели место быть, хотя в книге их сильно исказили. Но другие... чистейшей воды вымысел и бред, — и с особым возмущением он произнес: — Ни у меня, ни у моего брата не было интимных отношений с Ульяной! Мне даже в голову не приходило устроить оргию совместно с братом!

— Неужели там есть постельная сцена с вашим участием? — не поверила Катя.

— Увы, и как хранителю в объединении мне это было читать крайне неприятно, хотя она посмеялась, — он кивнул на хихикающую супругу, — а Дахот как ребёнок теперь бегает и дразнит меня неутомимым тараном.

— Боже, простите! — закрыла пылающее лицо Катя.

— Ты за что извиняешься? — на мгновение ужаснулся Дахир. — Разве ты её написала?

— Вам незнакомо чувство, когда позорится другой, а стыдно за него тебе?

— Учитывая, кто мой брат... очень даже знакомо.

Силиса, уже не сдерживаясь, хохотала в голос.

— Мой неутомимый таран! — обняла она хмурого мужа и поцеловала его в щеку.

— Не смешно.

Катя оставила счастливое семейство, на ходу глядя на обложку книгу.

«Ты впустую потратишь время на её чтение», — раздался голос Эфо.

«Иди лесом», — машинально отозвалась Катя в мыслях.

На дерзкий выпад хранитель заставил её согнуться пополам от боли.

«Ты не вернула мне последних дочерей, поэтому защищать тебя я и от самого себя не обязан», — колко заметил Эфо.

— Но ты должен меня вылечить! — прохрипел Катя, не в состоянии разогнуться.

«Но ты не уточнила, насколько болезненно может проходить процесс лечения. Если бы я не сдерживал твои болевые рецепторы, ты бы с кровати не поднялась».

— Ненавижу тебя! Ненавижу! Боже, как же я буду счастлива, когда наконец-то избавлюсь от тебя!

Боль покинула, но вместе с ней замолчал и Эфо. После заключения договора это был их самый длинный диалог. И как ни странно наладить контакт пытался именно хранитель, а не Катя. Подсказывал, указывал или делился соображениями. Но Катю его голос злил и раздражал, возвращал назад к видению, где он бросил её умирать. В спокойном состоянии Катя понимала, что глупо на него злиться за то, что он еще не совершил, но... обида никуда не исчезала и продолжала испепелять изнутри.

Катя подползла к дереву и удобнее устроилась на мху. Полистала книгу, чтобы вспомнить, на чём остановилась и углубилась в чтение:

«Были еще бои и сражения, но Таня старалась следовать инструкции, придерживаясь поведения волшебника поддержки. Хотя и не всегда у неё получалось никого не убивать, особенно когда смерть дышала в затылок.

Но однажды она убила не для того, чтобы защитить свою жизнь...

Их группу направили проверить лагерь беженцев. Люди встретили волшебников холодно, но и препятствий никаких не ставили.

Таня поступила глупо и, отделившись от группы, направилась в самый обычный и совсем не волшебный лес пополнить запасы трав. Тогда же она услышала детский плач. Закричал бы кто-нибудь из взрослых, Таня незамедлительно бы вернулась в лагерь и сообщила Ингварру. Но плакал ребёнок.

Болот поблизости не наблюдалось, а значит, имитаторов тоже быть не могло. Осторожно ступая и стараясь не производить громких звуков, Таня направилась на плач...

Она плохо помнила, что произошло дальше. Всё что запомнилось, это как волшебники из другой группы оттаскивали её от мужского трупа. Но она в бешеной ярости всё продолжала и продолжала молотить камнем по превратившемуся в кашу лицу.

Прибывший последним Ингварр сразу оценил обстановку едва взглянул на место событий.

— Легко отделался, тварь, — сплюнул он на землю. — Мальчика отведите в госпиталь.

— А с ним что делать? — спросил волшебник из другой группы, кивая на рычащую от бешенства Таню.

— Его к нашим биомагам. Что-то мне не нравится его аура.

У биомагов Таня узнала, что сама себя прокляла очень странным и необычным проклятием. Да так сильно, что никто снять не смог.

— Проклятие опасно для группы? — спросил Ингварр, выслушав приговор.

— Если ваши люди не совершают сексуального насилия над детьми, то нет, — ответил старый биомаг.

— А что случится с тем, кто совершает?

— Вечная комма, а возможно и смерть.

— И как далеко действует?

Биомаг назвал харурскую цифру. И Таня подсчитала, что радиус действия составлял примерно три метра. Получалось, что любой, кто попадал в радиус, имел риск никогда не проснуться из коммы.

Ингварр задал биомагу еще несколько уточняющих вопросов о характере проклятия, прежде чем удовлетворенно кивнул.

— Что вы делаете? — тревожно спросил биомаг, когда Ингварр взял Таню под локоток и собирался вывести из палатки. — Его надо изолировать! Он опасен!

— Зачем изолировать? Мне его проклятие очень нравится! — оскалился в улыбке Ингварр. — Почистим ряды от гнили!

Таня не сразу поняла норвежца, пока он не привел её в толпу беженцев, где моментом попадали люди, хватаясь за сердце. Раздались испуганные крики. Никто не понимал, что происходило.

— Ингварр, остановитесь! — кричал прибежавший за ними биомаг, в ужасе наблюдая за происходящим. — Я вынужден доложить об этом начальству!

— Докладывайте! — несколько не испугался Ингварр, продолжая водить Таню за собой. — Проклятие же не подействует на невиновных? Правильно? Вы же сами сказали. Оно действует только на тех, кто уже совершил преступление, а я уполномочен наказывать и вешать преступников!

Биомаг беспомощно открыл рот и осмотрелся.

— Вы видите, доктор, сколько здесь накопилось гнили?!

— Какая гниль? — уточнил Арно недоуменно.

Вместе с французом и якутом собрались несколько десятков волшебников из других групп.

— Давайте, поясните им, — распорядился Ингварр.

Биомаг упрямо сжал губы, не собираясь подчиняться.

— Лёха сам себя проклял, — сказал Ингварр, не дождавшись от волшебника поддержки ответа, — и теперь его присутствие убивает педофилов.

— Вводит в вечную комму, — нервно поправил биомаг.

— Не вижу разницы, — развел руками норвежец. — Делайте выводы, парни!

И парни сделали выводы:

— До конца дня управимся, командир, — мрачно прорычал один из волшебников.

Биомаг тихо выругался, когда товарищи повели Таню дальше по лагерю.

Уже вечером волшебник поддержки доложил начальству о случае, потребовав изолировать Таню. Но командование решило по-другому. Действие Таниного проклятия проверили, поместив её в камеру с пленниками. Заключенные тэасы попадали на землю, едва Таня приблизилась к ним. Результат эксперимента начальству очень понравился. Проклятие собирались использовать как оружие.

После случая в лагере беженцев прозвище «Доктор смерть» прочно закрепилось за Таней. Её даже коллеги уже по-другому не называли. Стоило ей где-нибудь появиться, как люди замолкали, а вокруг неё образовывалась мёртвая зона.

Её группу подобное поведение других волшебников потешало. Хотя самой Тане весело совершенно не было. Она предпочла бы остаться в тени.

— Не могу найти второго ра для команды, — пожаловался норвежец, когда они сидели в своей палатке и просматривали документы.

— Трусливый и суеверный народ, что с них взять? — пожал плечами Арно, откладывая бумажку. — Эргис у нас двоих стоит, да и мы не всегда в защите работаем. И не забывай, у нас есть свой Доктор смерть!

Таня оскалилась, но француз сделал вид, что не заметил.

— Всё равно нужен второй, — не согласился Ингварр. — Я неделю назад послал запрос, чтобы к нам направили кого-нибудь из иноземцев, раз местные не хотят к нам. Поможете мне выбрать кандидата сегодня.

— О, так у нас всё-таки есть выбор?

— Прислали пятерых иноземцев, все расэж, все участвовали в боях, мне приказано выбрать одного, — он резко выдохнул, — и, судя по записям в их биографии, выбор будет не из легких...

Ингварр оказался прав. Уже после первого кандидата волшебники сидели, как в рот воды набравши. Даже словоохотливый Арно молчал. А кандидат всё болтал, болтал и болтал о своих злоключениях и какие все вокруг сволочи. Его едва смогли спровадить из палатки, чтобы пригласить следующего.

Второй и третий оказались не лучше, как и четвертый.

— О, еще один из будущего, — безразлично произнес Эргис. — У нас остался всего один претендент.

— И он чернокожий, — удивился Арно, раскрывая папку.

— Да хоть синий в зеленую крапинку, — фыркнул норвежец, — главное, чтобы работу знал и вел себя не как истеричка, — он указал на выход, куда вышел предыдущий кандидат.

— Он из две тысячи десятого года, — отпила чая Таня.

— Он живучий этот Джейсон! — восхитился Арно.

— При его уровне ему давали слабые группы, — заметил норвежец.

Они прервались, когда зашел лысый чернокожий парень похожий на американского актера Морриса Честната. Он насторожено обвел взглядом волшебников, словно ожидая от них чего-то нехорошего.

— У меня всего один вопрос, — обратился к чернокожему норвежец. — Ты адекватный?

— Вроде да, — опешил парень.

— Берем его и шлем всё в лес, — потерла виски Таня.

Чернокожий удивленно уставился на неё.

— Только не говорите мне, что и вам про меня гадостей наговорили.

— Честно скажу, — он замялся, — мне сказали, что именно вас мне надо опасаться, потому, что вы самый жестокий непримиримый расист.

Арно и Эргис захохотали, а норвежец закрыл рукой лицо, у Тани вообще от шока отнялась речь.

— Слушай, вроде командир у нас ты, Ингварр, — вытер слезы смеха Арно, — а боятся-то Лёху.

— Это какой-то бред, — фыркнул норвежец. — Найду, кто распространяет слухи про моих людей, оторву язык. А ты, Джейсон, можешь разбирать вещи и устраиваться...

— Мясник, — вдруг прочитал Эргис из биографии чернокожего.

Джейсон весь напрягся. Ему явно не нравилось это прозвище, о чём говорил злой

тяжелый взгляд.

— Звучит не хуже, чем Доктор смерть, — фыркнула Таня, складывая вещи.

Оружие тренера поставили на поток. И когда пришла первая партия мушкетов и пистолетов, люди почему-то косились на Таню. Причина выяснилась позже, когда Ингварр принес журнал и без единого слова вручил Тане.

— Когда ты успел? — не удержался от вопроса Арно.

Таня недоуменно читала статью, где внизу под фото тренера расположили её старую фотографию. Пистолет был назван в её честь: «Раковец».

Журнал отправился в мусорку.

— Я просил его не ставить меня в соавторы, я всего лишь заряд доработал! — посетовала Таня. — А пистолет вообще сплагатил!

— Заряд он доработал, — хохотнул француз. — Да эта разработка его озолотила! Ты вправе требовать свою долю!

— Я и то, что заработал, не знаю куда девать, — вздохнула Таня. — Прав-то у меня меньше, чем у кхтулуха... я даже вложить деньги никуда не могу.

— Поэтому всё отдал племяннику, — добавил Ингварр, укоризненно вынимая журнал из мусорки.

— Он — единственный родственник в этом мире! — нахмурилась Таня. — Кому мне еще оставлять свои деньги, как не ему? Ему еще надо на ноги подниматься, семью обеспечить...

— Да не ворчи ты как старая бабка! — возмутился Эргис.

Таня обиженно замолчала.

— Эргис, для него племянник большая тема, — подсказал Арно. — В этого племянника вбухано больше средств, чем в родного сына.

— Ты себе хоть жильё купил, Лёха? А?

— Купил, — сквозь зубы ответила Таня.

— Три комнаты, одна лаборатория, кабинет, кухня и ванная с туалетом, — перечислил Ингварр, как всегда оказавшись в курсе всего.

— Мне достаточно!

— Теперь гляньте на особняк его племянника, — развернул журнал норвежец.

Арно и Эргис одновременно присвистнули.

— Всё лучшее детям, а сам в халупе живет...

— Что вы от меня хотите?! — разозлилась Таня.

— Ты здесь не живешь, а существуешь. Ходишь в постоянной апатии, злой, мрачный и страшный.

— Я никому не мешаю!

— Сейчас в морду получишь, сразу развеселишься, — пригрозил Ингварр.

— Бей, — огрызнулась Таня.

— Чего вы пристали к нему? Он домой хочет, — первый раз за все время подал голос Джейсон.

О каком доме шла речь поняли все.

— Мы это знаем, Джейсон, — Ингварр насмешливо похлопал злую Таню по лицу журналом. — Только что он делать дома будет, если даже здесь жить не научился?

— Вам не надоело говорить обо мне, словно меня здесь нет?

— У нас задание на носу, а у меня волшебник поддержки в депрессии, разрешение на поход не дают! К тебе племянник приехал, а ты и носа не высунул из своей конуры! Почему он ко мне приходит и жалуется, что ты дома не появляешься?!

— Я не знал, что он приехал...

— Чтобы через десять дней у меня было разрешение! Плевать мне на твою депрессию и твое паршивое настроение! Я здесь торчать из-за тебя не собираюсь! Надоело видеть твою кислую рожу!

— Раз надоело, то я в военный бордель наведаюсь и освобожу вас от своего присутствия.

— А разве ты... — начал Арно.

— Я по работе! Проверить женщин надо, а то...

— Давай ты не будешь описывать болячки, — попросил Эргис. — Меня еще после прошлого твоего рассказа мутит!

— Как скажешь, — махнула рукой в прощальном жесте Таня.

Она вышла из палатки. Привычно от неё разбежались несколько волшебников, чтобы случайно не попасть в радиус действия её проклятия. Помимо существующего проклятия ей добавили еще парочку мифических.

Владелец борделя не вышел встретить биомагов, и Таня догадывалась о причине. Из-за проклятия её избегали и остерегались разного рода сомнительные личности.

Когда собрались дежурные биомаги в помещение впустили полностью обнаженных женщин, тела которых покрывали защитные и блокирующие татуировки.

Диагностика заболеваний в Харуре позволяла не брать анализов и не ждать результатов, а проверять на месте. В плане медицины Харур далеко обогнал Танин родной мир. Хотя всё равно встречались заболевания, которые не могла вылечить и вся магия Харура.

— О способах защиты здесь вообще знают?! — разозлилась Таня, отправляя восьмую подряд женщину на госпитализацию.

— Экономят, — ответил биомаг, делающий записи в большой журнал.

— Ни одной здоровой, — пожаловалась она, вздыхая. — А эта вообще беременна.

— На прерывание?

— С её букетом заболеваний... хорошо, если без копыт родит.

— Понял.

Женщина влепила Тане пощечину. Удивленные биомаги остановили проверку.

— Безжалостный ктулух! — заорала она и бросилась на Таню с кулаками.

Её еле оттащили от волшебника и увели.

— Доктором смерть его не зря назвали, — слышалось среди еще не прошедших проверку женщин.

Их поведение объяснимо. Разрешение на беременность давалось на определенный период. Если удавалось забеременеть от тэй хала, женщину освобождали от проституции на пять лет и обеспечивали безбедную жизнь.

Таня постаралась не обращать внимания на полные ненависти взгляды женщин и выполнять свою работу. Но с каждой секундой ситуация всё больше накалялась.

— И эту на прерывание?

— Да, — ответила Таня, за что получила плевков в лицо. Хорошо на ней была маска и защитные очки.

Но закончилось всё очень плохо. Таня потеряла бдительность из-за усталости, когда к

ней подошла очень бледная женщина с бегающим безумным взглядом.

— Умри, скот! — заорала она и вонзила Татьяне в плечо что-то острое.

— Покушение!

Таня отупело уставилась на торчащий из раны чёрный кристалл.

— Вы все сдохнете! — безумно захохотала женщина, когда её скрутили.

Татьяна не могла пошевелиться из-за шока от произошедшего. Мстительные злые камни о своем поражении не забыли и прислали ей в ответ «подарок»...

Видения чтением книги Катя не вызвала, зато из чёрного тумана возникло другое...

— И для чего мы так далеко забралась в лес, милашка? — раздался рядом с ухом томный голос.

Катя пораженно повернулась и наткнулась взглядом на полуобнаженного Захима в человеческом облике. Ни дать ни взять соблазнитель старушек из потрепанного жизнью стриптиз клуба. На вид ему было лет сорок, хотя Катя прекрасно помнила, что выглядел он намного моложе в своём истинном облике, но женщин Захим предпочитал соблазнять мощами постарше. Из воспоминаний Эфо, Катя знала методику его товарища по соращению неопытных селянок и наставлению рогов мужскому населению.

«Вот же старый развратник», — неприязненно подумала она о нём.

Затаившийся Эфо впервые за всё время засмеялся и перехватил над её телом контроль.

— Продолжишь, и одними помятыми боками не обойдешься, — предупредил он старого товарища. — У тебя весеннее обострение, раз не видишь, кто перед тобой?

Маска соблазнителя сменилась на привычный облик хранителя.

— Так это та самая... — несколько раздосадовано произнес Захим. — Я её раньше не видел, да и был занят, пока ты тут «веселился».

— Знаю я твое «занят».

— Вот не надо завидовать, я больше других хранителей лес детским смехом наполняю.

— Еще бы заботился о них...

— Достаточно того, что я их делаю, — огрызнулся Захим. — А, правда, что у неё огненные волосы?

Без разрешения он снял с Кати платок и взял пальцами пару локонов.

— Впервые вижу человека с таким оттенком.

— Захим...не забывайся, — прорычал Эфо, когда товарищ поднес волосы девушки к лицу.

— Профессиональная привычка, — не раскаялся Захим.

«Проститутка лесная!» — не удержалась от замечания Катя, чем вызвала еще один взрыв смеха от Эфо.

— Что смешного? — не понял поведения товарища Захим.

— Интересно иной раз послушать, что думают женщины о тебе на самом деле, особенно если на них не действует твоя магия очарования.

— Привереда! — обиженно скривил чёрные губы Захим. — Ты ей скажи, чтобы она по лесу не скакала и не сидела в одиночестве под деревом с соблазнительно открытыми плечиками, а то может наткнуться на кого-нибудь менее сдержанного, чем я.

— Ей есть чего опасаться? — нахмурился Эфо

— Да бродит тут один наглый с оружием наперевес, я хотел прибить, да вот незадача. Он воспитанником Иро оказался, а ты знаешь, как твой напарник относится к своим подопечным. Совершенно поразительная для древнего забота о ближнем.

— Еще его здесь не хватало, — поморщился Эфо, явно знавший о ком шла речь. — Что он тут забыл?

— Я его спросил, а он послал меня сосать шишки. Знает, что Иро его не тронет, вот и шатается смело, грубит всем... по-детски, смешно грубит, но всё равно грубит. Жахо пытался его расспросить по старой дружбе, но даже у него не получилось ничего вызнать.

— Ты *ей* рассказал?

— Зачем? Пускай сама за ним следит, чего я буду лезть в их взаимоотношения? Потом я крайним окажусь, так что не моего ума это дело, — забывшись, он сжал Катино колено, за что получил по руке. — Ты хотя бы крылья отрасти, а то её вид меня совсем с толку сбивает. Такая аппетитная селяночка...

Эфо отвесил ему звонкую пощечину.

— Помогло?

— Не очень...

Настала очередь Кати хохотать.

После неудачного опыта с чтением в лесу, Катя решила продолжить дома. Да и напрягало постоянное присутствие хранителей в полях, в огородах и на деревьях. Оказалось взрослых не допускал до деревни барьер Лафо, а после того как он исчез, хранители спокойно могли проникать куда им вздумается.

Катя спряталась в кладовке с маленьким окошком, которого вполне было достаточно, чтобы спокойно почитать. На всякий случай закрыла щеколду, вдруг прадедушке вздумается заглянуть в кладовку. Так и инфаркт может подхватить. В этот раз Катя рассчитывала на хотя бы одно видение.

«Таню изолировали, как и всех, кто имел контакт с сумасшедшей. Но заразилась только она, и ей вынесли приговор: болезнь не лечилась, хорошо, если доживет до утра. Представители народа камней обещали ей найти лекарство до последнего срока, но уже по выражению их лиц Таня осознала, что её похоронили заживо.

К вечеру у неё поднялась температура, начался озноб и суставы выкручивало. Перед глазами плыло и двоилось.

Уже ничего не боясь и не опасаясь, да и плохо соображая, Таня взывала к хранителям. Но никто не отзывался. Она перебирала имена хранителей в надежде, что кто-нибудь её услышит, даже тех, кого она никогда не знала и не видела, пока не осталось последнее имя в списке.

— Иро...

О том, что хранитель пришел, свидетельствовал на мгновение погасший в её палате свет. Из-за начавшихся галлюцинаций, Иро выглядел особенно жутко. Таня от страха вжалась в угол. Может, Иро тоже ей только кажется? Ведь на её мольбы никто не пришел.

— Пожалуйста... исцели меня, — зашептала Таня.

Ей было так плохо, что она бы даже согласилась на разбавление крови, но хранитель предложил другое:

— Я дам тебе лекарство, но тогда все, кто находится в этом здании, умрут.

— Иро, я заплачу! Я выйду отсюда и заплачу! — мелкими шажками приближалась к хранителю Таня. — Я всегда плачу! Не надо никого убивать!

— Ответ ты получила.

— Пожалуйста... — она потянулась к нему с намерением взять за одежду.

Но он больно выкрутил ей руку.

— Не прикасайся ко мне, человеческая шлюха! — прошипел Иро.

Не будь у Тани лихорадки, она бы промолчала, особенно имея дело с таким опасным духом, как Иро, но от температуры у неё плавилась мозги.

— Если лес использует селекцию, — зашипела Таня в ответ, — то не сложно предугадать, что меня положат, либо под тебя, либо под Эфо. Так может мне позвать Эфо и он будет более сговорчив?

Таня заорала от боли, падая на пол: Иро сломал ей руку.

— Как мужественно! — закричала она сквозь злые слезы. — Издеваться над тем, кто тебе ответить не может! Ощущаешь свою власть и силу?! Чувствуешь себя после этого мужчиной?! Ты не мужик! Ты ничто! Все слышали про детей Дахота, даже про детей Эфо! Но никто никогда не слышал, чтобы рожали для Иро! Да под тебя даже самая грязная шлюха

не ляжет! Ты мне омерзителен! Одна мысль о том, что мне предстоит с тобой спать, вызывает у меня брезгливость! Ты хуже зловонного язвенного нищего!»

— Так-с-с, кажется, здесь тётя Оля на месте Иро представляет своего бывшего мужа, — сделала углем пометку Катя.

«Бывшего мужа на месте Иро?» — проснулся Эфо.

— Да, она своего бывшего ненавидит, — ответила как можно доброжелательнее Катя, решив воспользоваться благодушным настроением хранителя, раз выпал повторный шанс прочесть книгу и спросить участника событий. Обычно его настроение всегда улучшалось, когда в деревню прибегал Олес. К внуку Эфо относился с теплотой и терпел даже самые глупые его выходки, за которые любому другому оторвал бы голову.

«За что она его ненавидит?» — продолжал спрашивать Эфо.

— Тётя Оля сильно набрала вес после рождения детей, а похудеть у неё не то, чтобы не получалось, она не особенно к этому стремилась, поэтому муж свалил к стройной и красивой любовнице. И если тётя кого-то из мужчин невзлюбила, то однозначно он напоминает ей бывшего.

«Что значит, набрала вес?»

Катя опешила от вопроса Эфо, ей даже показалось, что он над ней издевался, но голос вроде звучал серьезно.

— Ну... толстой стала, ожирение у неё, — скомкано пояснила она.

«Ясно, это один из ваших неэффективных способов хранения энергии».

— Хочешь сказать, что хранители не толстеют, если много едят?

«Нет, мы храним энергию по-другому. Жир неэффективен».

— Скажи женщинам моего мира, что можно жрать и не толстеть, так половина побежит перевоплощаться в хранителей.

«Лес принимает не всех, иначе люди из культов поклонения лесу давно бы пополнили наши ряды», — не поменял серьезного тона Эфо.

— По каким критериям тогда лес выбирает среди людей новых хранителей?

«Он мне не рассказывал», — с долей ехидности ответил дух.

Вопросов накопилось немало, однако следовало повременить с ними до более удачного момента. По Дахоту Катя знала, что если хранитель ехидничал, значит, она ему надоела. Поэтому продолжила читать:

«Таня понимала, что зашла слишком далеко. Она заметила, как моргали кристаллы, а вокруг сгущались тени, но бешенство застилало глаза. По стене поползли трещины. Иро был не просто в гневе, а в ярости.

— О, да! Давай! Разорви меня на куски! Но тогда ребёнка ты не получишь! Трупы не рожают!

Один из кристаллов брызнул осколками.

— Ты считаешь себя особенной? — тихо спросил Иро. — Раз смеешь со мной так разговаривать?

— Не моя вина в том, что я завишу от самого бессердечного существа на этой гнусной планете! Меня не устраивают твои условия! Ты получишь мой труп к утру! Понял?! Я попросил у тебя всего лишь отсрочку в оплате! Я всегда плачу по счетам! Но тебе обязательно надо всех вокруг поубивать, проклятый садист!

Его острое крыло остановилось в миллиметре от лица Тани, но у неё не осталось сил, чтобы испугаться.

— Ты не убьешь меня, — прохрипела Таня с улыбкой, отчетливо понимая, что остановило хранителя. — Ты всего лишь раб леса!

Стены вокруг затрещали, от них откалывались куски штукатурки. Иро, казалось, заполнил всё пространство собой. В бешенстве Таня схватила здоровой рукой хранителя за крыло и дернула его со всей силы. Неожиданно легко крыло оторвалось, брызгая темной кровью.

Хранитель был ошеломлен не меньше, чем Таня. И некоторое время просто стоял и смотрел на оторванную конечность, словно пытаясь осознать, как человек смог нанести ему вред.

— Ты еще заплатишь за это! — прорычал Иро, исчезая.

Вместо него появилась Лафо. Она в шоке обвела взглядом помещение и остановилась на дергающемся крыле в руке у Тани».

«Ну, что за бред? — вмешался Эфо. — Даже я не могу оторвать крыло Иро, а человеку тем более не под силу голыми руками нанести вред хранителю».

— Значит, этого на самом деле не было? — уточнила Катя.

«Разумеется, нет».

— Что же было тогда на самом деле? Что произошло?

«Ульяна не заражалась и тем более не попадала в карантин. Разумеется, её неоднократно пытались убить, но она не зря носила прозвище Доктора смерть. Ни один убийца от неё живым не ушел. И я подозреваю, что в этой сцене описано объединение с Иро».

— Что?! Объединение с Иро?! — Катя едва с бочки не упала, на которой сидела. — Ульяна объединилась с Иро?!

«Такая возможность существовала изначально. Но без взаимного согласия процесс невозможно запустить. Ульяна отчаянно рвалась домой и не стремилась объединиться с Иро, однако её здесь удерживала тревога за детей, а конкретно за одного сына. За солнечного хранителя. Даже с могуществом Махарат ей не удавалось сдерживать натиск алчных людей, желающих завладеть его кристаллом, и в момент отчаяния она дала согласие Иро».

— И перестала быть человеком... а как же Махарат? Куда делась она? Разве она не вселилась в Ульяну?! Просто я к тому, что не могли же произойти такие кардинальные изменения с личностью! В видении... была другая Ульяна! Злая! Я не верю, что это она!

«Мы не знаем, что случилось. Возможно, Махарат поглотила личность Ульяны».

— Но Ульяна вернулась домой!

«Для меня это загадка, как и для тебя. Я и представить не могу, каким образом ей удалось покинуть наш мир. Матери леса прочно привязаны к сердцу лесу, они не могут длительно находиться вдали от него, иначе погибнут».

— Я была маленькой, когда она вернулась, и она никогда не рассказывала о том времени, что провела здесь, — обняла колени Катя. — Подожди... она же сражалась с тобой, ну... тогда, когда... Ты ничего странного или необычного в ней не заметил?

«Она была слабее».

— Слабее?!

«Многokrатно. Она как будто спала. И у неё было почти завершено объединение — она пользовалась силой Иро, а не своей. Но на данный момент процесс объединения еще даже не запущен, и Ульяна в том виде, в котором она сейчас, почему-то не спешит».

— Значит... есть вероятность, что вернется истинная хозяйка тела.

«Думаю, что да. Поэтому крадет силу у таких, как ты».

— Но чего она хочет?

«От красных тэасов она почти избавилась, настала очередь второй по опасности расы. Вашей».

— Ну, конечно, без глобального уничтожения никак. Как это банально.

«Люди преследуют те же цели. Либо мы, либо они».

— А третьего варианта нету? Нельзя ли как-то жить в мире?

«Люди себе подобных убивают по самым глупым и бессмысленным причинам. Поэтому мира между нашими расами быть не может, — категорично ответил Эфо. — Не живи иллюзией».

— Но твои дочери были рождены человеком, — упрямо заявила Катя.

«И людьми они были убиты», — закончил Эфо.

Катя сдержала любопытство, так как чувствовала нарастающий гнев хранителя. Если он закроется от неё, задавать вопросы будет некому. Она сделала пометку и снова погрузилась в чтение:

«— Зачем? Зачем ты это сделала?! — села рядом с Таней Лафо.

— Не знаю...

Лафо коснулась её лба.

— Почему ты не позвала меня?!

— Я звал, — заплакала Таня. — Вы не слышали.

Хранительница нахмурилась и удивленно посмотрела на крыло. Таня же показалось, что у неё снова галлюцинации. Крыло пришло в движение и изгибалось, словно и не отделялось от хозяина.

— Таня, отдай его мне.

Но отдать крыло не получилось, словно оно пустило корни и проникало под кожу.

— Таня, отдай крыло! — заорал в панике Лафо.

— Я не могу! Пальцы не разгибаются!

Лафо потянула сама, а Таня заорала от дикой боли. Крыло отрывалось только вместе с кожей, но это не помешало ему проникнуть еще глубже.

— Вот же упрямое! — рычала Лафо, с остервенением отдирая вновь нарастающие корни.

— Лафо, прекрати! Ты убьешь её! — материализовался Дахот.

— Почему мы не слышали, как она звала? — всё-таки отступила хранительница, наблюдая как крыло постепенно проникало в тело жертвы. — Почему мы не почувствовали её состояния?! Любая угроза для её жизни должна быть для нас сигналом!

— Доложи совету о том, что случилось, а я начну лечение.

— Надо остановить это!

— Уже поздно!

Таня с ужасом наблюдала, как часть Иро, словно змея извивалась на её теле, пока вся целиком не залезла под кожу.

— Оно во мне! Выньте это! — громко зарыдала Таня, ощущая уже шевеление внутри себя.

— Успокойся, оно тебя не убьет, — взял её за плечи Дахот, — а теперь пора пить горькое и невкусное лекарство.

Таня слабо понимала, что он делал. Её волновала только множество змей, извивавшихся

у неё внутри. Хотелось только одного, чтобы все, наконец, закончилось».

— Выглядит мерзковато... — поморщилась Катя. — Так выглядит объединение?

«Это начало объединения, — подтвердил Эфо. — Правда, искаженное и перенесенное в другой отрезок времени».

— И как это происходит на самом деле?

«Я не могу об этом говорить».

— Ясно, — разочаровано поджала губы Катя и снова опустила взгляд на строки книги:

«Утром её нашли среди обломков без сознания. Помня о болезни, её снова поместили под карантин, но к всеобщему удивлению Таня выздоравливала.

Повторную проверку проводил лично Мак. Он очень долго хмурился и чесал затылок, получив результаты.

— Я не знаю, благодаря какому растению ты вылечился, но уверен, что без вмешательства хранителей не обошлось, — произнес он едва сидящей на кушетке Тане. — Но кое-что меня смущает намного больше.

— Что именно? — медленно переодевалась в рабочую одежду Таня.

— У тебя появилась вторая игла.

— Не понял, — нахмурилась она. — Ты имеешь в виду второй тип иглы как у ра?

— Сам взгляни.

И Таня смотрела, замечая изменения.

— Аура тоже изменилась!

— Сам в шоке, — хмыкнул Мак. — Игла совсем слабая, но ты её запросто можешь использовать. Давай посмотрим. Призови её.

Таня выполнила требование биомага и с удивлением разглядывала иглу размером с кинжал.

— Слабенькая говоришь?

— Почему-то я думал, что она меньше... а насколько тонкой ты её можешь сделать?

— Так же как и свою, — продемонстрировала Таня.

— Надо просить Весельчака, чтобы он тебя обучил ею пользоваться.

— Может, это временный эффект из-за болезни?

— А если нет?

Она встала, но из-за слабости пошатнулась. Мак поддержал её и усадил обратно.

— Лежишь и лечишься, а я пока позову Весельчака.

Таня согласно кивнула и снова призвала иглу. Что же произошло с ней прошлой ночью? Неужели она каким-то образом украла у Иро его силу и если это так, то чем ей грозила ссора с хранителем? Понятно одно, лучше больше никогда не призывать Иро снова...»

Видение всё-таки пришло. Катя увидела сцену того, что случилось в борделе на самом деле. Ульяна в мужском облике стояла над трупом обнаженной девушки и с хладнокровным выражением лица вытирала окровавленный скальпель.

— Он убил её! — визжали другие девушки, испуганно прижимаясь к стенам.

— Алекхей... что вы наделали? — в совершенном ошеломлении смотрели на неё коллеги, облаченные в похожие защитные костюмы.

— Ликвидировал шпионку, — не меняя выражения лица, ответил «Алексей». — Не думаю, что в этом чёрном кристалле находились витамины. Проверьте его. Только, пожалуйста, не вызовите случайно эпидемии. И я хочу, чтобы был проведен обыск. Если это заведение имело связь с красными тэасами, то возможно придется ликвидировать всех

девушек.

Со стороны стен раздался громогласный плач.

— Мы же не хотим, чтобы полегли наши солдаты? — продолжал «Алексей». — Не так ли? Если выяснится, что связь была... я хочу, чтобы допросили хозяина этого заведения. Если потребуется с применением пыток.

— Но...

— У вас есть какие-то возражения?

— Нет, таир (уважительное обращение к человеку-волшебнику).

— Тогда выполняйте.

Переодевшись из больничной в военную форму, «Алексей» вышел из палатки, где на выходе его встречали Арно и Эргис. Ингварр в отдалении разговаривал с истеричным худощавым смуглым парнем.

— Это и есть наш новенький? — уточнил «Алексей», приближаясь к команде.

— Да, Джейсоном звать, американец он из две тысячи девятнадцатого года, — отозвался Арно. — Нам нѐм, кстати, испытали разработанный тэасами переводчик для иномирян.

— И как работает?

— Работает, и я бы сказал очень неплохо работает, разве что некоторые слова просто нет в харурском лексиконе, поэтому они остаются без перевода.

— Он хоть колдовать умеет или его еще ничему не обучили?

— Вряд ли он что-то умеет. Он переместился в Харур меньше года назад.

— Недоучка расэж, хуже чем талисманщик, — поморщился «Алексей».

— Твоя правда, но не мы принимаем решения. И не знаю зачем, но он нам раз десять повторил, что он гей. Хотя какое отношение ориентация имеет к его способностям и навыкам, понятия не имею, — и громким шепотом Арно сказал: — Но советую задницей к нему не поворачиваться.

— Может, это он задницей любит поворачиваться! — хохотнул Эргис.

Киргиза поддержали дружным смехом.

— Я не буду с ним работать! — заорал новенький, подбежав к «Алексею» и указывая на него пальцем. — Я не буду работать с этой chauvinistic homophobic obnoxious pig [мерзкой шовинистической гомофобской свиньей], — и бросил какой-то журнал к ногам биомага. — Хуже только хранители! Вся раса homophobes! Они еще и все белые! Мерзость! И вы все белые! Расисты!..

Ничего не спрашивая, «Алексей» подошёл к нему и врезал коленом в пах.

— Ничего лучше этой истерички не нашлось? — спросил «Алексей» у невозмутимого Ингварра.

— Что прислали, — закурил норвежец. — Кроме иномирян с нами никто работать не будет. Напряженка с толковыми волшебниками.

— Я буду жаловаться! — простонал Джейсон. — Вы все заплатите, homophobic! Вас всех упекут за решетку!

Ингварр поднял стонущего парня с земли.

— Послушай меня сюда... Джейсон, кукарекай у себя дома, а здесь ты либо выполняешь свою задачу или идешь в расход. Ты меня понял?

Джейсон только зло всхлипнул.

— Подставишь наши спины под удар, — продолжал норвежец, отпуская

подчиненного, — я твои яйца по всему пищеводу проведу и достану через рот.

Сильно ругаясь, Джейсон истерично разбросал перед лицами волшебников бумажки и убежал.

— Жаловаться побежал? — не поверил Эргис.

— Да, он постоянно жалобы пишет, да только начальство класть хотело на все его жалобы, — докуривал Ингварр. — Ничего, если не поумнеет, то на первом сражении его труп завернут в простыню... Лёха, прибьешь его на тренировке, получишь по роже. Ты меня знаешь. У нас не хватает второго ра, а ты и так слишком много после себя трупов оставляешь.

«Алексей» задумчиво покрутил скальпель в руке:

— Этот ктулх может нас подставить во время сражения, зачем ты вообще дал согласие взять в команду этого истеричного червя? Нам нужен толковый ра, такой как Эргис! Им же в паре работать!

— Кого прислали того и взял, как будто мне выбор предоставляют. Толковых иномирян не так уж и много. Вспомни, сколько волокиты было, чтобы тебя перевели к нам. Ничего, на тренировке вышибем из него всю дурь.

— Такая дурь вышибается только с помощью операции...

— В мозги к нему не лезь, ты не получал на это разрешение.

— Как скажешь, командир, — безразлично ответил «Алексей».

Катю перенесло на другой отрезок времени, когда Джейсон с приличным фонарем под глазом сидел хмурый и недовольный вместе с командой и проверял оборудование. Изредка он бросал полные ненависти взгляды на «Алексея».

В палатку вошёл молодой человек в дорогой одежде и с большой папкой документов в руках.

— Алексей Раковец? — спросил он с сильным акцентом, с подозрением и некоторой брезгливостью присматриваясь к присутствующим.

«Алексей» лениво и вопросительно поднял на него взгляд, при этом не торопясь чего-либо спрашивать и не интересуясь целью визита.

— Я... мне порекомендовали вас, как... лучшего специалиста в данной области, — пришедший с некоторой неловкостью протянул волшебнику документы.

— Военное положение, а вы решили заняться поправкой здоровья? — прищурился «Алексей», не торопясь брать документы.

— Я собираюсь жениться и завести наследника, но меня не тянет к моей невесте... а вы единственный кто способен провести эту операцию на высшем уровне и с минимальными рисками для жизни.

После этих слов взвился Джейсон:

— Ты должен гордиться тем, кто ты есть! То, что с тобой происходит прекрасно и естественно! Ты не обязан проводить эту отвратительнуюhomophobic операцию...

Ингварр заткнул его кулаком в челюсть.

— Новенький иномирянин, — пояснил норвежец недоумевающему клиенту «Алексея». — Вообще не в теме того, что происходит в Харуре.

— Понимаю, — кивнул человек и снова обратился к волшебнику поддержки: — Вы можете мне помочь?

— Документы о психологической проверке и о том, что не будете иметь претензий, у вас с собой?

— Разумеется.

— В курсе, что если захотите вернуть, всё как было, придется доплатить?

— Да, меня предупредили, а так же я знаю, что к вам после операции никто не возвращался...

— Тогда, у меня будет свободное время в конце солнцестояния. Тогда и приходите, цену, надеюсь, вы знаете.

Человек кивнул и покинул палатку.

— Ты омерзительен! — не унимался Джейсон, с ненавистью глядя на «Алексея».

— Я его не приглашал к себе, он пришёл по собственному желанию, — хладнокровно отвечал «Алексей», изучая документы. — Как и многие другие до него.

— Потому что ему не оставили другого выбора, как прийти к homophobic, чтобы ты сделал, — он потешно искривился, — его нормальным! Он и есть нормальный! Любовь между мужчинами абсолютно естественна!

— Операция обратима, — поддался вперед Арно. — Доплатил и тебе вернут обратно тягу к мужикам. Какие проблемы? Я не понимаю, чего ты орешь?

— Потому что вы все считаете, что если мужчина любит другого мужчину, то это омерзительно! В Харуре нет заведений, для таких как мы! Нет баров, где мы могли познакомиться и завести себе пару! Нет прекрасных гей парадов! Нас принижают! Нас не уважают! Поэтому мы вынуждены идти к этому... душегубу! — с омерзением выплюнул он, глядя на «Алексея». — Чтобы исправляли то, чем мы должны гордиться! Лишаемся нашей идентичности! Того, что делает нас особенными!

Арно махнул на него рукой, как на неисправимый случай.

— Если у тебя насморк, то ты идешь к биомагу, который помогает тебе с ним справиться, — ответил «Алексей», чем подлил еще больше масла в огонь.

Джейсон разразился грязными ругательствами о том, что его окружали одни homophobic. Ингварр снова попытался заткнуть его ударом в челюсть, однако не помогло:

— Красные тэасы намного лучше вас! — продолжал кричать Джейсон. — У них нет homophobic! У них мужская любовь естественна и прекрасна!

Никто не заметил змеиного движения «Алексея». Он кинжалом проткнул пах Джейсона и хладнокровно наблюдал, как тот орал от боли.

— Лёха, какого х...ра ты творишь?! — взвился Ингварр, а француз и киргиз тихо матерились, прикрывая перекошенные от ужаса лица руками.

— Больно? — ласково спросил «Алексей». — А представь, что делают с пленниками красные тэасы, если те не успели себе выпустить кишки? То, что сделал я, исправляемо. Ты пойдешь к ближайшему биомагу, и он с лёгкостью исправит недоразумение, которое приключилось с твоим достоинством. Но если ты попал в плен к красным тэасам, то можешь забыть о том, что у тебя между ног, хоть что-то болтается. И никто тебе не поможет, ты на всю жизнь останешься их любимой сучкой...

— Лёха, — взял «Алексея» за плечо Ингварр. — Иди домой и отдохни, я на пару дней освобождаю тебя от службы. С Джейсоном мы сами разберёмся.

— Crétin, — выдохнул Арно, непонятно кого обзывая.

— Прости, командир, — отстранился «Алексей», но без раскаяния в голосе.

— Отведите Джейсона к биомагам, — обратился норвежец к французам и киргизам.

Стонущего и истекающего кровью Джейсона увели из палатки.

— Лёха... тебя после войны грохнут, если ты продолжишь в том же духе, —

предупредил Ингварр после того, как они остались наедине. — Сейчас тебя терпят, потому что ты сильнейший биомаг из военных. Но на гражданке психи, калечащие своих же товарищей, никому не нужны.

— Я учту твои слова, командир. И впредь постараюсь менее бурно реагировать на бестолковых ктулухов. Но если он сдохнет, потому что слишком туп, чтобы принять мою помощь, то не вини потом меня, что я не обеспечил его должной поддержкой.

— Я понимаю, что ты схоронил двоих племянников, а дома у тебя живет психопатка, о которой ты вынужден заботиться, но пожалуйста, возьми себя в руки, иначе я перестану закрывать глаза на твои действия. Чтобы больше этого не повторялось. Джейсон — член команды. Он может тебе не нравиться, но ты обязан обеспечивать его поддержкой, как и всех остальных членов команды. Ты меня понял?

— Да, командир, — натянуто улыбнулся «Алексей».

Тем же вечером Джейсон вскрыл себе вены и «Алексею» пришлось их зашивать под крики и плач неудавшегося самоубийцы, которого привязали к стулу француз и киргиз. Уже по тому, что Джейсон порезал себе руки прилюдно, говорило о том, что он играл на публику.

— Второе место ра проклято, — прокомментировал Арно. — То убивают их, то психов присылают...

Ингварр стучал себе кулаком по лбу и угрюмо молчал.

— Командир, попытка самоубийства позволяет мне вмешаться... — заговорил «Алексей», не глядя на норвежца. — Жду твоего приказа.

Джейсон прекратил кричать и испуганно переводил взгляд с норвежца на «Алексея».

— Что вы собираетесь сделать?!

— Ты, прежде чем вены себе вскрывать, почитал бы, какие последствия тебя ждут, — мрачно сказал Эргис. — Самоубийц принудительно лечат.

— Вы не имеете права! Я свободная личность! Я имею право распоряжаться со своей жизнью, как мне вздумается!

— Не в Харуре, — вздохнул Ингварр. — Лёха, разрешаю, вправить ему мозги.

— Я буду жаловаться! Не смейте лезть ко мне в голову!

— Ты об этом не вспомнишь, — «Алексей» с улыбкой похлопал его по щеке».

Видение прервалось, а Катя потёрла виски и сказала вслух:

— Понятно, почему Оля переписала всю эту сцену. Она ярая поклонница мужской любви и постоянно ругается с тётей Мариной из-за того, что та часто произносит неприличное слово на букву «п». А тут мало того, что шуточки отпускают, так еще и лечат...

«Что в этом плохого? — недоумевал Эфо. — Раз есть возможность вылечиться от притяжения к своему полу, почему этим не воспользоваться?»

— Просто в моем мире данное явление за болезнь не считается. Существует движение по защите прав людей нетрадиционной ориентации и за такую кошмарную сцену... Олю бы в сети порвали на тысячу маленьких кусочков сотни таких, как Джейсон.

«Не понимаю, операция безболезненна, общедоступна и часто проводится в детстве».

— Это трудно объяснить... Защитники считают, что тяга к своему полу абсолютно нормальна и естественна.

«Разве люди однополые? После такой связи разве у людей появляется потомство?»

— Нет...

«Так каким местом это нормально?»

— Потому что они рождаются такими. У всех биологических видов есть это явление...

«У нас нет».

— Как нет? Вы же были однополыми...

«После перерождения каждый хранитель рождается с возможностью объединяться, а оно происходит только с противоположным полом, чтобы появилось потомство. Нас и так мало, чтобы растрачивать ресурсы на тупиковую ветвь эволюции».

— Тебе лучше не общаться с людскими правозащитниками...

«Никогда не боялся говорящих приматов».

После его слов Катю посетило видение никак не связанное с темой разговора:

«Весь в крови «Алексей» пришёл домой через портал и первым делом подошёл к зеркалу, преображаясь в Ульяну.

— Что ты творишь? — спросила она дрожащим голосом.

— Выигрываю войну для нас, дорогуша, — ответило отражение с покрасневшими глазами. — Люди слишком сильно тянут с красными тэсами, их надо выкашивать всех под корень без жалости и сострадания. На войне не место сантиментам...

— Мать?

Зажегся свет. В проеме появилась крупная фигура безбородого Саши.

— Снова седина появилась, — посетовал сын, проводя руками по волосам матери. — Я тут тебе подарков привез...

— Спасибо, — перебила его Ульяна.

— Зелье омоложение прикупил. Уберем твою седину. Алва попросила передать это тебе, — он извлек из кармана кристалл с валютой народа камней.

— Оставь себе...

— Нет, ты возьми это, — Саша вложил ей в руку кристалл. — Хотя бы обставь помещение. Что-нибудь красивое, чтобы глаз радовало. У тебя стены пустые, разве так можно жить?!

Ульяна промолчала. Она направилась на кухню, где появилось новое приобретение — стол.

— Давай поужинаем, — Саша по-хозяйски раскладывал тарелки и продукты. — Поешь, пожалуйста. Ты такая худая и...

— Страшная? — залегли морщинки у глаз Ульяны.

— Я не это хотел сказать.

— Но подумал.

Её взгляд скользнул по руке сына, замечая красную отметину.

— Что это? — спросила она, указывая на метку.

— Ничего страшного, — отозвался Саша, поправляя рукав.

— Врешь, — сразу почувствовала Ульяна и отстранилась. — Ты так не научился от меня закрываться, все твои эмоции для меня как открытая книга. Тебе угрожали?

— Мать, это мои проблемы. Я справлюсь, не забывай, что я под покровительством Алвы, — он поспешно сменил тему: — Мать, можешь, переедешь туда, где ты сможешь жить под настоящим именем, тебе не придется притворяться мужчиной...

— Мы это уже обсуждали. Давай не будем ссориться.

— Давай еще раз обсудим! — скрестил руки на могучей груди сын.

Татуировка на её руке заискрилась. Впервые с тех пор как она вышла из ускорителя, Ульяна разозлилась.

— Ты прожила в этом мире почти тридцать лет, — заметил Саша, — не считая того времени, что ты провела в ускорителе. Неужели этого было недостаточно?!

— Что вы все от меня хотите?!

— Чтобы ты перестала жить прошлым!

— Я ненавижу этот мир! И сколько бы лет не прошло, я не перестану его ненавидеть!

— Как ты можешь хотеть в мир, где нет магии, где ты поставишь крест на себе как на биомаге?! Чем ты будешь заниматься?! Кто ты без магии?!

— Там моя семья!

— И какой ты вернешься к ним?! Вот такой?! — он указал на неё. — Ты в зеркало себя видела?! От тебя прежней осталась тень! Призрак! Даже я тебя больше не узнаю, а ты хочешь, чтобы тебя узнали твои родные! Или ты считаешь, что вернешься и сразу всё забудешь?! Изгладиться всё из памяти, и ты заживешь как раньше?!

— Мне там будет намного лучше, чем здесь! — она намеревалась выйти с кухни, но сын преградил ей дорогу, а он был далеко немаленьким и занимал весь проем. — Пусти меня!

— Мы не закончили! Ты всё время уходишь от разговора! Не хочешь слушать!

— Это тупиковый разговор!

— Мать... пожалуйста...

Он обнял её и погладил по костлявой спине.

— Хотя бы попытайся. Я же многого не прошу. Почему ты всё видишь в чёрных красках? После ухода Мира, ты совсем на себя забила!

— Саша, хватит... Миру сейчас хорошо. Шоро обучит его и защитит лучше, чем это сделает его родной отец.

— Я знаю...

— Вам будет лучше без меня, — едва она так сказала, как его рука крепко сжала её плечо.

— Не смей так думать! Не смей! Слышишь?! — прорычал сын и встряхнул мать.

Ульяна безмолвно заплакала.

— Мать...

— Зачем ты приехал?! Поиздеваться надо мной?! Я не вмешиваюсь в твою жизнь, так и ты не вмешивайся в мою! Я — чужак в этом мире! Они никогда меня не примут!

— Мама!

— Я отпустил тебя, так отпусти и ты меня! Зачем эти бессмысленные попытки меня переубедить?! Неужели я не заслужил, чтобы меня отпустили домой?!

— Ты дома!

— Нет! Это не мой дом и никогда им не станет! Не хочешь ты со мной уходить, хотя бы меня здесь не держи! Зачем ты удерживаешь меня?!

— Потому что ты умрешь там! — заорал в ответ Саша. — Состаришься за жалкие пятьдесят лет и умрешь! Здесь ты проживешь в десять раз больше! Чувствуешь разницу?! Неужели так сложно понять, что я не хочу, чтобы ты умирала там! Ты предлагаешь мне подписать тебе смертный приговор!

— Все люди умирают! Я прожил и так слишком долго для человека! И оттого, что ты будешь искусственно поддерживать мою жизнь, качество этой жизни не улучшится, пока я здесь!

Не выдержав, Саша вышел и вернулся с зеркалом. Ульяна несколько недоуменно уставилась на свое отражение. Глаза покраснели, по щекам расползались то ли красные

вены, то ли корни неизвестного растения.

— Ты можешь мне ответить, хотя бы что это? Оно же тебя ненавистью отравляет. В тебе сейчас негатив просто зашкаливает.

— Подарок леса, — села за стол Ульяна и взялась за голову. — Я должен был как-то защитить Костю, поэтому пошёл на сделку с Махарат.

— Мама... это чудовище тебе не союзник...

— Выбирай выражения, она тебя слышит.

— Мама, разорви сделку, пока не поздно.

— Не могу, я обещал ей победу над красными тэасами, пока она защищает Костю. Пока я не позабочусь о вашей безопасности, я отсюда не уйду.

— Мама...

— Не вини меня, пожалуйста, мне и так не просто.

Саша сел рядом и обнял мать за плечи...»

Катя выронила книгу. У неё и раньше закрадывались подозрения, что старший сын Ульяны и дядя Саша одно лицо. Но сейчас она получила ответ. Хотя он и был без бороды, но его нетрудно было узнать по голосу и по фигуре.

После видения Катя получила замечание от Эфо:

«Я говорил тебе, что ты зря тратишь время, прошлое твоей тётки никаким образом не поможет тебе в настоящем».

— Почему? Вдруг я узнаю, какой-то способ, как увеличить запасы магии и отправиться в прошлое на триста лет? Она же могла совершать длительные путешествия! У тебя есть другие идеи, как это сделать?

«Нет».

— Так зачем мне мешать?!

«Потому что интересуюсь Ульяной, ты можешь привести Иро к мысли, что кое-кому следует замолчать».

— Но он же сам... приказал отдать мне книгу.

«Это не значит, что он в любой момент не прикончит тебя. Иро, как и Махарат преследует только интересы леса, на мораль ему плевать. Ты будешь жить, пока полезна. Но стоит тебе сделать неверный шаг, и он убьёт тебя».

— Как будто тебя будет до этого дело, — вновь проснулась обида в Кате.

«Мне есть дело до нашей сделки. Поэтому в интересах нашего договора, чтобы до конца ты оставалась полезной Иро, иначе он тебя устранил».

В дверь кладовки деликатно постучались. Катя хмуро посмотрела на тень, проглядывающую в щель.

— Катюша? — раздался голос Михог. — Может, выглянешь?

Заподозрив неладное, Катя осторожно высунула нос. Помимо матери Эфо в доме присутствовали множество других хранителей в облике людей. Сидел на кухне и Пётр Иванович, хмуро подставивший кулак под скулу.

— Только не говорите, что вы всё слышали... — нахмурилась Катя.

— Мы всё равно ничего не поняли, — повертела головой Михог, неловко улыбаясь.

«Врёт, — сдал мать Эфо. — Она никогда не умела обманывать».

— А зачем вы пришли? — сконфуженно спросила Катя.

Вместо ответа один из хранителей протянул ей маленького деревянного ящера.

— Ты просила принести их, — напомнила Михог. — Я как-то оттягивала... но я не могу

этого игнорировать....

Катя взяла игрушку и невольно вспомнила видение, где хранители поддержали её убийство, однако... дети-то в чём виноваты?

Только вечером Кате удалось освободиться, чтобы вернуться к чтению.

«Не сдаёшься», — то ли спросил, то ли констатировал факт Эфо.

— Я должна найти ответ, — мрачно и устало ответила Катя, листая книгу. — Я на попе ровно сидеть не собираюсь.

«Бесполезно, у вас разная с Ульяной сила».

— Я знаю!

«И мое предупреждение об Иро ты не приняла во внимание».

— Какая разница прибьет меня он или она? Так у меня хотя бы шанс будет! — старалась не сорваться Катя, поудобнее устраиваясь.

«Что конкретно ты хочешь увидеть? Твой дар любит конкретику».

— Я не знаю! Что-нибудь, что поможет мне усилить мой дар!

«Ну, пробуй, — саркастично отозвался Эфо. — Только помни, что времени у тебя немного».

О времени Кате как раз таки помнила. Она удобнее устроилась на кровати и, подложив подушку под спину, приступила к чтению:

«Последнюю неделю Таня не слезала с лекарств и принимала их каждый день, чтобы подавить накатывавшие отрицательные эмоции. Без лекарств её посещали мысли о суициде. Но больше всего хотелось отомстить богоподобному Иро за сомнительный подарок.

Едва оклемавшись после болезни, вместе с командой Таня отправилась в поход. Через неделю они добрались к восточной пустоши. К тому времени Таня сумела привести себя в порядок, а Ингварр — заткнуть любопытных. Иро больше не появлялся. Впрочем, не объявлялся никто из хранителей, словно они решили все разом взять отпуск.

Таня впервые увидела пустошь не на картинке, а в живую. Она с любопытством смотрела на выжженное магией гигантское пространство. Человек погибал на проклятой земле за считанные минуты. Мало какая защита спасала от пагубного воздействия пустоши. Но самое страшное было то, что пустошь разрасталась с каждым годом всё больше, словно живая захватывала новые территории. Люди совместно с народом камней пытались предотвратить распространение заразы, но тщетно.

— Какой крюк придется делать из-за этой дряни! — сетовали волшебники.

Но стоило подойти ближе, как Таня услышала нечто. Оно не имело голоса, но звало, манило к себе. И у Тани не возникло сомнений, что именно в пустошь ей и надо...

Её ударили по лицу несколько раз, прежде чем она пришла в себя от странного наваждения.

— Лёха! Лёха!

— Что случилось? — спросила Таня недоуменно, поморщившись от боли в челюсти. Ей явно дали не пощечину.

— Ты не отзывался, — пояснил Ингварр, продолжая удерживать Таню на месте. — И шёл... в пустошь.

— Я попал под гипноз?

— Сомневаюсь, — произнес Арно. — Тебя трое хранителей остановить не могли, пока не вмешался кто-то из отцов леса. Только с его помощью они сумели тебя оттащить на безопасное расстояние от пустоши.

У Тани округлились глаза. Она испуганно взглянула в сторону выжженной земли.

— Я ничего не помню...

— Так, чтобы я не видел тебя возле пустоши! — провёл руками по волосам Ингварр. —

Пока мы не выясним, что это было!

Её загнали в самый отдаленный от пустоши край.

— Ты, правда, ничего не помнишь? — поинтересовался Арно, приблизившись вместе с Эргисом и Джейсоном.

— Не-а, помню только, что меня позвали, — поежилась Таня.

— Мы один раз видели нечто подобное в одной деревне — рассказывал Эргис. — Мы сидели на улице ночью, когда из дома вышел парень. За ним бежали родители — они плакали и молили его вернуться домой, но он их не слышал.

— Всем отрядом пытались его затормозить, — продолжил уже Арно, — но силы в нем было столько, что он тащил нас — здоровых мужиков за собой. Затем нам пришлось отступить, когда показались хранители и пригрозили, что атакуют нас, если мы его не отпустим.

— Но... меня хранители остановили...

— Вот это и странно, — нервно хехекнул Арно».

— Было? — спросила Катя, прерываясь.

«Было, но не совсем так, как описано здесь», — ответил Эфо.

— А что там произошло?

«Ульяну позвал сын. Да, её остановили, чтобы она не привела людей к сердцу солнечного леса».

— Если пустошь такая неприступная, как здесь написано то, как люди приближались к солнечному лесу?

«У них были средства защиты, которые позволяли им путешествовать по мёртвой земле».

— Почему же тогда Ингварр решил обойти пустошь?

«Потому что Ингварр знал о солнечном лесу и о том, кто его охранял. Иро не разбирался бы, по какой причине люди решили пересечь пустошь. Он бы их всех перебил».

— Даже с Ульяной?

«Ингварр считал Костю мёртвым, соответственно он не знал, что её связывало с солнечным хранителем».

— Костю... нет, не верю, — повертела головой Катя. — Костя — солнечный хранитель? Старший сын Ульяны?

«Да...»

— У него волосы как у меня? Смех дурацкий

«Я не настолько хорошо с ним знаком. Мы не пересекались до его превращения».

— Значит, если Костя хранитель, то и Мирослав...

«Приемник Шоро», — подсказал Эфо.

— Мир сказал, что Костя болен...и я помню... как он извинился, а затем...провал... и я здесь...в клетке...

«Ты думаешь, что по его вине сюда попала?» — уточнил Эфо.

— Думаю, что да, но мне непонятны его мотивы... зачем?

«Стоит понять, как они попали в твой мир? — задал риторический вопрос хранитель. — Отцы и матери леса не могут покидать нашего мира даже на короткие сроки».

— Может, перерождение Ульяны в хранителя принесло какие-то изменения?

«Возможно. Она всегда мечтала, чтобы её сыновья обрели свободу. Но что они забыли в твоём мире?»

— Может просто навещали мать...

«Рискуя жизнью? Есть более действенные способы покончить жизнь самоубийством, чем путешествовать в мир без магии. Насколько нам с тобой известно, книга, которую ты читаешь, создана из дневника Ульяны. Дневника, который запечатывает полностью прежнюю личность. Вот почему у тебя диссонанс и ты не узнаешь Ульяну. Она себя обнулила».

— Но зачем?..

«Я бы тоже себя обнулил в её ситуации, — неожиданно признался Эфо. — По твоей полной непригодности к нашему миру можно судить о том, что у тебя была очень мирная и спокойная жизнь, но Ульяна прошла множество битв и сражений. Учитывая её способность меняющего реальность, возможно, что ей не одна сотня лет. У неё нулевая смертность при операциях. К ней обращались высокопоставленные личности, гибель которых могла закончиться для Ульяны смертной казнью, так как она иномирянка».

— Она откатывалась при неудачном исходе...

«Тысячи и тысячи раз за миг до гибели, как это делал Люус. Она разучилась жить в мире. Она солдат. Она убивала, пытала и калечила не только врагов, но и союзников».

— Она же биомаг...

«Биомаг, который больше убивал, чем спасал».

— Но она переродилась в хранителя!

«Я не исключаю, что перерождение не было завершено. Раз отцы леса рискнули жизнью, чтобы отправиться в твой мир и вернуть Ульяну, то явно что-то пошло не так».

— Почему же не вернули?

«Обнулённая она бесполезна. Мне кажется, что они искали её дневник, чтобы отменить заклятие. Вернуть личность, которую она запечатала, и завершить перерождение».

— Но я тут каким боком?

«Ты видишь будущее и прошлое, могла вычислить, где Ульяна спрятала дневник».

— Вопрос поставлю по-другому, почему они не использовали меня раньше, раз я могла отыскать этот чёртов дневник?!

«В вашем мире мало магии, её практически нет, иной раз требуется десятки лет для того чтобы накопить достаточно энергии для пробуждения дара».

— Дневник... я что-то припоминаю... но очень смутно. Я... кажется держала его в руках... я не помню всего. Всё как в тумане...

«Читай дальше, — перебил её Эфо, — чем быстрее закончишь, тем лучше».

Катя глубоко вздохнула и провела пальцем по строкам:

«До ущелья они шли дальше молча. А там Ингварр громко и нецензурно выругался.

Их встречали странные гуманоидные существа полтора метра ростом с белой кожей и разноцветными длинными волосами, из которых выглядывали усики. Нечеловечески большие глаза того же цвета, что и волосы. Вместо рук и ног шевелились корни с лепестками. Ртов, ушей и носа не наблюдалось. Фигуры отдалено напоминали женские, хотя без первичных половых признаков, даже грудь отсутствовала.

— Что это?! — воскликнул Ингварр.

— Я, кажется, догадываюсь, — потрясенно прошептала Таня. — Это хранители.

— Ты спятил? Какие же это хранители?!

— А у тебя есть другие версии?!

— Да, мы истинные лесные хранители! — послышался жуткий фальцет и к людям выкатился... огромный алый цветок с женоподобной фигуркой по центру. Так как своего рта у разгневанного цветка не было, то он использовал обросшее корнями мужское тело.

— Я бы оружие не опускал, — тревожно прошептал Арно, сглатывая при виде жуткого зрелища.

— А как величать-то? Мать это или отец? — спросила Таня, сомневаясь в идентификации существа.

— Двуполость удел презренных животных! — оскорблено заорал цветок.

Люди опешили и переглянулись.

— Так это оно? — озвучил мысли всех Арно.

— Слушай, давай ты не будешь их злить, — попросила Таня, замечая, как злобно шевелились корни существ.

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не материализовался Дахот и одним своим видом не заставил существ отступить.

— Я уже думал ты сдохла, упрямое удобрение! — сказал он существу.

— Презренное подобие хранителя! — зашипел цветок. — Не смей смущать моих детей своим святотатственным обликом!

— Мне и смущать никого не надо, — фыркнул Дахот. — Они сами на зов леса пойдут!

— Кого я слышу? — вмешался второй скрипучий голос. — Неужели это мой мальчик, Дахот, решил навестить наш лес?

Из-под земли показались корни, а вслед за ними, стряхивая песок, вылез белый цветок по размерам не уступающий алому. Корни и лепестки раскрылись.

— Бабуля Олаха! — не менее радостно отозвался Дахот, принимая объятия более приветливой хранительницы и позволяя себя обвить корнями. — Посмотри, что снова Махарат устроила! — и ябеднически указал на жавшихся друг к другу существ.

— Махарат! — разозлилась Олаха. — Каждое столетие ты повторяешь одну и ту же ошибку! Сколько можно?! Ты не только оглохла к старости, но и одурела?!

Но Махарат молчала, только корни скрипели от бессилия и гнева. Видно было, что Олаха её старше.

— Махарат! — напомнила Олаха о себе.

— Оставьте мой лес в покое!!! Дайте ему умереть каким он был!!! — взвизгнула Махарат и насколько позволяли её габариты поползла в чашу.

Олаха покачала головой.

— Эти люди с тобой, мой мальчик? — спросила Олаха, посмотрев на отряд.

— Они пришли помочь перерожденным дочерям Махарат познать любовь, — оскалился Дахот.

— О, какие хорошие люди!

Таня отчетливо услышала, как Ингварр ругнулся. Что означали слова хранителя, Таня окончательно поняла только вечером, когда в лагерь пришли обнаженные девушки с едва намечающимися зачатками крыльев.

Волшебница спешно удалилась в чашу, чтобы даже косвенно не участвовать в вакханалии. И чем дальше она удалялась, тем отчетливее слышала чей-то плач. Надеясь, что в волшебном лесу её не прибьют, Таня отправилась на звук и наткнулась на плачущую

Махарат.

Таня осторожно приблизилась к искренне страдающему алому цветку.

— Что тебе надо, двуногая тварь?! — заметила её Махарат.

Вместо ответа, Таня вскарабкалась по корням и лепесткам к гуманоидной форме Махарат, слишком удивленной от наглости человека, чтобы как-то воспрепятствовать его продвижению.

— Вы старейшая из хранителей и не подчиняетесь совету леса, — заговорила Таня. — Ответьте мне хотя бы вы. Кто я для леса?

— Вторая Цахира, — зло ответила Махарат.

Татьяна едва не свалилась с лепестка.

— Значит... меня домой никто не пустит, — потерянно проговорила Таня.

Махарат засмеялась. И это выглядело жутко, учитывая, что вместо неё смеялся мертвый человек.

— Они тебя бояться, как я боялась Цахиру. Ты — перемены, начало нового перерождения.

— Да какие я могу принести перемены? Я всего лишь человек!

— Цахира была такой же двуногой тварью, как и ты. Но после перерождения она изменилась, стала иной. А вслед за ней... все наши дети менялись, перерождались. Бежали разбавлять кровь с этими... каменными, — она презрительно махнула корнями. — Тогда же появились среди нас презренные мужчины.

Её корни и лепестки поникли.

— Я не могу принять выбор леса, но в одном Олаха права. Они по-прежнему наши дети, — один корешок погладил Таню по голове. — Лес чувствует, лес знает, лес помнит... я тоже помню. Нужна новая перемена, чтобы противостоять набравшим силу врагам...

— Я не хочу в этом участвовать! Я всего лишь хочу домой! Понимаете?! Дома меня ждёт семья!

— Разбавь кровь этих трусов и тебя отпустят домой! Они не хотят перемен через тебя, потому что бояться! Но твой ребёнок... это другое...

— Махарат, вы — мать и должны меня понять! Вам же не нравится то, что происходит! — она указала в сторону лагеря. — Как я могу пойти на такую сделку?! Я не желаю разбавлять кровь с Иро! Он мне омерзителен!

Лепестки старой матери леса еще больше поникли. Она понимала.

— Махарат...они не отпустят меня домой, пока я не разбавлю их кровь. Даже если мне удастся сделать прыжок домой, они вернут меня обратно. Они заставят меня согласиться.

— Ты предлагаешь мне пойти против воли леса, двуногая тварь.

— Я предлагаю пойти против совета! — сжала кулаки Таня. — Лес желает перемен через меня, иначе я бы не была носителем его силы! Это совет идет против воли леса!

Махарат прищурилась и задумчиво пошевелила корнями.

— Что ты хочешь?

— Оборвите мост и оградите меня от хранителей! Если я не нужна им, пускай отпустят домой!

— Оставить тебя без защиты леса?

— Почему же без защиты? Не сомневаюсь, что в своё время вы немало победили врагов.

— А ты дерзка для двуногой!

Неожиданно для себя Таня обняла Махарат.

— Молю, помогите мне. Защитите от совета и от хранителей. Не позволяйте им откупаться от леса такой грязной ценой.

Корни и лепестки обвили Таню. Это и было неммым ответом на её просьбу».

Хохот Эфо был до неприличия громким и внезапным. Он смеялся минут пять, и Кате никак не удавалось его ни о чем спросить, потому что хранителя заново захватывал приступ смеха.

«Ты читай-читай», — сказал Эфо, когда к нему вернулась способность говорить.

— Из этого есть хоть что-то правды?

Эфо снова засмеялся и утратил способность говорить еще на несколько минут, пока не выдавил:

«Ульяна действительно несла перемены, но для нас они желанны. Цахира дала нам очень многое, не меньше дало перерождение Сохо, который был тэасом — он первым заселил подводную территорию, поэтому к перерождению Ульяны мы готовились, как к переменам к лучшему».

— Значит, не было никакой оргии. И Оля снова всё себе придумала.

«Почему не было? — окончательно успокоился хранитель. — Было. Чтобы пройти через лес Олахи живыми и невредимыми, солдаты должны были заплатить. Конечно, у людей запрет на разбавление крови с нами, но... Олаха очень красивая женщина, она всегда умела убеждать мужчин сделать так, как ей хотелось. И она выбрала самых... породистых».

— Мерзость...

«Мы должны как-то выживать и раз люди не могут сдержатъ собственную похоть, почему бы нам этим не воспользоваться?»

— Тебе не кажется, что это проституцией пахнет?

«Именно таким образом родился я и мой брат».

— А между собой не пробовали размножаться?

«Без объединения между собой мы не можем. Поэтому люди и тэасы для не объединенных хранителей вроде опылителей».

— Понятно, — скривилась Катя, перевернув страницу.

«Таня вернулась в лагерь под утро и застала нелицеприятные последствия оргии. Её передернуло от омерзения, и она пошла к речке, чтобы умыться. Там же повстречала Дахота, вальяжно устроившегося на дереве.

— Что? Сейчас скажешь, что я неблагодарная тварь? — рыкнула Таня, заметив его внимательный насмешливый взгляд.

— Нет, — Дахот улыбнулся, — я этого ожидал. Мне как учителю, наоборот было бы обидно, если бы ты не воспользовалась шансом попасть в милость к Махарат.

— Да неужели? — подозрительно нахмурилась Таня.

— Я люблю скандалы, а лес любит это старое удобрение. Обидеть Махарат никто не посмеет. Её нельзя обвинить в том, что она не следует воле леса, еще как следует, — он хихикнул.

— Но они не станут.

— Разумеется.

— А какая твоя позиция?

— Перемены — это хорошо, — широко улыбнулся Дахот, обнажая острые зубы в улыбке.

— Мне следует ждать... подлости?

— Тут уж я ничего сказать не могу. Совет на тебя разозлился и запретил передавать больше знания. И разговариваю я с тобой исключительно по собственному желанию.

— Хотя бы намекни.

— Просто будь осторожна и почаще обнимайся с Махарат, ты ей явно понравилась.

— К тебе я могу обращаться? Хотя бы поболтать.

— Увы, но нет, поэтому я хотел бы попроситься...».

Катя перевернула еще две страницы, на которых Таня и Дахот страстно предавались страсти, к которой затем присоединился Дахир...

«Твоя тётя очень странная особа, — прокомментировал Эфо, — оргия у неё вызывает омерзение, а вот переспать сразу с двумя мужиками считает вполне приемлемым».

— Она мечтает о мужском гареме...

«Вот как? Захиму бы она понравилась».

— Фу! Я ж теперь не усну!

Перевернув еще парочку страниц с душевными страданиями Тани и еще одной сценой, где героиню «любили» сразу двое братьев спереди и сзади, Катя, наконец, добралась до сюжетной линии:

«Прошло еще четыре года. Харур заключил мирный договор с Дориском и вскоре армия людей пополнилась новыми волшебниками.

Впервые с армией союзников Таня познакомилась в период относительного затишья злых камней. На осмотр к ним привели толпу расэж.

— А где девушки? — печально обвел взглядом пространство палатки один из парней. — Где прекрасные утешительницы?

— Кого тут можно ущипнуть за попу? — захихикал второй.

— У нас не работают женщины, — ответил Мак и невольно скосил взгляд на Таню, но она осталась невозмутима.

После его ответа лица у мужчин погрустнели.

Дориск был менее строг к женскому полу, чем Харур, и женщины у них часто встречались в медицинских учреждениях в качестве помощниц. Их даже обучали элементарной магии, чтобы они частично брали на себя обязанности и разгружали биомагов.

— Вы в этом уверены? — спросил мужчина примерно тридцати лет. Голубоглазый шатен, что сразу выдавало в нем гостя из другого мира. Черты лица с легкой щетиной тоже отличались — они были грубее и мужественнее. Красотой особой не отличался. Про таких как он говорили «настоящий мужик».

— Вы видите здесь женщин? — усмехнулся Мак.

— Я да, вижу, — широко улыбнулся мужчина.

Парни на его заявление отреагировали весело и гадали, где же спряталась женщина. Таня недоуменно уставилась на Мака, пока он приложил руку к шее иномирянина.

— Какой необычный дар, — произнес вслух Мак. — Видеть сквозь иллюзии.

— Вот весело будет, если Каменный щит — бородатая женщина! — после этих слов раздался громогласный хохот.

— Еще веселее если Доктор смерть — женщина!

— Доктором смерть называют меня, — холодно произнесла Таня. — И еще одна глупая шуточка, сделаю всем клизму.

Мужчины сразу стушевались, с опаской покосившись на волшебника поддержки.

— Страшный ты человек, Лёха, — хмыкнул Мак, сдерживая хихиканье.

— Русский?! — перешел на родной язык мужчина, который видел сквозь щиты. — Я тоже русский! Я — Илья! Вот так встреча!

Таня не разделяла его восторга. Она была уверена, что мужчина бахвалится и сквозь иллюзию Дахира видеть никак не мог.

— Пойду проверять вторую группу, — сказала Таня Маку.

— Постойте, прекрасная фея! Куда же вы от нас?!

— Хорошо, что ты сказал это на русском, — прошипела Таня. — Ляпнешь такое на харурском, я тебе нос стулом расквашу! Дебил!

Ошеломление на лице Ильи было непередаваемым.

— Какая суровая фея...

Мак присоединился к ней через пять минут, закончив проверять первую группу.

— Что ты ему сказал? — спросил он у Тани.

— Что нос разобью стулом за его шуточки, — ответила она, готовя кристаллы.

— Вдруг он действительно видит сквозь иллюзию? Он очень сильный расэж.

— Не смей меня. Я давно здесь работаю, и при мне ни одну бабу никто не сумел распознать.

— Но ты же распознавал, а у него тип магии игла.

— Мак, я распознавал иллюзии молодых хранителей, а не те, что создавал Дахир. Уровень другой.

— Он — первый даже среди наших расэж.

— Не впечатляет.

— Будь осторожней.

— С чего бы?

— Ты его земляк, а это привлекает.

— Мак, волшебник его уровня может себе позволить любую красотку среди равных ему расэж. Я когда увидел последний список девушек на выданье, так едва не сменил ориентацию от зависти.

— Так то ж платить надо, с семьей договариваться. Я бы тоже выбрал бесплатную женщину.

— Спасибо. Ты «поднял» мою самооценку.

— Не за что.

Её угроза на Илью никак не подействовала. Уже на следующий день он ждал её на работе с цветами и улыбкой до ушей. Наградив его крайне недоброжелательным взглядом, Таня прошла мимо.

— Стойте, Алексей!

— Если вы ко мне не по работе, я вас видеть не желаю, — мрачно огрызнулась Таня.

— Вы мне нравитесь, Алексей! — специально на харурском крикнул Илья, последовав за ней.

И по закону подлости мимо проходили весельчак и компания.

— Мы ничего не слышали, — поспешно произнес весельчак и скорчил слишком уж серьезную мину.

И Таня несколько не удивилась, когда услышала за спиной квартет «гы-гы-гы». За это без зазрения совести она послала в сторону Ильи стул, который он с легкостью перехватил.

— Люблю женщин с перчиком, и которые исполняют свои обещания! — ухмыльнулся Илья, переходя на русский.

— Иди в задницу!

— А как вас зовут на самом деле? — не сдавался упрямец.

— Зидан, — хотела закрыться в своем кабинете Таня.

— Зинаида что ли? — удержал дверь Илья, просунув в щель лохматую голову.

— Прекратите преследовать меня! Это уже не смешно! — попыталась прищемить его Таня.

— А если я влюбился в вас? — не сдавался Илья, продолжая удерживать дверь. — Как на счет свидания сегодня вечером?

— О, так вы хотите сделать фиброколоноскопию? — с ехидцей спросила Таня. — Тогда вам стоит записаться в очередь.

— Какая вы жестокая! — восхитился Илья.

— Прекратите этот цирк! Мне надо работать!

— Согласитесь на свидание!

Возле её кабинета собралась толпа любопытных биомагов. Тане удалось вытолкнуть Илью, воспользовавшись помощью хищного цветка, обожавшего кусаться.

— Это было жестоко! — зажал укушенный подбородок Илья. — Вы не сможете вечно прятаться!

— Еще как могу! — через дверь крикнула Таня.

А затем раздалось корявое пение на харурском, где ей признавались в любви. Биомаги, уже не скрываясь, хохотали на весь коридор.

— Да чтоб ты охрип, кхтулук! — рявкнула Таня.

Хохот стал еще громче. Таня только пожалела о подмоченной репутации, но сдаваться настойчивому террористу не собиралась.

Через несколько дней к ней заглянула Алва, которой уже обо все доложили.

— Сильно достал этот... Илья? — спросила она, таинственно улыбнувшись.

— Какой позор, он за мной бегаёт и прямо при всех признаётся, что я ему нравлюсь! А сейчас вообще замуж зовёт! Зачем он это делает?! Неужели не понимает, в какое неловкое положение меня ставит?! Надо мной весь госпиталь смеется!

— А он тебе нравится? — Алва прищурилась, продолжая улыбаться. — Такой мужчина... м-м-м.

— Обычный мужик... — опешила Таня от вопроса, ей никогда не нравился его тип мужчин, — но мне-то уже почти шестьдесят! Какие цветы?! Какая романтика?! И это ж... скандал будет, когда всё раскроется.

— Я хочу скандала, — произнесла Алва с едва скрываемым злорадством. — Хочу романтики. Порадуй старушку романчиком.

— Ты серьезно?

— Сейчас у тебя реальная возможность без вреда для себя отомстить обидчикам. Это будет такой удар по их репутации, что они век не отмоются.

— Но я встречусь помимо расизма еще и с сексизмом.

— Ты всё равно собираешься из этого мира уйти. Какая тебе разница? И на твою сторону встанет мой народ, а именно совет матрон. Люди их ненавидят. Когда в харур приезжает делегация с дипломатической миссией, ваши магистры едва ли зубами не

скрипят, когда видят матрону.

— Я не уверена, что матроны ринутся меня защищать.

— Давай проверим. Слушай, доставь старушке удовольствие. Я хочу скандала, я хочу, чтобы в харур приехали матроны и раскатали магистров.

— Тогда возникает вторая проблема. Я не уверен, что Илья видит сквозь иллюзию. Я ему не верю. Может, он просто поиздеваться решил? Я ему откроюсь, а он меня сдаст.

— Хочешь, чтобы я проверила его воспоминания?

— А где еще добыть доказательства? Пускай доказывает, если он действительно хочет со мной встречаться.

Предмет разговора без стука вломился в кабинет Тани, в руках у него был горшок с цветущим кактусом.

— Илья? — уточнила Алва с улыбкой. — Верно?

— Верно, — кивнул мужчина, а взгляд не сводил с Тани.

— Вы не хотите, поделиться капелькой своих воспоминаний... за последние пять минут?

Таня закатила глаза к потолку и отвернулась, пока Илья рисовал у себя на виске разрешающий знак.

— Как... неожиданно, — произнесла Алва.

Таня повернулась к экрану. Недоверие сразу отпало. Он действительно видел её настоящей с красным ореолом по контуру фигуры.

— Свидание? — весело спросил Илья, ставя перед Таней кактус.

— И тебя нисколько не пугает, что меня называют Доктором смерть и, что грубее меня только портовый грузчик?

— Меня это интригует. Так что?

— Тащи вино и конфеты... дурень...

Алва организовала собрание матрон, высокопоставленных лиц народа камней и магистров харура. Таня очень волновалась, собираясь выступить перед ними в своём истинном облики. Алва и Мак её поддерживали, успокаивая, что всё пройдет хорошо, что люди не успели даже подготовиться и матроны сумеют одержать победу.

— Представьтесь, пожалуйста, и назовите цель данного собрания, — ободряющей улыбнулась Тане матрона.

— Я — Татьяна Раковец, попросила политической защиты в связи с тем, что была рассекречена и могла попасть в узаконенное рабство.

— Что за чушь она несет?!

— Я — тэй хала хасэж, — продолжала Таня, — и чтобы получить образование и престижную работу, соответствующую моему магическому уровню, вынуждена была скрываться под мужской личиной и носила имя Алексея Раковца.

— Ересь!

— Помолчите, не ведите себя как кхтулук! — шикнул на учителя расиста верховный. — Вы можете доказать, что скрывались под видом Алексея Раковца — он довольно известная личность.

Таня надела кольцо и к ней подошел мужчина из народа камней. Он сравнил энергетику с той, что была записана на идентификационном кристалле.

— Подтверждаю подлинность. Это Алексей Раковец.

— Можете снять кольцо.

Таня подчинилась.

— Откуда у вас такая сильная магия сокрытия?

— Я купила талисман у лесного хранителя по имени Дахир после разрушения Сены.

— Почему вы это сделали?

— Я находилась на грани отчаяния. Я не хотела попасть на аукцион и быть проданной.

— Вы могли приобрести таким путем солидного покровителя, который взял бы все ваши расходы на себя, — произнес магистр, поморщившись.

— Да, это так, но в таком случае я могла забыть о получения должного образования.

— Вы бы ни в чём не нуждались! Зачем вам было учиться?

— Точно такой же вопрос я могу адресовать вам.

— Это несравнимо. Ваш поступок эгоистичен!

— Эгоистичен? — потрясенно переспросила матрона. — В чём он эгоистичный?

Передо мной список заслуг этой женщины, интеллектуальным трудом которой вы пользовались в военных целях на протяжении двадцати шести лет.

— Я не поверю, что это её исследования!

Матрона посмотрела на него как на тупого осла.

— У вас есть доказательства того, что она украла чью-то работу? Работу вашу или ваших коллег? У вас есть свидетели, которые пройдут через камень правды?

— Магистр Мак...

— Магистр Мак уже прошел через камень правды. И мы выяснили, что он знал только тему исследования, но не участвовал в разработке. Так же были проверены на камне правды все, кто имел какое-либо отношение к Алексею Раковцу.

— Я попрошу пригласить Ингварра Хансена.

Вошел норвежец.

— Ингварр, скажите нам. Вы знаете эту женщину?

— Впервые вижу.

— А Алексея Раковца?

— Да, знаю. Это волшебник поддержки из моей группы.

— Как вы можете его характеризовать?

— Добросовестный и исполнительный. Многих ребят с того света вытащил.

— Здесь написано, что вы сменили одиннадцать волшебников поддержки. Но с Алексеем Раковцом вы проработали дольше всего и до сих пор он числится в вашей команде. Вы можете это как-то прокомментировать?

— Его предшественники были идио... профнепригодными. Они не справлялись со своей работой.

— У других команд были такие проблемы?

— У кого-то были, а у кого-то нет. Смотря, как повезет. У нас большие нагрузки и не каждый волшебник поддержки мог с ними справиться.

— Но с появлением Алексея Раковца проблема решилась?

— Да.

— Вы состояли в интимных отношениях?! — спросил учитель-расист.

У норвежца хватило выдержки, чтобы не выругаться матом, и он сдержанно произнес:

— Я вроде бы хорошо знаю ваш язык, но вопроса не понял.

— Магистр интересуется, были ли у вас с Алексеем Раковцом отношения сексуального

характера? — насмешливо уточнила матрона.

У норвежца всё было на лице написано.

— Алексей Раковец — мужчина, а у меня пара сотен детей по всей стране от разных женщин. Как можно мне задавать такой вопрос?

— То есть вы не знали о второй сущности Алексея Раковца?

— О том, что он... интересуется мужчинами, нет.

— И вы не знали, что Алексей Раковец — это Татьяна Раковец? Вот эта женщина, — он указал на Таню.

— Нет, для меня это новость.

— Зачем вы задаете ему эти вопросы? — взвился еще один магистр.

— Этими вопросами мы хотим понять истину. Эгоистична ли эта женщина, как вы утверждаете. И действительно ли все эти исследования, — она показала список, — принадлежат этой женщине или как вы утверждаете, она их украла. Если она украла, то мы должны выяснить у кого.

— Она была связана с хранителями...

— Тогда мы призовем в свидетели хранителей.

— Вы сошли с ума?!

— Хранители придерживаются нейтральной стороны, и я не понимаю вашей реакции. Я призываю как свидетеля хранителя Дахота.

Таня даже не сомневалась, что увидит именно его. Обожающий скандалы Дахот точно бы веселье с разбирательствами не пропустил. Он сразу же материализовался, едва его позвали. Ингварр отшатнулся от него.

— Хранитель Дахот, вы чем-то помогали Татьяне Раковец?

— Да.

— Чем?

— Я её обучал.

— Обучали? Разве у вас нет запрета на передачу знаний человеку?

— Есть, но мы не давали ей того, чего уже не знали люди.

— Это ваши исследования?! — вспыхнул учитель-расист, демонстрируя список.

— Нет, исследования принадлежат Татьяне. В них я участия не принимал. Мне за это не платили.

— Спасибо, мы вас поняли.

Дахот пропал.

— Я думаю, на этом можно завершить, результаты голосования я уже получил, — произнес верховной. — И сразу вынесу вердикт. Татьяне Раковец будет предоставлена политическая защита. Любая попытка навредить ей или ущемить в правах, будет расценена как военные действия против нас.

— Так же мы даем Татьяне Раковец разрешение на брак с Ильей Берестневым. На этом всё, — добавила матрона. — И в качестве взноса на разрешение брака, мне были переданы последние исследования Татьяны, позволяющие искусственно и временно увеличить магическую силу.

— Невозможно!

— Данное исследование после проверок и тестов будет использовано на благо нашего общества и общества наших союзников.

Первой помещение покинула совершенно потерянная Таня. Такой быстрой и легкой

победы она не ожидала и слабо реагировала на установку диадемы народа камней.

— Я уважал Алексея, буду уважать и вас, — подошел к ней учитель биомгии и пожал руку.

Остальные магистры пренебрежительно прошли мимо, кто-то даже специально задел плечом.

Шокированный норвежец осторожно приблизился, почесывая затылок.

— Я подозревал, но...

— Не мог поверить.

— Пойду, Арно сообщу новости, а то еще немного и он возьмет здание штурмом.

Он поспешно покинул её общество, словно у него имелось какое-то срочное дело. Она его не винила. Свыкнуться с обманом нелегко».

— Было? — вновь уточнила Катя, прервавшись. — Ульяна создала какое-то средство для увеличения магии?

«Нет. Ей бы и разрешения не выдали. Слишком много политики замешано».

— А этот Илья был?

«Разумеется, нет. Здесь вырваны некоторые фразы и диалоги из контекста, с целью их романтизации. Харур заключил договор с Дориском, но никакого Ильи среди них в помине не было, да и быть не могло. Дориск более агрессивен к иномирянам, чем Харур, и держит их в рабстве. Иномиряне не имеют права учиться наравне с гражданами Дориска. Им нельзя жениться, а так же работать на престижных должностях. И когда солдаты Дориска встретили иномирян Харура, они вели себя с ними как хозяева. Дорисчане считали очень смешным и оскорбительным называть мужчину, закаленного в боях, прекрасной леди. Они так развлекались».

— И иномиряне терпели?

«Умные для своей безопасности терпели, глупые пошли в расход сразу. С самого начала было понятно, что Харур не заступится за иномирян, чтобы сохранить добрососедские отношения с Дориском».

— Ульяна не раскрыла, что она женщина?

«Нет, Ульяна до сих пор скрывается под мужской личиной, раскрытие для неё смерти подобно. Всей власти Алвы не хватило бы, чтобы защитить её от гнева Харура — они лишили бы её всех привилегий и, скорее всего, сразу продали. В женском облике она стоит бешеных денег на чёрном рынке».

— Но в нашем мире это прокатило, женщины добились более равных прав...

«В вашем мире нет магии, а у нас она есть. И если бы одарённая женщина в нашем мире многократно не увеличивала силу мужчины при физической близости, может быть, и было как-то по-другому. Слишком многое завязано на деньгах и власти. По той же причине до сих пор убивают младенцев красных тэасов, хотя наши защитники детей пытались внедрить лекарство, созданное Ульяной. Не получилось. Гуманность в Харуре не в цене».

— И тэасы не используют лекарство?

«Используют, но для себя и для своих детей, однако это не мешает им покупать красные кристаллы, которые продают им люди. Производство красных кристаллов в крупных людских городах поставили на поток с использованием рабынь и пленников».

— Что?! Это же дикость!

«В твоём мире дикость, в Харуре и других похожих на него городах, это норма, как в Эфере норма приносить лесу кровавую жертву ради защиты от нападений. Ты думаешь, эта

деревня единственная пользуется нашими услугами?»

— У меня в голове не помещается! Дикость! Дикость! Лютая дикость!

«Сейчас ты напоминаешь мне Цахиру, — продолжал Эфо. — Я не знаю, из какого мира она пришла, но она не была ни человеком, ни тэасом. Она не знала, что такое проституция, потому что представители её расы никогда не продавали себя. Она не знала, что такое рабство, потому что её раса не держала рабов. Её раса не убивала так же себе подобных. Однако они не были слабыми и миролюбивыми, и могли за себя постоять. Силу и магию мы тоже унаследовали от неё. Сильнее её я никогда и никого не знал. И переродившись, мы многое взяли от её идеалистических взглядов и убеждений, от особенностей её расы, хотя и не до конца. Мы пошли по другому пути, который Цахира не принимала, особенно она не понимала, почему некоторые из нас отказывались от объединения. Для её расы стёртые границы естественны, но мы с трудом их принимали, с трудом к ним привыкали».

— Я много раз слышала упоминания о Цахире, но... что с ней случилось?

«Её убил Люус триста лет назад».

— Он был сильнее даже её?

«Цахира была могущественна и могла так долго прожить, что людям бы она показалась бессмертной, но меняющий реальность — грозная сила, против которого у неё не было шансов. Кто не видит будущего, сражаться с ним на равных не может».

— И обманщики времени её не вернули?

«Не смогли», — не вдавался в подробности Эфо.

— Но почему Люусу проиграл Бахо? Как я успела понять, Люус, чтобы попасть в нужный ему вариант будущего, вынужден был совершать многократные прыжки назад, потому что он не видел будущего, хотя и мог менять реальность. Бахо видел всю картину целиком. Он мог выбрать тот единственно верный вариант будущего, где Люус проиграл бы. Почему он этого не сделал? Или же он намерено проиграл? Оставил подсказки... мне. Человеку.

Катя взяла дневник Бахо и ткнула пальцем в строчку, где упоминалось её имя.

— Ошибка? — напирала она. — Бахо знал моё имя еще до моего рождения. Если он так далеко видел, то мог расправиться с Люусом лёгко, как бы тот не менял реальность. Почему он этого не сделал? Может, существовала другая угроза, которую он предпочел избежать? Почему он не выбрал реальность, где живы твои дочери?

Эфо на некоторое время замолчал, чтобы коротко ответить:

«Я не знаю».

После его ответа, Катю посетило еще одно видение, не связанное с прошлым Ульяны:

«Передав неугомонных сыновей их бабушке, Катя отправилась к Бахо на занятия. Хранитель сидел за растущим из стены столом, а перед ним стоял красный кристалл с чёрными прожилками.

Катя остановила взгляд на кристалле. К горлу подкатила тошнота и омерзение, словно она разглядывала разлагающийся труп.

— Что это? — спросила она.

— Жизненный кристалл одного тэаса по имени Люус, — ответил Бахо, не сводя взгляда с кристалла.

— Разве у них не синие и зеленые кристаллы? — присела напротив хранителя Катя.

— Да, но...

Бахо повернулся к ней лицом и замер на полуслове. Он приблизился к Кате и заглянул

ей в глаза, словно нечто увидел в них.

— Они нас слышат... это хорошо... — не в первый раз очень странно повел себя Бахо.

— Кто?

— Неважно... — и продолжил: — Триста лет назад были еще и красные, пока их всех не истребили. Владельцы этих кристаллов отличались повышенной агрессией и злобностью. До перерождения наша раса, да и людская раса и тэаская раса едва не погибли в войне с ними. Победить удалось после того, как устранили их лидера — Люуса. Природу их возникновения мы до сих пор не разгадали.

— Поэтому ты хранишь эту гадость? — Катя брезгливо поморщилась

— Кристалл принадлежал не просто тэасу, а меняющему реальность. И кристалл можно использовать в случае угрозы...

— Бахо, тебя что-то тревожит?

— Что тревожит? — хмыкнул он, убирая кристалл под ткань. — Мы от них не избавились до конца, и нас ждёт вторая волна. Более губительная, чем первая.

— С чего такие выводы? — нахмурилась Катя. — Ты что-то увидел в своих видениях?!

Бахо сложил руки в замок и со вздохом сказал:

— Я много чего вижу, Катя, и много чего помню... и не обо всём могу рассказывать, а кое-что и пережил сам. И я достаточно много общался с Иро, который сталкивался с ними еще до перерождения. Он сказал, что встречал Люуса в разных телах.

— Как это? Он владел каким-то даром перемещения душ?

— Не знаю. Понимаешь, мы давно предполагали, что в тэасов кто-то вселялся, захватывал тела и управлял ими. Они не боялись смерти. Они с такой легкостью кончали жизнь самоубийством, словно не собой жертвовали, а оболочками, которые использовали. И у меня есть подозрения, что мы уничтожили только их физически оболочки здесь, а сами они остались целыми и невредимыми. И они вернуться еще злее, чем были...

— Бахо, прекрати кормить мою жену страшилками, — приблизился к Кате со спины Эфо и погладил её по плечу.

— Это не страилки! — возмутился Бахо. — Если бы ты не блокировал её видения, ты бы сам всё увидел! Ты мне не веришь, в принципе никто из вас мне не верит, но я всё равно скажу! Люус вернется за твоими детьми!

— Моими детьми? — Катя отшатнулась в ужасе.

— Первые хранители, которые будут объединять в себе две силы, так как объединял их Пётр Иванович — твои сыновья унаследовали его способность.

— Кто такой Пётр Иванович? — не поняла Катя.

— Твой прадедушка. Он погиб во время экспериментов, потому что не было перерождения Сохо, а значит, не было морского барьера, который защитил Петра Ивановича от преследования. Люус сделает всё, чтобы завладеть силой, которой будут обладать ваши совместные с Катей дети.

— Прекрати пугать Катю, — попросил Эфо и попытался увести супругу.

— Стой! Пожалуйста, хоть раз выслушай меня, это поможет тебе спасти твою семью! Твоих дочерей! Сыновей! Ты не вспомнишь об этом разговоре, но увидишь его снова! Потому что твоя душа сохранит память об этом дне!

— Бахо...

— Не блокируй её видения! В них ты увидишь ответ! Из-за того, что всё перемешалось и изменилось, будет третье перерождение...

— Хватит! — заорал Эфо.

— Ульяна поможет, но не сейчас... — не сдавался Бахо, — сейчас бегите от неё, бегите как можно дальше! Бегите до того, как она пробьет барьер! Уходите! Когда придет время, она найдет вас перерожденной!

Эфо не сильно врезал ему под крик Кати, но Бахо даже с разбитой губой все равно кричал, словно торопился всё высказать:

— Не блокируй её видения! Они помогут вам спастись! Она научится избегать ловушки!

— Бахо, я вынесу на совет вопрос о том, что ты начинаешь сходить с ума из-за этих безумных видений! Ты начинаешь путать одну реальность с другой!

— Меняющие реальность не создают новые реальности, они меняют старую, заставляя нас забыть то, что мы уже прожили и уже никогда не проживем! — отчетливо произнес Бахо. — Когда ты потеряешь всё, что имеешь, ты мне поверишь, потому что терять тебе больше будет нечего. Прости... счастливым, ты меня не слышишь. Никто из вас. Но когда тебя будет вести месть, ненависть и боль, ты будешь меня слушать!

— Бахо, — Эфо обнял его за шею — Хоть одно из твоих видений сбылось?

— Потому что меня слушает Иро, потому и не сбылось! А вы все слепые и не верите, что ваш рай хотят разрушить! Знаешь в чём разница между даром обычного меняющего реальность и нашим с её даром? — он указал на Катю. — Совет видит только варианты будущего, мы же видим не только будущее, но еще и прошлое, которое забыли из-за меняющих реальность. Из-за этого твоей жене кажется, что она видит альтернативные вселенные, но на самом деле она видит своё прошлое! Ваше прошлое, которое вас заставили забыть! И скоро нас всех откатят! Это неизбежно! Ваш рай будет разрушен!

Эфо хотел увести Катю, но она вырвалась и присела рядом с Бахо и заговорила с ним:

— Я хочу знать. Если вдруг произойдет откат, о котором ты говоришь... я вспомню о мальчиках? Я смогу их вернуть?

Бахо опустил взгляд:

— Если станешь хранителем снова, воспоминания вернуться. Такова суть нашего дара. Но вернуть мальчиков... не сможешь. Нельзя обмануть того, чего не было. В этом опасность дара меняющих реальность. Вернуть то, что изменили они, нельзя.

По щекам Кати потекли слёзы.

— Как-то избежать можно? Ты нашел ответ?

— Мы ищем...

Эфо всё-таки увел её, без восторга оглянувшись на брата.

— Тебе не следует его слушать, — предупредил муж. — Ты только заразишься от него идеей апокалипсиса.

— Ты никогда не спрашивал меня, что я видела во снах, почему я просыпалась с криком! — заорала в ответ Катя. — Я видела, как ты меня душил! Как хотел убить! Как предавал! Там ты был чудовищем!

— Катя, этого никогда не случиться!

— Если нас откатят назад, ты даже не вспомнишь! Ни меня, ни детей, никого!

— Это всё лишь видение! Оно не имеет ничего общего с реальностью! Ты увидела альтернативную вселенную! Не более!

— Откуда такая уверенность?! Нас уже несколько раз отматывали!

Эфо скривился, а Катя продолжила:

— В одном из снов мне показалось, что время шло параллельно, словно мне показали мою же жизнь, только... где не было никакого объединения...

— Катя, пожалуйста, видения тебе только вредят.

— Ответь мне на один вопрос, кто тебя послал за мной в тот день, когда я здесь появилась?

— Иро меня послал.

— А ему кто сказал, где я появлюсь?

— Меня послали не из-за тебя. Наша встреча случайность.

— Ты уверен? Что твой брат не увидел мое появление? Что он не сказал Иро? Иро ему верит, Иро его слушает! Я сама видела, как Иро выполнял то, что говорил ему твой брат. Без вопросов и без споров.

— Катя, так можно прожить всю жизнь в страхе, если ты будешь бояться каждой тени, как мой брат.

— Я когда-то не понимала, чем отличаются мои видения прошлого от будущего. Но сейчас я поняла, чем они отличаются! В прошлом нет запахов и боли! В том видении, где ты меня душил... запах и боль были! Значит, этого еще не произошло! Значит, я видела будущее, которое нас ждет!

— Я думаю, тебе пора сделать перерыв с занятиями с Бахо. С каждым днём, он становится всё безумнее. Видения его доконают, а вместе с ним и тебя.

— Почему тебе так сложно ему поверить?!

— Потому что я уже видел, как один обманщик времени спятил, насмотревшись видений. Бахо заигрался в пророка. Да, он видит какие-то варианты будущего, но это не значит, что все его видения сбудутся на самом деле.

— Но ты не исключаяешь этого!

— Потому что есть Иро, который в отличие от Бахо может принимать трезвые решения! После его слов Катя взяла брошку и уколола палец иголкой.

— Есть боль — будущее, нет боли — прошлое, — сказала она вслух, поднимая уколотый палец. — Если откат произойдет, так я буду понимать, что вижу.

— Катя, всё будет хорошо. Нам нечего опасаться.

Эфо хотел погладить её по лицу, но жена отвернулась, явно неудовлетворённая его ответом.

Видение закончилось, а Катя сидела в полном шоке... боли-то не было.

Можно ли сожалеть о том, о чём забыл и чего с тобой уже никогда не случится? Катя на собственном примере убедилась, что можно. Она полностью не помнила той другой жизни, но сама мысль, что воспоминания вернуться... её пугала. Как с ними жить? Ведь мир безвозвратно изменился. Поменялся даже тот, кого она любила...

Эфо замолчал надолго, что не оставляло никаких сомнений: он тоже видел и слышал всё, что показало последнее видение. Переваривал.

Книгу Катя едва сумела дочитать до конца, да толку было мало. Дальнейшие события являлись полным вымыслом тёти Оли и содержали в себе исключительно постельные сцены, разбавляемые редкими диалогами, да описаниями кружевных трусиков героини. Катю совершенно не удивило, что под личиной Ильи скрывался Дахот — Олин фаворит и любимчик. Иро для хоть какого-то развития сюжета сделали злодеем и скрыли под его личиной Люуса.

Катя забросила книгу в дальний угол. Ответа на один из главных вопросов она так и не получила. Как Ульяна вернулась домой? Что заставило её передумать и предпочесть жизнь среди людей?

Катя днями бесцельно прогуливалась по двору, прокручивая предупреждение Бахо. Когда ждать вторую волну? Успеет ли она вернуть девочек до того, как пробьют барьер и куда бежать? И есть ли хоть маленький шанс вернуться домой?

— Снова видение страшное увидела? — ехидно-участливо спросил Дахот, свесившись с дерева ленивым котом.

— Ага, — машинально ответила Катя, прислонившись спиной к стволу.

— И что же тебе такое показали, что ты уже несколько дней ходишь с таким лицом, словно тебя переехало телегой?

— Как бы вы себя повели, если бы узнали, что вы видите во снах не альтернативную счастливую вселенную, а прошлое... которое забыли, потому что вас откатил меняющий реальность?

Дахот открыл фиолетовые глаза и внимательно взглянул на собеседницу.

— Я бы расстроился, — сказал он без намека на ехидство.

— Не попытались бы всё вернуть, как было?

— Может быть и попытался, пока не понял бы, что это бесполезно.

— Почему бесполезно?

— Нельзя вернуть воспоминания, которых никогда не было. Да и никто не обрадуется воспоминаниям того, что было до отката. Не надо вспоминать то, чего не вернуть...

— Как вы с этим живете?

Дахот удивленно поднял бровь и спросил:

— Видение подсказало?

Катя кивнула.

— Сначала тяжело привыкнуть к знакомым лицам, которые... тебя никогда не вспомнят, — признался Дахот через минут пять молчаливого размышления. — Но спустя пару сотен лет я смирился с тем, что ничего не смогу изменить, как бы ни хотел, — он горько засмеялся и прыгнул вниз, взяв Катю за плечи и заглядывая ей в глаза. — Поэтому мой единственный тебе совет: смирись и забудь.

— Если я... вспомню?

— Тебе лучше вообще не вспоминать. Забытое прошлое не принесет тебе ничего кроме боли, — он погладил её по плечам, — вернешься домой, проживешь счастливую долгую человеческую жизнь. Поверь мне, тебе не нужны эти воспоминания. Забудь и живи дальше.

Катя опустила взгляд и наткнулась на висящую на поясе хранителя страшную куклу-вуду, которую она шила для продажи. Заметив направление её взгляда, Дахот спрятал игрушку. Не прощаясь, он исчез в тумане, оставив Катю в полном смятении.

Она уже ни в чём не была уверена и каждая новая деталь только подогревала подозрения. Что если?..

— Прекрати фантазировать! — громко сказала сама себе Катя, подражая голосу Эфо.

Однако мысли никуда не делись, продолжая истязать разными теориями, мелкими деталями и намеками. Будь она на месте той другой Кати из счастливой жизни, как бы поступила? Чтобы сделала для того, чтобы сохранить свою семью, зная, что вскоре утратит её? Чтобы она сделала? Какой шаг бы предприняла, чтобы безжалостные изменения не коснулись родных?..

Не успела она опомниться, как перед ней возникла кудрявая хранительница бежевой расцветки.

— Я вас искала, — произнесла лесная дребезжащим голосом, нечто прижимая к груди.

— Эфо сейчас спит, я не смогу...

— Я не за этим пришла, — перебила её хранительница и протянула руки.

На ладонях женщины лежал маленький красный кристалл. К горлу Кати подкатила тошнота, как в недавнем видении. Она хорошо запомнила, как выглядел жизненный кристалл тэасов.

— Я знаю это отвратительно использовать чужую жизнь, чтобы спасти собственного ребёнка, — продолжала хранительница, дрожа. — Но я... не знаю, как еще её спасти. Кристалл усилит вас, позволит прыгнуть дальше лет на пятьдесят. Этого хватит, чтобы спасти с десятков наших детей.

— Я...

Хранительница насильно вложила в её руку кристалл.

— Даже если не используете, возможно, увидите, как можно не убивать душу ребёнка.

— Как он работает? — спросила Катя, до боли сжимая кристалл.

— Используя его, вы тратите жизненную энергию и годы, которые должен был прожить владелец. Как только жизненная энергия закончится, кристалл погаснет.

— И восполнить её никак нельзя?

Хранительница отрицательно покачала головой и, скрывая слезы, спряталась в тумане, а Катя всё смотрела на кристалл. Хотелось выбросить его, словно она держала в руках слизкую гадюку.

— Эфо? — позвала она.

Ответа не последовало, хранитель если даже слышал, то предпочёл отмалчиваться.

— Ладно, не хочешь ты разговаривать, найду другого.

Катя побежала в деревню, точно зная, что найдет Жахо среди людей. Хотя ей и пришлось порядком побегать по дворам, пока она не нашла его возле озера — он в незримой форме присматривал за ловящими рыбу деревенскими жителями.

— Жахо! — закричал Катя.

Селяне повернулись в её сторону, а хранитель лишь недовольно крылом повел — не

любил, когда она выдавала людям его местонахождение. Катя подбежала к терпеливо ожидавшему её Жахо. Люди перешептывались, однако насиженных мест не покидали.

— Объясните мне, как происходит исцеление красных тэасов?! — показала хранителю кристалл Катя.

— Зачем тебе? — неприязненно поморщился Жахо, глядя на кристалл.

— Здесь две души? Так?

Жахо нахмурился:

— С чего ты взяла, что здесь две души?..

— В видениях увидела! — нетерпеливо перебила его Катя. — Здесь две души. Получается, что исцеляя жизненный кристалл, вы устраняете душу-паразита.

— Допустим...

— Можно ли как-то захватить душу-паразита? Отделить её в аналогичный сосуд, только пустой.

— Я не уверен, что у меня получится... я не Ульяна.

— А вы ей скажите об этом. Вы же можете с ней связываться или пускай Иро ей передаст. Просто не говорить, что это нужно мне.

— Ты хочешь, чтобы она нашла ответ с помощью своего дара?

— Почему нет? — кивнула Катя. — Она же всё делает во благо леса.

— Это... может приблизить её к... — он посмотрел в небо.

— Блин... об этом я не подумала, — Катя закусила кулак. — Ладно, а если я вызову видение, как она это делает, а вы просмотрите мои воспоминания и повторите её действия? Так можно?

— Меня пугают направление твоих мыслей... — ошеломленно произнес Жахо.

— Ну, так можно?

Синий хранитель задумался, сложив руки в замок и крутя большими пальцами. Ему явно что-то не нравилось в её затее, но Катя никак не могла понять, что именно заставляло его медлить с ответом.

— Иро... — все-таки заговорил Жахо, — брат знает, как вызвать контролируемое видение. Так он работал с Бахо. Но я не уверен, что мы сможем его убедить. Да и через него может узнать Ульяна — они связаны.

— А вы не знаете? — разочаровано уточнила Катя.

— У меня другой дар...

— Эфо?

— Нет... — Жахо виновато улыбнулся, вернув ей кристалл.

— Кто может?

Жахо долго смотрел ей в глаза, не моргая, пока не сказал:

— Еще солнечный хранитель... но к нему тебя не пустят... прости.

Он поспешно исчез в синем тумане, оставив Катю в полном разочаровании. То, что нужно так близко, а она не могла за это ухватиться.

Вечером Катя не находила себе места. Ходила из комнаты в комнату, сидела то на кухне, то в кладовке, то в комнате. Пару раз едва не сбила с ног прадедушку.

— Катюша, с тобой всё хорошо? — не выдержал Пётр Иванович, когда Катя в очередной раз уткнулась ему в спину носом.

— Да, всё отлично, просто мыслей много.

Пётр Иванович поджал губы явно неудовлетворенный её ответом и направился на

чердак. Катя проводила его взглядом. Ничего интересного на чердаке, кроме кучи барахла не было — она давно там все исследовала и проверила, однако...

Тихонько Катя прокралась вслед за Петром Ивановичем, сняв обувь, чтобы не выдать своего присутствия и стараясь не наступать на скрипучие ступеньки. Она аккуратно полуоткрыта дверь и просунула нос в щель. Пётр Иванович сидел напротив стены. Его зрачки сияли солнечным светом, а на лице застыла счастливая улыбка.

«Как я мог забыть... — раздался голос Эфо, — у него дар, как у солнечного хранителя».

Для столетнего старика Пётр Иванович довольно резво бегал. Полдня он уходил от преследования назойливой правнучки, которая ходила за ним повсюду, как привязанная к хвосту собаки консервная банка.

— Дедушка, ты должен мне помочь! — в который раз повторяла Катя.

— Даже не подумаю! — упрямо огрызался Пётр Иванович, убегая от неё по огороду. — Ты вообще ничего этого не должна была увидеть!

— Но почему?

— Потому!

— Вы используете дар не по назначению!

Он остановился, как вкопанный, да так резко, что Катя едва не врезалась в него.

— Не по назначению? — спросил прадедушка хрипло. — Да что ты понимаешь?! Ты знаешь, каково это пережить собственную семью?! Жену! Детей! Никогда больше не увидеть никого из них?! — по его щекам потекли слёзы. — Не по назначению?! Я проживаю там вместе с ними жизнь, которую у меня украли!

Катя растерянно стояла, не зная, что сказать. Она впервые видела, чтобы Пётр Иванович плакал. Ей вообще казалось, что он плакать не умел, но наплась и у него рана, которая болела так сильно, что заставила согнуться даже такого крепкого духом, как Пётр Иванович.

«Уступи мне», — вмешался Эфо.

Катя безропотно отступила в тень, позволяя хранителю завладеть её телом. Пётр Иванович инстинктивно шагнул назад, заметив преобразования с правнучкой.

— Я тебя понимаю, колдун, — заговорил Эфо. — Моих дочерей сожгли на костре, когда я был в зимней спячке. Я сам похоронил их обугленные трупы вон там, — он кивнул в сторону рощи с чёрными колючками. — Она, — он ткнул пальцем Кате в висок, — видит их живыми, взрослыми, смеющимися, полными сил. Я знаю, что значит просыпаться с сожалением, что ты не мёртв. Ты живешь, а их нет.

Пётр Иванович молчал.

— Только... твои родные дожили до старости, — продолжал Эфо, приближаясь к человеку всё ближе, — а если и умерли, то в кругу семьи. Перед тобой стоит твоя правнучка. А у меня маленькие кости, вон там, — он снова указал на рощу — Поэтому ты либо проснешься сейчас и прекратишь грезить наяву либо твою правнучку сожрет ведьма, когда пробьёт барьер. Бежать будет поздно, она вас везде найдет.

На прадедушку было страшно смотреть, настолько сильное смятение одолевало его.

— Катюша видела, как пробили барьер? — тихо спросил Пётр Иванович, сжав ткань своего балахона.

— Да, а еще видела, как её убили, — холодно ответил Эфо.

— Но в городе говорят...

— Не веришь мне, спроси у правнучки об её видениях, — перебил хранитель. — Она не

хотела тебя расстраивать, но мне-то на твои чувства плевать. Одно её видение уже сбылось. И я тебе не советую дожидаться, когда сбудется второе.

— Что вы от меня хотите? — с усилием выдавил Пётр Иванович.

— Чтобы ты сделал то, о чем она тебя просит. Сделаешь, и я отправлю вас обоих домой. Ты встретишься со своей семьей и станешь смертным. Тебе больше не потребуются грезить наяву. Увидишь всех своих детей, внуков и правнуков. Захочешь, я даже состарю тебя до твоего истинного возраста, чтобы ты смог, наконец, умереть, как ты хотел, в кругу семьи.

Не дождавшись ответа от Петра Ивановича, Эфо отступил, возвращая контроль над телом Кате.

— Я...

— Я помогу, — не дал закончить правнучке Пётр Иванович, — только приведу себя в порядок.

— Спасибо...

Он ничего ей не ответил, скрывшись в хате.

— Помягче с ним нельзя было? — с сожалением проводила взглядом прадедушку Катя.

«По-другому он бы не понял, а у нас и так мало времени».

— Эфо... я хотела кое-что спросить...

«Забудь, той жизни для нас не было и не будет, — отрезал Эфо, словно прочитал её мысли. — Когда ты выполнишь свою часть сделки, я верну вас домой. На этом наша история закончится».

Разум принял его ответ, ведь так было правильно. Мир изменился безвозвратно. Объединение их не связывало — оно осталось в прошлом, которое не вернуть. Однако душа почему-то ныла.

Вечером в доме Петра Ивановича собрались трое духов: Жахо, Дахот и Дахир.

— Обязательно было собирать такую большую группу поддержки? — раздражено спросила Катя у синего хранителя. — Разве нас будет недостаточно?

— Эм, Катюша, я тебе вообще не советую присутствовать.

— Почему?

— То, что ты увидишь, может... сильно сказаться на твоей психике. Если я найду что-то важное в видениях Петра Ивановича о двух душах, я тебе расскажу.

— Да что я такого увижу-то?!

«Прислушайся к его словам, — вмешался Эфо. — Если Ульяна сумеет извлечь вторую душу и поместит её в пустой сосуд, то будет его пытаться. Ты вспомни, сколько дней тебя мутило после зимних событий».

— Идем со мной, — поманила её Силиса, держа на руках дочь.

— Вы клянетесь, что расскажите? — не спешила уходить Катя.

— Обязательно, — кивнул Жахо, возвращаясь в дом.

По мере того, как Катя всё дальше уходила от дома, она всё чаще оборачивалась.

— Не волнуйся, ты ничего не упустишь, — заметила её поведение Силиса и вручила ребёнка, заставив тем самым Катю отвлечься.

— Вдруг они решат, что мне не надо ничего рассказывать, что это слишком опасно...

— Катя, — перебила ее хранительница. — Мы на твоей стороне. И если это как-то поможет тебе...

Катя не услышала окончание фразы, так как на неё накатила волна энергии, из-за которой она в панике совершила прыжок в прошлое, словно перед глазами возникла красная

надпись: «Опасность».

— Какого...

Заплакал младенец, перенесшийся вместе с Катей, так как она держала его на руках в момент прыжка.

«Стой», — приказал властно Эфо, когда она намеревалась позвать Михог и вернуться.

— Что произошло?! Я не понимаю!

«Я сказал, стой».

— Волна... что это было?

«Откат».

— Погоди... почему он произошёл?! Мы же ничего не сделали!

«Твой противник — один из самых могущественный из меняющих реальность. Ты еще сама не знаешь, что сделала такого, из-за чего она в будущем решила откатиться в прошлое и изменить его».

— Вот ж...па... а ты уверен, что это я виновна в откате? Может, она откатилась вообще не из-за меня?!

«Вернемся назад, узнаем причину. Пока жди».

Катя внимательно прислушивалась к собственным ощущениям, пока волна энергии не утихла, так и не докатившись до неё вновь.

«Возвращайся».

— Михог?

Ничего не произошло.

— Михог!

«Плохо дело, канат порван».

— Ты хочешь сказать, что мы застряли?!

«Не паникуй раньше времени».

— Как не паниковать?! Мы застряли! Да еще и с младенцем на руках... постой, а её нельзя использовать как канат? Она же прочно связана с родителями! Может с её помощью вернуться назад?

«Попробуй».

Катя сумела совершить еще один прыжок, но рядом никого не оказалось. Она стояла в центре деревни, не понимая, что изменилось. Вроде те же жители, те же дома, но что-то неуловимо поменялось.

— Что-то не так... — сказала Катя вслух.

«Барьер Лафо стоит, — более точно определил Эфо. — Он был разрушен с её гибелью».

Рядом с Катей возник Олес и в панике вцепился ей в руку. Подросток был напуган и тяжело дышал.

— Я звал... никто не отзывался, даже ты, — сказал он, дрожа и обнимая себя крыльями. — Я повторял и повторял ваши имена, но ничего не происходило.

Катя припомнила, что Эфо заранее позаботился о защите внука. Даже у неё в кармане лежал мешочек, с помощью которого подросток мог вернуться при случайном прыжке. Значит и он был способен почувствовать волну и боялся её не меньше, чем Катя.

— Мне страшно... — осмотрелся Олес.

— Мне тоже, — призналась Катя, вертя головой.

«Позови Дахира, я чувствую его где-то рядом».

Хранитель не сразу отозвался на её зов. Но когда он возник из красного тумана, на его

лице читалось несказанное удивление. Дахир разглядывал её и Олеса, как призраков, затем его взгляд остановился на заплакавшем ребёнке.

— Дахир?! Что случилось?! Где все? Где Силиса? — спрашивала Катя, пытаясь успокоить плачущего младенца. — Я не знаю, что с ней делать.

— Зачем тебе Силиса?

— Как зачем? Чтобы ребёнка отдать!

— Зачем? — повторял в какой-то отстраненности Дахир.

— Вы что, свою дочь не узнали?! — опешила Катя.

— Дочь? У меня нет никакой дочери!

— Вы прикалываетесь?...

Дахир сделал глубокий вздох, постоял несколько минут молча, а затем забрал у Кати плачущую девочку, но разглядывал её, словно впервые видел. На его руках младенец затих и уснул.

— Вот поэтому мы и не хотели детей... я знаю, что ты не лжешь... но я не помню её, — с сожалением произнес он.

— Значит, не прикалываетесь...

Из тумана возник Жахо и вместе с совершенно здоровой и невредимой женой.

— Олес!!! — заорала Лафо, в несколько мгновений меняя облик с человеческого на хранителя.

— Мама?

Катя в полном шоке смотрела на семейное воссоединение и на то, как оба родителя вели себя так, словно давно потеряли надежду увидеть сына снова живым. И оба застыли, когда увидели Катю. Реакция на неё была точно такая же, как у Дахира.

— Ты ей сказал? — тихо спросила Лафо, крепко обнимая сына и вытирая слёзы с мраморных щек.

— Еще не успел, — ответил Дахир, покачивая спящего младенца.

— Ау? — напомнила о себе Катя. — Что вы мне не сказали? Что случилось?! Я не понимаю!

— Катя, — взял слово Жахо, после того как хранители молча переглянулись, — еще в конце лета... тебя убили.

Хранители собрались внизу и совещались вместе с Петром Ивановичем, который, разумеется, едва не поймал инфаркт после того, как увидел правнучку живой. Катя сидела в своей комнате, порядком заросшей пылью и целым зеркалом, которое в её реальности разбили.

Не сразу, но к Катиным воспоминаниям добавились еще и те, где её убили. И почему-то она не удивилась, узнав, что палачом снова выступал Эфо — он оторвал ей голову... буквально.

«Лгунья!», — раздался очень злой голос Эфо, тем самым показывая, что ему тоже достались воспоминания измененной реальности.

Катя выдавила нервный смешок.

«Махарат меня обманула! Я ей передал твою силу, а она продолжала мне лгать!»

— О-о-о, кажется ваша «великая» и «мудрая» мать леса не такая уж и безгрешная... — ехидно произнесла Катя, радуясь, что по Эфо проехались.

«Раз она совершила подобный откат и пожертвовала всеми спасенными тобой детьми, значит, ты ей мешала», — продолжал в гневе говорить хранитель.

— Но откуда она узнала, в какой миг надо откатиться?

«Она не знала. Просто ты совершила роковой поступок, который в будущем заставил её откатиться. Так как ты способна волны отката чувствовать, мы знаем, что конкретно ты совершила такого, из-за чего Махарат откатилась в прошлое и сделала так, чтобы убить тебя моими руками».

— Вторая душа.

«Да».

— Вот и как против неё сражаться?! Я еще не знаю, что совершила, а она хоп и откатилась! Она изменила, к такой-то матери всю картину нашей реальности! Все наши старания смысла в унитаз! Гадина!

«Нам бы Бахо вернуть, он бы смог с ней на равных побороться, а ты способна только убежать от её откатов. Бахо из твоих видений был прав, надо бежать отсюда, как можно дальше от её волны влияния. Она слишком близко к нам находится. Она будет нас откатывать назад, пока не сломает барьер».

— Волны влияния... то есть дар работает как круги на воде? Я правильно понимаю?

«Да. И чем ближе она находится, тем сильнее воздействие её дара».

— Боже, весь ваш мир антинаучен с этими путешествиями во времени!

«Спустись вниз, я хочу поговорить с остальными», — проигнорировал её эмоциональный выпад Эфо.

Как только Катя спустилась, все сразу замолчали и повернулись в её сторону. Мрачный Дахир, зареванная Силиса, в доску пьяный Дахот, Лафо с Жахо в обнимку с сыном. Михог сидела рядом с поникшим Петром Ивановичем и с абсолютно безучастным лицом чистила фиолетовые помидоры.

«Уступи».

Катя безропотно отступила в тень.

— Олес рассказал? — зло спросил Эфо у присутствующих.

— Да, отец, — сдержанно кивнула Лафо.

— Он рассказал, скольких мы вытащили из прошлого, прежде чем произошёл откат?

Губы у Лафо задрожали:

— Нет...

— Значит... мои друзья... — подал голос Олес.

— Мертвы, — безжалостно ответил Эфо, — а тебя, как и нас, спас дар.

— Ты... убил её! — в ярости закричал Пётр Иванович, поднимаясь и указывая на хранителя пальцем. — Ты убил её, нелюдь! Разорвал на моих глазах! Оторвал голову и бросил её в меня!

«Боже!» — отреагировала Катя. Таких жутких подробностей о своей гибели она, разумеется, не помнила.

— Ты смеялся, отрывая ей руки и ноги! — продолжал кричать Пётр Иванович, тряся худыми кулаками.

— Пётр! — остановил его пьяный Дахот, обхватив сзади за шею.

— Ненавижу тебя! Чтоб ты сдох! Проклинаю! — рвался вперед колдун в яростном порыве. — И сейчас ты приходишь сюда в её облике! Издеваться над моим горем?!

«Он не верит...».

— Пётр, она живая! — закричал Дахот. — Живая! Её дар уберег! Живая она!

— Это всё его обман! Магия его треклятая! Ублюдох ктулохов!

Эфо быстро приблизился к беснующемуся человеку и коснулся его лба. Глаза Петра Ивановича засветились солнечным светом, а сам он замер.

«Что ты сделал?» — спросила Катя.

— Активировал его дар, пускай сам всё увидит.

— Ты со мной разговариваешь или... с ней? — не понял Дахот.

— С ней, а тебя это удивляет? — огрызнулся Эфо.

— Ну... после того как ты оторвал ей голову... да.

— Однако она перед тобой стоит с головой на плечах, — приблизился к хранителю Эфо. — И не думай, что я не помню. Я мучаюсь от головной боли, потому что у меня двойные воспоминания. И то, что я узнал, меня не радует. Махарат играет на своей стороне, ей плевать на наших детей и сколько их умрёт для того, чтобы она достигла своей цели. Может, это прозвучит цинично, но я рад, что на собственной шкуре убедился как работает откат.

— Ну, давайте для начала разберемся, что послужило откату?

— Это нетрудно, — ухмыльнулся Эфо губами Кати. — Мы уже знаем, что такого натворили, из-за чего Махарат откатилась.

— И?...

— С помощью дара Петра мы хотели посмотреть, как отделить от красного кристалла душу-паразиту — вторую душу. Но мы не успели узнать, что именно увидел Пётр. Нас откатали. И по счастливой случайности мы не застряли в прошлом, потому что с нами был младенец.

— Отец, — разгладила складки на платье Лафо. — Мы посоветовались с Иро. Он пообещал, что Махарат не узнает, раз она так поступила с нами. Лес с ней не согласен. Мы решили, что все вернем воспоминания, что было до отката. Иро покажет, как это делал Бахо...

— Только не ты, — перебил её Эфо.

«Неужели скажешь?» — поразила Катя и следила за тем, как хранитель взял руки

дочери в свои.

— Я знаю о том, что случилось, — неправильно поняла поведение отца Лафо. — Олес рассказал мне о зимнем столкновении. Мне не страшно.

— Я сожалею, что когда-то не дал тебе выбора и силой забрал в лес, но сейчас я хочу, чтобы у тебя был выбор.

— О чем ты?

— Это не первый откат.

— Я знаю...

— Ты не понимаешь. Существует откат, где ты была... человеком.

— Отец?

— Прожила человеческую жизнь, состарилась и умерла среди людей, — еще крепче сжал её руки он. — Ты хочешь это помнить? Разрываться на части из-за двойственности? Человеческую семью ты любила не меньше, чем ту, что имеешь сейчас. К тебе вернется всё, что ты забыла. Боль будет настоящей.

Лафо колебалась и часто оборачивалась на Жахо, но её супруг хмуро молчал. Дахот приложился к бутылке и выдал длинную неприличную матерную трель, чтобы затем сказать:

— Пох...р, возвращаем меня первым, хуже не будет, а все остальные наблюдают. Пройдет хорошо, пойдет дальше Дахир.

Спустя час...

Дахот громко с надрывом выл, заливаясь пьяными слезами. При любом вопросе, он только еще сильнее завывал и совсем что-то невнятное говорил, называл какие-то совершенно непонятные имена. Под конец, едва не вскрылся, если бы его не остановили Жахо с Дахиром. Затем очнулся Пётр Иванович, и они с хранителем выли на пару.

— Я не хочу вспоминать, — отвернулся Дахир от воющего брата. — Я полюблю дочь заново, но я не хочу вспоминать, скольких я забыл и кого больше никогда не верну.

Силиса, молча, поддержала его и обняла сзади.

— Я не молод и слишком много пережил откатов, — вздохнул Жахо. — Мне нельзя.

— Значит, и я ничего не буду возвращать, пускай оно идёт, как идёт, — приняла решение Лафо вслед за мужем.

И как раз в разгар истерики Дахота, пришёл Иро. Он холодно осмотрел хранителей и приблизился к Кате.

— Возвращай.

— Я тебе не доверяю, — произнес Эфо. — Ты такой же, как Махарат. Ты связан с ней.

— У тебя нет выбора, — довольно флегматично и холодно отвечал Иро. — Я не выпущу тебя из Эфера.

— Я могу дождаться нового отката. Что к нему привело, я уже знаю и могу повторить.

— Я отвечу тебе словами твоего брата: она должна жить. Я не знаю зачем, но всё еще доверяю твоему брату больше, чем знаниям Махарат. Но как только Махарат поймет, что девчушка жива, вас будут ждать сотни откатов из разных временных периодов. Она не остановится, пока не убьет её. Не лучше ли потратить время на что-то более полезное? Например, на возвращение моей преемницы Деги?

Эфо тихо зарычал.

— Как видишь, твой брат доверял мне больше, чем тебе. Я знаю и помню намного больше чем ты. Я — глас леса, а не Махарат.

«Бахо почему-то доверял ему... — вмешалась Катя. — Мы же, как слепые котята, а он

помнит всё. И ему пофиг на эмоции... у него их нет».

Со скрипом Эфо выполнил её просьбу. Реакция Иро была довольно скромной по сравнению с Дахотом:

— Старая ридла.

— И что дальше? — мрачно спросил Эфо, скрестив руки на груди.

— Сидите здесь. Мне потребуется какое-то время, чтобы проложить путь сквозь барьер. И не делайте ничего из того, что может привлечь внимание Махарат. Она не знает, что Катя жива, и нам это выгодно. Узнает, устроит вам веселье из множества откатов.

— Вдруг она пробьет барьер раньше?! — не выдержал Эфо.

— Она пробьет его через два месяца, два дня и тринадцать часов. Я управляюсь за месяц.

«Блин... сколько Бахо в него знаний-то влил?» — поразились Катя.

«Достаточно», — отвечал Эфо.

«Он как машина!»

Иро исчез в чёрном тумане, а Дахот завыл еще громче, да так, что Дахиру пришлось вырубить его. В молчании чистившая фиолетовые помидоры Михог поднялась с каменным выражением лица подошла к Кате. Без единого слова, она протянула ей руку.

— Ты уверена? — спросил мать Эфо.

— Я пережила смерть твоего брата. Я не хотела знать, что он видел, не хотела разделить с ним тяжесть дарованных ему знаний. Сейчас его нет. Я хочу знать, что потеряла, чтобы ценить и беречь, что имею.

— Ты пожалеешь...

— Пускай это будет моя расплата за то, что я ему не верила. Я это выдержу.

Она не заплакала и не впала в истерику, как Дахот. Михог долго стояла и смотрела в пространство, не видящим взглядом. И хранительница впервые на памяти Кати потеряла сознание.

— Бабушка! — бросилась к ней Лафо, поднимая её над полом и с суеверным ужасом взглянув на отца.

— Надеюсь, больше этих знаний никто из вас не захочет, — произнес вслух Эфо.

Он повернулся в сторону лестницы и на ступеньках вернул Кате контроль над телом.

«Эфо... а в тот самый год... который меня принесли в жертву... ты должен был охранять деревню или кто-то другой?» — в мрачном предчувствии спрашивала Катя.

«Мы поменялись с Дахиром по приказу Иро, — честно отвечал Эфо. — Была не моя очередь, но Дахир Иро за каким-то ктулухом срочно понадобился. У нас даже скандал был из-за... в общем я ненавижу эту деревню, слишком много личного, связано с этим местом, но я не нашел причины нарушить его приказ».

«Тебе тоже кажется, что он всё подстроил?»

«После того, что сегодня случилось, я в этом не сомневаюсь».

«Эфо... а откуда ты узнал, как возвращать воспоминания? Иро же не показывал нам...».

«Бахо показал».

Он наглухо закрылся и на вопросы больше не отвечал.

После последних событий, Катя сильно опасалась, что Дахот сопьется, но хранитель постепенно приходил в себя, и к нему даже возвращалась ехидность в прежнем объеме. У него оказалась крепкая психика.

Не спился и Пётр Иванович, хотя седых волос у него прибавилось.

Сложнее дело обстояло с Михог...

Катя неоднократно заставляла хранительницу на кухне со страшными куклами-вуду в руках. Она неотрывно смотрела на них и гладила, словно те оживут. Встреч с Катей хранительница избегала, словно ей было больно даже смотреть на неё.

— Наверное, зря она решилась на возвращение воспоминаний, — поделилась с Катей Лафо, наблюдая издали за Михог, сидящей на берегу реки и поющей грустную колыбельную. — Я даже подумать не могла о таких чудовищных последствиях... а что помнишь ты?

— Эм... не так уж и много... к счастью, — замялась Катя, ловя на лету лепесток.

— И про меня человека? — не удержалась хранительница.

— Ну, я видела ваш склеп. Я не видела вас живой.

— Да... я забываю, что век простого человека недолог.

— Вам все еще хочется узнать, что было до откатов?

— Глупое любопытство, Катя. Михог крепче меня, но даже её подкосило. Сейчас у меня есть Жахо и нам вернули сына. В неведении есть свои плюсы и минусы. Зачем вспоминать то, чего не вернуть и чего нельзя изменить? Если бы речь шла о паре лет... я бы пошла на это без колебаний. Но мне вернут столетия, если не тысячелетия... И, наверное, для меня самое страшное, что я вспомню детей, которых я никогда не рожала и не рожу, — она горько улыбнулась и повернулась к Кате. — Ты ведь меня понимаешь? Ты же видела своих?

— Я видела их... — не отрицала Катя, отщипывая от лепестка кусочки, — но я ничего к ним не чувствую. Мне кажется всё это сном и ненастоящим. Фантазией. Наверное, потому что ко мне не в полном объеме вернулись воспоминания. Бахо говорил, что... если я стану хранительницей, воспоминания вернуться из-за дара... и я боюсь этого. Вдруг мне не удалось их спасти, как дочь Дахира... слишком мощный был откат...

Хранительница перестала допрашивать, заметив, как изменилось настроение Кати в худшую сторону.

— Отец... выходил на связь? — спросила Лафо, не заметив, как Катя вздрогнула от её вопроса.

— Нет, молчит. Я пойду домой, а то вечерет, — повернулась в сторону дома Катя. — Прадедушка последнее время ведет себя как параноик. Смотрит... как на призрака, отпускать одну боится.

— Его можно понять... — последовала вместе с ней хранительница, не отпуская Катин локоть. — Уж отец позаботился о том, чтобы твоей кровью был залит весь дом. Отмывали всей деревней. Петра из петли вынимали.

— Вы на отца злитесь, — заметила Катя, стараясь как можно меньше тревожить память.

— Конечно, я на него злюсь, — моментально вышла из себя Лафо, меняя облик. — Я и барьер установила, чтобы он больше никогда в деревню не вошел. Видеть его не могла. Я много раз просила его остановить кровопролитие, не убивать человеческих детей. Разве он

меня слушал?

— Вы же знаете, что случилось с вашими старшими сестрами?

— Знаю, но это отца не оправдывает. Да, их убили жестоко, но невинные дети не заслужили смерти от его когтей...

В доме Петра раздался взрыв, брызнули стеклом окна.

— Дедушка! — закричала Катя, бросившись в сторону хаты.

Хранительница быстрее её метнулась в окно, откуда послышалась ругань и возня, стены пробило вспышками магии. В панике Катя распахнула дверь и бесстрашно забежала в дом, думая, что дедушка напутал заклинания...

— Беги!!! — раздался рёв Петра.

Но было поздно, Катю прижали к стене и едва ли в ноздрю не засунули дуло неизвестного ей оружия.

— Вылезай, паскуда, пока я не снес твоей девчонке голову! — на русском с хекающим акцентом рявкнул агрессор.

Вначале Катя опознала голос, затем габаритную фигуру, кольнули память длинные светлые волосы и голубые глаза. Нос она точно узнала. Сама когда-то спрашивала, как он получил шрам в виде буквы «v».

— А где борода? — икнула Катя от шока.

Оружие убрали от ноздри.

— Чего?

— Ничего... я вас перепутала, — ответила Катя, вспоминая, что находилась в прошлом.

— Не юли, иначе я украшу твое красивое личико парой несимпатичных шрамов!

— Вы похожи на моего друга! — всхлипнула Катя, когда агрессор занес пудовый кулак. — Только он бородатый!

— И как зовут друга? — спросили подозрительно.

— С-с-саша.

Её взяли за волосы и грубо со всех сторон осмотрели.

— Из какого ты года?

— Чего? — настала очередь Кати спрашивать.

— Года, спрашиваю, какого?

— Вам год моего рождения или какой-то другой год интересует?

— Год исчезновения, идиотка!

— Два тысячи семнадцатый, — обиженно ответила Катя. — И что вы сделали с моим прадедушкой?!

Краем глаза она заметила, как к раненному Петру Ивановичу помогла подняться Лафо и вывела его через чёрный вход на кухне, поэтому решила отвлечь агрессора болтовней.

— Прадедушкой?! — округлил глаза Саша.

— Да, Пётр Иванович — мой прадедушка, — и, видя неверие на его лице, на всякий случай добавила: — Это точная информация.

— А кем же я тебе прихожусь, крошка? — Саша намотал рыжую прядь на палец и соблазнительно улыбнулся, приставляя оружие к её виску. — Я не против, продолжить наше знакомство в более интимной обстановке и узнать о наших будущих отношениях всё.

— Вы мне подгузники меняли, — безжалостно ответила Катя.

Улыбка сползла с лица гиганта.

— Еще называли маленькая принцесса, катали на спине и разрешали погладить

бороду, — добивала Катя. — Иногда я вас звала папой, потому, что мой родной папа меня знать не хотел, а моя мама мечтала стать вашей женой, поэтому неоднократно пыталась вас соблазнить поломанными полками и стульями.

— Меня еще ни разу так не отшивали... — без прежнего энтузиазма произнес Саша и отстранился.

Продолжение фразы Катя не услышала, так как её посетило видение.

Огромная комната, огромное кресло, огромные люди...

— Кто наша маленькая принцесса?! — наклонилось огромное бородатое лицо, полное пьяного веселья.

— Я! — ответила маленькая Катя.

— Кто повелительница морей?!

— Я!

— Кто русалочка Ариэль?!

— Я!

— Саша, прекрати, — появилась Ульяна в белом пышном платье с фатой. — От ваших криков у меня голова болит.

— Мать, ты выглядишь по-королевски! — с восхищением произнес Саша, поднимая «маленькую принцессу» огромными руками. — Слушай, а обязательно свадьбу делать? Вы вроде и так неплохо живёте в гражданском браке.

— Спроси у моей мамы, — закатила глаза Ульяна, подходя к зеркалу и поправляя фату. — Родственники не признают никаких гражданских браков: «не по-людски», поэтому будет у меня штамп в паспорте, затем венчание в церкви. Соблюдём социальные и религиозные нормы, лишь бы отстали.

— Твоя сестра вообще не парится. Родила себе рыжее чудо и дальше по... мужьям гуляет.

— То Светка. От неё ничего уже доброго не ждут. А то я, мне мозг еще лет десять будут выносить, — Ульяна поцеловала маленькую принцессу в щеку, отчего та захихикала. — Странное чувство...

— Что?

— Не знаю, меня, словно теплом обдало, как от солнечного света. Ты не чувствуешь ничего подобного?

— Чувствую, что обожаю этого ребёнка! — рассмеялся здоровяк.

Дальше было шумно, весело, много конфет и сладостей... животик разболелся. Но её погладил добрый дядя Игнат и всё прошло.

— Ты знаешь, что она тэй хала расэж? — спросил Игнат Сашу, покачивающего на руках маленькую принцессу. — Она человек, но я чувствую наличие у неё огненного кристалла, как у Бахо.

— Серьезно? — расстроился здоровяк.

— Да, и она уже сейчас может прыгнуть.

— Ни к чему ей этот дурацкий дар, — посетовал Саша с сожалением, — был бы способ избавить её от способностей. Я только начал забывать о прошлом. Не хочу повторения...но ты бы хотел вернуться, да?

— Хочу, — глаза Игната почернели, и он с алчностью коснулся детской головки.

— Не смей! — отстранился Саша вместе с малышкой. — Она же ребёнок!

— Не бойся, я ничего не могу ей сделать, пока не найду дневник, — на красивом лице Игната проявились письмена.

— Уж лучше ты его никогда не нашел...

— Ты не должен привязываться к этому ребёнку, Саша. Она может стать ключом к нашему возвращению.

— Не тебе говорить, что я должен или не должен, — буркнул гигант. — Мне здесь нравится! И уж я точно не позволю убить маленькую девочку ради твоих безумных планов!

— Ты по-прежнему живешь эмоциями и чувствами, маленький бунтарь.

Игнат улыбнулся, а его глаза вновь приобрели небесно-голубой цвет.

— Сплетничаете? — появилась Ульяна с клубникой в руках, которую незамедлительно скормила Игнату.

— Сплетничаем, — подтвердил Саша с наигранной веселостью.

— Хочу танцевать! — Ульяна потянула новоиспеченного мужа за воротник.

Она не заметила, как Игнат брезгливо скривился, что не укрылось от Саши и маленькой Кати.

— Я не позволю никому тебя обидеть, маленькая принцесса...

— Борода-а-а!

— Эй! Ты меня слышишь! Отвечай! — кричал прямо в ухо здоровяк, продолжая держать оружие у её виска.

— Саня, опусти пушку, — появился рядом с Катей Дахот. — Иначе появиться Эфо и надерет тебе задницу.

Катя их не слушала, после последнего видения до неё дошло, кем был на самом деле дядя Игнат. Переварить такое было нелегко.

— Отвали, шавка Махарат! — продолжал кричать Саша.

— И ты действительно считаешь, что смерть Петра её остановит? Ты только поможешь ей этим!

— Ты последний кому я буду верить! — перевел оружие на Дахота Саша.

— Это такое своеобразное «спасибо» за всё, что я сделал?!

— Сделал?! — рявкнул Саша. — Это ты виноват в том, что моя мать превратилась в монстра! Ты поддерживал её безумие! Ты устраивал кровавые резни её руками! За это мне сказать тебе, бл...ть, спасибо?!

Катя хотела незаметно уползти от спорящих мужчин, но Саша остановил её пушкой.

— Далеко собралась, красотка?

— Саня, я последний раз тебя прошу, не тыкай в неё оружием! — зарычал Дахот.

— А если я вот прямо сейчас твоей куколке мозги вышибу? Что тогда?

— «Молодец», ты его пробудил, — флегматично скрестил руки на груди Дахот.

Слишком поздно Саша заметил, как почернели глаза Кати...

Дахот так громко хохотал, что у него крылья тряслись, а в доме прыгала уцелевшая посуда.

— А по морде, за что сразу бить? — обиженно прижимал окровавленный платок к разбитой губе Саша, сидя за чудом уцелевшим кухонным столом.

Лицо и тело гиганта покрылось сизыми красками, во рту недоставало нескольких зубов. Пушка жалкими обломками лежала на полу, как и практически вся скромная мебель Петра

Ивановича. Пауки и те попрятались в щели.

— Нечего стрелять направо и налево, ктулук, — жестко ответил сидящий напротив Эфо. — Тебя разговаривать не учили, разбойник недобитый? Или мамка совсем мозги высосала?

— Ты мою мамку не тронь... нормальная у меня мамка, если бы эта ваша лесная тварь в неё не залезла, — прогнусавил Саша и повернулся к Дахоту: — Ты не мог сразу сказать, что в девку вселился Эфо?

— Не я виноват в том, что ты слишком тупой, чтобы самостоятельно догадаться об этом! — ехидно ответил Дахот, прикладываясь к бутылке.

— Ты мог хотя бы намекнуть!

— А информация о том, что появится Эфо и надерет тебе задницу, недостаточно тонкий намек?!

Саша недовольно поёрзал на стуле.

— Мы тебе не враги, Саша, — более добродушно произнес Дахот. — А ты нам грубишь, стреляешь в нас. Ну, кто так с друзьями поступает? А?

— Как я могу вам доверять, если вы все ей подчиняетесь?

— Нам с ней не совсем по пути, — немного наклонился вперед Эфо. — Она совершила несколько поступков, из-за которых мы собираемся покинуть Эфер. Выйти из её сферы влияния.

— Бесполезно. Мать по всему миру мотается, ты не сможешь предугадать, где она появится в будущем.

— Поэтому ты решил прибить Петра Ивановича, зная, что она всё равно откатится и исправит то, что ты сотворишь?

Саша закатил глаза и отвернулся.

— Эту девчонку, — Эфо указал на Катин висок, — твоя мать неоднократно пыталась убить, потому что она из последних обманщиков времени. Чувствует откаты и избегает их.

— Откаты нельзя почувствовать...

— Обманщики времени могут почувствовать, — повторил Эфо. — Именно поэтому Люус когда-то их всех перебил и сейчас тоже самое пытается сделать твоя мамка. Поэтому ты либо сотрудничаешь с нами, либо валишь отсюда к ктулуховой заднице!

— Я тебе не верю! Ты исполняешь самые грязные её приказы! Костя предупредил, что ты самая верная её шавка!

Эфо протянул к нему руку, но Саня отклонился от неё как от змеи.

«Он ведь прав, — поддакнула Катя. — У него нет причин тебе верить. И, кажется, он понимает, что ты хотел сделать».

«Он нам нужен».

— Чего тебе бояться? — коварно спросил Эфо. — Я всего лишь поделюсь с тобой воспоминаниями, которыми владею.

— Не надо, я знаю, что это такое. Костя так умеет. На него откаты не действуют. Он всё помнит и поэтому страдает, а мать всё никак не остановится.

— Раз знаешь, то должен понимать, что я могу быть на твоей стороне...

— Я тебе не верю! — повторил Саша. — Ты лживая ктулохова задница! Ты просто отдашь девчонку и дедулю Махарат, как уже делал это неоднократно!

Неизвестно сколько бы продолжился спор, если бы не вмешался Иро, появившись из чёрного тумана.

— Отдай, — сказал он, протянув руку.

Саша упрямо сжал губы.

— Я сказал, отдай, иначе отберу силой.

Гигант с большой неохотой положил брошку на ладонь Иро.

— Предатель... — обиженно скривился Саша.

Иро бросил украшение Эфо.

— Что это? — спросил хранитель, разглядывая вырезанную из желтого драгоценного камня ящерку.

— Подарок Кости брату, — отвечал Иро. — Артефакт, заряженный его магией, а значит, на владельца не подействует откат. Дар солнечного и лазурного хранителя очень похожи, однако они друг друга нейтрализуют. Именно так Ульяна убила Люуса. Она нейтрализовала его дар своим.

— И ты молчал, что Костя уже так умеет?! Мы могли защитить всех от последнего отката!

— Костя мне не доверяет из-за связи с Махарат, подобной силой он со мной не делится, а Пётр боится своего дара и не использует его как следует. Других солнечных хранителей у нас нет.

«Мы можем вызвать контролируемое видение! Обучить дедушку!» — радостно отозвалась Катя.

— Нам снова нужно контролируемое видение, — озвучил Дахот, мысля в том же направлении, что и Катя.

— Ты разве забыл, насколько Махарат чувствительна к ним? — обломал их Эфо. — Почувствует, откатиться до того, как мы это сделаем! Брошь одна! А нас много!

— Так в чём проблема?! У нас есть Катя! Она почувствует откат, и мы прыгнем в прошлое, а затем вернемся назад!

— Представим, что ты каким-то чудесным образом сможешь вернуться назад, а сразу от сотни откатов ты увернешься?

— Эфо прав, — согласился с напарником Иро. — Поступим по-другому. Всех, кто может пострадать от отката, мы отправим в солнечный лес, где на них магия лазурного хранителя не подействует.

— Но это временная мера... до зимы.

— У тебя есть идея получше, или снова хочешь потерять внука?

— Нет.

— Твоя задача на данный момент вернуть любой ценой Дегу. Без неё вся ваша возня лишена смысла.

— Что показал тебе Бахо о второй волне нашествия красных? Из-за чего мы оказались в такой ктулуховой заднице?!

— Об этом ты спросишь его сам. И планы поменялись, вы уходите из деревни сегодня, — ответил Иро и исчез в чёрной дымке.

Эфо мрачно взглянул на молчаливого Сашу.

— Что с ним будем делать? — спросил охмелевший Дахот.

— Возьмем с собой, — отвечал Эфо, копаясь в мусоре и вытаскивая чудом уцелевшую карту. — Может, пригодится этот оболтус в дороге.

— Я вам помогать не буду! — скрестил на мощной груди руки Саша.

Эфо его проигнорировал и разложил карту на столе. Кончики его пальцев зажглись

огненными светом и на всей карте появились множество разной насыщенности лазурные и солнечные круги.

— Зоны влияния? — уточнил Дахот.

— Предположительные, самые бледные это самые дальние и самые маловероятные, — ответил Эфо. — Самые большие зоны влияния принадлежат Махарат.

— А вот это... зона влияния Кости? — с некоторым трепетом уточнил Дахот, обводя солнечный круг.

— Да, поэтому если наш героический ктулук случайно погибнет, мало никому не покажется. Костя не так хорошо себя контролирует, как его мамаша. Откатит нас на пару тысяч лет, и никто из нас никогда не родится.

— Дега такая же...

— Еще сильнее.

«Если солнечный хранитель такой сильный, нельзя ли эту брошь использовать, чтобы отправиться за Дегой?» — уточнила Катя.

— Тогда попытка будет только одна, и мы останемся совсем без защиты. Ладно, мы решим эту задачу после того, как покинем Эфер. Дахот, следи за ним — Эфо указал на Сашу, — а я найду Петра.

«Как мы покинем Эфер? Разве в барьере появилась брешь?»

«Доверимся Иро».

Катя словно со стороны наблюдала, как хранители собирались к отъезду. Эфо ушёл подальше от деревни, где призвал гигантского монстра, напоминавшего помесь растения и кошки.

«Нормального транспорта у вас нет? — без энтузиазма спросила Катя. — Вы же способны быстро перемещаться на большие расстояния. Разве мы не можем воспользоваться вашим методом передвижения?»

— Так нас не засекут, — коротко отвечал Эфо.

Сашу связали и посадили рядом с Дахотом. Пётр Иванович расположился позади Дахота. У прадедушки было на лице написано, что он думал о поездке, о неудавшемся убийце и оставленных на произвол судьбы фиолетовых помидорах.

Больше всех их отъезд переволновал старосту деревни Екимира. Он задавал так много вопросов, что в какой-то миг вывел Петра Ивановича из себя. Прадедушка его обматерил и дал пинка, сказав, что и так слишком долго нянчился с деревней.

Когда кошка стремительно тронулась с места, Катя на собственной шкуре ощутила, что значит скакать верхом по неровной поверхности. Если бы контроль не был у Эфо, она бы давно болталась, как мешок картошки на веревочке.

Саша матерился. Пётр Иванович несколько раз едва не вывалился из корзины, но его каждый раз удерживал на месте нетрезвый Дахот.

«И нам так трястись два месяца?»

— Меньше.

Уже через неделю Катя пожалела, что вообще согласилась на поездку верхом. Дорога слилась в одну однообразную картину с редкими остановками на сон и короткий отдых. И первый длительный привал недалеко от реки с водопадом воспринялся как спасение.

«Мойся в одежде», — довольно резко приказал Эфо, когда Катя подобно наркоману направилась к водопаду.

— Как будто ты там чего-то не видел, — недовольно буркнула Катя, проводя руками по нагретой солнцем воде.

«Женщины Эфера не моются нагишом в лесу хранителей. Если женщина разделась, значит, ей нужна сделка. И пока появление других хранителей сдерживает присутствие Дахота. Зачем так глупо привлекать лишнее внимание?»

— Ну, что у вас за дурацкие правила?! — крикнула Катя под удивленный взгляд развязанного Саша. — Неужели меня одну волнует, что от нас воняет?! Скоро мухи будут дохнуть на подлете!

Саша незаметно наклонил набок голову и, приняхиваясь к одежде, поморщился, а вот Дахот заливисто расхохотался.

— И от вас пахнет не цветами! — развернулась к смеющемуся духу Катя. — Из рта перегаром воняет так, что сидеть рядом невозможно!

Настала очередь Саша ржать, пока Дахот давился и кашлял. Один Пётр Иванович сидел с таким выражением лица, с которым обычно мамочки говорят своим детям: «Дома поговорим о твоём поведении!»

«Ты, кажется, купаться собиралась», — напомнил Эфо.

— Собиралась, — огрызнулась Катя.

В одежде, да еще и без мыла купаться так себе удовольствие, но лучше, чем совсем ничего. Голову пришлось натереть глиной и промывать под водопадом. Тогда же Катю накрыло видение.

Они купались вместе в озере, совершенно позабыв об окружающем мире. Эфо не смущали смешки подглядывающих за ними молодых и любопытных хранителей.

— Мне так хорошо с тобой, — Марис провела щекой по его обнаженному плечу, покрытому татуировками и мелкими шрамами. — Я так хочу остаться с тобой навсегда.

— Так оставайся, — легкомысленно ответил Эфо, целуя её в шею.

— Ты — дух, а я — человек.

Он отстранился, взглянув в её затуманенные страстью глаза.

— Я не вижу препятствий.

— Я... я хочу, чтобы ты был человеком, как и я. Чтобы мы могли жить вместе вдали от леса и города, где-нибудь в тихом местечке. Чтобы ты больше не исполнял злую волю леса, перестал быть его рабом.

— Марис...

— Чтобы ребёнок в моем чреве был твоим, а не его! — не дала ему ответить она.

«Он и так мой», — удивился Эфо её неведенью.

— Ты можешь стать человеком ради меня?

— Марис, какой в этом смысл?

Она обиженно поджала губы и поплыла в сторону берега. Он же не понимал, какую прелесть Марис находила в короткой человеческой жизни? Почему страстно желала его очеловечить?

— Они не меняются, — появился в воздухе Захим. — Как считали нас олицетворением злых сил, так и считают. Думает, что если ты станешь человеком, то сразу подобреешь и бородой обростешь.

— Я думал, ты вышел из возраста подглядываний, — погрузил по шею в воду Эфо, наслаждаясь прохладой.

— На такую ладную девку незазорно и засмотреться. Жаль, ума маловато.

— Она просто невежественна.

— От невежества больше проблем, чем от глупости. Как бы вам обоим худо не стало от её невежества. И почему ты не сказал ей про ребёнка?

— Не знаю, считай это дурным предчувствием, но не хочу, чтобы она знала, что носит второго ребёнка от злого духа. Не обрадуется, а то избавиться попытается.

— Дурная баба, — хмыкнул Захим. — Если ребёнок предрасположен к превращению в хранителя, его самого в лес потянет к тебе, как Раду.

— Время еще есть.

Эфо нырнул с головой, уходя от разговора.

Катя тихо зарычала. Вместо полезных видений, которых она ожидала, её всё чаще посещали прошлые увлечения Эфо, отчего Катино настроение стремительно портилось. И больше всего злили моменты, где она видела себя глазами хранителя. Себя человека из прошлых откатов. Влюбленную дуру, которая верила Эфо...

— Может, кое-кому следует выйти погулять?! — злобно спросила она.

Эфо проигнорировал, хотя и не закрылся от неё, как часто делал во время поездки,

когда она задавала ему неудобные вопросы, на которые он не желал отвечать. Да и последнее время Кате казалось, что они поменялись с ним местами. Она злилась из-за любой мелочи, а он сохранял непоколебимое спокойствие.

— У меня есть вопрос, — немного успокоилась Катя, вылезая из воды и садясь на траву сохнуть на солнце.

Снова игнор.

— Ты знаешь, какой второй дар у прадедушки? — не сдавалась Катя. — Я помню, что у него их два, но второй-то какой? Может, он нам как-то сумеет помочь?

«Как у лазурного» — соизволил ответить Эфо.

— Хочешь сказать... у него два дара, которые друг друга нейтрализуют?

«Да».

— Как он тогда колдует?

«Петру надо блокировать одну из способностей, чтобы колдовать. Одновременно он оба дара использовать не в состоянии. Хотя в этом есть плюсы, он менее подвержен случайным прыжкам, чем те, кто имеет лишь один дар. И может в любой момент отменить воздействие отката на себе».

— Но он всё равно здесь оказался...

«Он не сам сюда переместился».

— Что?! Я этого не знала!

«Как ты думаешь, кто сотрудничает с такирцами и снабжает их всем необходимым для исследований?»

— Красные тэасы... значит, Люус давно искал человека, объединявшего в себе две способности. Но если Люус знал о Петре Ивановиче и искал его, почему он не предотвратил установление барьера?

«Что ты вообще знаешь об откатах? Знаешь, как это происходит?»

— Обладатель перемещается в прошлое и меняет будущее...

«А как перемещается, знаешь?»

— Наверное, как я...

«Нет, — отверг Эфо, — ты переместилась физически, а он перемещает только своё сознание, поэтому он может менять ход истории, в которой непосредственно участвует».

— Не понимаю, а в чём разница? Если знаешь будущее, можешь изменить прошлое.

«Думаешь, ты одна до этого додумалась? Прошлое неизменно для большинства из нас. Так время бережет себя от изменений. Если ты хочешь спасти кого-то в прошлом, неважно как, он все равно погибнет, сколько бы раз ты не перемещался».

— Но Люус мог менять прошлое, а барьер всё равно установили!

«Люус не был всемогущим и всевидящим. Он никак не мог добраться до Сохо и помешать ему установить барьер. Сохо не присутствовал лично — он действовал на расстоянии из-под воды».

— И тогда зимой...

«Сохо способен посылать свои проекции. Он никогда не выходит на сушу. Океан — его территория, там власть Люуса ослабевала, как и власть Махарат».

Катя не успела задать следующий вопрос, когда её накрыло еще одно видение...

Снова выкрутилась, ридла, а тэас удрал в город под защиту пушек. Без сомнений там он спокойно отсидится и восстановит силы за время зимней спячки хранителей и всё начнется

по новому кругу. Однако Эфо всё-таки достался трофей: девчонка попалась.

Худая и растрепанная она стояла перед ним на коленях и тяжело дышала, аккуратно придерживая раненную кисть. Ждала и знала, что живой ей не уйти.

Глядя на её подростковую внешность, не верилось, что именно она ответственна за все их поражения. Пять лет назад Эфо убил бы её без раздумий и сожалений, как и велела Махарат. Но после того как ведьма поводила за нос толпу разношерстных хранителей, ораву красных тэасов и армию людей, имея лишь одного союзника, просто так убивать её слишком расточительно. Да и время близилось к холодам, надо думать о посевах. Хотя и рискованно оставлять столь опасную ведьму в живых, но последняя зима унесла немало молодёжи, и хранители отчаянно нуждались в обманщике времени...

Эфо бесцеремонно поднял пленницу с колен и прислонил к дереву. Она закрыла глаза в ожидании смерти. Похоже на то, что дар ведьма не использовала или устала просматривать слишком очевидное для неё будущее. Иначе, она сразу бы поняла, что он хотел с ней сделать.

— У тебя есть выбор, — заговорил Эфо, обхватив её сердце призрачной рукой, — умереть или дать жизнь. Что ты выбираешь?

Больше всего удивило то, что её сердце никак не отреагировало на его прикосновение, словно она переживала подобное и раньше. Да и отреагировала не испуганно, а изумленно, словно не могла поверить, что её не убьют.

— Дать жизнь, — твердо ответила ведьма.

Церемониться Эфо не видел причин, поэтому сразу на месте задрал ей юбку. Выяснилось, что у неё еще и мужские штаны свободного покроя. Оно понятно, бегала она шустро. Если того требовали обстоятельства, легко перевоплощалась в мальчишку без применения магии: фигура ей позволяла скрыть женские округлости под мужской одеждой.

Штаны, как и рубашка, полетели на землю жалкими обрывками ткани. Обнаженная девчонка не вызывала аппетита от слова совсем, поэтому Эфо сосредоточился на лице. О да, взгляд её зеленых глаз не мог ввести в заблуждение и принадлежал далеко не ребёнку.

Когда он ею овладел, она не издала ни звука. Продолжала смотреть, словно не верила в происходящее. Впрочем, Эфо не для удовольствия с ней возился. Лесу нужны сильные хранители, а если получится обманщик времени, способный скрываться во время зимней охоты у сердца леса, будет просто чудесно...

Ведьма вышла из какого-то непонятного оцепенения, когда Эфо почти закончил. Хладнокровно дождалась подходящего момента, а затем... обездвижила его. Изумлению не было предела. Она никак не могла знать о слабостях хранителя. Не следовало расслабляться... только не с ней. Ведьма всегда держала расстояние, никогда к ним не подходила, зная, что человеку с хранителем никогда не справиться в ближнем бою. Её человеческая хрупкость ввела его в заблуждение.

Бывшая пленница взяла не свою, а его одежду, которая была ей великовата. И она прекрасно знала, где, как и что расстегивалось.

— Походишь и голым, тебе не привыкать, — сказала ведьма на его вопросительный взгляд и подняла волосы в хвост.

Странно, что убивать его никто не собирался, хотя любой другой воспользовался бы оплошностью врага.

На мгновении она остановилась и положила руку на живот. Постояла минуту, явно воспользовавшись даром.

— Может, это и к лучшему... — сказала и добавила напоследок: — Будет боевой как ты,

но в бордовую полоску. Назову Кириллом. Если рассчитываешь его забрать, то ктулуха тебе с маслом. Не отдам.

После её ухода, к Эфо постепенно возвращалась подвижность, но к тому времени, как он сможет двигаться, она будет далеко. Возможно даже в городе, куда за ней ни один из хранителей не последует, да и заняты они будут подготовкой к зиме. Если кто ею и займется, так это ребята из леса Шоро — они ближе.

Хотелось смеяться.

— Боевой тоже неплохо...

Катя нервно поежилась и обняла себя руками.

Видеть себя глазами Эфо не самое приятное, что с ней могло случиться. Да и еще упоминание третьего её ребёнка... Но Катю беспокоило другое: она сама. Неужели пять лет в чужом мире сделало из неё хладнокровную ведьму, способную в одиночку победить хранителя?

«Сомнительно, — отозвался на её мысли Эфо. — Не исключаю, что тобой в тот момент управляла более древняя сущность».

— С чего такие выводы? Разве я не могу измениться? — обиделась Катя.

«Можешь, но не за столь короткий срок. Такой контроль над собственным телом и эмоциями, какой показала она, достигается десятилетиями практики. Потом она не убила меня, так поступил бы хранитель по отношению к сородичу».

— Хочешь сказать, я в прошлом откате пошла на сделку с кем-то из ваших? И ты этого не заметил?

«Вспомни, Захим не заметил, что я в тебе. Мы не видим сородичей и не чувствуем их, если они прячутся в людских телах».

— Но кого я могла подселить?

«Понятия не имею. У Махарат противников так же много, как и союзников. Хотя очень странно, что хранитель помогал тэасу».

— А кто этот тэас?

«Есть некоторые соображения, но могу ошибаться на счёт его личности...»

Катя не услышала до конца ответ, так как в следующее мгновение увидела перед глазами маленькое помещение, похожее на пещеру с минимальным количеством походных вещей. Свет исходил из небольшого синего кристалла и освещал мертвенно бледную кожу истощенной и измученной Кати, лежащей на ворохе одежды и одеял. Грудь не поднималась от дыхания, а взгляд застыл на одной точке.

Рядом с ней сидел не менее изможденный мужчина-тэас и возился с её животом...

В пещере раздался крик младенца, которого незамедлительно уложили в самодельную люльку. Мужчина устало закурил и накрыл навсегда застывшее лицо Кати платком. Только родившийся младенец надрылся от плача, но тэас не торопился уделить ему внимание.

Из чёрного тумана возник Иро и сразу направился к люльке, разглядывая нечто одно ему понятное.

— Ребёнка вытаскивал уже из трупа, — произнес тэас, вытирая от крови руки.

— Её надо сохранить живой, — в обычной холодной манере ответил Иро.

Тэас хохотнул и подавился дымом:

— Она не переживет родов в любом случае, чтобы я ни делал. Либо ребёнок, либо она.

— Нужны оба. Ты откатишься до её беременности, а я заберу младенца в прошлое.

Начнем сначала.

— Тебе не надоело? — поморщился тэас. — Столько времени и усилий потрачено только на то, чтобы этот младенец просто родился.

— Мы будем откатываться столько, сколько потребуется, — не изменил тона Иро. — Усилия оправдаются, когда он повзрослеет и начнет превращаться.

— Повзрослеет... ты хотел сказать, если повзрослеет. Как ты собираешь его сохранить, если даже до рождения его многократно хотели устранить?!

Иро не ответил, извлекая младенца из люльки.

— Как она хотела его назвать? — спросил хранитель.

— Понятия не имею... после отката, сам спросишь, — огрызнулся тэас, вытряхивая пепел из трубки. — Что ж, закапывать её не имеет смысла...

После видения, не без помощи Эфо, Катя связала Дахота под ошеломленные взгляды Саши и Петра Ивановича. Она села напротив духа, скрестив руки на груди.

— Не пояснишь зачем? — скривился Дахот.

— Чтобы ты не сбежал, пока не ответишь на вопросы, — хмуро сказала Катя. — Ты помнишь сейчас все откаты, которые с тобой происходили.

— И что с того?

— Меня посещают видения... где Эфо меня не убивал во время жертвоприношения. Не хочешь ничего рассказать об этом периоде?

— А если не хочу?

Глаза Кати почернели.

— Ясно, Эфо вышибет из меня всё дерьмо, — сам себе ответил Дахот с нервным смешком.

— Рассказывай! — потребовала Катя.

— Ничего интересного в тот период не было, — отвечал дух с ехидной ухмылочкой. — Всё проходило довольно заурядно. Ты спряталась на дереве и не убежала. Иро решил, что этого достаточно для того, чтобы оставить тебе жизнь. Конец.

Эфо нетерпеливо перехватил контроль над телом Кати:

— Меня интересует тот откат, когда Катя помогала Маку сбежать, а не тот, что ты описал. Где ребёнок?

Дахот нехорошо сузил глаза.

— Я не знаю.

— Врёшь.

— Возвращай себе воспоминания, и тогда получишь ответы на все свои вопросы, — Дахот продемонстрировал развязанные руки и в тот же миг исчез в тумане, тем самым избегая дальнейшего допроса.

— Ктулух! — прорычал Эфо, не успевший его перехватить.

«Наверное, он мёртв... раз Дахот не захотел отвечать, — предположила Катя. — Как и те двое... Лафо права... это глупое любопытство».

Эфо не ответил и лишь сжал кулаки.

На утро Дахот не объявился, и пришлось ехать без него к неудовольствию Петра Ивановича. Общество Дахота ему нравилось куда больше, чем тэаса и уж тем более Эфо, которого по понятным причинам колдун недолюбливал.

— И ради чего мы только деревню покинули? — ворчал колдун. — Ради чего нужно было всё бросить и уезжать? Я ничего не успел сделать!

— Чтобы ведьма до тебя не добралась, — отвечал Эфо, вновь перехватив контроль над телом Кати.

— Поэтому мы взяли за компанию этого душегуба, — кивок на Сашу.

— Тебе что-то не нравится?

— Мне всё не нравится!

Эфо сделал глубокий вздох, посетовав на то, как быстро люди наглеют от безнаказанности. Он уселся на хохолок кошки, беря управление на себя.

— Я не понимаю, какая наша цель?! Что мы собираемся делать?! — не унимался Пётр Иванович.

— Уйти из зоны влияния Махарат, — отозвался Эфо и, не поворачиваясь, извлек на свет карту. — Её зона влияния помечены лазурным цветом.

— Может, я дальтоник, но одна из этих зон влияний движется в нашу сторону.

Эфо почти стукнулся лбами с Петром Ивановичем. И стоило ему глянуть на карту, как он припустил кота во весь опор. От сильного толчка едва не вывалился Саша, но его удержала страховочная веревка.

— Она очень быстро приближается, — закричал Пётр Иванович. — Как она сумела пройти сквозь барьер?!

— Её кто-то провел, — прорычал Эфо — Бездна... она в любой момент может откатиться...

«Вы слышите? — откликнулась в сознании Катя. — Рокот?»

— Гром? — недоумевал Эфо.

«Это... похоже на...»

Когда лес сменился относительно ровной поверхностью поля, вслед за ними выехал горный мотоцикл с двумя пассажирами. Вела его Ульяна. И как бы быстро кошка не бежала с техникой ей никогда не сравниться. Вскоре преследовательница поравнялась с бегущим животным и немного сбавила скорость.

Эфо намеревался атаковать её, выпустив из спины крылья.

«Стой! У неё в заложниках моя мама!» — крикнула в сознании Катя, едва увидела, кто сидел за спиной ведьмы.

Но Эфо не слушал. Ульяне едва удалось увильнуть от его шипов, которые пробили бы не только колеса, но и людей. Светка заорала и прижалась крепче к спине сестры.

— Давай! — рявкнула Ульяна.

Нападение произошло, откуда не ждали. Эфо схватили за крылья и выдернули из Кати. От неожиданности девушка закричала и опасно свесилась с кота, едва ухватившись за узду. Грудь пронзила боль, а одежду моментом пропитало кровью. Со стороны корзины слышалась ругань и удары.

Не мешкая, Ульяна подъехала совсем вплотную к Кате.

— Доченька, только держись! — крикнула Светка, судорожно вцепившись в сестру.

Ульяна всего за одно мгновение сменила облик на Игната, который продолжил управлять техникой вместо неё, а затем выпрыгнула из него в облике бестелесного хранителя. Катя едва узду не выпустила, когда тётя повисла возле неё, но Ульяна удержала племянницу за руку и подтащила к себе. Действовала она молниеносно. Через мгновение она уже была в корзине и ногой вырубилла Петра Ивановича до того момента как он что-либо сделал.

— Мать...

— Сиди смиренно, а то и тебе врежу! — приказала пошевелившемуся Саше Ульяна, укладывая Катю на пол и расстегивая ей одежду на груди.

Краем глаза Катя заметила, что Дахот скрутил Эфо, у которого из плеча торчал осколок чёрного кристалла.

— Держи этого тупого барана! — рявкнула Ульяна, стоило обезвреженному хранителю дернуться.

Дахот дополнительно сдавил Эфо шею коленом.

— Мясник чёртов, — водила пальцами в раздражении Ульяна над раной Катей.

— Тётя?...

— Лежи, рыжик, не волнуйся, — ласково проворковала Ульяна, продолжая водить пальцами.

Когда она закончила, то извлекла из небольшой поясной сумки огненный кристалл и вставила его в рану.

— Потребуется время, чтобы он прижился, — сказала Ульяна, складывая руки одна поверх другой над раной и заживляя кровоточащие края. — Магнат ровнее! — рявкнула она, когда их тряхнуло.

У Кати едва глаза на лоб не полезли. Именно так звали их ездового кота.

— Ты объяснишь, что происходит?!

— Не сейчас, — отрицательно покачала Ульяна и снова обратилась к фиолетовому духу. — Дахот, надо поймать пассажиров.

Он кивнул и оставил неподвижного Эфо на полу. Ульяна приблизилась к лежащему хранителю.

— Ты не представляешь, как же я хочу тебя грохнуть, мудака! — прорычала она и пнула его в живот. — Сколько же из-за тебя одного геморроя!

Эфо наградил её ненавидящим взглядом, намекая, что тоже не прочь с ней расправиться.

— Но к счастью для всех нас, ты недолго таким будешь... — напоследок сказала Ульяна, исчезая в тумане, как это часто делали хранители.

Едва она исчезла, как из-за угла вырулила грузовая машина с закрытым кузовом. За рулем сидел бородатый Саша, а рядом с ним Мирослав. Они нагнали мотоцикл. На крышу кузова по одну выползли четверо подростков-хранителей.

— Дима и Изис! — сразу узнала Катя двоюродных братьев-близнецов.

Двое других походили на молодые версии Дахота и Дахира.

— Пли! — рявкнул молодой Дахот.

Дима прицелился и выстрелил из лука заряженной энергией в барьер. Через какое-то мгновение с громким треском барьер лопнул с одной стороны.

— Мы е...нули эту х...йню, — с очень сильным акцентом крикнул на русском молодой

Дахот, пока его товарищи прятались обратно в кузов. Самого Дахота бесцеремонно утащил хвост огненного цвета.

Следующими из кузова показались трое: дядя Игорь, дядя Денис он же Денисыч и... тэас из видений Кати. Машина с легкостью поравнялась с бегущим котом.

— Вы что, бл...ть, предлагаете прыгать?! — закричал Денисыч, только глянув вниз.

— Да! — рывкнул тэас и за шкурку бросил вначале завизжавшего Игоря, которого с трудом поймал Дахот.

— Я са-а-ам! — закричал Денисыч и нелепо прыгнул, чтобы его также поймал фиолетовый хранитель.

Едва Денисыч глянул на лицо Дахота как выдал:

— Вы что, клонируетесь там у себя в лесу?! Сколько вас вообще таких?!

— Я один такой...

Последним прыгнул тэас, ему помощь не потребовалась.

— Уля-а-а! — закричал дядя Игорь. — Что дальше?!

Но ответа не последовало.

— Это самый грандиозный спойлер из тех, что я видела... — прокомментировала Катя, коснувшись груди, куда вживили кристалл.

— Котёнок, всё будет хорошо! — закричала Светка, снизу. — Мама тебя спасе... А-а-а!

Игнат прибавил скорости и едва не потерял пассажирку. Вместе с грузовой машиной он укатил далеко вперед к пробитому барьеру.

— Объясните мне, что это было?! — оторопел безбородый Саша.

Тэас не ответил ему, достал пушку и несколько раз выстрелил куда-то позади бегущего Магната. Раздался громогласный рев. Катя повернулась в сторону звука и оторопела от ужаса. За ними была погоня из ящеподобных монстров, притом одна часть существ побежала за грузовиком, а вторая преследовала бегущего кота.

— Надо гранатой их! — подсказал Денисыч, возмущено пощевелив подкопченными усами.

Тэас со спокойствием волкодава закурил. Пустив кольцо дыма, он извлек из кармана пульт и нажал на кнопку. Следом раздался взрыв такой мощности, что у Кати в голове зазвенело, а Магнат едва не грохнулся носом. На них посыпалась земля с кусками травы и потрохов.

— Ну... можно и так, — отозвался Денисыч, мертвой хваткой уцепившись за бортик корзины.

Тэас самодовольно хмыкнул и приблизился к приходящему в себя Эфо.

— Мы маршрут меняем, — сказал новый пассажир и развернул уже знакомую карту только с другими метками. — Для начала останавливаемся здесь, — указал он пальцем на небольшой эферский город. — Надо еще пассажиров забрать.

— Каких еще пассажиров?! — еще больше разозлился Эфо, с трудом вытаскивая осколок из руки.

— Одну безмозглую идиотку и её двух дочерей, которых вы вытащили из прошлого.

Больше от Эфо не было ни звука. Он казалось, оцепенел от осознания, кого именно предстояло забрать. Тэас же принялся короткими голосовыми командами управлять котом.

Заметив Катю, дяди бросились к ней обниматься. Заросшие, грязные и облаченные в порванную военно-полевую форму, они улыбались и радовались как дети. Подняли с пола Петра Ивановича и привели в чувство. Удар не сказать, что бы сильным, но синяк был

приличный.

— Как вы сюда попали? — спросила Катя, когда дяди расселись.

— Нас собрала Уля, — вымочил в воде усы Денисыч. — Сказала, что мы нужны ей в другом измерении, чтобы спасти детишек. Заставила мотаться по лесам, болотам и хрен знает где еще от придурочной красноглазой ведьмы.

Дахот подавился и закашлялся, вместе с ним начал икать Саня.

— Это какой-то монстр в юбке, — продолжал Денисыч, не заметив реакции духа и тэаса. — Чем мы в неё только не шмаляли. Даже гранатой в неё попали. Не подыхает сука, хоть ты тресни. Марина ей башку отстрелила, так у неё новая отросла.

Дахот постучал себя по груди.

— Если бы не Уля с её феноменальной интуицией, мы бы еще на болоте все передохли, когда эта тварь весь воздух спорами траванула.

— Зачем тётя вообще вас за собой потащила?! — воскликнула ошеломленная Катя.

— Дык все мы это... колдуны. Визгу и нытья от Светки с Олькой больше чем пользы, но Маринка с Валентином своё дело знают, словно всю жизнь колдунами работали. Ух, пару дней назад жару ведьме они задали. Как она потом лютовала, думали, спалит нас всех нахрен. Иногда мы тоже с Игорем пыхтели над заклятиями, но толку от нас, как с кота молока. Мы больше по этому делу, — он с нежностью погладил ружье. — Не доверяю я колдовству, пуля надежней магии. А вчера мы этого подобрали, — дядя указал на молчаливого тэаса, — Уля сказала, чтобы мы делали всё, что он говорит.

— А почему тётя Уля сама к нам не присоединилась?! — воскликнула Катя. — Почему они уехали?!

— Сказала, что ведьме пойдет ноги отрывать.

— Дядя, а домой она нас не собирает всех отправить?!

— Ты, между прочим, не единственная исчезла, кроме тебя пропали, — и начал перечислять: — Кристина, Димка, Вовка, Макс...

— То есть всё мое поколение, — перебила его Катя.

— Да, — согласился с ней Денисыч. — Вот мы и шманались по лесам в поисках наших детей. Трех нашли и забросили обратно. Тебя Уля сказала нельзя домой отправлять. Сказала, что пока агрессивный кровожадный хрен не перестанет себя вести как тупой баран, об этом и речи быть не может.

Катя почувствовала, как хранитель недовольно пошевелился сбоку от неё. Он единственный, кто попадал под описание «кровожадного хрена».

— Я бы не советовала тебе так Эфо называть, а то он... малость, обидчив, — прошептала Катя, скашивая взгляд на хранителя. — В прошлый раз, когда он разозлился...

— Он разнес мой дом, — закончил за неё хмурый Пётр Иванович, прижимавший Катину чугунную сковородку к щеке.

— О как! — приподнялись брови у Денисыча, видимо слабо себе представляя, как именно «кровожадный хрен» мог разнести дом. — А вы... — он ткнул пальцем в деревенского колдуна.

— Пётр Иванович Жук, — представился прадедушка, — а вы, я так понимаю, мой внук.

— Я же говорил! — заорал Игорь, поправив очки. — Я говорил, что он здесь! Видишь?! Я был прав!

— Прав-прав, но во вселенский заговор инопланетян я все равно не поверю, — отмахнулся от брата Денисыч.

Их хорошенько трянуло и до города пришлось сосредоточиться на том, чтобы не свалиться вниз.

По приезду на место назначения, выяснилось, как звали тэаса. Мак — бывший коллега-биомаг Ульяны. Зачем она его забросила к ним, он не пояснял, да и был не особенно расположен к беседам в дороге.

На земле Мак надел Кате ошейник-переводчик, который позволял ей и дальше понимать харурский и эферский языки. Вдобавок он нацепил ей круглый адресник, какой вешали обычно собаке.

— А это зачем?! — возмутилась Катя.

— Ты хоть примерно знаешь собственную стоимость, дура? — держал в зубах трубку Мак. — Из нашей разношерстной компашки только я и Саша можем себе такую дорогую бабу купить!

Катя обиженно поджала губы:

— Откуда мне об этом знать? Я же иномирянка. У нас людьми не торгуют!

— Вот и помалкивай!

Чтобы не пугать местных людей Эфо и Дахот приняли человеческий облик, а Сашу освободили к неудовольствию Петра Ивановича, который после покушения гиганта невзлюбил.

Мак привел их в снятый им заранее довольно просторный дом, где на шею Эфо бросилась очень красивая белокурая женщина, в которой Катя опознала Марис. Вслед за матерью выбежали с криками две девочки, которых Эфо поочередно обнял. Тогда же выяснилось, что в прошлом откате Катя свою часть сделки выполнила...

Намного позже почти вся группа, за исключением Денисыча и Игоря, собралась за одним столом.

— Объяснения будут? — уточнил Саша, обращаясь к курящему Маку.

Тэас флегматично перевел на гиганта взгляд и выпустил дым в его сторону.

— Каких объяснений ты хочешь?

— У меня едва голова не взрывается от того, что я сегодня увидел. У меня так много вопросов...

— Начну с того, что если я сейчас сниму иллюзию, то большинство из вас схватиться за оружие.

— Неужели вы Люус? — озвучила Катя.

Все присутствующие, кроме Мака, посмотрели на неё как на клиническую идиотку. Даже Пётр Иванович отпустил неллицеприятный комментарий.

— Поясни, — поддался вперед Мак.

— Ну... у меня было видение, где вы рассказывали Ульяне о том, что были красным тэасом и вас изменили взрослым, бросив в сердце леса Шоро. И я с трудом вас узнала, у вас... как-то внешность поменялась.

— Что за бред?! Я об этом ничего не знаю! — воскликнул Саша.

— По сути, вы начали те эксперименты с кристаллами, — продолжила Катя, — и дали толчок Ульяне, потому что точно знали, что красные кристаллы можно исправить. Потом Ульяна не заметила откатов... но она ли совершала откаты во времени? — затем повернулась к Саше. — Саша, тебя дразнили в детстве, но кто поддал тебе идею, что надо вернуть себе жизненный камень? Или ты сам до этого додумался?

Уголки губ Саша дрогнули, и он перевел ошеломленный взгляд на тэаса, тем самым давая ответ.

— Поэтому вас, обманщиков времени, и убивали, — ласково улыбнулся Мак, выпуская дым кольцом. — Слишком много видите.

— Я видел, как эта тварь сдохла! — закричал Саша, хлопнув по столу и поднимаясь с места.

— Я никогда не носил свой кристалл, — хрипло засмеялся Мак, давясь дымом. — И восстановление тела взамен уничтоженного у хранителей от нашей расы. Только мы бережней относимся к своим кристаллам.

— Ты же хасэж, а Люус — расэж.

— Хасэж, расэж... глупые людские деления на типы. Зная как притвориться под людское деление магии несложно, а иллюзия скроет тебя от хранителей.

— За тебя поручился Шоро... — продолжал уже Эфо. — И он знал кто ты?!

— Он же меня и скрыл, хотя и не без участия лесного любимчика Иро. Всегда его считал самым опасным среди вас.

— И всё это время ты притворялся другом! — в ярости кричал Саша. — Ты насильничал и пытал мою мать! Из-за тебя она повредилась рассудком! Из-за тебя едва не погибла!

— А еще благодаря мне родился ты и с моей подачи стал наследником рода Алвы вместо меня, — цинично добавил Мак. — До сих пор считаю, что ты лучший экземпляр из всех моих биологических детей.

Саша бросился на него, но его удержал на месте Дахот, не позволяя ему вцепиться Маку в глотку.

— Возвращаясь к теме второй души, — нисколько не смутился тэас, повторно закуривая. — Для того, чтобы изгнать одного паразита вместе с его истинным телом сердцу леса потребовалось пятьсот лет. Именно столько я пробыл в лесу Шоро, прежде чем смог выбраться из западни вместе со всеми воспоминаниями твари. Вообще Иро запретил говорить мне на эту тему, но раз здесь обманщик времени... Она в любом случае это увидит. Время сэкономим.

Мак отклонился назад и закинул ноги на стол.

— Начнем с того, как в этом мире появилась раса хранителей. До появления вашей любимой Цахиры в нашем мире жила только одна раса — наша, а вы появились позже и называли вас дэгруа.

— Цветок бездны, — перевел Эфо.

— Вы являлись биологическим оружием, которое сюда подслелила раса паразитов или как они себя гордо называли лакруты. Вы должны были подготовить для них почву, заразить истинных жителей этого мира, чтобы лакруты захватили мир. Однако враги лакрутов прислали Цахиру устранить дэгруа. Выжечь их дотла, чтобы сохранить молодую расу и не дать ей пропасть.

— Ктулохова задница... — отреагировал на новость Саша, не находя себе места.

— Цахира свою работу знала на отлично, однако недооценила Махарат — мать всех дэгруа. Первую из них. Махарат создала Тариса для борьбы с крылатой бестией. В драке с ним Цахира упала в сердце леса. А так как Цахира принадлежала очень и очень древней расе, которой никто из нас равным никогда не будет, она изменила всех дэгруа по своему подобию.

— Как же тогда вам удалось Цахиру убить, раз с ней не справилась Махарат?! —

поддалась вперед Катя.

— Не обольщайся, деточка, — засмеялся Мак, давясь дымом. — Здесь нет оружия, которое способно уничтожить эту бестию. Цахира запечатана Махарат в одной из пустошей. В любой момент может пробудиться и устроить всем нам веселую жизнь. То, что выдавало себя за Цахиру, настоящей Цахирой не являлось. Дэгруа так сильно её боялись, что предпочли забыть, где эта бестия покоится на самом деле.

— Кто же выдавал себя за Цахиру?..

— Одна из самых первых перерожденных матерей леса. Она просто была больше остальных похожа на крылатую бестию и каким-то чудным образом приобрела её воспоминания и часть её личности. Вот её я и прикончил, а не настоящую Цахиру. Так что история происхождения хранителей построена на искусной лжи, а захват мира продолжается. Махарат потому единственная и не переродилась. Эта злобная тварь и есть одна из лакрутов. Она просто сменила старую на более удобную и качественную оболочку, которая сама как дурочка к ней пришла. И сейчас она пытается через Иро вернуть контроль над хранителями, а он упирается всеми конечностями и крыльями.

— Но она сражается против красных... — недоумевала Катя.

— Ты ошибаешься, она выкашивает людей, а вместе с ними мою расу и хранителей, так как они вышли из-под её контроля. Нет ничего лучше, чем подрывать врага изнутри, притворяясь другом. За последние только десять лет численность людей уменьшилась больше, чем в два раза. Всё благодаря бесконечным войнам, которые распялет Махарат. Она сеет чуму, распри, убивает политических лидеров, ссорит людей между собой. В общем, средств уничтожения у неё предостаточно. Хранителей негодных практически всех извела.

— Понятно, почему она хотела избавиться от меня, — отклонилась на спинку стула Катя. — Я сама того не зная подобралась к её истинной сущности и возвращала тех, от кого она избавилась.

— Вас всех по этой причине убивали, — хмыкнул Мак, стряхивая пепел. — Люди с этим даром скупались. Тэасы исчезали бесследно. Огромную награду назначали за огненный кристалл, хотя на самом деле он один из самых переоцененных кристаллов хранителей. Он рассыпается в мелкую труху после двух лет использования. Нестабильная магия, быстро рассеивается. Но его стоимость искусственно поддерживается, догадайтесь кем.

— Тэасами, — рыкнул Саша. — Сколько среди них скрывается красных?

— Больше, чем положено нормами приличия. Там почти вся верхушка красные тэасы. Или думаешь, я из исключительно альтруистичных соображений сидел в клоаке под названием Харур?

Мак выложил карту на стол с проложенным на ней путем.

— Раз я утолил ваше любопытство, мы всем составом, пешочком идем в пустошь. Возражения не принимаются.

— К истинной Цахире? — ткнул когтем Дахот в точку назначения.

— К ней родимой. Она должна закончить, что начала, выжечь заразу дотла. Дега снимет печать.

— Вопрос... почему враги лакрутов послали всего одну Цахиру? — вздохнула Катя.

— Там есть какая-то подоплека с равновесием, потому Махарат её запечатала, а не убила. Практически Цахира жива, и ей замену прислать не могут из-за этого самого равновесия.

— Цахира может посчитать, что и мы и люди здесь лишние, — провел по волосам

Эфо. — Раз этот мир изначально принадлежал тэасам.

— Не исключаю такого исхода, но рискнуть можно. В любом случае... я смогу откатиться и оставить эту стерву запечатанной.

— Не много ли на себя берешь?

— А как ты думаешь, дэгруа от неё драпали-то? Откатывались, искали бреши в обороне. Уж очень мощная бестия против них сражалась. Одним взмахом крыла выжигала весь лес дэгруа. Не успел откатиться, считай покойник.

— Как же Тарис к ней подобрался? — спросила Катя.

— Почтидохлый он до неё добрался. Из последних сил её опрокинул вместе с собой, когда она собиралась прихлопнуть сердце леса. Вот тогда её Махарат и запечатала, только было поздно. Сердце леса отравилось её магией, запустив первое перерождение во всех лесах по цепочке, а Махарат потеряла контроль над дэгруа.

— Очуметь...

— Я предлагаю отдохнуть и переварить информацию. Отправимся в путь навстречу к пустоши, как только Ульяна даст команду.

— И когда это будет? — осторожно спросила Катя.

— Может завтра, а может через год, — пожал плечами тэас. — Я рассчитываю на пессимистичный вариант, а вы?

По лицам всех присутствующих несложно было прочесть, что год сидеть в чужом городе никому не хотелось. Едва все поднялись по лестнице, Мак остановил Катю, взяв её за плечо.

— С тобой у меня отдельный разговор.

— Вы не обижайтесь, но...

— Не обольщайся, идиотки не в моем вкусе, — он открыл дверь и пригласил её жестом руки к себе в комнату.

— Это было грубо...

— Не вижу смысла церемониться.

Катя бочком зашла внутрь и закашлялась, когда Мак вновь закурил. Она села на ближайший стул, не сводя подозрительного взгляда с тэаса. Всё-таки в прошлом он был Люусом... однако при его способностях, если бы он хотел, то перебил бы всех по одному еще в дороге.

— Так, дорогуша, ты внимательно меня сейчас слушаешь, прежде чем совершишь глупость, из-за которой мне придется снова откатиться. И если ты меня сейчас проигнорируешь, в следующий раз я на тебя такие ограничения наложу, что ты от меня отойти не сможешь.

Катя едва не заработала себе вывих челюсти.

— Домой ты не вернешься, — сразу в лоб зарядил Мак.

— Что?! — Катя хотела подняться, но тэас усадил её обратно.

— После того, как ты эту безмозглую бабу вернула из прошлого, — он указал в сторону, намекая на Марис, — ты «благородно» решила свалить в свой мир, чтобы не мешать их «семейному счастью». Подсмотрела в своих видениях, как перемещаться между мирами и, никому ничего не сказав, прыгнула.

— И что тут такого? У нас все равно с Эфо сделка, что он вернет меня домой...

— Этот идиот за тобой последовал, а мне пришлось из-за вас двоих откатиться! — перебил её Мак. — Потому что по неведомой мне причине в пустошь вы должны явиться

вдвоем!

— Он меня ненавидит и едва не убил! — она указала себе на грудную клетку.

— Ага, так ненавидит, что ты от него семерых детей родила.

— Откуда семеро?! — опешила Катя, не представлявшая даже в самом страшном кошмаре себя многодетной матерью. — Я знаю про троих!

— Пятерых последних я у тебя принимал. Они в солнечном лесу ждут, когда их родители с мозгами подружатся.

— Это... какая-то бессмыслица... У меня нет стокгольмского синдрома! Я не могла влюбиться в своего палача! Что было до откатов не имеет значения! Я...

Катя замолчала, едва взглянула на выражение лица Мака.

— Я уже это говорила? Да?

Он с ухмылкой кивнул:

— В этой войне тебе победителем не выйти. Конечно, в последний раз ты предприняла попытку побега, но крайне неудачную.

— Но у него есть Марис!

— Я пока вас ждал, её пару раз едва не прирезал.

— Она же красивая!

— Что не отменяет полное отсутствие мозгов, хорошо хоть слюни на подбородок не пускает.

Катя нахмурилась. До встречи с Маком, она считала Дахота грубияном. Но хранитель душка по сравнению с циничным биомагом. Удивительно, как Ульяне удавалось уживаться с ними обоими.

— Так что мы всем составом доходим до пустоши без выпендрежа и глупостей, — Мак вручил Кате мешочек. — А вот это лекарство, пьешь утром и вечером по одной штуке. Не забываем.

— Зачем?

— Ты же мозги теряешь при Эфо, а мне надоело принимать у тебя роды. Ты еще ни разу не родила нормально, вечно какая-то ктулухова задница происходит: то вперед ногами идет, то пуповиной горло сдавит, то сама сдохнешь.

Катя покраснела и вытянула губы в линию. Ей до конца не верилось, что Мак говорил о ней, а не о ком-то другом. Она никогда детей-то не хотела, да еще и в таком большом количестве.

— Вы меня не разыгрываете? — с сомнением уточнила Катя. — Детей действительно семеро? Не трое?

— Я думаю, что их больше, чем семеро, — добил Мак с улыбкой маньяка.

Она едва мешочек не выронила, но тэас заботливо положил ей его в карман юбки и напомнил:

— Утром и вечером. Не забываем. И еще, — он надел ей подвеску с кристаллом на шею. — Любое даже самое твое бестолковое видение будет записываться на этот кристалл. Если будет что-то важное, говоришь мне, Дахоту или Эфо.

— Разве вы сами...

— Если бы я видел будущее, так позорно бы не сдох и не свалился в сердце леса! — он сделал глубокую затяжку, немного успокаиваясь и более спокойно сказав: — Я могу просчитывать варианты будущего, как и твой прадедушка, но не видеть его. Наш дар иного характера.

Мак подтолкнул её к двери и заботливо налил стакан воды.

— Первую выпьешь прямо сейчас, — сказал он, вручая ей лекарство вместе со стаканом.

— Да не потеряю я мозги! Что за бред?! Он — кровожадный маньяк...

Не дослушав её, Мак широко открыл дверь. В коридоре стоял Эфо вместе с Марис. Едва взглянув на хранителя, Катя под насмешливый взгляд тэаса как удав заглотнула пилюлю и запила её водой.

— Умница, — похвалил биомаг.

— Я вас ещё плохо знаю, но уже ненавижу, — прокомментировала Катя, удаляясь и стараясь не слушать раздражающее щебетание Марис.

— Утром и вечером, не забываем! — напомнил ей в спину Мак.

Катя проигнорировала его и нашла Петра Ивановича, чтобы вместе с ним заселиться. Одной жить в чужом доме ей было страшно. С прадедушкой надежнее, хоть какая-то чувствовалась защита. Да и кто-то позаботился о том, чтобы в их комнате стояло две деревянные кровати.

— Теперь я понимаю, как себя чувствуют люди с амнезией, — сказала Катя, усаживаясь на старый матрас. — Отвратительное чувство.

Пётр Иванович со вздохом сел рядом и обнял её за плечи, а затем снова приложил к синяку сковородку.

Соппротивление было быстро сломлено. Эфо завалил её на кровать и не слышал мольбы прекратить. Катя кричала и вырывалась, но точно с таким же успехом она могла просить медведя не есть её.

— Пожалуйста, не надо! — умоляла она, упираясь ему руками в грудь.

Но он не слышал, был словно одурманен магией или под действием наркотика. Юбку задрал по шею, не оставляя сомнений в намерениях.

Катя едва сумела дотянуться до оставленного ей Маком чёрного кристалла и с криком воткнула его в плечо Эфо. Хранитель заорал и моментально потерял подвижность. Ей удалось выбраться из-под него, хотя он продолжал рычать и тянуться к ней. Катя несколько раз упала, пока добралась до выхода заплетающимися ногами, держась за стенку. Дойдя до комнаты Мака, забарабанила кулаками в дверь.

Биомаг открыл. Он как всегда курил и едва взглянул на её зареванное лицо и порванную одежду, пропустил внутрь.

Без вопросов и шуточек он вручил ей успокаивающий чай. Едва не захлебываясь и давась, Катя выпила горькую смесь.

— Сорвался, — с неким удовлетворением произнес Мак, бесцеремонно разглядывая сизые отметины на её руках и царапины от когтей.

— Что с ним случилось?! Почему он на меня напал?! Он пытался... пытался...

— Овладеть тобой, — кивнул Мак.

— У него же есть Марис, что ему от меня надо?!

— Она для него бесполезна из-за объединения.

— Какое еще объединение?! — расплескала себе на руки лекарство Катя. — Оно же разорвано!

— Деточка, объединение ни один откат не оборвет. Энергообмен, да, нарушен, его восстанавливать надо, но связь никуда не делась. Поэтому, то ты, то он периодически срываетесь.

— Ваше лекарство...

— Не позволило сорваться тебе, поэтому голову снесло только ему.

— Значит, в один из прошлых откатов сорвалась я... — догадалась Катя, начиная успокаиваться.

— И родила двойню, — поддакнул Мак, — а он прикинулся, что сделал тебе одолжение и не сопротивлялся.

— Это тогда я прыгнула?

— Да, вы ж бабы эмоциональные. После рождения детей ты совершила прыжок. А Эфс спустя месяц за тобой последовал.

— Месяц?.. То есть, я не особенно и нужна вам.

— Не скрою, мы и без тебя справимся, но с тобой Эфо под контролем, а без него никак через пустошь не пройти. В общем, его корежило так, что хотелось пристрелить. А когда он за тобой прыгнул, тогда до меня дошло, что с ним творилось. Но в этот раз он быстро осознает, что объединение, связывающее вас, по-прежнему в силе. И рано или поздно связь восстановится. Ни один откат объединение хранителей разорвать не способно.

— Но я человек!

— Временно. Процесс запустился, едва ты в нашем мире оказалась.

— Значит, вернутся воспоминания...

— Воспринимай это проще. Воспоминания не убьют тебя. Да, будет больно, но хранители более стойкие ребята, чем люди.

— Ну, спасибо...

— Хочешь устроить благоверному маленькую месть, принимай лекарство и дальше, пускай его корежит. Я дам ему пилюльку, чтобы он на тебя не прыгал впредь, однако ломать его от боли будет жестко.

— А как же мужская солидарность? — подняла одну бровь Катя.

Мак выдохнул кольцо дыма, а на его лице зажглась маньячная улыбка.

— Я с удовольствием посмотрю, как эту высокомерную крылатую суку ломает. И чем сильнее мудака будет выворачивать, тем скорее его заменит адекватный Эфо, с которым намного приятнее работать.

Больше ничего не объясняя, Мак направился в другую комнату.

— Адекватный Эфо, — повторила Катя, слабо представляя насколько сильно могла поменяться личность хранителя после возвращения воспоминаний, и как изменится она сама...

— Катюша?

Катя проснулась и увидела над собой склонившееся обеспокоенное лицо Петра Ивановича. Прадедущка сидел рядом и гладил её по руке.

— Ты кричала во сне и не просыпалась, — пояснил он, когда она приподнялась и провела рукой по лицу.

— Кошмар приснился, — Катя взглянула в окно.

Только начало светлеть, а значит, еще пару часов можно было поспать.

— Не как в тот раз зимой? — с беспокойством уточнил Пётр Иванович.

— Нет, — Катя поморщилась.

Боль во сне была, значит, то, что ей показал дар, еще не произошло и возможно не произойдет.

— Я не видела никаких нападений. Просто кошмар приснился. Пойду, схожу вниз воды попить.

— Мне пойти с тобой?

— Не надо, я справлюсь. Извини, что разбудила.

Она вышла и похлопала себя по щекам, избавляясь от остатков кошмара и гадкого липкого страха. Хорошо, что ей приснился всего лишь сон, хоть и частично пророческий, но она найдет способ как избежать страшного сценария.

Эфо сидел внизу на кухне и ел в одиночестве. Ему в отличие от людей, требовалось намного меньше времени для сна. Катя, как только увидела его, так вжалась в стену, словно хотела слиться с текстурой, но он её заметил и усмехнулся:

— Что? Не такая смелая, когда я воплоти?

— Инстинкт самосохранения сработал, — отозвалась Катя, бочком огибая хранителя.

О да, она не забыла, с какой легкостью он разрывал людей крыльями. Да и в кошмаре она сполна ощутила себя пойманной и беспомощной птичкой в его когтях.

— Ктулохово утро! — поздоровался Мак, проходя мимо и на ходу снимая с шеи Кати кристалл.

— Эй!

— Что? — не понял биомаг, закуривая. — Я же сказал, что буду просматривать твои видения. В чём проблема?

— Только не сегодняшнее! — Катя попыталась отобрать кристалл, но Мак поднял высоко руку, чтобы она не достала.

— Эфо, посмотришь со мной? — не глядя на хранителя, бросил Мак. — Кажись, она увидела что-то важное!

— Нет! Ничего там важного нет! — закричал Катя, подпрыгивая и пытаясь забрать кристалл. — Просто очередное эротическое сновидение! Я не хочу, чтобы вы видели меня голой!

— Да ладно? — продолжал издеваться Мак. — Мы тогда просто обязаны посмотреть! Правда, Эфо?!

— Это обязательно? — не проникся энтузиазмом хранитель.

— Мы просматривать будем любое её видение. Ты же сам хотел быть в курсе событий, чтобы обеспечить безопасность своим дочерям, так вот и участвуй!

— Я против! — снова крикнула Катя.

— Твоё мнение меня не интересует, — сказал Мак, силой сопровождая её к двери.

Катя возмущенно упиралась, но тэас с легкостью вытолкнул её с кухни.

— Забыл, кстати, отдать, — он выудил из кармана уже знакомый чёрный кристалл.

У Кати руки задрожали, едва холодный талисман лёг ей на ладони.

— Пользоваться я так понимаю, ты знаешь как.

— Вы знали, как вызвать нужное видение... вы подстегнули мой дар своим вчерашним рассказом, — прошептала Катя.

— Мне не нужен еще один неадекват в команде, — уже без издевки произнес Мак. — Я не хочу дожидаться, когда ему чердак сорвет из-за того, что он слишком упрям, чтобы поверить мне на слово.

— Мое мнение учитывается?

— Нет.

Он закрыл перед её носом дверь и запер изнутри. Катя пнула пяткой препятствие, но выбить не пыталась, да и вряд ли у неё что-нибудь вышло.

От обиды щипало глаза. Катя нашла вход на чердак, желая спрятаться ото всех, а больше всего от циничного Мака и Эфо. Среди заставленного предметами помещения, Катя выбрала угол возле окошка и села на стол, обняв колени руками, так чтобы её скрывали от входа старые корзины. Пускай ищут. Один раз ей уже удалось прыгнуть в свой мир, найдет еще раз способ, как это сделать.

Дом постепенно заполняли голоса проснувшихся людей и нелюдей. Раздался детский смех. О Кате если кто и спросил, то только дяди да Пётр Иванович. Больше она никому не нужна.

Позиция Мака ей была совершенно непонятна. Чего он добивался? Ну, посмотрит Эфс последнее её видение. Что измениться? Он и раньше смотрел...

Со стороны лестницы скрипнула ступенька.

Катя замерла, стараясь не дышать лишней раз. Однако тот, кто пришёл безошибочно отыскал её скромное убежище, словно знал, где она могла спрятаться.

Рядом с носками лаптей лёг голубой кристалл.

— Я не буду его носить, — отвернулась Катя к окну.

— Тебе придется, если хочешь выжить, — послышался голос Эфо.

— Почему я должна выполнить то, что вы от меня требуете?! — разозлилась Катя. — Это не моя война! Ваши проблемы, вы и разбирайтесь с ними! Мак ясно дал понять, что я тут не особо вам нужна и могу свалить домой!

Эфо переместился, чтобы оказаться прямо перед ней.

— Если ты свалишь, как ты выражаешься, Мак снова откатиться, только тогда тебя привяжут к кровати, чтобы я смог восстановить энергообмен. И тебе это очень не понравится.

— Тебе вернули твою семью! Отстань от меня!

Он взял её за руки и стянул со стола.

— Ты так ничего и не поняла?! То, что ты видела, произойдет в любом случае, поэтому лучше сделать это сейчас, пока мы при трезвой памяти!

Катя не верила своим ушам.

— Ты предлагаешь...

— Да!

— Ни за что! Никогда! Лучше сдохнуть!

— Если так противно видеть меня, повернись спиной, — сказал он, неотрывно глядя на неё.

— Я не хочу! — уперлась Катя.

— Я всё равно это сделаю.

— Ты не имеешь права заставлять меня силой! Я свободный человек! У тебя есть Марис! С ней и делай что хочешь, а меня не трогай!

— Ты глаза мои видишь?! — указал он на огненную радужку. — Они должны быть чёрными! Если я не восставлю энергообмен, произойдет то, что ты видела во сне! Только в худшем сценарии!

— Но ты говорил, что должно быть согласие...

— Нет у нас больше выбора! — кричал Эфо. — Мы его сделали еще до отката!

— Я не хочу! Я отказываюсь! Ты убивал меня! Я не могу этого забыть! Ты обещал вернуть меня домой! У нас был договор! Я выполнила свою часть сделки! Возвращай меня домой, скотина!

— Ты не уйдешь, — он коснулся её лба.

К своему ужасу, Катя погрузилась в очередное видение.

Эфо сопел где-то поблизости. Катя слышала его тихое дыхание и то, как он иногда шевелился, чтобы принять более удобную позу. Он спал прямо на ветке, тогда как для неё специально повесили гамак и накрыли сверху листом.

Шел дождь, барабанил по листьям и по коже Эфо. Катя всегда поражалась тому, что хранители спокойно засыпали в ливень и не боялись намокнуть, простудится. Наоборот они себя лучше чувствовали в дождь, тогда как Катя ощущала себя мокрой курицей.

Пока хранитель наслаждался сновидениями, его подопечной совсем не спалось. Растущие крылья чесались и в голову лезли мысли...

— Ты обязательно должен спать рядом со мной? — спросила она, с трудом удерживаясь от соблазна взобраться на ветку, на которой лежал Эфо.

— Так как ты еще не превратилась, я должен находиться постоянно рядом, — сонно ответил хранитель и гибко потянулся, с хрустом разминая крылья. — Поверь, это лучше чем,

если бы я изменял тебя изнутри.

Остатки сонливости как рукой сняло. Катя села на гамаке и обняла подушку.

— Не поняла, как это... изнутри меня?

— Ну, ты помнишь, что я могу принимать бестелесную форму? — терпеливо вздохнул Эфо.

— Да...

— Я могу в тебя вселяться, забыла?

Кате не хотелось признаваться, но она забыла. Голову забило совсем другим...

— Почему не делаешь этого? — закусила она нижнюю губу, стараясь не смотреть в сторону хранителя.

— Потому что мне будет труднее бороться с искушением, — объяснил Эфо. — Я хочу сохранить трезвую голову, пока ты не превратишься.

Сверху Катя без труда заметила группу хихикающих молодых хранителей.

— Куда это они собрались ночью? — решила сменить опасную тему Катя и задорно предложила: — Давай проследим за ними!

— Следить за ними — плохая идея.

— Пожалуйста! Одним глазком посмотрим! Сон нагуляем!

По уставшему виду хранителя не трудно было догадаться, что он и без прогулки прекрасно бы поспал.

— Мне не спиться, когда... ты близко.

— Пошли, — сдался Эфо, с кряхтением поднимаясь.

Он помог Кате спуститься с дерева, стараясь как можно меньше к ней прикасаться. Точно так же он помог ей взобраться во внутреннюю часть крыши амбара, куда направились молодые хранители.

— Ой, там женщина на соломе лежит, — заметила Катя, устроившись на балке рядом с Эфо. — И... пятеро парней.

— Я говорил, что это плохая идея следить ночью за молодыми хранителями.

— Что они собираются делать?!

— Тише ты. Те, что наверху, — Эфо указал на светлячков, притаившихся на потолке, — смотрят — им любопытно. А те, что снизу в людском облике, проверять собираются.

— Пятеро на одну?!

— Вряд ли они справятся с ней...

Катя едва с балки не свалилась.

— К ней полгорода ходит, — пояснил Эфо.

— А зачем те, что наверху смотрят?

— У них объединение скоро. Для них это что-то вроде вашей камасутры.

— И взрослые позволяют?!

— Скорее, закрывают глаза. За моральную чистоту верхних можно не беспокоиться — они объединяться с парой и смотреть не захотят. А вот нижние... им в первое столетие жизни только пояс верности поможет.

— Ты к нижним относишься? — подозрительно осведомилась Катя.

— М-м-м... и да, и нет. Я не самый популярный хранитель у человеческих женщин. Они зачастую имени моего не знают, чтобы призвать. Со мной последний раз заключали сделку лет двести или две пятьдесят назад.

— Разве женщины вас не боятся? Они же считают вас злыми духами!

— Некоторые женщины готовы платить самую высокую цену лишь бы заполучить в любовники хранителя, такого как Захим. Его имя знают везде. Мужчины ненавидят, женщины боготворят. Столько сколько у него сделок нет ни у одного хранителя.

— Не знаю, что они в нём находят... он же как общественный туалет, в котором стены обгажены и бумаги нет.

Эфо тихо засмеялся, стараясь не выдать своего присутствия.

— Ты только ему этого не говори, а то обидится, — сказал он, отсмеявшись.

— Я просто к тому, что он ведет себя пошло и мерзко.

— Его любовницы иного мнения. За ночь с ним душу продадут.

— Никогда не понимала, что женщины находят в Казановах и инкубах. За ночь удовольствия продавать душу как-то глупо...

Катя уткнулась носом в шею Эфо, стараясь не слушать доносившиеся снизу звуки. По неизвестной причине, ей очень нравилась именно эта часть его тела, покрытая татуировками и пахнущая лесными травами. Ей очень хотелось повесить на хранителя пояс верности, чтоб уж наверняка никуда не делся, а еще обнять так крепко, чтоб у него кости затрещали.

— Почему у меня появляется все больше собственных мыслей?

— Это ревность. Она пройдет, — сдержанно ответил он.

Захотелось очень сильно целоваться и плевать, что будет потом.

— Остановись, — прекрасно понял её поведение хранитель.

— Не могу... мне же хочется...

— Терпи.

— Ну, можно хоть разик? Что, тебе жалко один раз поцеловаться?

— Не зря меня предупреждали, что у людей есть большие проблемы с контролем в период превращения.

— Один разик... — Катя состроила жалобный взгляд.

Эфо закатил глаза и, подтянув девушку ближе, поцеловал её. Катю захлестнуло эйфорией, но к её разочарованию поцелуй был слишком быстро прерван.

— Всё?!

— Хватит.

— Обнять можно?

Эфо снова закатил глаза.

— Можно.

Катя с радостью крепко обняла его. Откуда-то сбоку раздалось дружное хихиканье. Только тогда Катя сообразила, что молодые хранители переключили внимание на них и ждали, чем закончится прелюдия.

— Пошли прочь! — рыкнул Эфо на молодежь.

Хихиканье стало только громче.

— За нами они следят тоже в образовательных целях? — поинтересовалась Катя.

— Да.

Когда они вернулись к гамакам, дождь прекратился, а Эфо остановил её за руку.

— Катя, сядь, пожалуйста, — попросил он. — Нам надо поговорить.

— Может в другой раз? — подозревая что-то нехорошее, Катя всё же присела на ветку.

— Нет, мы поговорим об этом сейчас, пока тебя не накрыла новая волна и пока ты можешь соображать без участия «как он вкусно пахнет».

Катя ощутила, как у неё запылали щеки.

— Твоё превращение почти завершилось, и я могу покинуть тебя навсегда.

Всё внутри этому воспротивилось.

— Если я останусь, то меня самого накроет волна, и я не смогу больше сопротивляться.

— Завалишь на травку и накажешь? — вырвалось у Кати, отчего у неё ещё сильнее запылали щеки.

— Примерно так и произойдет. Тогда начнется процесс объединения. И он необратим. Границ больше не будет. Любые воспоминания, мысли и чувства будут доступны в любой момент. Ничего нельзя будет скрыть. Что будет известно одному, будет известно второму.

— Без этого...

— Наши отношения невозможны. Ты должна будешь забыть о моем существовании.

— Навсегда?

— Навсегда.

— Почему?!

— Потому что мы объединимся, едва наши отношения перерастут в нечто большее. В нашем случае этого нельзя избежать. Не получится пожить вместе, а потом разбежаться.

— А бывали случаи, что кто-то отказывался от объединения?

— Бывали. Особенно часто отказывались от объединения человеческие мужчины.

Катя даже самой себе не признавалась, что Эфо её искушал уже своим присутствием. Он сидел рядом: красивый, загадочный и... вкусно пахнущий. Когда Эфо сделал шаг в сторону, Катя не сумела удержаться и бросилась ему на шею.

— Катя, ты можешь пожалеть об этом. Ты же не понимаешь, на что ты себя обрекаешь. До конца жизни ты будешь привязана ко мне. У тебя больше никогда не будет никого другого. Объединение не просто клятва, которую можно нарушить в любой момент.

— Не пожалею! Ни минуты! Ни секунды! Плевать! Пускай даже это магия, но я хочу, чтобы... сказка продолжалась! Я ни к кому ничего похожего не чувствовала! Мне кажется, что ты сейчас уйдешь, а у меня из души что-то вырвут!

— Давай ты год подумаешь? Хорошо? Передашь мне свое решение через Бахо.

— Не хочу ждать! Год — это слишком долго! — взвыла Катя.

— Год, и если не передумаешь, я вернусь, — силой усадил её обратно Эфо.

— Обещаешь?!

— Обещаю.

— Не убежишь?! Не обманешь?!

Он вновь засмеялся.

— Не убегу. Поверь, кое-кто хочет нашего объединения больше, чем даже ты и я.

Года дался тяжело. Катя едва ли не каждый день приходила к Бахо и просила, чтобы он передал Эфо, что она решила. Хранитель терпеливо сообщал, что год еще не прошел. Она злилась, даже пыталась сама искать, спрашивать, но хранители не выдавали ей Эфо, как Катя ни умоляла и ни просила.

Когда он вернулся, это был самый счастливый день в её жизни.

— Не уходи больше! — сразу уткнулась ему в шею Катя. — Мне так было плохо! Я думала, что сойду с ума!

Эфо ничего не ответил. Он поцеловал её и осторожно обнял. Катя дрожала от каждого его прикосновения, а хранитель не торопился, давая ей почувствовать всю полноту объединения.

— Не пожалеешь? — спросил он.

— Нет! Пускай сказка продолжается...

Едва Катя очнулась, как поняла, что всё закончилось. Сказка была лишь очередным сном, а реальность оказалась намного жестче и больнее.

Эфо сидел рядом и медленно одевался.

— Я тебя ненавижу! — прорычала Катя, сжимая юбку и подавляя желание содрать с себя кожу, а заодно треснуть чем-нибудь тяжелым по затылку хранителя.

— Это чувство взаимно, — глухо отозвался он, поднимаясь и поправляя волосы.

Она бросила в него кристалл, но хранитель никак не отреагировал. Катя легла на пол и отвернулась к стене. Прошлое не вернуть. Этой версии Эфо она желала лишь смерти, за всё то зло, что он причинил и продолжал причинять. Когда соглашалась на проклятое объединение, счастливая Катя из видений не знала, что её добрый, мудрый и до безумия любимый Эфо превратится в кровожадное чудовище.

С лёгкой руки Дахота, Катя превратилась в кареглазую блондинку. По словам Мака, рыжий цвет волос слишком заметен, как и зелёный цвет глаз. Перекрашиванию в блондинов подверглись и оба её дяди, как и изменению цвета радужки.

— Тьфу, мы теперь все как Светка, — фыркнул Денисыч, разглядывая себя в зеркале. — Осталось только раздобыть розовое шматье и мелкую псину под мышку.

— Не так уж всё и плохо, — вздохнул Игорь, которому из-за сходства с мужским обликом Махарат, полностью переделали внешность.

— Мелкая, ты куда? — повернулся к племяннице Денисыч.

— Погуляю, хочу проветриться, — ответила Катя, даже не взглянув в зеркало. Ей никогда не нравились желтые волосы. Ей они не шли.

Но далеко отойти от дома без привлечения внимания не удалось. Адресник на шее дико раздражал. Особенно когда к ней в третий раз подошли мужчины в форме волшебников и бесцеремонно разглядывали, что написано на адреснике, словно Катя — бесхозная собака.

— Почему без сопровождения? — спросил её плотный мужик с усами на обгоревшем лице.

— Зачем оно мне? — скрестила руки на груди Катя. — Я что, сама до магазина пройти не могу?!

Мужчины переглянулись.

— Пройдем с нами.

— Не пойду! — отпрыгнула от них Катя.

Но они наступали. Она собралась убежать от них, когда на развороте наткнулась на Дахота в человеческом облике.

— Проблемы? — спросил он у волшебников.

— Да, таир, проблемы. Женщина расэж выше третьего уровня не должна разгуливать по улице без сопровождения мужа или его окружения.

— У вас правила сменились? Раньше можно было на рынок отпустить.

— Это было до того, как расэж четвертого уровня разнесла полквартала. Метки не выдержали. А у вас барышня-то не меньше пятого или шестого уровня. Следили бы за ней. Да и дерзкая она у вас, не воспитываете.

Катя возмущенно скривилась.

— Дикарка с островов, — пояснил Дахот, беря девушку за плечо.

Волшебники сразу понимающе заулыбались и закивали.

— Я бы такую не купил, — почесал нос полный. — Уж больно дикарки строптивые.

— Зато сильные, — завистливо протянул второй.

Дахот подтолкнул Катю в спину, отходя от волшебников подальше.

— Ну, и зачем сбежала?

— Я проветриться пошла, я бы вернулась.

— Как в прошлый раз вернулась?

Катя внимательно на него взглянула, но Дахот смотрел только вперед. Он-то помнил предыдущие откаты и о том, что она сбежала в свой мир. Хранитель довел её до дома и там передал на руки Маку, который пребывал в не самом бодром и дружелюбном настроении.

Биомаг указал на стул, чтобы Катя села. Когда она расположилась, он примостился

напротив, словно собирался вести допрос.

— Объясни мне, зачем ты сбежала? Ты понимаешь, что я откачусь, если ты сдохнешь или отбежишь слишком далеко?

— Может, я хотела, чтобы вы откатились? — отвернулась Катя.

Мак открутил верхнюю часть своей трубки и ткнул раскаленной стороной в Катину руку.

— Вы спятили?! — завизжала она одновременно от боли и от удивления.

— Находясь в этом доме, тебя пытали? — проигнорировал её вопрос Мак.

— Нет!

— Так в чём причина твоего побега?

— Эфо... он...

— Что он?! — более резко спросил Мак. — Что ты помнишь?!

— Какая разница помню я или нет? Я не хотела...

— Я тоже не хочу откатываться, — перебил её биомаг. — Почему я должен из-за твоей глупой выходки менять картину реальности? Менять реальность — не забава и не игра. Эта способность ломает тысячи судеб, даже если ты откатишься всего на пару секунд. Когда-то давно мой народ держал меняющих реальность под усиленным контролем. Не воевали на территории городов и не захватывали, потому что в каждом крупном городе сидел меняющий реальность. Он откатывался только при катаклизмах, а такие, как ты, помогали ему избегать откатов. Чем меньше откатов, тем лучше. Так объясни мне, почему я должен откатываться из-за глупых девичьих страданий?!

Катя угрюмо молчала, а Мак продолжал:

— Тебя не пытали, как Ульяну, не ломали морально и физически как её. Вот эта привычка, — он поднял сигарету, — у меня от той твари, что во мне сидела. Это он так много курил, а я бросить не могу. И это он любил снимать верхушку и обжигать кожу жертве. Ты такой ад, какой прошла твоя тётя, никогда не проходила. Потерпеть восстановление энергообмена ты можешь.

— Почему вам так важно, чтобы Эфо восстановил этот дурацкий энергообмен?! Почему нельзя отпустить меня домой?! Я же вас бешу!

Мак сделал глубокий вдох и выдох, проводя руками по лицу.

— В прошлых откатах Эфо был на стороне ведьмы. Столько раз откатываться, сколько из-за него мне уже давно не приходилось. Он смерти и боли не боялся. У меня нет многотысячного войска для того, чтобы одного его останавливать. Этот урод засады устраивал. Я три раза едва не окочился из-за него. Я его зимой пытался грохнуть, но эта ж тварь очень быстро просыпается.

— Так вам же выгоднее, если он погибнет или потеряет голову.

— Назови кого-нибудь среди нас, кто сможет сражаться на уровне Эфо.

— Вы... Саша и Дахот...

— Дахот — иллюзионист, Саша — ювелир, а я — биомаг. Люус тоже был далеко не воином. Стратегом и убийцей — да, но не воином. Я тебе как-нибудь покажу, как он убивал Эфо. Был у него такой эпизод, когда они сталкивались. Покажу сколько солдат легло, пока эту крылатую тварь сумели ликвидировать. Мне нужен такой союзник как Эфо. Поэтому я терплю тебя и Марис, хотя от обеих с радостью бы избавился.

— Но в зимнем столкновении Эфо... легко победила кучка головорезов. И внука он не сумел уберечь.

— Скорее всего, он был сильно ослаблен, раз его так легко убили. На пике своей силы, он бы от них мокрого места не оставил. И открою тебе секрет, кто убил его внука на самом деле и почему Эфо не сумел ничего сделать.

Катя промолчала, ожидая продолжения.

— Ты уже знаешь, как Махарат относится к обманщикам времени. Это она ликвидировала внука Эфо. Не кто-то, а лично она его убила. Поэтому Эфо не пробудился. Он не почувствовал опасности от матери леса. Хранители же друг друга не убивают. Но на Махарат этот закон не действует.

— И Эфо этого не узнал.

— Разумеется, нет, иначе бы она раз и навсегда настроила бы его против себя.

— Рассказали бы ему правду...

— Слушай, я потратил не один откат, чтобы выяснить, как переманить Эфо на свою сторону, поэтому я тебя по-хорошему пока прошу, не сбегай. Не вынуждай меня откатываться.

— Да не сбегала я! — возмутилась Катя. — Я всего лишь проветриться хотела, тошно мне здесь.

— Хорошо, поверю на слово, но предупрежу, что выходить из дома нежелательно. Если Махарат откатится, ты можешь не успеть прыгнуть в прошлое или застрять в нём, а в самом худшем варианте попасть под её откат. И тогда придется начинать сначала.

Катя положила подбородок на руки. Она понимала здравость рассуждения Мака, но больше всего на свете ей хотелось домой. Забыть чужой мир как страшный сон. Даже узнав, что было в прошлых откатах, ею та другая жизнь казалась чуждой, словно те события происходили не с ней, а с кем-то другим.

Её переселили в другую комнату поближе к Маку и подальше от Петра Ивановича. Прадедушка долго ворчал из-за переселения родственницы. Однако Мак одной едкой фразой пресек все возмущения колдуна на данный счет.

В очередной раз Эфо пришел через два дня, едва она успела обжиться. Одно его появление всколыхнуло в душе Кати бессильную злость. Наверное, вот так и бывало в браке от безумной любви до слепой ненависти.

Он собирался снова погрузить её в транс, когда Катя прорычала:

— Как же прелюдия? А?

Эфо замер с занесенной рукой над её лбом.

— Ты не вернул меня домой, нарушив наш договор, к тому же пользуешься мной бесплатно, а я ведь дорогая баба, — едва сдерживая ярость, повторила Катя слова Мака. — Не пойдет, ты не заплатил ни копейки за пользование мной. Хочу прелюдию. Хочу получить удовольствие. Давай, ублажи меня, как тех старых кошелок, с которыми ты заключал сделки!

Катя была уверена, что он откажет, просто хотелось его позлить, но Эфо произнес другое:

— Будет тебе прелюдия, — он из человека перевоплотился в хранителя.

Злость переросла в страх, едва он принял истинный облик. Видения видениями, но память хранила, как он убивал её, как вырывал сердце и отрывал голову. Эти самые руки, которые расстегивали её одежды, без труда разрывали плоть, а крылья, что змеями скользили по обнаженной коже, несли смерть.

— Я...

Он заглушил её протест поцелуем, продолжая играть с женским телом, зная наизусть каждый чувствительный участок её кожи. Вскоре страх отступил, а ноги сами обвили его бедра.

Чёрные глаза постепенно заполнялись огнём, а крылья и руки приобрели бестелесную форму, проникая под кожу и давая новую волну ощущений. Катя обмякла, а по её коже пошли мурашки.

— Теперь понимаешь, за что женщины готовы продавать нам душу? — продолжал он, сжимая её сердце незримой рукой. — Мы искушаем, даем то, чего не дают их мужья. Заставляем желать нас снова и снова.

— Делаете наркоманками, — прохрипела Катя, понимая, что и сама вполне способна встать в один ряд с попавшими в плен к хранителям женщинами.

Ей уже казалось, что все его тело пропитано наркотиком или же он как-то воздействовал на её психику, заставляя реагировать на него как наркоманку на дозу. Самое ужасное, что, скорее всего, в следующий раз, когда он придёт, она с большим трудом ему откажет, если вообще сможет, настолько сильно было воздействие.

Волна за волной, от которых сознание уплывало всё дальше в страну грёз. Забылось всё: злость, страх, проблемы. Ничего не было важно. Одно сплошное удовольствие.

— Пожалуй, на сегодня с тебя хватит, — произнес он со злорадством.

Катя не отозвалась. Она лежала так, словно её накачали сразу несколькими видами наркотиков. И в таком состоянии пробыла еще час после ухода Эфо.

— Чёртов инкуб! — произнесла Катя в шоке, когда вернулось нормальное мироощущение. Но даже тогда она едва чувствовала ноги — они заплетались и плохо держали её.

Не сразу, но получилось спуститься вниз, где её встречал ухмыляющийся Мак.

— Что, дорогуша, вкусила хранительскую любовь? — спросил он с ехидством.

Катя нахмурилась, присаживаясь рядом с ним.

— Они же подсаживают людей на это как наркоманов. Поэтому люди не отказывают им. Это... омерзительно на самом деле.

— Ну, морально-этическая сторона вопроса хранителей мало волнует. Они борются за выживание, а в этой войне все средства хороши.

— На себе они это не пробуют, я так понимаю.

— Почему? Еще как пробуют, просто у них это не вызывает привыкание. Они могут спокойно столетиями без этого жить.

— Что тогда происходит с Эфо? Разве это не наркоманская ломка?

— Его ломает из-за отсутствия энергообмена и физической близостью он его частично восстанавливает, вдобавок ускоряет твоё превращение.

— И как скоро этот энергообмен восстановится?

— Уже скоро, хотя превращение будет еще продолжаться — оно займет больше времени. Если он тебе не рассказывал, то хранители соблюдают дистанцию с людьми, которых выбрали для объединения, пока они не превратятся. То, что сейчас между вами происходит, не позволяет себе ни один хранитель, однако у вас и случай уникальный.

— Как я «счастлива» от нашей уникальности, — буркнула Катя.

— Я тебе в видениях не рассказывал о некоторой деликатной анатомии хранителей?

Катя недоуменно повернулась к нему.

— Значит, не рассказывал, — сам себе кивнул Мак. — Учитывая, что в прошлый раз

было много визгу, когда ты превратилась в хранителя, то работаем на упреждение. Испражняться ты по-человечески не сможешь, а если любишь ласки в зад, то советую прямо сегодня о них забыть.

— Чего?! — опешила Катя, едва не свалившись со стула.

— У хранителей половая и выделительная система разделена, поэтому испражняться ты будешь только через заднее отверстие, которое еще и сделает клац-клац любому желающему с ним познакомиться, — он показал пальцами, как работает капкан, — даже камень размелет в труху. У тебя вообще все отверстия будут делать клац-клац. Передняя часть покроется очень твердой пластиной, которая раскрывается только при возбуждении или при рождении ребёнка. При твоём случае еще должен быть энергообмен.

— Э-э-э... — всё, что выдавила из себя Катя.

— И отвечая на твой вопрос «зачем всё это нужно»? Хранителей никто и никогда не насилует. Ни мужиков, ни женщин. Их просто убивают. Не, конечно, находятся ктулухи, которые остаются инвалидами после близкого знакомства с вами, но обычно они долго не живут и освобождают генофонд от своего присутствия.

— Подождите... но Жахо рожден от насилия.

— Так это было первое поколение хранителей — они были менее развиты. Посмотри как-нибудь на Иро...

Катя хотела задать ему еще пару вопросов, когда её накрыло видение, никак не связанное с темой разговора.

Рада сидела на краю берега, окунув босые ноги в воду, когда к ней подошла Катя. Обычно жизнерадостная хранительница была мрачнее тучи.

— Эм... я хотела попрощаться, — скомкано заговорила Катя. — Завтра меня отправят домой.

— Я знаю, — скупой ответила Рада, — папа сказал, что ты возвращаешься в свой мир, но я думала, тебе нравится в лесу, и что ты останешься жить с нами.

— Мне действительно у вас нравится, но... дома меня ждёт моя семья. У меня много родственников, которые, наверняка, обо мне волнуются.

— Мужчина?

— Нет, с отношениями у меня как-то не складывалось...

— А мой отец тебе нравится? — беспардонно спросила Рада.

— Эм... он не в моей вкусе, он на гота похож, — слукавила Катя, стараясь ничем не выдать себя и не ожидавшая такого коварного вопроса от хранительницы.

У неё уже был разговор с Эфо, где она вскользь намекнула, что ей нравится хранитель, который намного старше её самой. Эфо не издевался и не выдал того, что понял, о ком шла речь. Он сказал, что ей лучше вернуться домой и найти себе молодого человека с похожими интересами, что пропасть между хранителем и человеком из иного мира слишком велика.

Однако Раду было не так просто провести:

— Но я видела, как ты на него смотришь. Он тебе точно нравится!

— Рада, он намного старше меня... и ясно дал понять, что между нами ничего не может быть, — призналась Катя со вздохом. — Мы слишком разные.

— Идём со мной.

Рада потянула её за собой и привела на лесную поляну, где играла музыка и веселилось множество хранителей под свет костра и местной луны. Эфо тоже был там: он с закрытыми

глазами стоял, прислонившись к дереву с цветком в руке.

— Где мы?

— Т-с-с, — приложила палец к губам Рада. — Здесь одинокие хранители собираются, чтобы забыть о дневных заботах, а возможно провести и не скучную ночь.

— И твой отец...

— Ну, он же не аскет и не дурен собой, разумеется, он может уйти с какой-нибудь одинокой хранительницей. Это же всего на одну ночь. Они ничем друг другу не обязаны.

— Нам, наверное, стоит уйти...

— Ты уйдешь в свой мир и никогда сюда не вернешься, — взяла её за руку хранительница. — Ты никогда больше его не увидишь. Это единственная ночь, когда ты можешь с ним попрощаться.

— Я бы не хотела так прощаться...

— Возможность хотя бы поцеловать любимого мужчину я бы не упустила, будь я на твоём месте. Но решать тебе. Это последняя твоя ночь в нашем мире.

Рада оставила её одну, а Катя наблюдала из тени за стоящим в одиночестве хранителем. Ей самой себе не хотелось признаваться, что влюбилась в него. И мысль, что сегодня последний раз, когда она может его видеть, приносила с собой боль.

— Последняя ночь, — повторила Катя и не заметила, как сделала шаг.

Эфо не открыл глаза, когда она незаметно для остальных хранителей приблизилась к нему. Катя встала на цыпочки и осторожно коснулась губами его. Он лениво ответил и свободной рукой обхватил её за талию. Они целовались минут пять, пока хранитель в ужасе не отстранился от неё.

— Ты?! Что ты тут делаешь?!

Катя не успела ответить, как её пронзила боль в области груди. Она слышала голоса, крики и призывы о помощи. Эфо удерживал её от падения и что-то говорил ей, но она плохо разбирала слова, словно они раздавались издали. Ей казалось, что нечто невидимое пускало в неё корни, проникая в каждую клеточку тела.

— Зачем она лесу отдалась? Она же собиралась завтра домой!

— Ей не сказали!

— Ей должна была рассказать Рада... она за ней присматривала!

— Глупая, она же теперь не сможет домой вернуться.

Катя с удивлением взглянула на Эфо, читая на его лице сожаление и вину.

Очнувшись, Катя обнаружила в своей руке знакомый синий кристалл, который Мак, воспользовавшись моментом, вложил в её ладонь.

— Это было прошлое, — предупредила Катя.

— Я уже посмотрел.

— Он не хотел объединяться... — озвучил она, не зная, почему её данная новость расстраивала.

— В его возрасте я бы тоже не захотел объединяться с человеческой малолеткой, — хмыкнул Мак, поднимаясь и цепляя ей на шею кристалл.

— Но вы же были женаты на человеческой малолетке, — припомнила Катя.

— Это не одно и то же. Объединение, как видишь, даже откат разорвать не может. Вы друг друга ненавидите, однако объединение всё равно вас сводит вместе из отката в откат. А вот брак в любой момент можно расторгнуть. В принципе, что и произошло в моем случае.

Дети выросли, жена состарилась и померла. В четвертый раз я жениться не захотел. Надоело.

— Понятно всё с вами.

Катя оставила его докуривать и вернулась к себе в комнату. Там она застала Марис, которая держала в дрожащей руке, оставленную с утра одежду Эфо. Катя не успела ничего спросить, как ей в лицо прилетело что-то твердое и едва не выбило передние зубы.

— Шлюха! — накинулась на неё Марис и сразу вцепилась в волосы. — Я тебе покажу, дрянь, как спать с чужими мужиками!

Долго избиение не продолжалось, так как вмешался Эфо и отцепил разъяренную женщину от Кати, силой вытащил её в коридор. Еще долго до слуха доносились оскорбления и крики Марис.

После парочки в комнату заглянул Денисыч с ружьем.

— Мелкая, ты в порядке? — спросил дядя и присел рядом с ней. — Зубы целы?

— Вроде да...

Катя приняла от дяди платок и приложила к лицу. Белая ткань сразу окрасилась в красный. Из губы текло, из носа тоже. Из шевелюры выдрали немало волос. В зеркало смотреться не хотелось.

— Вот же бешеная баба! Она в тебя камень бросила! — ужаснулся Денисыч, поднимая оружие Марис. — Что ты ей сделала?! За что она тебя так?!

— Вышла замуж за мужика, на которого бешеная баба претендовала, — объявился вездесущий Мак, принося с собой запах курева. — Пойду, посмотрю, чтобы они друг друга не поубивали.

Денисыч в шоке уронил камень.

— Мелкая... я понимаю вопрос не к месту и не ко времени, но... когда ты успела замуж-то выйти? И чё мужик-то у тебя такой стрёмный? Получше не нашлось, чтобы замуж-то выскочить? Без рогов копыт мимо не пробежал никто? Человек, например?

Катя как-то стало обидно за Эфо. Одно дело, когда она сама его оскорбляла, и совсем другое, когда на него наезжали её родственники.

— Так, значит, дядя Игнат ни у кого вопросов не вызывает? — с раздражением спросила она.

— Ну, сравнила хрен с колодой. Игнат — мировой мужик, а у тебя какой-то мрачнюк черноглазый, да еще и с крыльями. Светка в обморок упадет, когда узнает, что внуки у неё крылатые будут и черноглазые. Я уже молчу про твою бабушку.

— У Игната тоже крылья, между прочим!

— Что за глупости ты говоришь? Какие у него крылья-то? Нормальный мужик.

— Вы что, в истинном облике его не видели, пока были здесь?! Он такой же черноглазый мрачнюк, как и мой Эфо! Даже еще мрачнее! Так что можно бабушку обрадовать, что у неё уже есть крылатые внуки от тёти Ули.

— Не знаю даже, что тебе сказать. Ты какие-то сказки заливаешь...

— Сами спросите у тёти Ули. Еще забыла сказать, Саша тоже её сын. Он вам подтвердит.

Тут Денисыч рот широко открыл и едва не уронил ружье.

— Так ему лет так... сорок пять. Ты что, мелкая? Совсем с дубу рухнула?

— Понимаю, другой мир, путешествия во времени легче принять, чем то, что тебя всю жизнь окружали нелюди, которые еще и родственниками тебе приходится. А вы хоть раз

задумались, а Ульяне-то сколько на самом деле лет? Со всеми эти путешествиями во времени она старше Петра Ивановича!

Денисыч почесал макушку и поднялся.

— Пошел я, а то что-то не хочу пересекаться с твоим мрачняком.

Катя тоже встала и в раздражении пнула брошенный в неё камень. Как-то о том, что она могла получить по зубам от Марис, не приходило ей в голову. Позабылось и то, что триста лет назад у них с Эфо имелись отношения и две общие дочери. Слишком сильно она заиклилась на себе и своей обиде.

Выйдя в коридор и направившись к лестнице, Катя застала Мака подслушивающим в нише за шторкой. Он поманил её пальцами.

— Не пойду я! — одним губами сказала Катя.

Мак более агрессивно её подозвал, пришлось подойти и тоже приклеить ухо, как того требовал биомаг.

— Я так и знала, что ты спишь с этой проституткой! — кричала Марис.

— Она моя жена!

У Кати разбитая губа перестала болеть, когда он так сказал.

— Ты женился на этой дохлой ящерице?!

Мак улыбнулся, а Катя скривилась.

— Марис, для меня прошло триста лет, разумеется, я женился! И если ты не забыла, мы с тобой расстались не при самых лучших обстоятельствах!

— А как же... как же я и девочки?!

— Я не отказываюсь от своего отцовства, но это не значит, что я к тебе вернусь!

— Значит, когда я была замужем, ты мог со мной спать, а как сам женился, так я сразу стала тебе безразлична?!

— Я — хранитель! У меня не может быть ни гарема, ни любовниц! Поэтому я прошу тебя один и в последний раз, не лезь к моей жене! Не заставляй меня вмешиваться!

— Но ты же не любишь её, ты любишь меня! Я видела, как ты смотрел на меня и на неё! Ты её не любишь!

— Марис, она — моя жена, которая в скором времени превратится в хранителя, а когда это случится, я и смотреть в твою сторону не буду, да и не захочу.

— Но она еще не превратилась, значит всё можно вернуть, как было...

— Марис, хватит!

Однако она никак не унималась и умоляла её простить, вернуться к ней, бросалась к Эфо в колени. Катя услышала, как хранитель её потащил по коридору, а она продолжала громко кричать, ставя всех обитателей дома в известность о скандале.

— Спасибо хоть заступился, — вслух прошептала Катя, когда прошло удивление.

— Мозгов у него побольше, чем у тебя, — Мак извлек баночку из кармана и помазал ей губу лечебной мазью. — Понимает, что рано или поздно жить-то вам едва ли не в одном теле.

— Я до сих пор слабо себе представляю, что значит отсутствие границ.

— Представь на минутку, что твое сознание разделилось надвое. Ты сможешь видеть его глазами, слышать его мысли практически постоянно, чувствовать его эмоции.

— Звучит пугающе...

Шторка резко отодвинулась. Показался крайне недовольный Эфо.

— Я ей рану обрабатывал, — остался невозмутим Мак и показал баночку с мазью,

проходя мимо хранителя. — А вот она подслушивала.

Катя едва не задохнулась от возмущения.

— Это необязательно было делать, — сказал ей Эфо.

— Да он... — Катя беспомощно указала в удаляющуюся спину Мака.

Хранитель укоризненно покачал головой и развернулся в сторону лестницы.

— Эфо... это из-за Рады началось объединение в первый раз, — выпалила Катя, решив, что должна об этом ему сказать.

Он остановился и замер.

— Я должна была вернуться домой, — продолжала Катя, — потому что ты не хотел объединяться из-за большой разницы в возрасте и из-за того, что я — человек и иномирная. Я не понимаю, почему твоя дочь не захотела вернуть свою мать, чтобы ты объединился с ней? Бахо мог её вернуть, как сделала я в прошлом откате. Какая разница глупая Катя или глупая Марис?

— Марис не может превратиться в хранителя.

Эфо повернулся и, не глядя на Катю, взял кристалл. Его глаза на несколько мгновений заволкло синей дымкой. Затем лицо хранителя осветила улыбка, какая бывала у людей, вспомнившись нечто очень светлое и доброе.

— Ну, с моей дочерью ты точно подружишься.

— С такой ревнивой мамашей вряд ли...

Хранитель засмеялся, а Катя невольно улыбнулась, глядя на него. Что ж если не вспоминать эпизод, когда он вырвал ей сердце, то Эфо вполне мог быть приятным.

Любые попытки Марис закатить скандал Эфо пресекал на корню. Если она делала малейшее телодвижение в сторону Кати, хранитель вставал у неё на пути. Так же неоднократно Марис неприкрыто соблазняла Эфо, однако его стойкости могли позавидовать даже монахи.

Катя наблюдала за манипуляциями Марис, сидя на кухне в обществе Мака, Денисыча и Саша. Мак чистил курительную трубку рядом с Катей, Денисыч сидел в углу с выражением лица: «Моя жизнь не будет прежней», а Саша пил чай с виноватой миной: «Мне следовало держать язык за зубами».

— Столько мужиков вокруг, а она на Эфо заиклилась, — не выдержала Катя, когда Марис немаленькую грудь на плечи хранителя положила. — Задом вильнула, и полгорода за ней пойдет. Если не считать Эфо, вас и Петра Ивановича, который влюблен только в свои помидоры, то по Марис сохнут все мужские особи в округе.

— Марис далеко не такая дура, какой хочет казаться, — ковырялся в трубке биомаг. — Она была замужем за очень состоятельным и влиятельным мужчиной. Для женщины имела высокий статус в обществе. И если бы она не нагуляла детей от хранителя, то и дальше бы жила в богатстве и роскоши. Сейчас она всех привилегий лишилась. Саша и я ей неинтересны, мы — тэасы, брак с человеком у нас не приветствуется, соответственно и отношение к ней будут не слишком тёплые. Твои дяди, да и твой прадедушка — иномиряне. Иномиряне никогда высоко не поднимались, остается Эфо. Как хранитель он может ей обеспечить такую жизнь, какую она захочет.

— Но она хотела, чтобы он стал человеком...

— Красивые слова не более. Как человек он для неё бесполезен.

— И она топилась из-за брака со стариком!

— В лесу? На глазах у хранителей? Другой речки или озера поблизости не нашлось, чтобы утопиться?

Катя открыла рот и сразу закрыла его. О том, что Марис могла утопиться в другом месте, в том же колодце, ей как-то не приходило в голову.

— Женщины — коварные существа, — добавил Мак. — Не имея возможности играть в открытой игре, как это делают мужчины, они жалят исподтишка. Поэтому будь осторожна, ей тебя подставить ничего не стоит. Может, даже убить.

— Она в курсе, что это я её вытащила из прошлого?!

— Не жди благодарности от этой женщины, ей подобное чувство неведомо. Она заботиться только о собственном благополучии, а ты для неё препятствие. И она считает, что спас её Эфо, а ты лишь инструмент в его руках. Марис слишком твердолоба, чтобы поверить, что инициатива спасти её исходила от тебя, — Мак отложил трубку. — И напомни мне, какой хранитель был вместе с Эфо в тот день, когда Марис решила утопиться?

— Захим...

Мак многозначительно на неё взглянул.

— Да ладно, — отклонилась назад Катя. — Он же мерзкий! Не верю!

— Если хочешь проверить мою догадку, можешь вызвать контролируемое видение, заодно потренироваться использовать дар. Нам в дороге очень бы пригодилась твоя способность.

— Еще бы понять, как его вызывать.

— Вот и ищи ответ. Книга Бахо у тебя с собой.

Такой ответ её не сильно устроил. Она так и не разобрала, каким образом Бахо выбирал крючки для вызова нужных ему видений. Почему записанные им самые обыкновенные слова запускали её дар. Закономерности она пока не видела и не понимала.

Ближе к полудню все мужчины собрались во внутреннем дворе и нечто жарко обсуждали, окружив карту и тыкая в неё пальцами. Иной раз матерились так, что уши в трубочку сворачивались. Особенно старался Мак. Он выкладывал такие ядерные словечки, что ему бы позавидовали все сапожники, извозчики и грузчики вместе взятые.

Катя наблюдала за ними из окна, не скрывая раздражения и обиды. В книгах про попаданцев героиню всегда охотно приглашали на важные политические и военные совещания, боготворили за её ум и смекалку, уважали за её отвагу и силу, ставили командиром отряда и т. д и т. п. Однако реальность отличалась от книжных историй и авторских фантазий. Катю не потрудились даже пригласить послушать, да и Марис с девочками осталась за бортом.

Услышав очередную неприличную фразу от Денисыча, в отношении выбранной Маком дороги, Катя машинально записала её углем на плоском камне, за неимением бумаги под рукой.

Видение не заставило себя ждать. Хотя всё, что она увидела, как они шли по мосту, который обваливался из-за взрыва. Катя снова посмотрела на матерное слово, и видение повторилось один в один.

— Крючок! Я это сделала! Сделала! Я создала крючок! Ура! — не смогла сдержать своей радости Катя.

Она собиралась выбежать из комнаты, чтобы спуститься вниз и сообщить о том, что увидела, когда её настиг еще один образ. На выходе кто-то «заботливо» установил ловушку, которая удачно бы впиалась в плохо защищенную ногу.

— Марис... — зло выдохнула Катя.

Чем чаще бывшая Эфо пыталась ей испортить жизнь, тем лучше Катин дар предупреждал о ловушках. И по итогу в западню попадал кто угодно, но только не Катя.

Она открыла дверь и присела недалеко от торчащих из пола осколков. Марис не поленилась их натывать в таком количестве, чтобы жертва наверняка не ушла бы от возмездия. Даже переступить их представляло проблему. Придется спускаться из окна. Разумеется, если и там Марис не заготовила ей сюрприз.

— Мелкая, ты куда полезла? — донеслось снизу, когда Катя открыла окно и предприняла попытку выползти.

В итоге она застряла, хотя палуба у неё была и не столь обширна, как у Марис, но уж очень узкие окна делали местные.

— Когда женщина застряла, главное пристроиться сзади первым, — пошутил Мак.

Эфо шутку не оценил, превращаясь в туман и помогая Кате заползти обратно в комнату.

— И зачем лезть в окно, если есть дверь? — спросил он хмуро.

— Иди первым, я за тобой, — коварно предложила Катя.

Намеки Эфо понимал неплохо, поэтому лишь недобрый взгляд скосил на выход. Разговаривать с Марис было бесполезно, она не слышала либо не хотела слышать. Вначале её пакости списывались на случайности и на неуклюжесть самой Кати, пока в ловушки не

попадали другие обитатели дома. Однако раскусили Марис только Мак, Пётр Иванович да Эфо, хорошо знавшие женское коварство. Остальные пребывали в очаровании от богини Марис, нередко говоря Кате, что она сама виновата.

— Мне бы ты за такое давно голову оторвал, — проворчала Катя. — Или придушил бы к такой-то бабушке, а все её выходки терпишь, как будто, так и должно быть! Просто поражаюсь мужской способности превращаться в баранов при виде симпатичной мордашки!

Эфо молчал.

— Знаешь что? Вот не хотела я этого делать! Но допекла! — Катя насильно вручила хранителю кристалл. — Смотри!

Она нервно написала углем: «Отмороженные Марис и Захим»

Как Катя и думала, эмоциональный заряд запустил контролируемое видение.

Когда мужчинам казалось, что они держали свой гарем под контролём, то глубоко в этом ошибались. Даже нанятая охрана не всегда спасала, особенно когда за дело брались такие хранители как Захим. Он был боевого типа хранителем, однако больше специализировался на разведке и проникновении в хорошо охраняемые объекты.

И пока одни женщины принимали Захима у себя, другие подглядывали из закрытой картиной стены.

Марис никогда раньше не участвовала ни в чём подобном, но после брака на подглядывания её уговорила подруга, давно вышедшая замуж за еще более старого брюзгу и поменявшая не одного любовника.

— Как же он хорош! — с томным придыханием произнесла подруга, закусывая нижнюю губку при виде гибкого и красивого тела хранителя.

— Кто это? — невольно засмотрелась Марис на красавца-хранителя.

— Захим — один из самых искусных любовников среди хранителей, — шепотом отвечала подруга. — Только самые богатые и влиятельные женщины могут себе его позволить. Таким как мы приходится лишь завидовать и подсматривать.

Наблюдая за любовными утехами хранителя и богатой дамы, Марис вспоминала, как скучно и пресно проходили её брачные ночи.

— Хочешь себе такого? — провела пальчиками по плечу Марис подруга. — Я знаю, как заполучить пусть и не такого искусника как Захим, но лучше, чем твой муженек.

— Они же кровожадные монстры...

Подруга прыснула от смеха.

— И что с того? Ты только посмотри на него. Твой муж никогда не будет любить тебя так, как умеют любить они.

— Но... мне нечем им заплатить...

— Тебе не обязательно платить, я подскажу тебе способ, как соблазнить молодого хранителя...

Едва выйдя из видения, Катя опешила... от выражения лица хранителя. Эфо несколько не расстроило то, что Марис в далеком прошлом его обманула. Он преспокойно стоял и... держал палец на первом крючке, а не на втором.

— Ты знал, — констатировала Катя, когда он прервал связь с крючком.

— Я не идиот, — отвечал Эфо. — Она использовала меня, я использовал её. Или ты думаешь, что дети у нас родились случайно?

— А без подлости выживать, никак не получается?

— На подлость людскую мы отвечаем зеркально, — парировал хранитель. — Идем, надо показать остальным, чем грозит нам дорога через ущелье.

Прошлое или будущее? Кругом огонь, вспышки магии и треск ломающихся камней. И чёрная тень, проносящаяся смерчем под сводами подземелья, атакующая многочисленную толпу людей.

Сквозь пламя, дым и сражения бежала небольшая вооруженная группа. Иногда последний, коим оказался Мак, останавливался и делал несколько выстрелов в смертоносную тень у потолка.

— И как бороться с этим князем тьмы?! — донесся полный ужаса голос Денисыча, заметив, как тень в одиночку расправилась со всеми противниками.

— Никак, только бежать! — отозвался Мак, делая последний выстрел и устремляясь вперед.

И они бежали, но в конечно итоге тень загнала и их в угол.

— Куда?! — рявкнул Мак.

— Нам не вырваться, — со вздохом произнесла Катя, прислонившись спиной к каменной стене. — Он слишком близко и блокирует мой дар...

— Тогда он должен умереть...

Его кинжал вонзился в грудь Кати, следом раздался крик боли и грохот от падения хранителя.

— Ты что наделал?! — закричал Денисыч. — Ты убил её!

Раздалось несколько выстрелов и рядом с Катей замертво упали оба её дяди. Мак поднял девушку на руки и рванул вместе с ней к выходу.

— Не спеши умирать, — прошептал он, останавливая магией кровотечение и стараясь не слушать рёв умирающего хранителя, который даже раненый представлял серьёзную угрозу.

Выбравшись из подземелья, Мак остановился на краю пропасти, наблюдая, как поднималось солнце на горизонте.

— Приготовься, — сказал он громко. — Я сейчас откачусь до того, как мы спустились...

— Мы никогда не пройдем мимо него... Сколько бы ни пытались, он все равно нас настигнет, — сказала Катя, сжав одежды биомага до того, как он совершил откат. — Эфо должен быть на нашей стороне...

— Это невозможно! Ты же видела, как она промыла ему мозги! Он тебя не слышит!

— Вернись до моего перемещения... найди Дахота... и он пойдет за тобой...

— Верить мастеру обману?! Ты хоть представляешь, кому предлагаешь мне довериться?!

— Верь мне... и оставь меня здесь... уходи один...

— Ты забудешь всё...

— Заплати эту цену... и найди Дахота... скажи ему... чтобы он не дал лисе съесть колобка...

— Чего?!

Но пояснения он не услышал: голова Кати безжизненно повисла на его руке. Мак грубо выругался, а затем совершил прыжок.

После просмотра последнего Катиного видения, которое было вызвано с помощью

крючка, большинство мужчин пребывало в шоке. Да и сама Катя поежилась от пробежавших по коже мурашек. Она никогда прежде не видела Эфо в полномасштабном бою...

— Какого?!.. — реакция Денисыча объединяла в себе смесь ошеломления и гнева. — Ты... убил её и пристрелил нас!

— Это прошлое, — нисколько не смутился Мак. — У меня не было времени объяснять, зачем я пырнул её.

— Умно, поставь её жизнь на грань, чтобы остановить меня, — хмыкнул Эфо.

Катя инстинктивно запахнулась в кофту и отодвинулась от стоящего рядом хранителя.

— Это не то, что нам было нужно, — отмахнулся Мак и перевел взгляд на Катю. — Надо как-то разделить будущее и прошлое.

— Я не знаю, как это сделать, — еще сильнее запахнулась в кофту она.

— Поищи в дневнике Бахо. Он должен был оставить какую-то подсказку.

— Но я искала! — воскликнула Катя в отчаянии. — Если бы мы вместе посмотрели его крючки...

— Дневник Бахо зашифрован под тебя, — перебил её Мак. — Бахо владел своим даром на очень высоком уровне. Поэтому искать придется тебе самой. Ладно, на сегодня хватит, завтра продолжим просматривать пути.

— Ты нас грохнул! — никак не успокаивался Денисыч.

— И грохну еще раз, если ты не уймешься! — огрызнулся Мак, отбирая у человека винтовку.

— Вот и как с ним путешествовать? — посетовал Денисыч. — Если он нас в любой момент в расход пустит...

— Я пуцу, а она назад вернет! — указал пальцем на Катю Мак. — Как ты там говорил в прошлом откате? Режим сохранения в реальном времени!

— А это плюс, — хмыкнул в усы дядя.

— Только больно будет по-настоящему... — заметил Игорь, поежившись.

— А вот это минус.

Пока они находились на улице, Марис приготовила поесть и с приветливой улыбкой встречала проголодавшихся мужчин. Порции для Кати, разумеется, не нашлось, поэтому пришлось довольствоваться сырым помидором и коркой хлеба, которыми поделился с ней заботливый Пётр Иванович.

И снова Марис приступила к ежедневному ритуалу по соблазнению Эфо под завистливые взгляды Денисыча, Игоря и Саши. Особенно тяжело вздыхал Саня, глядя на недоступную для него богиню.

Катя наблюдала за ними и злобно кусала помидор.

— Предатели, — поморщилась она и обратила внимание, что Дахот был мрачнее, чем обычно и к еде не притрагивался.

Хранитель заметил её интерес, но сразу отвернулся и скрылся в тумане. Мак цинично прикарманил его порцию себе и, словно издеваясь, помахал Кате. Делиться жадный биомаг не собирался.

— Сволочь...

Вообще Кате казалось странным, что Мак несмотря на грубость к ней относился вполне доброжелательно и охотно отвечал на её вопросы. Вел себя как давний друг, даже подтрунивал по-дружески. Ту же Марис он мог обматерить так, что бедняжка потом весь день рыдала.

Последнее видение навело Катю на паническую мысль, что между ними в одном из прошлых откатов был если не полноценный роман, то что-то близкое.

Ответ пришёл из еще одного образа. Роман имел место быть, но не с ней. Мак самозабвенно предавался страсти с женщиной отдаленно похожей на Катю, однако у неё были каштановые волосы и фиалковые глаза, более аппетитная фигура и тёмная кожа.

Катя в шоке вышла из видения и приблизилась к Маку с мстительным порывом.

— Объясните, — она активировала кристалл, чтобы могли видеть все.

Денисыч подавился и постучал себе в грудь. Пётр Иванович укоризненно покачал головой и прикрыл рот воротником. Эфо смотрел на биомага с явным намерением прибить последнего. Учтывая, как хранитель трепетно относился к своим детям, то это обстоятельство не оставляло никаких сомнений в личности женщины. Однако Мак сидел с выражением лица нашкодившего кота: довольным предовольным и ни капли не раскаивающимся.

— Внучка, не дочь, — затянулся он с томным прищуром. — Моя вторая жена. Ах, что была за женщина. Она не была полноценным хранителем, но обладала некоторыми их способностями. Из-за неё я раз тридцать откатывался. И если мир пойдет прахом, снова к ней откачусь.

Катя едва не поперхнулась. Её жизнь начала напоминать мыльную оперу в плохом смысле понимания. Кругом одни родственники, дети и внуки, а может и правнуки. Осталось выяснить последнюю вещь, мысль о которой её никак не покидала и она так или иначе возвращалась к ней.

— Дара — сестра вашей жены?

— По отцу... — машинально ответил Мак и, заметив её ошеломленную реакцию, выдал: — Снова поймала, как мальчишку. Иной раз я ненавижу твой дар, но уже откатываться не буду, чтобы дать тебе другой ответ.

— Сколько раз я уже вас подловила?

— Много, — уклончиво ответил Мак. — Почему-то именно на этот вопрос ты сильнее всего хотела получить ответ во время всех откатов.

Катя на эмоциях выбежала на улицу прямо под дождь. Эфо догнал и остановил её, прежде чем она натворила глупостей.

— Я была права всё это время, — произнесла она, сбрасывая его руку с плеча.

— В нашем мире очень много женщин с именем Дара.

Катя резко развернулась к нему.

— Ты прекрасно знаешь, о какой Даре я его спрашивала! Почему ты постоянно мне твердишь, что я фантазирую?! Неужели ты не видишь всех этих знаков?! Неужели ты не задавался вопросом, зачем они вмешались? Зачем пошли против своих, если я им никто?! Ты же их знаешь не одно десятилетие! У них не было причин вмешиваться!

— Допустим, что ты права. Что дальше?

Катя неловко сделала два шага назад.

— Я... я не знаю...

— Зачем тебе знать правду?

— Я... я хочу знать, что они живы... это трудно объяснить... но я хочу верить, что в той другой жизни у меня получилось их спасти... Пускай это глупо и я веду себя как максималистка, верящая в сказки. Но я хочу просто знать, что сказка не имела трагичный конец.

— Хватит, это ничего не изменит.

— Ну, да, тебе-то насрать, ты и вспоминать ничего не хочешь! — всплеснула руками

Катя. — Другим вернул воспоминания, а сам не захотел!..

— Кто тебе сказал, что не вернул?

Катя дернулась как от пощечины, но на лице Эфо не проявилось ни капли эмоций.

— И как давно?..

— Тогда же, когда и матери. Но спешу тебя огорчить, воспоминания не возвращаются сразу в полном объеме, они подобны утраченным фрагментам, которые постепенно становятся на место...

— Эй, молодожены пережаренные, я вас лечить от воспаления легких не собираюсь! — крикнул с порога Мак. — И хочу напоминать кое-кому пустоголовому, что человеческое здоровье очень хлипкое!

— Еще одна курица-наседка сыскалась, — проворчала Катя, возвращаясь в дом под ехидный взгляд Мака.

Внезапное видение настигло её на входе.

В небольшой скромно обставленном жилом помещении Мак с панической скоростью собирал вещи. Поэтому он не сразу заметил, как на пороге появился фигура в плаще.

— Далеко собрались? — спросили его ласково.

Мак молниеносно вытащил пушку и несколько раз пальнул. Незваная гостья очень быстро оказалась возле него и с легкостью его обезоружила.

— Вы меня сильнее, но я вас быстрее, — сняла она капюшон, обнажая длинные рыжие локоны.

— Обманщик времени, — задрожал Мак, осознав с кем, имел дело.

— Может, вы выслушаете меня, не пытаюсь убить? — уточнила незваная гостья.

— С чего бы мне вас слушать?!

— Может потому что я ученица Бахо? Я вам не враг, — гостья забрала у него припрятанный в рукаве нож и вытащила из его заднего кармана мини-бомбу. — Будем знакомы, я — Катя, и мне очень нужна помощь вашего дара.

— С чего бы мне помогать иномирянину?!

— Думаю, вы уже знаете, кем на самом деле является Махарат, именно поэтому так перепугались и собирались сбежать. Не так ли?

— И что с того?! — Мак вытащил из кармана трубку и закурил.

— Вы же не её испугались, а того, что кто-то из её сородичей вновь завладеет вашим телом. Что если я скажу, что видела будущее, где их прогнали навсегда из вашего мира?

— Это не моя война!

— Так же я видела будущее, где вы снова в рабстве, — она протянула ему синий кристалл. — Можете сами посмотреть и убедиться, что я не лгу.

— Я знаю обо всех уловках обманщиков времени! Вы можете видеть сотни тысяч вариантов будущего!

— Да? А знаете ли вы, сколько вариантов будущего для вас заканчиваются плохо? Вы можете откатываться тысячи раз, но конечный итог будет один. Они вас рано или поздно поймают. Вы же сами это понимаете. Я предлагаю вам сделку. Я помогаю вам, а вы помогаете мне.

— И что же вы хотите?!

— Пробудить Цахиру.

— Самоубивайтесь как-нибудь без меня, милочка!

— Что ж значит, вы выбираете рабство, — Катя села прямо на стол. — Но хочу предупредить, что внизу вас ждет засада. Она прислала за вами Эфо. Сможете пройти мимо него?

Мак замер в нерешительности. Не веря, но в то же время и опасаясь того, что обманщица времени говорила правду.

— Почему же он не входит?

— Потому что они хотят поймать вас живым. Она не позволит существовать второму меняющему реальность, но убивать вас расточительно, поэтому в вас снова поселят паразита.

— И как же сбежать от него?!

Катя взмахнула руками. Вокруг заплясали проекции Мака и возможные пути его отступления. К явному удивлению биомага одна из проекций активировала портал в зеркале и скрылась в открывшемся окне.

— Я не знал, что оно рабочее... Ученица Бахо говоришь? — уточнил Мак с ноткой уважения в голосе.

— В основном он меня учил, но некоторые шутки моего авторства, — пожала плечами Катя. — Так что? Вы будете со мной сотрудничать?

— Эфо непростой противник...

— Что если я скажу, что в одном из прошлых откатов, я была его женой? И мне бы не помешал ваш дар, чтобы вернуть воспоминания мужу. А то, знаете ли, даже с моим даром к нему очень трудно подобраться. Махарат сразу откатывается.

— Сколько раз ты уже пыталась меня уговорить? — выронил трубку Мак.

— Это была не самая сложная часть моей задачи, было сложнее вас спасти, — с неловкой улыбкой поправила Катя и активировала портал, приглашая биомага войти. — Может, мы поговорим, когда окажемся подальше от моего мужа? А то, знаете ли он... несколько упрям в своем желании выполнить приказ красной ридлы.

— Никогда вас, обманщиков времени, не любил... — поднял с пола трубку Мак и вошел в портал.

Со вздохом облегчения гостя последовала за ним.

Мак растерял половину ехидности, когда Катя вышла из транса.

— Спрашивать не советую...

Она молчала и смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. Мак выдохнул дым, стряхнул пепел и добавил к уже сказанному:

— Давай сделаем вид, что ты сегодня ничего нового для себя не узнала. Бери пример с Марис, притворись безмозглой.

— Но...

— Лучше займись изучением дневника Бахо и наберись терпения.

Но именно терпения Кате катастрофически не хватало, особенно когда каждое новое видение шокировало её всё больше и больше. Что еще ей предстояло узнать о прошлых откатах?

Пока остальные постояльцы дома завтракали, проснувшись раньше всех Катя присела напротив бревна во внутреннем дворе. На предположительную голову она наделала потрепанный временем бант.

— Привет, Бревно! — дорисовала кривую рожицу углем и бодро заговорила Катя. — Как ты знаешь, меня окружают одни мужики, и поговорить мне совершенно не с кем. Никому до меня и моих переживаний нет дела. Один мой дядя пироман. У второго роман с инопланетянами. Мак сам себе на уме и мне иногда кажется, Бревно, что он хочет меня вскрыть и исследовать. Саню только юбки и их владелицы интересуют. Прадедушка сохнет по огороду. Дахот — ехидное чмо. Эфо неоднократно пытался меня прибить и впадает в ярость при виде огня и моих волос. Ты скажешь, что есть еще Марис, но её заботит только она сама. Меня называют мелкой, тупоголовой и безмозглой раздают зуботычины и просят не путаться под ногами... не жизнь, а сказка...

Бант с бревна съехал и плюхнулся в грязь. Катя треснула себя по лицу.

— Дожила, с бревном разговариваю. Мало мне стокгольмского синдрома, так еще шица подъехала...

Однако бант поправила и продолжила говорить менее бодро:

— У меня всё в голове перепуталось со всеми этими откатами, путешествиями во времени и проекциями будущего. Я не знаю, как в этой каше ориентироваться и как в ней не запутаться. Дома моя жизнь была простой и понятной. Самым трудным представлялась учеба в универе...а сейчас меня раз за разом окунают в прорубь с воспоминаниями... я боюсь, что если ко мне они вернуться в полном объеме я больше не буду прежней и домой вернуться не смогу... да и не захочу...

Бант снова свалился в грязь, но повторно Катя его не поправляла. Со стороны дома донесся чей-то мат и проклятия.

Закатив глаза, Катя зашла в помещение, которое давно превратилось в маленький дурдом. Ожидание превращалось в пытку, а вестей от Ульяны в ближайшее время не предвиделось. Со скуки мужчины резались в местную азартную игру. И Дахот с самого утра наклюкался и матюгался не лучше Мака, что несказанно разозлило Катю...

— Вам не кажется, что вы слишком много в последнее время... бухаете? — спросила она у хранителя, морщась от стойкого запаха перегара.

— А ты не моя мамочка, чтобы указывать мне, что делать!

Хотелось возмутиться, как настоящей мамочке, которую не слушается сын-подросток. Катя даже бутылку у него отобрала.

— Прекрати себя так вести! — прорычал он, пытаясь вернуть бутылку.

— Как?! — с вызовом прошипела Катя.

— Словно ты действительно моя мать!

Оплеухи не ожидала ни Катя, ни сам Дахот, который эту оплеуху получил. Но вот чего точно никто не предвидел, что вмешается Эфо и выльет на Дахота ведро ледяной воды.

— Какого?!.. — поднялся мастер обмана.

Эфо надел ему на голову ведро и кулаком стукнул по дну, заставляя пьяного хранителя сесть.

— Успокоился?! —

— Да, — не снимая ведра, словно на автомате ответил Дахот.

— Чтобы я тебя больше не видел пьяным, иначе крылья в глотку засуну!

Ошеломленный Дахот что-то промычал и с ведром на голове остался сидеть на стуле.

— Это лучшие каникулы за последние десять лет! — прокомментировал случившееся

Саня. — Никогда не видел разборок хранителей между собой!

— Тоже захотел получить?! — рыкнул на него Эфо.

— Молчу, — сложил руки на столе Саня, продолжая посмеиваться.

— Может, — подал голос Игорь, — мы отправимся в путь, а то скоро мы тут все передеремся.

— Деритесь, мне-то что? — хмыкнул Мак. — Пока не дадут команду, сидим и не рыпаемся.

Однако скандалы на этот день не закончились, Марис подставила сопернице подножку. Предвидевшая подлость блондинки Катя с садистским удовольствием наступила ей пяткой на ногу.

— Ах, ты ктулухова подстилка! — подскочила Марис.

— Ой, простите, я не заметила вашей королевской ножки! — издевательски ответила Катя, скрестив руки на груди.

— Всё ты видела, ридла!

— Нечего мне подножку подставлять, стерва!

— Бабских разборок нам только не хватало! — закричал Мак. — Захлопнитесь обе!

— Я тебе вернула с того света из-за твоих детей, потому что ты их мать! — продолжала наступать Катя. — Но не обещала, что я тебе своего мужа отдам в придачу! У тебя имелся шанс триста лет назад быть с ним, но ты выбрала людей и осталась человеком! Ты свой шанс упустила! И после объединения со мной, он тебя забудет как страшный сон!

— Эфо не променяет меня на деревенскую шелупонь! Да и как ты смеешь со мной так разговаривать, дрянь безродная?!

— Как смею?! Да я хоть сегодня могу вернуться в прошлое и воскресить твоего старого муженька, которому ты рога наставляла! Как тебе такое?! Свободы он тебе не давал! И посмотрим, как ты тогда запоешь!

— Кричи не кричи, а Эфо мой! Он любил и будет любить меня! И мой муж нам не помеха!

— Здесь законная жена — я, а ты — просто грязная шл...ха!..

Мак не разбирался, кто первым начал: связал обеих, посадил за стол рядом друг с другом и вставил кляпы во рты.

— Если еще кто-то решит, — обвел он всех присутствующих взглядом, — что сегодня идеальный день для срача, присоединится к нашим барышням! И, Эфо, меня доконали твои бабы! Уйми, наконец, свой гарем! Выдели каждой по супружескому дню, чтобы они не выносили всем нам мозги своими разборками!

Катя возмущенно замычала, а Марис ей вторила, злобно сверкая взглядом.

— Ты всё сказал? — холодно уточнил Эфо. — Или может, сам хочешь присоединиться к ним, раз на срач нарываешься? — и кивнул на связанных девушек.

Саша едва заметно хрюкнул, следом за ним истерически заржал Дахот. Вскоре хохотали уже все мужики, не смеялись только связанные дамы и мрачный как упырь Пётр Иванович.

— Кто со мной развеяться? — уточнил Мак. — Потому что я здесь с ними скоро взвою.

К неудовольствию связанных женщин поднялись практически все мужчины, за

исключением все того же Петра Ивановича. Колдун укоризненно покачал головой и развязал пленниц.

— Ну и чего вы не поделили? А? И после этого стоит он ваших свар, да драк? — спросил Пётр Иванович, встав напротив обеих.

— У меня двое детей от него! — закричала Марис.

— А у меня семеро! — заорала Катя. — И вообще у меня выбора нет, а за ней полгорода пойдет!

— Полгорода?! — возмутилась Марис. — Быть второй или третьей женой, а то и четвертой?! Кто меня возьмет первой?! Старую?! С детьми?!

У Кати глаза на лоб полезли.

— Старую?! Ты себя в зеркало видела?! Да тебя любой сделает любимой женой, а ты прицепилась к Эфо, который о тебя ноги вытирает!

— А о тебя не вытирает?!

— Вытирает, а еще пару раз задушил, оторвал голову и вырвал сердце, — в качестве доказательства Катя продемонстрировала страшные шрамы на груди и жизненный кристалл, вставленный в рану.

— Зачем же тогда...

— Ты меня не слышала?! У меня нет выбора, пара месяцев и я превращусь в хранителя! И всё, прощай свобода! Навеки вечные делить с Эфо мысли, переживание и воспоминания, как он убивал пачками людей... — она завывала. — Я не хочу-у-у! Забери его себе! Ва-а-а!

Марис в ужасе отстранилась.

— Я буду наверху, — покачав головой, Пётр Иванович покинул их общество.

К вечеру Катя и Марис напились, посетив погреб, вдоволь пожаловавшись друг другу, как нелегко быть женщиной в Эфере, и сошлись в одном, что Эфо — козёл. Блудных мужчин встречали с одинаковым мстительным пьяным взглядом.

— Вот вам! — крикнула Катя, показывая им дулю. — Жрать готовите сами!

— Да! — кивнул Марис радостно.

— Убираетесь сами!

— Да! — снова кивнул Марис, случайно закрыв лицо волосами.

— Стираете себе сами!

— Да!

— Бабская революция!

— Да!

— Батюшки, они спелись, — прокомментировал ситуацию Денисыч.

Катя поднялась, хотела еще что-то сказать, но неловко взмахнула руками и по комнате заскакали проекции.

— Запомни, что сделала! — рывкнул Мак едва осознал, что произошло.

— А? — недоуменно обвела взглядом пространство Катя.

На одной из проекций уходили наверх по лестнице Эфо с ней на плече, а Саня — с Марис. На второй — Мак молотил ей по щекам, на третьей — обливал холодной водой.

— За-по-ми-най! — повторил биомаг. — Еще раз!

Катя снова повторила, и по комнате забегали проекции, собирающие вещи.

— Еще раз!

Дом наполнили более пугающие картины. Махарат разгуливала по помещению с довольной ухмылкой и подходила к лежащим на полу трупам.

— Ой, мама, — икнула Катя, покачнувшись.

— Значит, через неделю Махарат будет здесь, — непонятно каким образом определил биомаг. — Утром собираемся и, наконец-то, сваливаем отсюда! — Мак похлопал Катю по плечу, — Молодец. Надо было сразу тебя напоить, быстрее бы вспомнила.

— Вы же говорили, что я... вам не нужна!

— Я солгал, — беспардонно улыбнулся биомаг. — Ты — наши глаза.

— Очешуешь, — плюхнулась на стул Катя.

Подняться у неё не получилось — ноги не держали. Поэтому как на одной из проекций, Эфо как мешок картошки закинул её на плечо и понес наверх.

— Ты козёл! — лепетала она, болтаясь вниз головой.

Хранитель проигнорировал, занес её в комнату и как тот же мешок картошки бросил на кровать.

— Ты бессердечный мужлан! — воскликнула Катя и, указав на него пальцем, её вырвало прямо на него. — Ой...

— Пьянь, — наконец подал голос Эфо.

Вновь пришлось болтаться вниз головой, пока он нес её во внутренний двор, а затем купаться в холодной воде, пить рвотное и избавляться от содержимого желудка, чтобы затем наполнить его горьким отваром. Катя плакала и брыкалась, но Эфо был беспощаден.

— С Дахотом ты так не поступал...

— Его я подвешивал под горным водопадом, сто лет потом не пил, могу и тебя подвесить, — со злой ноткой в голосе ответил Эфо и окунул её с головой в холодную воду.

— Так нельзя с девушками поступать!

— Он её пытается? — донесся испуганный голос Марис откуда-то сверху.

— Воспитывает, — с ехидцей отвечал Мак, куря из соседнего окна.

— Как же мелкая вляпалась... — прокомментировал Денисыч.

Тем временем на Катю снова обрушился поток ледяной воды. От одежды Эфо её избавил, завернул в очень колючее одеяло и вновь закинул на плечо. Он вновь бросил её на кровать и бесцеремонно вытряхнул из одеяла.

— Я тебя ненавижу! — сказала она и отключилась.

Сидя на ветке, Катя без удовольствия наблюдала, как за одним из юных хранителей бежала селянка и цеплялась за его одежды. Он что-то ей втолковывал, но она только сильнее плакала и кричала, пока не вмешался Захим.

— Забери меня! — рвалась к молодому хранителю селянка. — Я нарожаю тебе еще детей! Только забери меня!

Если парень растерялся её выпадом, то Захим — нет.

— И что ты хочешь взамен? — спросил он.

— Что? — не поняла девушка.

— Ты предлагаешь нам жизнь, но что ты хочешь взамен? Назови цену. Чего ты хочешь? Можешь озвучить самую безумную свою мечту, а я отвечу, сможем ли мы это исполнить.

Девушка на мгновение замялась и прекратила бесноваться.

— Всё-всё? — уточнила она.

— Говори, я слушаю.

Под действием магии очарования хранителя она немного успокоилась, осмелела и заговорила:

— Я хочу жить в богатстве и в замке, чтобы у меня было много-много слуг. Чтобы сундуки ломались от добра. Хочу мужа богатого и чтобы сын у меня был человек с даром целителя, да таким, чтобы весь Эфер завидовал и говорил о нём.

Захим, казалось, был разочарован:

— Всего-то? Больше ничего не хочешь?

— Молодость моим родителям, — со злобой произнесла девушка. — Пускай родят себе достойную дочь, не такую как я! Такую дочь, которая с радостью умрет, чтобы сберечь невинность и душу!

— А теперь послушай, чем ты должна будешь заплатить, — холодно продолжал дух. — До пятидесяти лет ты живешь в лесу и рожаеть по хранителю каждые два года. По истечению этого срока, ты выйдешь из леса богатой, молодой и красивой, вдобавок с сотней лет в запасе. Мужа мы тебе найдем. От него ты родишь своего целителя. Цена устраивает?

— Согласна, — недолго думала девушка, коснувшись синяка на лице.

— В качестве напоминания, что ты получишь то, о чем мы договорились, я исполню одно из твоих желаний. Твои родители снова обретут молодость.

Их окружило тысячи черных светляков, а когда они развеялись Захим, девушка и молодой хранитель исчезли.

— Дура — прокомментировал ситуацию Эфо, появившись позади Кати и обняв её за талию.

— Это еще почему? — не удержалась от вопроса Катя.

— Не попроси она молодости для своих родителей, отделалась бы пятью годами, а может и меньше.

— Вы такие, блин, могущественные, молодость направо налево раздаете, а каких-то элементарных вещей себе наколдовать не можете.

— Такая магия, Катя, имеет цену.

— То есть на себе вы эту магию не используете?

— Нет, только люди достаточно глупы, чтобы идти на это.

— Но разве обмен не равноценный?

— Когда жизнь меняется на жизнь — равноценный. Но она попросила вмешательство в жизненный путь. А это значит, что у кого-то надо забрать богатство, мужа и сына целителя, чтобы отдать ей.

Катя хлопнула себе по ладони кулаком:

— Я поняла, вы отдадите ей сердце богачки, которая не прожила собственную жизнь!

— Да.

— А значит, всё то, что предназначено было другому, произойдет с ней!

— Да.

— А почему нельзя её об этом предупредить?!

— Мы не рассказываем людям своих тайн, а на ошибках истории они не учатся.

— Захим вынудил её загадать желание! Она просто попросилась к вам в лес! Разве это много?!

— Через год или два, а может и меньше, мы бы вытащили её бездыханный труп из озера. А так её будет сдерживать договор.

Катя не нашла аргументов против такого. Она как-то не подумала о том, что девушка предпочла бы смерть позору. И вполне возможно, что она не побежала от лесного ужаса не потому что хотела жить, а потому что хотела побыстрее умереть.

— Что ж она в деревне-то не повесилась?

— Решимости не хватало, не созрела.

Утром Катя проснулась в объятиях хранителя. Уже по тому, что зрачок Эфо был полностью заполнен огнем, можно было судить о том, что ночью он ей не стихи читал.

— Использовать нетрезвое состояние женщины — не по-рыцарски! — хмуро сказала Катя, прикрываясь одеялом.

— Рыжик, я — твой муж, а не рыцарь, — сонно отозвался Эфо на русском с хекающим акцентом и поцеловал её в бровь.

Возмущение с неё и сонливость с него моментом смело. Он сам не понял, что сказал и сидел с меньшим удивлением, чем она. Никогда раньше Эфо не говорил на её родном языке, даже в видениях она не слышала, чтобы он разговаривал с ней на русском.

— Что это было? — первой обрела дар речи Катя.

— Мышечная память...

Затем Эфо оделся со скоростью солдата в армии, явно не собираясь ей ничего пояснить.

— Мы сегодня уезжаем, поэтому собери свои вещи, — коротко бросил он и покинул комнату.

— С Ульяной был драйв, а здесь скука смертная, — подпер рукой подбородок Денисыч, пока Магнат медленно тащил их закрытую тележку. — Ни тебе перестрелок, ни погонь. Едем и едем. Хоть бы разбойник какой смелый попался, а то и те по кустам попрятались после того как Мак им липовую бомбу на веревочке под ноги бросил.

— Денис, да ты мазохист! — возмутился Игорь, хотя обычно влюбленный в инопланетян помалкивал. — Как можно скучать по боевым действиям?! Как можно воспринимать то, что с нами происходило, как какую-то компьютерную игру?!

— А разве не ты этого хотел?! Заговоры и расследования?! Разоблачение гнусных планов инопланетян?! Разоблачил! Теперь не жалуйся!

Катя застонала и отвернулась от них в сторону дырочки в ткани и проносящегося мимо горизонта. В такие моменты она завидовала Петру Ивановичу — он вообще не реагировал на шум и читал, словно у него имелась функция «отключить звук».

Эфо вместе с дочерью управлял Магнатом, сидя верхом, пока остальные тряслись в тележке. Мак ехал с затычками для ушей, неунывающая Марис театрально постанывала рядом с Сашей, который изображал из себя рыцаря в сияющих доспехах и лечил красавицу от головной боли компрессами.

Если еще кто-нибудь скажет, что приключения — весело, Катя плюнет ему в лицо. Почему-то опускался момент с длительными поездками на неудобном транспорте, от которого болела не только спина, но и каждая мышца в теле, даже те о существовании, которых не подозревал. А если решил пройтись вне тележки и размять кости, то продует так, что потом никаких прогулок не захочется. Да и темп Магнат держал такой, что за ним приходилось бежать. Спать в куче тел на тележке под «живописный» храп, потому что на земле холодно и неудобно, а на деревьях уснуть могли только хранители. И не искупаться: в речке и в озере вода такая ледяная, что руки сводило от боли, а плескаться в ней мог только морозостойкий Эфо. Остальные смотрели с завистью и грели дыханием руки. Даже Дахот пальчик в воду опустил, пофыркал и предпочел ходить грязным.

Катя с горечью вспоминала теплый климат лесов хранителей. У них даже зимой было не так холодно, как здесь весной. И вода теплая.

— Мак, — толкнула в плечо биомага Катя.

Тэас вынул затычки для ушей и повернулся к ней с не самым добрым выражением лица.

— Давно хотела задать вопрос, зачем эти... лакуты...

— Лакруты, — поправил он.

— Лакруты убивают обманщиков времени? Почему нельзя захватить их, как меняющих реальность?

— Огненный дух сводил с ума сущность паразита. По той же причине не захватывают фиолетовых. Но так как огненные представляет большую угрозу, то и пострадали они сильнее.

— Не понимаю, как они сводят с ума?

— Прежде чем захватить тело, лакрутам надо пленить хозяина в его собственном сознании. Огненные видели будущее, поэтому избегали большинства ловушек. А фиолетовые сами пленяли паразита, путем иллюзий и обмана.

— Но многих же они захватывали в детстве, почему нельзя склонить хозяина на свою

сторону?

— Да, ты права, можно, — прищурил глаза Мак. — Но у огненных есть еще одно неприятное свойство. Они рано или поздно съедали паразита, оборвав его связь с истинным телом. То есть, вызывали настоящую смерть.

— В каком смысле?

— В прямом, — он щелкнул челюстью.

— И почему так происходило?

— Лакруты не разбирались в причинах. Для них сам факт настоящей смерти ужасен. Лакруты практически бессмертны, и гибель реального тела хорошо, если происходило раз в тысячелетие. Ошибка с вами сразу сотню из них положила. Они таких огромных потерь никогда не несли.

— Чем больше я о них узнаю, тем омерзительнее они мне кажутся. Они как будто в виртуальную реальность играют, а мы для них просто набор пикселей и полигонов. Но за свою шкуру вон как трясутся.

— А что ты хотела от алчных, высокомерных и жестоких завоевателей? Их интересуют только ресурсы нашего мира, а мы для них назойливые паразиты, которые никак не хотят сдыхать от яда.

— Но это они здесь чужие!

— Разве ты не поступаешь так же, когда строишь новый дом? Вырываешь сорняки, травишь насекомых, чтобы они не мешали тебе жить. Убиваешь животных, которые ранее жили на интересной тебе территории.

— Я не устраиваю полного геноцида для всего вида! И вы как будто их оправдываете!

— Не оправдываю, но и не осуждаю, — пожал плечами Мак. — И, учитывая, что я для них такой же паразит, как и ты, то буду сражаться, пока есть мизерный шанс выжить и выгнать их из нашего мира.

— Сражаться... мы не сражаемся, а убегаем, — фыркнула она, снова уперев взгляд в дыру. — Странно, что Махарат нас еще тёпленькими не взяла...

— Чужая страна, чужая территория, да и едем мы, избегая лесов хранителей. Она не знает, где мы. Ищет, бесспорно, но я бы не сказал, что сильно активно. У неё достаточно противников посерьезней, чем мы.

— Но она уже откатывалась из-за меня...

— Катя-Катя, — покачал он головой. — Я понимаю, что тебе хочется верить в собственную значимость, но даже Эфо или я для неё маленький фрагмент огромной мозаики. Если бы мы представляли для неё огромную угрозу то, как там выразился твой дядя? Нас бы ждали погони, перестрелки, партизанщина и другие прелести войны.

— У нас разве не было всех этих прелестей в прошлых откатах? — не поверила Катя. — У меня что ни видение, то погони и перестрелки, в конце все помирают.

— Ну, так в прошлых откатах за нами Эфо охотился. Мы были его персональным заданием, а он мальчик прилежный и послушный, свою работу выполнял на отлично. Вот он нам и устраивал веселье с перестрелками. Ехали мы как-то на поезде...

Катя уже его не слышала, погрузившись в дальние воспоминания.

Раньше Катя не подозревала, что в Харуре существовали поезда. Они имели мало общего с теми, к которым она привыкла. Рельс в Харуре не существовало, передвигались поезда с помощью механических ног и на энергии красных кристаллов. Издали напоминали

пузатых бронированных гусениц. Дизайн практически полностью имитировал реально существующих ядовитых монстров, к которым мало какой хищник приблизится. Для них не требовалось прокладывать специальные трассы. Двигались они, разумеется, не так шустро как поезда из её мира, но тоже развивали приличную скорость, да и умели преодолевать скалистую местность. Крыши были оснащены защитной системой от особо крупных и смелых тварей, коих в Харуре предостаточно.

Они ехали в поезде вчетвером: Катя, Мак, Денисыч и Игорь. Внутреннее убранство уже больше напоминало привычный поезд с купе на четыре персоны, видимо, какой-то иномирянин внес коррективы в чертежи. Правда, кто-то явно увлекался морской тематикой, поэтому кровати напоминали облепленные кораллами скалы, а стены украшали глубоководные мотивы.

Оба дяди забылись в тревожном сне, пока Катя читала, а Мак боролся с ломкой — дрянь, которую он курил давно закончилась, а новой он не раздобыл. Выглядел биомаг мягко говоря помятым.

— Мы уже ехали на этом поезде... — проворчал Мак, — Не понимаю, почему ты постоянно настаиваешь, чтобы я не уносил тебя с собой? Можешь, наконец, объяснить, в чём смысл? Мне надоело, что я один всё помню.

Катя закрыла книгу и терпеливо, как будто разговаривала с капризным ребенком, заговорила:

— Смысл в том, что в какой-то момент я перестану забывать, и на меня перестанут влиять откаты из будущего. Мне больше не придется от них убегать, они не будут меня касаться.

Мак забыл, что его ломало, и он подался вперед.

— Объясни для тупых. Это как?

— Ты прекрасно знаешь, что я чувствую волны отката из будущего, что позволяет мне убегать от них. Но если на меня слишком часто воздействовать откатами, откаты из будущего будут проходить сквозь меня, как если бы я синхронизировалась со всеми меняющими реальность, в зоне влияния которых нахожусь. Это как... с ядом, чем больше ты его ешь в маленьких порциях...

— Тем меньше он на тебя воздействует, — закончил за неё Мак. — Значит, вот как когда-то победил Люуса Бахо... он ничего не забывал во время отката, а из будущего откаты на него не влияли.

— И откатывался он вместе с меняющим реальность, с которым синхронизировался и помнил всё, что помнил он.

— Но противник об этом не знал... — открыл рот Мак.

— И в какой-то момент попадался в ловушку, — добавила Катя, — когда не мог убежать.

— Мне казалось, что меняющий реальность всегда может откатиться...

— Нет, если обманщик времени затащит его физически в прошлое слишком далеко, откатываться ему будет некуда. Время не любит, когда с ним играют.

— Вот почему Люус не смог откатиться, когда провалился в прошлое... так и Махарат можно победить...

— Нельзя, — вернулась к чтению Катя. — До самого конца она должна быть жива...

Поезд хорошенько тряхнуло. С верхней полки свалился Денисыч и зачертыхался.

— Он нас догнал! — крикнула Катя и с небывалой силой подняла с пола дядю. — Беги к

машинисту, скажи, что поезд преследует Эфо!

Не задавая лишних вопросов, Денисыч пулей вылетел из купе, пару раз споткнувшись на ходу. Катя вытащила местное ружье из тайника и выбила им окно, избавившись от острых осколков стекла, выглянула из него. Подняв тучу пыли, за поездом летел Эфо в компании древесных монстров.

— Он в незримой форме! — присоединился к ней Мак, порезав руку о стекло.

— Сейчас выведем его, — Катя прицелилась, устроив ружье так, чтобы ей не сломало плечо от мощной отдачи.

Оружие выстрелило голубым росчерком энергии, заставив хранителя взреветь. Вслед за выстрелом послышались множество испуганных криков пассажиров. С крыши раздались трели защитной системы, но даже они не смогли заставить хранителя отступить, хотя и сбили нескольких из монстров.

Катя ругнулась и высунулась в окно, закинув себе за спину ружье. Зацепившись за выступ, как залихватский ковбой она вскарабкалась на крышу.

— Не сможем попасть под охрану города, откатывайся! — крикнула она Маку.

К трели защитных систем добавились росчерки голубой энергии. Хранитель ударил магией по двум последним вагонам, расплющивая их как бумажные домики. Из поезда по хранителю уже стреляли все пассажиры, кто умел стрелять, но Эфо обладал поистине дьявольской изворотливостью и одним метким выстрелом шипа попал в головной вагон, вызвав пожар в машинном отделении и убив кого-то из машинистов.

Мак сплюнул со злости. В третий раз мразь их сбивала, а ведь он так усердно расставлял на пути лесной скотины ловушки и мины. Им не хватило каких-то считанных минут, чтобы попасть под защиту городских пушек, куда Эфо не сунулся бы столь нагло. Вернуть же ему воспоминаний... еще ни разу не получилось, он убивал раньше, чем его касались.

Катя удачно бросила под ноги хранителя бомбу, когда Эфо поравнялся с поездом, но вот увернуться от шипа у девчонки не хватило скорости. Мак лишь увидел, как она с криком сорвалась вниз и осталась далеко позади, раздавленная механической ногой.

Пора откатываться, без обманщика времени дальше ехать чистейшее самоубийство...

Катя очнулась и поежилась от пробежавших по коже мурашек. Увиденная ею погоня до жути показалась страшной, особенно когда являешься её непосредственным участником.

— Как ты говорила в одном из прошлых откатов: всё познается в сравнении, — произнес Мак, явно бывший в курсе того, что она увидела.

— Мы снова поедem на том... поезде? — тихо спросила Катя.

— Не совсем на том, но по-другому в город у нас попасть не получится. Только в этот раз, — он кивнул в сторону Магната. — Преследующий поезд князь тьмы на нашей стороне. И ты не представляешь насколько сильно, я хочу, чтобы поездка прошла тихо и мирно без погони и перестрелок.

— Но он же не один нас преследовал... И если поезд единственный способ попасть в город, нас будут ждать.

Мак тяжело вздохнул и вместо ответа стукнул Катю веером по лбу.

— Тебе бы лучше поскорее вспомнить, как стрелять из харурской пушки. Но пока нам надо выбраться из отсталого Эфера.

— Мы еще в Эфере... — пригорюнилась Катя.

— Эфер — страна большая.

Вечером они добрались до городка с одним единственным постоянным двором, где их неприятливо встретил заросший хозяин, сообщив, что за скотиной ухаживать некому, да и в комнатах давно не убирались. Мак согласился с условиями за неимением альтернативы, однако шепотом предупредил Эфо:

— Ночью ждём гостей. Будь начеку.

— Пускай попробуют сунуться, — зловеще отозвался Эфо.

Будучи на улице, Катя как наяву увидела горящие дома, но видение быстро прошло, не оставив даже запаха гари в написание.

— Эфо его сжёт? — уточнила она у Мака.

— Наверное, — пожал плечами биомаг. — Здесь я ему засаду устроил... под видом оборванца предупредил хозяина о богаче с кошельком кристаллов и попросил себе часть добычи. Люди не знали, что мимо их города будет идти хранитель в человеческом облике, вот на него они и напоролась.

— Это было подло...

— Выживали, как могли, да и чего мне разбойную рвань жалеть?

— Зачем мы вообще здесь остановились? Зачем их провоцировать?

— Здесь есть печка, кровать и парочку корыт, чтобы умыться.

Аргумент был убойный, потому что именно Катя чаще всего ныла из-за отсутствия ванны и теплой воды.

Когда явились гости, Катя отмокала в грязном корыте размером с детскую ванночку и в комнате размером с хрущевскую кухню. С улицы раздались душераздирающие вопли, отчего ей захотелось с головой уйти под воду, но размер корыта не позволил.

Кто-то вылил ей на голову теплой воды и намылел волосы с помощью травы, которую местные использовали вместо мыла. Катя с удивлением подняла взгляд на Эфо. Она не слышала, как он вошел, да и присутствия не ощутила.

— А разве...

— Дахот народ развлекает, — перебил её хранитель, методично натирая ей волосы под вопли напуганных людей. — Мне сейчас нельзя к ним выходить.

— Я вообще-то и сама помыться могу...

Эфо скептически хмыкнул, выливая ей на голову еще теплой воды. Катя хотела задать ему вопрос, с чего бы ему быть таким добрым, но передумала, заметив, что глаза у него практически почернели, лишь маленькая огненная точка горела по центру, что в темноте особенно хорошо заметно. Вопросы все отпали.

— Ты оказывается чистоплюй, — проворчала Катя. — Селянок тоже сам мыл?

— Раньше не было в моде наращивать грязь, чтобы отпугивать злых духов запахом. Вы люди на редкость вонючие, когда не моетесь.

Катя обрызгала его водой под очередную порцию криков.

— Романтика: вопли, грязь и неудобный таз, — проворчала она.

— Кровать с паразитами, пылью и застарелой мочой, — со сдерживаемым смехом прошептал он ей на ухо.

— Фу-у-у! Я туда не лягу! Лучше спать на полу!

Она поднялась и только тогда заметила одну изменившуюся деталь в хранителе.

Огонь в его зрачках потух... уже это было плохим знаком. Катя едва взглянула на постепенно менявшегося Эфо, как её посетил страшный образ. И если ничего немедленно не сделать, то видение станет явью. Бежать бесполезно, сопротивляться тоже: она давно

убедилась, что хранитель во много раз сильнее и быстрее любого человека.

Работая на опережение, Катя коснулась его висков, погружая в транс. Чёрные глаза заволкло огненной пеленой. Хранитель замер, а Катя получила в ответ такой ментальный удар, что едва устояла на ногах. Из носа потекла кровь, однако руки она не убрала, удерживая Эфо в одном из воспоминаний.

Еще один удар. Катя вскрикнула от боли, продолжая показывать ему картинки прошлого. Она отчетливо понимала, что если он ударит в третий раз, связь оборвется. Действуя скорее по интуиции, чем по знанию, Катя положила ему левую руку на грудную клетку.

— Сказка... про колобка... — пропищала она на грани потери сознания.

Почему именно эта история пришла ей в голову, Катя не знала. Голос дрожал и срывался, но она рассказывала. Эфо заметно поморщился, однако слушал и в третий не ударил. По мере того, как звучал её голос, зрачки Эфо заполнялись огнём. И только когда хранитель окончательно очнулся, Катя опустила руки и едва не упала на пол от усталости.

— Какой же у тебя противный голос, — сказал он вслух.

Катя слабо улыбнулась и упала прямо на хранителя без сознания.

Завывания ящериц под окном, заставило Катю проснуться и пожалеть, что у неё не было рогатки со снарядами из жгучего перца. Эфо еще спал или изображал вид, учитывая его чуткость. Кровать он проигнорировал, но устроил гамак, едва ли не под самый потолок.

Катя осторожно посмотрела вниз. Придется прыгать.

— Что за дурацкая любовь к высоте? — проворчала она.

— Напоминание о доме, — не открывая глаз, ответил Эфо.

Высунув ногу, пришлось возвращать её назад под одеяло, так как в комнате неприятно холодно, а хранитель лежал рядом как большая грелка. Да и учитывая хлипкость пола, имелась вероятность провалиться на первый этаж при прыжке.

— И как ты не мерзнешь? — проворчала Катя, стараясь поменьше смотреть на него. Как-то ей было проще с ним разговаривать, да и лежать рядом, когда она его лица не видела.

— Тренировка.

Она провела пальчиком по татуировке дерева на обнаженной груди хранителя и остановилась на чёрном кристалле, оплетенном ветвями. Внутри минерала заворачивающе вихрилось пламя. Катя перевела взгляд на почти прижившийся кристалл на её груди, где довольно лениво крутилась черная пыль...

Эфо спал голый... правда, учитывая анатомию хранителя, самые деликатные места скрывала хитиновая пластина.

— Эфо...

— Да?

— У нас снова был интим или ты просто по жизни эксгибиционист?

Звук, который он издал, очень напоминал смех.

— В этом откате у нас не было близости, если не считать прелюдии, которая так ничем и не закончилась.

Катя села, прикрывшись одеялом.

— Ты хочешь сказать, что ты меня ни разу не насиловал, пока я была в отключке?

Он открыл глаза, посмотрел на неё, словно спрашивая, серьезно ли она, а затем громко расхохотался.

— То, что у тебя между ног меня интересовало в последнюю очередь, — отсмеялся Эфо и указал ей в грудную клетку, намекая, что его привлекал иной орган. — Ты мыслишь человеческими стереотипами.

— Как же то, что я видела в видениях?!

— А что ты видела? — насмешливо уточнил он.

— Как ты срывал с меня одежду...

— Ты видела весь процесс? Он неприятный для человеческого глаза, но это не то, что ты думаешь.

— Ага, значит, семерых детей мне ветром надуло? — раздраженно спросила она, еще сильнее заворачиваясь в одеяло.

— За исключением одного раза, во время всех откатов инициатором всегда была ты. Даже объединение началось по твоей вине. Меня никогда не привлекали человеческие женщины с подростковой фигурой.

Катя сама не поняла, почему разозлилась. Она схватила хранителя за крыло, с

неожиданной для себя силой выбросила его из гамака и сама едва не выпала. Эфо приземлился как кошка на все конечности и укоризненно посмотрел наверх.

— Ты злишься из-за того, что я тебя не насиловал или за то, что ты не привлекаешь меня как женщина?

В него полетела подушка.

— В следующий раз спи с бревном! — крикнула она.

— Хорошего ты о себе мнения...

— Ненавижу!

Эфо как всегда быстро оделся и, посмеиваясь, вышел из комнаты на коридор, откуда уже доносилось сонное ворчание вечно недовольного Петра Ивановича.

Катя еще немного позлилась, но все-таки спрыгнула с гамака, подняв тучу пыли с пола. Ничего под ней не провалилось, но подозрительно затрещало и в ногу что-то больно врезалось. Одевшись, она подошла к грязному зеркалу и, помедлив несколько секунд, стянула с пальца кольцо, создающее иллюзию.

Значит, не показалось... Иллюзия изменяла её внешность, однако ощущения никуда не исчезали. Из очень худой истощенной спины уже торчали два огненных отростка, из прежних зубов хорошо, если насчиталась бы половина, глаза в огненных разводах, на голове почти не осталось старых волос... намечался огненный ежик...

— Мелкая... ах ты ж бл...ть, твою мать! — вошел в комнату Денисыч и сразу приземлился на пятую точку.

— Это я, — хмуро сказала Катя, возвращая на палец кольцо.

— Предупреждать о таком дерьме надо! — с кряхтением поднялся он с пола. — Это что за эксперименты с внешностью?!

— Я так сейчас выгляжу на самом деле, — грустно сказала она. — Я превращаюсь в одну... из этих.

Дядя переварил новость достаточно быстро и обошелся без сочувственной речи:

— Заканчивай и вниз спускайся, — проворчал Денисыч. — Поедим и уезжаем.

Катя кивнула, следуя за ним и присоединяясь к хмурым товарищам по несчастью. Хозяин заведения дрожал и заикался, пока Мак с ним расплачивался. Остальных участников ночного происшествия и след простыл. Довольным выглядел только Дахот. Уж он-то ночью оторвался на полную катушку.

Катя хотела его спросить, что он сделал с ночными гостями, но едва села за стол, как её накрыло.

Видение началось с боли в ногтях, а только потом с картинки. Было явно летнее время, так как тепло приятно ласкало плечи, а вокруг жужжали и стрекотали насекомые.

— Не могу поверить, что он это сделал! — Дахот присел рядом с Катей на телегу и издали наблюдал за Эфо, ругающимся с Маком.

— Не понимаю, он вроде такой же, как всегда, — протянула с сомнением Катя.

— Он за последние триста лет воспоминания себе стёр.

— Э-э-э... это плохо или хорошо? — опешила она, не ожидавшая от Эфо подобного поступка. С чего бы ему память-то себе стирать?

— С какой стороны посмотреть, пока трудно судить.

— И как он отреагировал на новость, что вызвал сам себе амнезию?

— Как типичный Эфо: наплевательски, — пожал плечами Дахот. — Его больше

удивило, что он в объединении с... цитирую: «костлявой ржавой человеческой девчонкой».

Катя обиделась:

— На себя пускай посмотрит, гот недоделанный, — она спрыгнула с телеги под хмыканье фиолетового духа.

Ворча себе под нос, Катя направилась к ближайшему лесному озеру. Отдых продлится еще полдня, пока они пополнят припасы, а Катя просто не могла пройти мимо воды. Неизвестно еще когда удастся окунуться.

Сняв кольцо, она бесстрашно разделась и нырнула так глубоко, насколько получилось, помогая себе не только руками, но и взмахами огненных крыльев. Вода приятно охладила кожу и расслабляла. Оказавшись на противоположном берегу, Катя вылезла на большие камни и подставила спину солнечным лучам.

— Ржавая... — повторила она с раздражением.

Еще за время жизни в деревне ей так опротивело эта «ржавая», что хотелось кого-нибудь удавить.

— Так вот как ты выглядишь на самом деле... — донесся голос Эфо.

Он подошел с берега и присел на ближайший к ней камень.

— Зачем притворятся бесцветным человеком, если у тебя такая красивая огненная расцветка?

— А тебе не всё ли равно? — не повернулась к нему Катя.

— Мне уже сказали, что мы... немного не ладили.

— Не ладили?! — развернулась она, едва не задев его крыльями, но обрызгав водой. — Тебе не рассказывали, сколько раз ты меня убивал?! Нет?!

Эфо недоуменно облизнул губы.

— Судя по моим ощущениям, хотя я могу ошибаться с точной цифрой, мы в объединении больше двухсот лет... зачем мне совершать самоубийство? Что произошло такого, что я решил тебя убить, а заодно и себя? Ты сделала что-то настолько плохое?

Катя едва дара речи не лишилась от его заявления.

— Я была человеком, которого принесли тебе в жертву!

— Невозможно...

— Те двести лет, которые ты чувствуешь в сумме все откаты, что мы пережили! — продолжала она с гневом. — Потому что в одном из откатов мы объединились, а затем нас откатали, но связь не оборвалась!..

Эфо некоторое время слушал её гневную отповедь, а затем внезапно притянул за крылья к себе и крепко поцеловал.

— Ты, что творишь?! — цапнув его за губу, отстранилась Катя.

— То, что очень сильно хотел... и походу давно...

— Успел! — Мак хлопнул перед Катей книгой по столу. — Еще немного и пришлось бы откатиться.

Еще не совсем пришедшая в себя после образа, Катя недоуменно посмотрела на книгу.

— Эфо обнулить себя хотел. Представляешь? — непонятно чему радовался Мак. — Использовать одно старое заклинание и стереть себе память. Но я ему помешал и объяснил, какую глупость он собирался совершить.

Катя едва удержалась, чтобы не врезать по ухмыляющейся физиономии биомага.

— И предупрежу сразу, — перестал ухмыляться Мак. — Если ты видишь будущее,

значит, дар предупреждает тебя об опасности. В видении всё может казаться сладким и приятным, но ты просто должна запомнить: видишь будущее, ничего хорошего не жди.

— Что плохо в том, чтобы Эфо вернул бы себе прежнюю личность?!

— Что плохого?! — в раздражении хлопнул по книге Мак. — А то, что он — элитный боевой хранитель, который собственноручно собирался превратить себя в бесполезный кусок ктулухова говна! Лишиться большей части своих способностей! А знаешь, чем это для нас чревато?!

— Нет... — нехотя призналась Катя.

— В пустоши все сдохнут!

Он закурил, взял книгу, положил её на железный поднос, чем-то облил отчего она расплавилась с не слишком приятным запахом.

— Никаких стираний памяти. По старинке разбирайтесь со своими взаимоотношениями и не заставляйте меня снова откатываться! Я этого делать ненавижу!

На этом Мак посчитал, что сказал ей достаточно. Остальные сделали вид, что ничего не слышали — они все равно не поняли причины их спора.

Не прикоснувшись к еде, хмурая Катя вышла на улицу. Эфо играл с детьми недалеко от греющегося на весеннем солнце Магната. Хранитель смеялся, веселился и даже шутил. Однако после видения ясно как день, что Эфо притворялся, как самоубийца в глубокой депрессии. И никто из близких не подозревал, что его душу пожирало беспросветное отчаяние.

Дахот глушил боль спиртным, а Эфо... решил себя стереть.

— Почему? — заданный ею вопрос остался без ответа.

Эфо, казалось, почувствовал её взгляд и повернулся, одарив грустной улыбкой.

— Почему? — повторила она.

Он не ответил и с Дегой на руках направился к Магнату. Тем временем Рада подбежала к Кате и заставила её присесть, потянув за пояс.

— Грани сотрутся, прошлое станет неважным, — сказала девочка, воткнув в рыжие волосы цветок.

Рада хихикнула и убежала, а Катя едва не заработала себе вывих челюсти. Она так и сидела с открытым ртом, пока старшая дочь Эфо усаживалась рядом с сестрой и отцом на Магната.

— Что это было? — вслух спросила Катя.

— Хватит сидеть, едем! — рявкнул Мак, хлопнув её по затылку. — Или ты хочешь, чтобы Махарат нам всем задницы поджарила?

Но даже в дороге Катю не покинули смутные подозрения на счет Рады. Неужели Эфо вернул ей воспоминания о прошлых откатах?..

Покинув Эфер, радости никто не испытал. Харур встретил незваных гостей эпидемией, смертью и голодом. Пустынные деревни с мертвецами в домах. Города с заколоченными окнами и дверьми, которые приходилось объезжать из-за риска заразиться. И повсюду их преследовал запах разложения.

— Вот как воюет Махарат, — закрылся платком Мак, пока остальные с ужасом взирали на раскрывшуюся перед ними картину. — Ближе к крупным городам будет полегче, так как там концентрация биомагов выше и получается сдерживать распространение болезни, но окрестности сильно пострадали. Даже трупы никто не хоронит.

— Бесчестно... — отвернулся Саша.

— Так воюет женщина, — продолжал Мак. — Уж как по мне так помереть в бою намного милосерднее тех способов убийства, которые избрала она.

— И ей абсолютно всё равно, что гибнут невинные... как мама говорила: «хранительскую мораль нам не понять», — Саша бросил неприязненный взгляд в спину Эфо.

— Мне напомнить, сколько у тэасов существует магических рецептов из органов младенцев? — вмешался Дахот.

— Давайте вы не будете спорить! — попросила Катя со страданием в голосе. — Без вас тошно!

Телегу подбросило на кочке, люди поморщились от неприятного чавкающего звука.

— Это был камень, — с таким «невинным» выражением лица сказал Дахот, что в его честности усомнился бы даже самый наивный.

Лишь к вечеру они добрались до первого крупного города. Катя сильно волновалась, когда пришлось пройти через сканер, так как в город не пускали зараженных и... хранителей.

— Хм... твой брат действительно хорош, — прокомментировал Мак, обращаясь к Дахоту, когда они миновали пропускную систему. — Даже Эфо не определили, а на него вся защитная система должна была сработать.

— Гений, — с толикой гордости сказал хранитель. — Только высший уровень тэасов еще не научился обходить.

После деревень и городков иномирянам было непривычно видеть многоэтажки и более высокий уровень жизни. Словно из средневековья попадал сразу в девятнадцатый век пара и электричества.

— Напоминает стимпанк, — осмотрелась Катя, провожая взглядом дымящее механическое чудовище, пока Пётр Иванович мрачно крестился.

— Стим... чего? — не понял её Мак. — Твой переводчик не всегда переводит то, о чём ты говоришь.

— Стимпанк — направление в нашей культуре. Смесь девятнадцатого века и научной фантастики...

— А-а-а, фантастика.

— Какой сильный контраст, — поправил очки дядя Игорь, — окраины дохнут от голода и эпидемии, а эти... ходят сытые и довольные в дорогих одеждах и украшениях. Даже воздух пахнет парфюмом...

— Это называется классовое неравенство, — Мак ехидно улыбнулся проходящей мимо

компании мужчин, те в свою очередь брезгливо поморщились, однако учтиво поприветствовали биомага.

— И вы еще не видели закрытые города тэасов, — вставил пять копеек Дахот. — Бед они уже лет сто не знают, людей туда даже для дипломатической миссии не пускают. Хранителей на подлете отстреливают.

— Наш мир — наши правила, — парировал Мак, — а вы вообще паразиты и захватчики.

— Началось... — закатила глаза Катя. — Лучше скажите, где мы поселимся?

— В борделе, — пожал плечами Мак и, увидев её ошеломленный взгляд, добавил: — там самые дешевые койки. Еще бабу можно заказать, а то передеремся, если не спустим пар.

— С вами две женщины и две маленькие девочки, а вы развлекаться собрались?! — возмутилась Катя.

Он с намеком потянул её за ошейник.

— Не будь ты своенравной иномирянкой, я бы с тобой даже не разговаривал на эту тему и, уж тем более, не спрашивал разрешения, — и снисходительно похлопал её по плечу.

— И что, против заселения в бордель только я?! — обвела всех взглядом Катя, подняв руку как в школе.

Реальность оказалась жестока: её поддержал только Пётр Иванович. Марис грустно вздохнула и томно посмотрела на Саню, встав в такую позу, чтобы он лучше видел её декольте. Саша тут же последовал примеру Кати и её прадедушки.

— Козлы похотливые, — прорычала Катя.

— Мелкая, чего ты бучу-то разводишь? — пошевелил усами Денисыч.

— У вас жена, а бордель — эксплуатация рабского труда! — перебила его племянница. — Девушек не спрашивают, чего они хотят, их просто туда продают!

— Может тебе по кругу пустить? И платить не придется, — предложил Мак с ухмылкой. — Эфо ты всё равно не даешь.

Катя воздухом подавилась от возмущения, а Эфо от ярости лицо перекосило, однако если он и планировал убийство одного биомага, то отложил до лучшего времени.

— А может, тебя пустим?! — востепенным драчливым воробьем Дахот, поворачиваясь к Маку. — Наденем парик, приделаем сиськи, а я иллюзию накинута. Чем не баба?! Тэасы же любят заднепроходные ласки.

— Ты меня с Люусом не путай, ктулук лесной, и его увлечения мне не приписывай, — прорычал Мак.

Саша поперхнулся.

— Да ну вас нахрен с вашими гейскими замашками, — махнул рукой Денисыч. — Я с мужиком не лягу, будь нам нѐм хоть сотня иллюзий.

— А тайский ледибой не в счёт?! — сдала с потрохами дядю Катя.

— То была женщина!!! — завизжал от души возмущенный Денисыч.

— С мужским кадыком... — не удержался от комментария дядя Игорь, за что получил тумака от брата.

— Всем молчать! Идѐм в бордель! — прикрикнул Мак. — А кому не нравится, — взгляд в сторону Кати, — пускай ночует на улице с Магнатом!

— Вот и буду! Компания Магната приятней вашей!

В итоге на улице ночевала одна Катя под доносящиеся из борделя нелицеприятные звуки. Вдобавок началась гроза. Даже Пётр Иванович предпочел ночевать на кровати, а не на улице под хлипким навесом, не говоря уже про остальных. Одно радовало, что Магнат —

теплый, хоть и пахло в его стойле кошачьим туалетом.

Не спалось и от нечего делать, Катя рассматривала вначале поздних посетителей, а затем достала из сумки купленный в одном из мелких городов альбом и карандаш. Она тренировалась использовать крючки, заодно использовала дар вместо телевизора.

— Чтобы такое узнать? — куснула карандаш Катя, просматривая крючки. — Хм... Наша первая встреча с Эфо. За что я влюбилась в этого козла чёрноглазого?

Как наяву она увидела, как убегала от толпы улюлюкающих головорезов, громко зовя на помощь. По незнанию, она забежала в лес хранителей, приводя преследователей в ловушку. Да и сама она в неё угодила, как бестолковый олень. Вот и висели они вниз головой, страшно ругаясь, когда из лесной тени вышли двое.

Катя даже кричать перестала, когда пересеклась взглядом с кареглазым красивым блондином в чёрных хитиновых одеждах. Он светло и беззлобно улыбался ей. С трудом, но в нём узнавался Эфо, словно его светлое отражение.

— Ты глянь, иномирянку загнали, — заговорил второй, которым оказался Захим.

— Вам не говорили, что в нашем лесу на людей не охотятся? — обратился Эфо к подвешенным головорезам. — В следующий раз...

— Яйца отрежем, — захохотал Захим.

— Резать будешь ты, — не растерялся Эфо.

К удивлению Кати, людей отпустили, а они так припустили, словно за ними всех адских гончих спустили. Языка, разумеется, она не понимала и тряслась от страха, гадая, что сделают с ней.

— С иномирянкой, что будем делать? — приблизился к пленнице Захим с сальной улыбкой, чем испугал девушку еще сильнее. — У неё сильный дар... сильное потомство можем получить.

— Иномирянам всегда есть чем платить, — Эфо сорвал брелок-фонарик с сумки Кати и осветил им в глаз напарнику. — Разбавлять нашу кровь ей ни к чему.

— Твой путь пацифиста меня удручает, — расстроился Захим, с сожалением погладив Катю по рыжим волосам.

— Разве не видишь, что на неё не действует твоя магия очарования? — поднял бровь Эфо, осторожно спуская девушку на землю и помогая ей подняться.

— Вижу, как она тебя взглядом пожирает, — пошленько хихикнул Захим.

— Это потому что она не понимает, что я не человек, — Эфо деликатно повел Катю в гущу леса.

Видение прервалось, но Катя не успокоилась и написала еще один крючок, чтобы увидеть продолжение:

Обнаженный по пояс Эфо умывался у родника, когда Катя с ошейником-переводчиком на шее осторожно приблизилась к нему и заговорила:

— Я хотела... поблагодарить вас и вашего друга за спасение.

Эфо облил лицо водой, прекрасно заметив, как она покраснела, едва он повернулся к ней. Уголки его губ медленно поползли вверх.

— Не надо благодарить меня, я — существо корыстное и бесплатно не стал бы тебя спасать, — в его руке оказался знакомый брелок-фонарик. — Я забрал его у тебя в качестве платы.

— Это мелочь... вы все-таки мне жизнь спасли.

— Для тебя мелочь, но для нас это незнакомая технология, которая может помочь нам в

развитии. Без неё я бы не стал тебя спасать.

— Я думаю... вы бы все равно меня спасли. Вы не убили тех людей, а ведь могли... мне кажется вы добрый человек.

— Я не человек, — его улыбка стала шире.

— Эм... мне, кажется, неправильно перевели то, что вы сказали.

— Нет, тебе всё правильно перевели.

Он принял истинный облик и засмеялся с её испуга: она споткнулась и шлепнулась на пятую точку.

— Вот так я выгляжу на самом деле.

— Остальные...

— Да, такие же, цвета только другого. Мы притворяемся людьми для маскировки. Так что, — он присел перед ней на корточки. — Запомни несколько правил. Помощи от нас не принимать, не оговарив, что мы за это потребуем. Ничего не просить, потому что можешь не расплатиться и застрять здесь навсегда.

— Если я хочу домой?..

— Иномирянам всегда есть чем платить, — он вздохнул и в его руке оказался её мобильный телефон. — Я заберу вот это. И советую, как можно быстрее уйти из леса. Другие тебя предупреждать не будут, и воспользуются твоим незнанием наших правил...

— Эфо, хватит пугать девочку, — из тени вышел Бахо в истинном облике. — В любом случае, она — обманщик времени. Не вещью, так даром расплатится. Идём со мной, ты, наверное, проголодалась.

Он взял её за руки и нахмурился, заглядывая в глаза.

— Как интересно... она уже смотрит твоими глазами... значит, я не ошибся...

— Не понимаю...

— Не обращай внимания на старого безумца, — натужно засмеялся он. — Идём.

Напоследок Катя обернулась, а Эфо ей ободряюще улыбнулся, но не пошел вслед за ними.

— Скоро ты пробудишься, — бесцветно сказал Бахо. — Как только это произойдет, не называй сына истинным именем, как бы тебе этого не хотелось. Махарат не должна знать, на что он способен. И кольцо ему снять не позволяй, пока вы не доберетесь до Цахиры.

— Чего? О ком вы?

— Ничего, я же говорю, не обращай внимания на старого безумца. Я иногда разговариваю сам с собой. И... на Магнате сумка висит, справа от тебя... там альбом, загляни в него даром.

— Вы смешной...

Выйдя из видения, Катя перевела взгляд на оставленную у Магната сумку. Из неё торчал уголок то ли альбома, то ли книги. Любопытство подмывало посмотреть... однако... Бахо сказал посмотреть даром.

Катя написала на бумаге слово-крючок и увидела, как она извлекала альбом из сумки и листала его. Оказалось, Эфо умел рисовать. И на каждой странице он изобразил... её хранителем: спящей, моющейся, обнимавшей детей. На каждой странице она улыбалась, что делало её лицо очень живым и красивым. Такой красивой она себя даже накрашенной не помнила. Такой её помнил Эфо...

Она прервала видение, не досмотрев альбом до конца. К горлу подкатил комок, а глаза защипало от слёз.

— Уже подсмотрела? — незаметно появившийся Эфо лёг рядом на спину.

— Зато не рылась в твоих вещах, — проворчала Катя, недовольная тем, что он застукал её.

— Не страшно, границы скоро исчезнут.

— Вот и как с этим жить?.. В одних откатах любимый муж, а в других — палач. Как от такой двойственности не рехнуться-то?

— Я ж не рехнулся.

— Ага, уже забыл, как себя стереть хотел?

Он повернул её к себе и положил руки на шею, словно намеревался придушить. Катя испуганно вздрогнула от его немного безумного взгляда и выражения лица.

— Думаешь, наша сказка закончилась хорошо? — продолжал Эфо тихо. — О, нет. За всё есть цена. И сейчас, видя тебя живой и невредимой, мне иной раз кажется, что мне подсунули самозванку. Не мою Катю. Предлагают забыть её и принять тебя.

Он надавил сильнее. Катя захрипела, безуспешно стуча его плечу, а из глаз катились слёзы. В какой-то момент Эфо ослабил хватку и поцеловал её, несмотря на оказываемое ему сопротивление.

— Ты уж определись, задушить ты меня хочешь или целовать! — закричала Катя, как только он отстранился и пальцами коснулся укушенной губы.

— И то и другое хочется одинаково сильно, — Эфо лёг на спину. — Но в любом случае, ты меня дико раздражаешь.

— Зачем тогда вообще пришел?! — с обидой спросила Катя. — Или там девки закончились и тебе не хватило?..

Хранитель проигнорировал, лишь презрительно фыркнул.

— Отлично поговорили...

Катя отвернулась, как раз в тот момент, когда её накрыло прошлое...

Одиннадцатый тренировочный снаряд полетел на землю грудой искореженного металла и камня, когда явился Иро с двумя едва оперившимися хранителями фиолетовой и красной расцветки. Красный постоянно всхлипывал, едва сдерживая слёзы, фиолетовый смотрел исподлобья.

— Я тебе учеников привел, — холодно без эмоций произнес Иро.

— Я не беру учеников, тем более не моей расцветки, — отвечал Эфо, продолжая кромсать воображаемых врагов.

— Этих возьмешь. Они из сожженного леса.

Эфо более внимательно взглянул на парней. О детях из сожженного леса, а еще точнее, из будущего, которое никогда не наступит, говорили все хранители. Тысячи детей пребывали в магическом сне, и было решено их надежно спрятать, пока они не проснуться. Через семь лет пробудились трое...

Мощь обманщика времени, который почувствовал волну отката, и забросил в прошлое на триста лет всё молодое поколение, просто поражала воображение. На такое был не способен и Бахо. От такого сильного отката даже он не сбежал бы, а уж тем более не спас бы молодое поколение — самое ценное для любого хранителя. Говорили, что обманщиком была приемница матери леса. Иномирянка.

У обоих парней на шеях висели ленты в память об утерянных родных. На лентах висели перья: чёрное, синее, желтое и огненное, последнее специально подбирали, чтобы

подчеркнуть его значимость. Значит, привели детей той самой преемницы-иномирнянки.

— Иро, я не возьму их, я не могу, — от цвета последнего пера грудь пронзила боль. Прошло пять лет после гибели Деги и Рады, а память еще терзала его душу.

— Их мать хотела, чтобы они попали к тебе, — не проникся Иро. — То была её последняя воля. Она прислала их к тебе.

Эфо удивленно вскинул брови.

— С чего бы такая честь для рядового хранителя?

— Она видела в своих видениях, что ты о них позаботишься и защитишь, как если бы они были твоими детьми, — отвечал Иро. — С сегодняшнего дня они твои.

— Бездна, — ругнулся Эфо и запустил кинжал в снаряд.

Волю такой хранительницы, как преемница, да еще и обманщица времени, нельзя нарушать без последствий. Раз самое дорогое, что у неё было, она доверила именно ему, значит, на то имелись веские причины. Да и какая мать не постарается сделать всё от неё зависящее, чтобы её дети жили как можно дольше?

Эфо приблизился к парням, стараясь не смотреть на огненное перо. Будет слишком грубым попросить убрать единственное напоминание о матери. Не объяснишь же, что последние пять лет он не мог без содрогания смотреть на огонь.

— Вас чему-нибудь учили или только своему ремеслу обучены? — спросил Эфо.

Фиолетовый взял кинжал и играючи бросил в снаряд, попав в прорезь шлема.

— Отец учил, — коротко ответил мальчишка. — Он был вашей масти.

Далее Эфо изучал их магические способности. Сильные. Слишком сильные. На каждом ограничительные татуировки, чтобы сдерживать часть способностей и дабы не привлекать к мальчишкам лишнее внимание. Оно и правильно, им это ни к чему, хотя развить дополнительные способности все-таки придется, но сделать это следовало очень и очень аккуратно.

— Я вашего отца знаю? — уточнил на всякий случай Эфо.

— Знали, но он никогда не родится, — поморщился фиолетовый.

Красный взвыл, больше не сдерживаясь. Плакал как ребёнок, размазывая сопли и слёзы по щекам. Поддавшись порыву, Эфо обнял его и погладил по спине, не говоря слов утешения — они не помогут тому, кто утратил всех, кого любил и знал.

— Плакса, — презрительно на незнакомом языке бросил фиолетовый, пнув носком землю.

— Слёзы не слабость, — укоризненно заметил Эфо, не поняв значение слова, но уловив его эмоциональную окраску.

— Знаю... папа так говорил, когда у брата фонтан врубался. У него эмпатия слишком сильно развита. Творить артефакты помогает.

— Ого, чувствовать душу предмета может? — искренне восхитился Эфо, поражаясь словесным оборотам, которые употреблял фиолетовый. У него еще и странный акцент был, незнакомый. Хотя это объяснимо, учитываю временную разницу.

— Ага, может. Учителя на него молились. Талант!

Эфо улыбнулся, снова уловив определенную интонацию. Мальчишка — открытая книга.

— А ты у нас, значит, тот, от кого учителя обычно стонут и мечтают избавиться, но между собой говорят о том, что если бы он не ленился, то многого бы достиг.

Фиолетовый бросил на Эфо быстрый взгляд и поспешно отвернулся.

— Ничего, я из тебя лень выбью, — похлопал его макушке хранитель. — Сейчас

проверим, что вы умеете...

— Можно не сегодня, пап?...

Эфо вздрогнул от пробежавшего холодка. Вопрос поступил от красного. Оговорился? На эмоциях сказал? Да еще и подкрепляло нехорошее подозрение испуг на лице фиолетового, который тот пытался скрыть, но не сказать, что удачно.

— Он... вы похожи с папой, — всё-таки выдавил фиолетовый, явно стараясь подбирать слова. — Он... он был вашим родственником! Да! Родственником!

Врать совершенно не умел, а ведь мальчишка будущий мастер обмана, ему бы следовало свое искусство освоить в совершенстве.

Эфо снова опустил взгляд на перья. Огненное принадлежало матери, чёрное — отцу, чьи же тогда синее и желтое? Зачем приемница прислала своих детей ему? Что их связывало? Еще и черты лица фиолетового схожи с теми, что Эфо видел в своём отражении. Нос рот и губы явно отцовские, правда, более костлявое телосложение. Красный, видимо, больше взял от матери...

Любопытство подмывало спросить напрямую, если бы не синее и жёлтое перья. Будущее, которое никогда не наступит... надо ли ему такая жестокая правда? Фиолетовый сказал, что его отец не родится. Может он имел в виду мать, а не отца? Триста лет — долгий срок, который мог перекроить полностью будущее на иное. Если их мать родилась в этот период, то вряд ли она появится вновь.

Эфо решил не допрашивать мальчишек, чтобы не травмировать ни их, ни себя. Раз не хотели говорить правду, пускай не говорят, а он позаботится, чтобы они выжили, как того хотела их мать.

После пробуждения, Кате, казалось, что её окунули в холодную воду. Она медленно повернулась к Эфо. Он по-прежнему не спал и без каких-либо эмоций смотрел в потолок.

Всё это время он знал, где их дети. Знал, кто они, знал, сколько им лет, откуда прибыли, и кто послал их в прошлое, дабы спасти от неминуемой гибели. Но почему же тогда... врал? Скрывал о том, кто они на самом деле?

— Эфо....

Он повернулся к ней.

— Ты знал, о том, что я мать Дахота и Дахира, когда Махарат послала тебя убить меня?

Уголок его рта дёрнулся.

— Нет.

— Но ты давно понял кто я, почему тогда лгал?

Вместо ответа он взял двумя пальцами локон её волос. Сейчас она была покрашена в блондинку, но рыжий цвет все равно местами проступал. И только тогда, Катя заметила, как Эфо смотрел на неё волосы, и как у него дрожала рука.

— Ты хоть на мгновение представляешь, сколько раз я тебя убивал? И какими способами? Границ не будет, ты сможешь ознакомиться не только с тем, как я это делал, но и ощутить, что испытывал.

— И ты считал, что обнуление помогло бы?

— Разве нет? Тому другому ты доверяла. Я же прошел путь мести и крови, а тот, кого ты любила, двигался мирным путем. Он избегал кровопролития, но я-то другой. Ты думаешь, я хоть на мгновение испытывал к тебе сострадание? Я получал удовольствие, убивая, таких, как ты. Наслаждался горем людей, подписываясь им как сладким нектаром и утоляя им свою

жажду мести. И тут появляешься ты...

Катя нахмурилась, но промолчала.

— Мне хочется сдохнуть от одной мысли, что я объединюсь с человеком, — продолжал Эфо. — Однако, ты не только человек, но и та самая преемница, жертвенным поступком которой у нас восхищаются, восхваляют в легендах, даже дерево посадили в её честь. Но то, что ты именно та самая не знал никто, а за твою смерть голосовали не просто большинство, а все хранители.

— Даже Лафо с Жахо? — не поверила Катя.

— Они не исключение... Восстал только Дахир, поэтому его заперли, чтобы не мешал, а Дахот со свойственной ему манерой притворился, что тоже согласен с решение большинства. И я заслуженно получил в спину от того, в ком видел сына. В нашем конфликте, Дахот, не задумываясь, выбрал твою сторону. Он в одиночку пошёл против всех. В лесу до сих пор не показывается из-за своего поступка, хотя его и не изгнали. Лафо отгородилась барьером от леса из-за него, потому что другие хранители требовали для Дахота наказания за предательство.

— А что Иро?

— Иро никогда не принимал ничьей стороны, он всегда нейтрален, однако... я думаю, что он позволил Дахоту сделать то, что он сделал.

— Почему же они не сказали?

— Они не говорили из-за Махарат, никогда ей не доверяли. Видимо, в том будущем, откуда они пришли, они знали, чью сторону она примет.

— Они могли сказать хотя бы нам...

— Ну, признаются они, что дальше? Мы их даже не помним. Те обрывки воспоминаний, что мы имеем мало, что значат для них. Ты знаешь, что они попали в наш лес в возрасте семнадцати лет? Семнадцать лет, Катя! Сколько из этих лет ты помнишь?

— Но и ты молчал.

— Чтобы это изменило? Ты и сейчас отчаянно рвешься домой, не взирая на прошлое, которое нас связывало. Ты готова всё разорвать, забыть и уйти. И тебя сложно за это винить.

Катя по-другому взглянула на Эфо. Ведь она отослала детей в прошлое к тому единственному, кому верила больше всего на свете. Кто защитит и убережет от опасности, сколько бы времени не прошло. Сыновья повзрослели рядом с их отцом, пускай он даже и не помнил о том, кто они для него на самом деле. Может, пора и правду прекратить вести себя как безмозглая обиженная идиотка? Прошлое всё равно не изменить, память стирай не стирай, всё равно к ним вернется, так не лучше ли построить счастливое будущее, не взирая, на прошлые обиды?

— Не усну, — вздохнул он, поднимаясь и выходя под дождь.

Катя хотела его остановить, но в тот же момент что-то щелкнуло в душе, а спину пронзила такая чудовищная боль, что она прогнулась назад и потеряла сознание.

Никаких картинок, только голоса и звуки окружали её.

— Мама, расскажи сказку, — попросил ребёнок.

— Но ты же слышал мои сказки много-много раз, — отвечала женщина. — Может папа тебе расскажет историю?

— Нет, я хочу, чтобы ты рассказала. Я не могу уснуть.

— Ладно... сказка про колобка!

— Пойду, уши заткну, — вмешался мужской голос.

Следом раздалось женское ворчание.

— Ма-а-ам, прекрати!

— Моя вредная любимая колючка!

— Хватит меня облизывать, ты позоришь меня перед друзьями!

— Уже и поцеловать своего же ребёнка нельзя!

— Отстань!

— Терпи маму, а то лизну я, и ты не отмоешься.

Женщина искристо рассмеялась, а ребёнок обозвал отца предателем.

— Зачем вы сломали мой телефон?! Он мне был дорог как память о моем мире!

— Мы хотим понять, как он работает!

— И собрать свой!

— Эфо... твои дети меня обижают...

— А Даня целовался с девочкой!

— Замолчи, вредина!

— Плакса!

— Нет-нет, я к этому не готова. Почему так рано? Разве нельзя подождать еще лет двадцать? Даня еще совсем ребёнок.

— Это хорошо, что они решили объединиться сейчас. Им проще будет принять отсутствие границ. Молодые хранители более гибкие и восприимчивые. Ты помнишь, сколько меня уговаривали на объединение с тобой и как тяжело мне далось это решение?

— Я его сдам в монастырь, пускай монахом станет!

— Катя...

— Юра-а-а! А ну иди сюда, засранец мелкий!

— Папа, спасай! Мама хочет меня убить!

— Кто-то говорил, что он взрослый. Вот и решай проблемы, как взрослый.

— Но это твоя жена!

— Мама...

— Я не готова стать бабушкой!

— Э-э-э... вообще-то я к тебе по-другому вопросу пришел.

— Дорогая, не нервничай.

— Как отметила свой юбилей?

— Ну, как отметила, как отметила? Приехали дети, подарили хренарезку, вот и весь юбилей.

— Ты меня не вспомнишь и я тебя не вспомню... но мы все равно будем вместе, хотя и будем вести себя как клинические идиоты.

— Не такая уж и плохая перспектива, учитывая, что мы и сейчас далеки от идеала

благоразумности.

Одно воспоминание за другим, словно она проживала заново ту другую жизнь. Горькие и радостные моменты пролетали за мгновение. До самого последнего момента и первой картинки: лицо Деги в крови. Из её спины торчал обломок крыла, второе было сломано. Солнечный кристалл едва мерцал.

— Уходи и ты с ними, я уже запустила откат... скоро мое сознание уйдет.

— Я так далеко не прыгну, — погладила её по руке Катя, — поэтому... уйду в будущее...

Дега слабо улыбнулась.

— Это будет... самый грандиозный твой обман...

Дега ушла практически одновременно с прыжком Кати. Всего минута вперед сквозь волну отката и мир кардинально изменился. Раздавленная бабочка принесла страшные плоды...

Катя посмотрела на свои руки... на человеческие руки. Откат всё-таки коснулся её. Время не любило обмана и сыграло с ней дурную шутку, забрав хранительскую сущность и добавив воспоминания, которых не было. Она больше не слышала мыслей Эфо, как ни пыталась нащупать его, не чувствовала собственных детей, хотя и знала, что они живы.

Катя завывала как раненный зверь и упала на колени, царапая землю человеческими ногтями и сдирая их до крови.

— Возьми себя в руки, ты живая, живая, — ей не сразу удалось совладать с эмоциями. — Живая и... с даром...просто используй его и найди выход.

Она запустила проекции, просматривая каждую из дорог которую могла выбрать. Что ж, ей предстояло проделать немало работы, а для начала следовало найти Иро...

Когда она очнулась, Магнат лизал её лицо, а сверху капала вода прямо на лоб. Дождь почти прекратился, а в небе светало. Катя помассировала гудящие от боли виски и села, отстраняя морду Магната.

— С возвращением, дорогая, — она провела руками по лицу и посмотрела на покрытые огненными татуировками ноги. — Как же долго ты спала.

Катя вытащила из сумки Эфо карту и дневник Бахо. Проверив обложку, она нащупала жизненную силу обманщика времени. Хранитель терпеливо ждал, заточенный в крошечном семени и скрытый от посторонних глаз твердым переплетом.

— Извини, что так долго не могу тебя вернуть, — она погладила обложку и взглянула на карту.

Как и следовало ожидать, Махарат запустила сотни откатов... охота началась.

Ночные посетители разбредались кто куда, кто-то старался действовать скрытно, другие действовали открыто и даже весело пели. Катя наблюдала за людьми из укрытия, поглаживая дремавшего Магната. Попадаться на глаза местным мужчинам в её планы не входило. Слишком много от пьяных проблем.

Постепенно головная боль отступила, а воспоминания заполняли ту пустоту, на которую она даже не обращала внимания.

Из немногочисленной компании первым покинул публичный дом Пётр Иванович. Хмурый колдун помассировал спину и направился к притаившейся правнучке.

— Хоть не замерзла? — участливо спросил он.

— Нет, с Магнатом тепло. Дождь немного подмочил, но я бы не сказала, что он меня сильно беспокоил. А ты как, выпался?

— Куда там... — махнул рукой Пётр Иванович. — Никогда не слышал, чтобы бабы стонали так громко и неправдоподобно. Свиньи и те хрюкают приятней.

Катя хихикнула. Пётр Иванович с кряхтением выгнулся и собирался пройтись, размяться.

— Дедушка, не отходи далеко, под откат попадешь, — предупредил Катя со стальными нотками в голосе. — Махарат начала охоту всерьез.

Он обернулся и нахмурился. Если прадедушка и заметил перемены, произошедшие с ней, то никак не прокомментировал этого.

— Пойду, скажу остальным, — с тяжким вздохом Пётр Иванович направился обратно.

Не прошло и десяти минут, как из здания ошпаренным зайцем выскочил Мак. В гневе он извлек из сумки карту, чтобы увидеть волны откатов.

— Твоя работа?! — рявкнул биомаг, обращаясь к Кате.

Ему хватило одного брошенного ею взгляда.

— Я ждал тебя ближе к лету или осени... — поубавил тон Мак.

— Бахо вмешался, — отвечала Катя. — Королева просыпается раньше срока. С ней происходит то же самое, что с Костей. Откаты перестают на неё действовать. Пусть даже мы не чувствуем, но волны отката Махарат всё равно на нас воздействуют.

— Я и забыл... Я думал задержаться здесь на некоторое время, а сейчас придется к поезду спешить.

— Сначала к лекарю зайди и купи птичий корень...

Мак искривился в ухмылке и провел языком по верхним зубам.

— Я тебе не говорил, насколько сильно ты меня бесишь?

— Говорил, но птичий корень купить придется, иначе у половины нашего скромного коллектива надолго отпадет охота посещать дешевые бордели. Ты знаешь, как я не люблю шутить такими вещами, потому что из-за них приходится откатываться, а чем меньше откатов...

— Тем маловероятнее, что Махарат приобретет к ним иммунитет, — закончил за неё Мак. — Я помню.

Вскоре вся компания собралась внизу у дремавшего Магната. Мак обрисовал ситуацию, объяснил из-за чего Махарат всполошилась и почему следовало поторопиться.

— А кто наша королева-то?! — возмутился Денисьч.

Не сговариваясь, все посмотрели на недоумевающую Катю.

— Мы покойники, — сделал неутешительный вывод дядя.

— Дега — наша королева, дебилы! — крикнула она.

— Словно это что-то меняет... — проворчал Денисыч.

— Посильнее будет, чем похищенный инопланетянами и недобитый с ружьем.

— С каких пор ты стала такой дерзкой егозой?! — возмутился дядя.

— После того, как тесно пообщалась с кучей неадекватных личностей, которые хотели нас прибить. И учитывая, что реальную боевую силу у нас представляет деревенский колдун и злобные хранители, когда они в хорошем настроении, чего практически никогда не бывает, то дела наши плохи.

Катя услышала, как позади неё засмеялся Эфо на пару с Дахотом. Саша обиженно скривился и отправился помогать Марис собирать вещи.

— У меня есть винтовка! — обиделся Денисыч.

— А вы научились стрелять из неё не себе в ногу, а в цель?

— Вот же... не подражай Валентину!

Катя всплеснула руками и развернулась к нему спиной. Чем старше она становилась, тем сильнее её раздражали родственники, которых пришлось тащить за собой. К сожалению, отправить их домой нельзя. Теперь она знала причины, почему Ульяна вытащила их из родного мира: Цахира. Картина будущего рассыпалась без этих двоих. Они своей нелепостью и глупостью заставят древнюю прислушаться.

С одной стороны казалось простым, зная будущее пройти весь путь и добраться до Цахиры. Однако их знания не давало гарантий победы. Они не обладали бессмертием и могли подорваться на любой из расставленных Махарат ловушек. Любое неосторожное движение могло привести к провалу. И полученные Катей воспоминания только подтверждали это. Она знала будущее, но всё равно попадалась в капкан старой стервы, просто потому что Махарат опытнее, старше и сильнее. Ведьма обладала той непредсказуемостью, которая позволяла ей побеждать даже обманщика времени. Её решения и действия сложно было предсказать.

Но у ведьмы тоже имелось слабое место. Махарат тоже не любила откатываться. Никто не любит начинать сначала. И едва старая стерва загоняла их в угол, как Катя предпринимала действия, из-за которых ведьме приходилось поспешно уходить...

— Не снимай кольцо, — словно со стороны услышала Катя свой голос, а рука сама по себе остановила движение Дахота. — Она слишком близко, может почуять.

Сознание ещё пугалось, более молодая личность не хотела уступать более старой. Сражалось, не принимало произошедшие перемены. Эффект ещё продержался бы пару недель, словно у неё раздвоение личности.

— Надо пару громов купить, пока мы не сели в поезд, — отвлек внимание Мак, убирая Катину руку и обращаясь к духу. — Сможешь достать?

— Пару громов?.. Да, смогу, — провел по волосам Дахот, на мгновение задерживая взгляд на Кате.

Когда Дахот испарился, взяв у Саши защищающее от откатов кольцо, Катя тихо произнесла:

— Он всё равно поймет...

— И свалит. Пускай лучше думает, что ты не вспомнила. Уж не знаю, что между вами произошло в прошлом, но Дахот избегает тебя... такой.

Она понимала. Их разделяло триста лет, в которых присутствовал лишь Эфо. Пусть и

вынуждено ей пришлось их покинуть на столь длительный срок. Но это была не единственная причина...

— Мак, а ты мне солгал... Мне уже, кажется, что ты никогда не говоришь правды, — решила сменить неприятную тему Катя. — Тебе пора поменяться местами с Дахотом.

— Ты это про что? — не понял её биомаг, сам забывший собственную ложь.

— На счёт последнего отката... я не отправлялась домой из-за несчастной любви. Это не в моем стиле.

— А-а-а это... — почесал затылок биомаг. — Не стану же я рассказывать, что ты подорвала город вместе с собой и Махарат, а в Эфо выстрелила из городской пушки, продырявив его насквозь. Это вообще первый откат, когда Эфо на нашей стороне... до этого вы с переменным успехом друг дружку дырявили. Два психопата. Я удивляюсь, как вы пятерых детей умудрились сделать с вашими-то постоянными баталиями.

— Твоя идея подложить меня под Эфо, пока я ничего не помнила? — жестко спросила Катя.

— Ну-у-у, идея Иро. Он какую-то новую разновидность хранителя хотел получить, а Эфо несмотря на свою покорность Махарат, всё-таки подчиненный Иро, в вопросах разбавления крови он вынужден подчиняться отцу леса. Среди пятерых вроде двое тех, что нужны были Иро. Поэтому все вопросы по поводу ваших младших детишек к нему. После последних двоих мы сменили тактику...

— И позволили Дахоту вмешаться?

— Вообще-то он был не в курсе, что ты в Эфере и вообще что ты снова родилась, пока я его братцу не намекнул. Дахир поднял вой, его заперли, а дальше ты сама в курсе, что произошло.

— Я не помню, чтобы возвращала Радугу и Дегу из прошлого. Не расскажешь, что ты сделал?

— Скажем так, не ты их возвращала, а одно из твоих дитяток. Мощный парень получился. Махарат на него персонального охотника выделила после того как он девчонок вернул. Из солнечного леса ему с братьями и сестрой пришлось драпать. Я даже не знаю, где они сейчас мотаются.

— Надо же... из твоих слов получается, что мои дети... уже взрослые.

— Увы... старшему лет так тридцать, а младшим по четырнадцать.

— Я не помню их. Совсем... хотя я уверена, что ко мне вернулись все воспоминания.

— Не хочу тебя огорчать, но возможно, что не ты их растила. Иро старая сволочь знает пару способов, как повернуть такое.

— Не сходится, — нахмурилась она, подозревая собеседника в очередной лжи. — На машине... там были двойняшки... и там был ты...

Не дождавшись его ответа, Катя воспользовалась даром.

Она тонула. Не желала оборачиваться на бесчисленные варианты собственного прошлого, где итогом была только смерть. Вспоминать больно.

— Он смотрит, как она погибает и ничего не делает, — донесся приглушенный голос Дахира. — Если мы не вмешаемся...

— Дахир, мы ничего не можем сделать, пойми.

— Разве? — дух коснулся браслета. — Когда-то она отдала за нас жизнь.

— Дахир! Нет! — распознал замысел брата Дахот, но было слишком поздно.

С разбегу красный дух погрузился под тёмную воду, куда постепенно погружалась Катя, находящаяся во власти иллюзии. Помогая себе мощными взмахами крыльев, Дахир быстро догнал её и схватил за руку. Но даже его силы не хватило, чтобы вытащить её из ловушки. Она не видела хранителя и продолжала тянуться к смерти.

— Твой брат идиот, ему не вытащить её! — закричал Мак.

Но его никто не слушал, Дахот последовал за братом в тёмную пучину. Догнав Катю, он на глазах преобразился в человека...

— Мама! — позвал Дахот, коснувшись Катиной руки. — Не оставляй нас снова одних!

Катя дернулась и обернулась. Она увидела вместо духов двух маленьких рыжеволосых мальчиков.

— Мама, останься с нами!

— Но... — Катя беспомощно обернулась.

Иллюзия разрушилась, обнажая пылающую равнину и мертвых хранителей.

— Их всех убили, и мы остались одни, — прошептал Дахир ей на ухо, обнимая за шею. — Вернись. Мы не переживем твоей смерти еще раз.

— Наш мир разрушен, мама, — прошептал с другой стороны Дахот. — Возвращаться... некуда.

Увидев мертвого Эфо и его дочерей, Катя безвольно повисла. Она позволила хранителям себя поднять на поверхность и вытащить на берег. Ошарашенные зрители в полной тишине помогли им выбраться.

— Давно я тебя рыжим не видел, брат, — прокомментировал Дахир, откашливаясь.

— Иди в задницу, — огрызнулся Дахот, поднимаясь и исчезая в фиолетовом тумане — Твоя очередь ей все объяснять.

Дахир только улыбнулся и обнял девушку одной рукой.

Катя нетерпеливо сменила картинку на более поздний образ.

Она сидела перед камином в пледе и чашкой горячего чая в руках.

— Я сожалею, — говорил Дахир из тени. — Ты бы не попала в ловушку, если бы знала о нашем мире.

— Всё было таким реальным...

— Тебя ослепили чувства, — Дахир присел перед ней и коснулся руки. — Пускай Дахот ругается и говорит, что ты не она, но... мы счастливы, что ты с нами. Когда всё закончится, я помогу тебе вернуться домой, — он сжал её ладонь. — Ты вернешься туда, где должна быть, где будешь счастлива.

— Где должна буду забыть о вас? — она заглянула в красные глаза Дахира.

— Именно так, — не дрогнул он. — Так будет лучше. Ты никогда не станешь хранителем.

— Но ты хочешь, чтобы я осталась...

— Хочу... но ты никогда не будешь жить с чудовищем, которое выглядит как мой отец. Того Эфо... не вернуть из мертвых.

Катя недоуменно слушала и промотала еще несколько месяцев.

Кто-то протирал лоб холодной тряпкой.

— Что-то долго она не просыпается, — голос Мака, — как бы такое быстрое превращение не убило её.

— А в предыдущих откатах как было? — спрашивал Саша.

— До такого состояние еще ни разу не доходило. Чтобы крылья отрасли, да еще и...

хвост. Не, я такого не помню. Почему никто не сказал о том, что она преемница?! Почему самую важную информацию мне не сообщают?! Что стоите, смотрите две морды хранительские?! Хотите сказать, что не знали?! Ладно Эфо, но ты-то точно знал!

— Она была всегда спящим преемником, из запасной пары, которая могла никогда не проснуться, — отвечал Дахот, — она пробудилась только... когда Иро убили, а Дегу серьезно ранили.

— Замечательно! Если она сдохнет, меня не вините, в следующий раз будете умнее!

Катя пошевелилась, затем открыла глаза, чем заставила бывшего биомага вздрогнуть.

— Жуть какая! Ну, ты и страхотная-то! — он видимо едва удержался, чтобы не накрыть её лицо тряпочкой.

— Катюша? — позвал Пётр Иванович. — Ты нас узнаешь?

Катя не отвечала, присела и посмотрела на свою руку, больше похожую на лапу монстра. С некоторым усилием ей удалось принять человеческий облик. Она повернулась к Дахоту и, несмотря на его слабый протест, схватила его за одежду и подтянула к себе.

— Вредная злобная колбочка! — сказала ему прямо в лицо и ласково провела по волосам. — Такой взрослый и такой вредный.

Дахот бутылку выронил.

— Девка наша, видать, совсем спятила, — прокомментировал ситуацию Денисич. — Ну, что, Мак, откатывай... от такой лесной королевы толку мало.

— Не торопись, — закурил Мак.

Дахот освободился из рук Кати и шатко направился к выходу.

— Дахот!

— Мне надо время...

Катя грустно проводила его взглядом до выхода. Не сдержалась. Надо было промолчать. Эфо тоже не выдержал и покинул комнату так стремительно, словно за ним адовы псы гнались.

Биомаг захохотал так, словно смотрел самую смешную в его жизни комедию.

— Кто-нибудь что-нибудь понял? — осмотрел всех Денисич. — Какого черта происходит? Я с вашими всеми откатами уже запутался к такой-то бабушке! Катюша, сколько можно мужиков-то клеить, остановись ты уже на одном! А то в нашем мире всех помойных котов собрала и здесь занимаешься тем же...

— Дахот — мой сын, — остановила дядин словесный понос Катя.

— Вот это поворот... то-то мне его рожа всегда казалась знакомой...

— Ну, что хороним одну безмозглую идиотку? — задорно спросил Мак. — Осталось Эфо прибить.

— Меня сейчас тебя хочется похоронить, — недобро сказала Катя.

— Это хорошо, такой настрой мне очень нравится.

Мак закурил, пока она пребывала в трансе.

— Не понимаю, — озвучила Катя, едва очнувшись после противоречивых видений. — Я думала, ко мне вернулись все воспоминания. Если только... — она сжала кулак, — это невозможно... ты пришел из отката, который еще не произошёл.

Биомаг молчал и курил, давая ей возможность додуматься самой.

— Хочешь сказать... здесь есть две версии тебя?

— Эм, да. Отвлекающий маневр. Но не беспокойся, меня прошлого заберут, когда

Махарат явится, а я и девочки с вами даже несядем в поезд... мы в другой откат удерем. Таков план.

— Значит... вот какую разновидность хранителей хотел получить Иро. Хранитель, который может путешествовать между откатами. Это слишком невероятно, чтобы быть правдой.

— Время-то всё равно линейно, был откат или не был, он как бы...

— Сохраняется, — мрачно закончила за него Катя.

— По-другому Махарат не победить, уж слишком могущественная стерва. Вот и скачем между откатами, так далеко мы еще ни разу не доходили. А когда Дега проснется... там вообще адище начнется. Никак не могу себя морально подготовить к этому.

— Значит, это не последний откат... и мы не дойдем до Цахиры.

— Так и знал, что расстроишься, — Мак задрал голову и выпустил дым.

— Знаешь, когда читаешь книгу, ты всегда имеешь какой-то маломальский логический конец: герой побеждает либо проигрывает, либо читателю дают возможность додумать концовку самостоятельно, — обняла себя руками Катя — А я постоянно возвращаюсь в начало. Без памяти, без способностей. Я уже забыла сколько раз шла навстречу свету в конце тоннеля. И думаю, когда же смерти надоест, что я играю с ней в прятки.

— Ну, скоро ты помнить будешь. Если тебя это утешит.

— Еще кому-нибудь ты сказал?

— Нет, они не знают, что их ждет. Ну, не могу я сказать: «Знаете, ребята, в этом откате вы все сдохните, потому что я заминировал поезд, так что смиритесь». Ты и то с трудом это принимаешь, хотя сама видишь, к чему всё ведет.

— Хочу увидеть своих младших детей, — она положила ему руку на плечо, чтобы вызвать еще один образ.

Мак их знал и расспрашивал как давних знакомых, визнавая об обстановке в городе.

Катя долго смотрела на четверых незнакомых ей хранителей. Особенно уделяя пристальное внимание их лицам. Двое похожи как братья: разлет бровей, форма губ и носа, разрез глаз. Один был выше на полголовы и костлявее по телосложению, волосы длинные с косичками и перьями. Второй грузнее с короткими волосами и свисающей с виска косичкой.

Еще двое явно парочка: их выдавали глаза. Да и парень внешне отличался от тех двоих, а вот белая девушка...

Закончив осмотр, Катя перевела взгляд на Дахота. Он заметил её внимание, вопросительно поднял бровь и пригубил воды из фляжки.

Следующим разглядыванию подвергся Эфо. Он слегка улыбался, пока смотрел на незнакомцев. И Кате показалось, что в выражении его лица и взгляде проскальзывала... гордость?

— У меня вообще есть дети, которые не являются клонами своего отца? — громко спросила она.

Замолчали все, а спустя мгновение Мак заржал.

— Ты говорил, что она не помнит, — шепнула девушка, обращаясь к брату.

— Она не помнит, — сквозь зубы отвечал высокий.

— Вам пора, — отсмеялся биомаг, — не травмируйте девчонку, а то у неё сплошные стрессы в этом откате.

Трое послушно ушли, а самый высокий задержался, чтобы стянуть с пальца кольцо.

Оказалось, что расцветка у него была другая: тёмно-огненная. Парень ободряюще улыбнулся Кате и вернул украшение на палец.

— Сергей! — позвали его.

Он попрощался и отбежал к ушедшим вперед родственникам.

— Я не ослышался?! Его Сергеем звать? — встрепенулся Денисыч. — Это еще одного нашего лесные сцапали?

— Он лесным родился, — опроверг Мак, закуривая. — Просто у них традиция такая: ребёнка называет мать.

— Почему они не пошли с нами? — грустно провожала юных хранителей взглядом Катя.

— Потому что у них другое задание. Там они нужнее.

Катя похлопала себя по щекам и с решительностью сказала:

— Отдай мне детонатор. Я сама это сделаю.

— Я так и думал, что ты так скажешь...

Вечером они сели в поезд, но Мак, Марис и девочки практически сразу вышли из вагона. В маленькой купе, Катя легла на кровать и обняла подушку. Самое трудное всегда во всех откатах, было решиться.

Шаги она слышала сразу, как и присутствие Эфо. Он ничего не сказал лишь лёг позади и положил ей руку на талию.

Катя не повернулась, однако и руку его с талии не убрала.

— Ты же понимаешь, что я собираюсь сделать.

— Да, хотя и не хочется снова терять воспоминания.

— Забавно, в детстве мечтала об отношениях как у Эрика и Ариэль, а получила... как у Джокера и Харли Квин.

Она ощутила, как Эфо улыбнулся, и впервые за время их совместного путешествия почувствовала его эмоции. Радоваться, правда некогда, Катя извлекла на свет детонатор. Сколько раз она так делала уже и не сосчитать. Из-за влияния дара Мака, они синхронизированы с теперешней версией Махарат и откаты из будущего на её личность никак не влияли.

— Ведьма откатиться практически в критическую точку... — вздохнула Катя. — Заставим старушку паниковать.

— Ты уверена, что она здесь?

— В соседнем купе, готовится споры распылить, — отвечала Катя, все-таки повернувшись к Эфо и погладив его по лицу. — Хоть она и хранитель, но все-таки обычная смертная. Она вынуждена, как и мы действовать скрытно, но к счастью для нас: сама Махарат не видит будущего.

Эфо поцеловал её ладонь.

— Так много хочется сказать, и так мало времени... — вздохнула Катя.

— До следующего отката, дорогая.

— До следующего отката... — улыбнулась она ему в ответ и нажала кнопку...

Ночную тишину разорвал испуганный женский крик:

— Разбойники!

После крика в дверь постучались. Пётр Иванович отложил книгу и удивленно подошёл к двери, прислушиваясь к звукам извне. Вряд ли бы разбойники стали стучаться. Уж не показалось ли. Но нет, стук повторился.

— Дедушка, открой, пожалуйста, — донесся женский голос.

Пётр Иванович сам не знал, что его больше удивило: её спокойствие или же что говорила она на русском языке.

И пока на улице творился беспредел, стоящая на пороге рыжая девушка сохраняла хладнокровие. Она прошла мимо удивленного Петра Ивановича, извлекла из буфета сбитень, неведомо откуда зная, что он там. Довольно уверенным жестом незнакомка открыла бутылку и разлила по чашкам.

— Извини, что без разрешения, мне только что Махарат голову оттяпала. Еще фантомная боль не прошла.

Пётр Иванович едва мимо стула не приземлился. Незнакомка сидела, пила и массировала виски. Затем ничего не сказав, она коснулась его висков. Воспоминания мягко вернулись на место. Со стороны Петра Ивановича не последовало ни истерик, ни криков, просто вернулась прежняя личность.

— Всё-таки мне больше нравится, когда память возвращаешь ты, а не Эфо, — сказал прадедушка, сложив руки на столе в замок.

— Что поделаешь, Эфо работает грубо, — отпила из кружки Катя. — Это не его дар, вот и получается, что он как кувалдой по башке бьет.

— Он... — Пётр Иванович вопросительно указал на дверь.

— Вряд ли. Снова всё сначала, но в этот раз будет сложнее. Дахот... не попал под откат. Значит, весь этот период будет без его участия. И я когда была на улице, мне показалось, что еще один барьер установили. Походу Махарат надоело играть с самоубийцами, и она решила нас просто запереть здесь... без защиты меняющего реальность будет проблематично выбраться и встретиться с остальными.

Их разговор прервала автоматная очередь и матерная тирада на русском.

— Я одна это слышала? — Катя забыла, что у неё виски болели.

— Нет... похоже на... — насторожился Пётр Иванович.

Дверь выбили. В помещение ворвался бородатый Саша с нарисованными, как у Рэмбо линиями на лице и в пятнистой одежде камуфляже.

— Успели! — радостно закричал он с порога. — Мы этой черноглазой твари по ж...пето надавали! Мать ему ускорения придала гранатой!

— Бля-я-я... вы его хоть не убили? — простионала Катя.

Саша опешил от её заявления.

— В смысле? — обиделся здоровяк. — Мы тебя спасать пришли!

— Я тебя, конечно, рада видеть, но планы несколько поменялись...

Больше книг на сайте - Knigoed.net